Н. А. Ковалевский

Методология плана реконструкции[1]

I

Работы по построению генерального плана развития народного хозяйства СССР ведутся уже третий год. По ряду экономических районов Союза мы имеем уже обстоятельные и детализированные проработки. В таком положении находится дело, в первую очередь, по районам РСФСР. (Так, например, Урал уже летом 1927 г. издал свой пятнадцатилетний план развертывания хозяйства края, составивший об'емистый том в 840 страниц. Работы других районов частью изданы, частью находятся в рукописях.) Параллельно с этим ведутся работы в Госплане Союза, что дало возможность Комиссии генплана выступить на Совещании с делегатами III с'езда госпланов в марте текущего года с пятнадцатилетним планом развития Средней Азии как типовой работой. Параллельно с этим Комиссией генплана велись работы по отдельным отраслям народного хозяйства СССР, в результате которых мы имеем томы неизданных еще материалов, детально прорабатывающих пятнадцатилетние перспективы электрификации страны, развития транспорта, топливного хозяйства, текстильной промышленности, металлопромышленности и т. д., и т. п.

В результате этих работ перед Комиссией генплана уже минувшим летом во всей их остроте встали вопросы увязки плана, сведения его в единое экономическое целое. Это заставило нас критически оглянуться на весь пройденный путь, продумать и проверить заново все наши методологические и целевые установки, продумать самую методику работ и уделить особое внимание вопросам сводки, в целях обеспечения успешного завершения всей работы.

---

[1] Настоящая статья представляет собою литературную переработку шести серий тезисов, защищавшихся автором в ряде докладов в Комиссии генерального плана. Тезисы эти вызвали ряд контр-тезисов и критических замечаний со стороны коллектива, работающего над построением генерального плана. После детального обсуждения и проработки их в подкомиссиях, с поправками и дополнениями, они последовательно принимались Комиссией генерального плана с декабря 1927 г. по март 1928 г. В марте с. г. они после доклада автора и развернутых прений одобрены совещанием Комиссии генплана с делегатами III с'езда плановых органов Союза.

Таким образом, в этой работе учтен опыт и критические замечания значительного коллектива плановых работников.

Местами работа носит тезисообразный характер. Мы сознательно оставили его в этой работе, учитывая, что даже небольшое развертывание высказанных здесь тезисообразно мыслей вывело бы нас далеко за рамки журнальной статьи.

Если верить древнему утверждению, что сова Минервы вылетает только ночью, то время для построения методологии генерального плана как-будто еще не наступило. Маркс говаривал: „вначале было дело“.[1] Однако, оба эти положения, в разных выражениях утверждающие по существу одну и ту же мысль, что всякая теория лишь систематизирует факты действительности, — отнюдь не обезоруживают нас в наших намерениях. Наоборот, они лишь укрепляют нас в мысли о своевременности этой попытки, так как, с одной стороны, мы имеем уже ряд лет работы над генеральным планом (так что вначале все-таки действительно было дело), а с другой — мы имеем уже не только опыт построения первого генерального плана, но и опыт осуществления его. Мы имеем в виду „план электрификации РСФСР“ (план ГОЭЛРО), разработанный в 1920 году, план, который сыграл огромную организующую роль и десятилетняя программа которого приближается уже к своему завершению. Не нужно, кроме того, забывать, что три варианта пятилетнего перспективного народнохозяйственного плана, разработанные Госпланом, ряд перспективных пятилеток республик и районов, ряд отраслевых пятилеток ведомств и три года годичных контрольных цифр народного хозяйства, — все это такие работы, которые, являясь родственными работам по генеральному плану, чрезвычайно обогащают наш опыт и представляют целый ряд опорных точек для наших суждений. Это, во-первых.

А во-вторых, мы подошли уже к такой стадии работ, когда теоретически осмыслить все содеянное до сих пор является абсолютной необходимостью в целях успешного завершения того исключительного по своей трудности предприятия, которое принято называть генеральным планом народного хозяйства СССР.

Без такого осмысления, идя дальше, мы в наших работах по генеральному плану рискуем превратиться в отряд слепых, двигающихся ощупью и беспорядочно, в то время когда налицо возможности стройно-организованного действия, строго продуманного в своих деталях, покоящегося в своих расчетах на многолетнем опыте и направленного к единой, осознанной и понятой всем сложным коллективом работников генплана цели.

Вот почему мы думаем, что партизанские действия в построении генплана, понятные и закономерные в прошлом, уже позади и мы подходим к развернутому фронту работ.

II. Чем должен быть генеральный план

Чем должен быть генеральный план? Он должен представлять собой нашу экономическую программу, программу реконструкции всего народного хозяйства СССР на энергетической базе с оптимальным использованием достижений мировой техники и применением принципа общественного разделения труда между экономическими районами. Это должен быть экономический план нашего движения к социализму.

[1] Гете, „Фауст“.

План этот должен: 1) поставить основные вехи, определяющие направления и типы развития техники по отраслям народного хозяйства, 2) обрисовать основные контуры развития районов, 3) определить основные типы и формы социально-экономического развития как отраслей, так и народнохозяйственного целого, диференцируя их по районам, 4) план должен дать компановку модели народнохозяйственного целого на определенном этапе развития, когда с точки зрения наших современных социально-экономических и технических представлений реконструированная техника и обобществленные формы будут настолько преобладающими, что позволят уже говорить о новом типе общества, о существенном приближении к поставленной перед нами конкретной цели и, наконец, 5) это должен быть конкретный план движения к этой цели, без чего он мог бы оказаться нереальным, оторванным от действительности. План должен показать, как, какими путями, с применением каких организационных методов, с каким использованием материальных и энергетических ресурсов мы сможем в кратчайший срок и наиболее экономно этой цели достигнуть.

И все же, несмотря на необходимость конкретизации плана, мы должны избежать в нем мелочной регламентации и увлечения второстепенными деталями. Мелочные детали и расчеты в таком плане были бы не только не полезны, но вредны. Они привели бы нас к загромождению и бюрократизации плана. В соответствии со своей основной задачей — быть экономической программой — план должен лишь верно наметить основные контуры народного хозяйства и его отраслей, в первую очередь охватывая его командные высоты, и определить основные методы и формы осуществления этих предположений, предоставив разработку деталей конкретным оперативным планам, охватывающим более короткие отрезки времени по мере их приближения.

Статистические подсчеты должны играть в этом плане сугубо служебную, подчиненную запросам политики, экономики и техники роль. Обратный порядок вещей — построение генерального плана на основе статистических экстраполяций и т. п. — лишь привел бы нас к статистическому плену, нагромоздив бесконечные ряды цифр, которые затем висели бы на нас тяжким грузом, затрудняя действительно творческую работу плановой мысли социального реконструктора.

Проектируемый генеральный план развертывания народного хозяйства СССР должен представлять собою вариант мирного развития. Разумеется, если бы за охватываемый им период раз-

разилась катастрофа мировой войны или произошли бы решительные революционные сдвиги в одной или нескольких странах мирового капитализма, — это повело бы к решительным изменениям последующей динамики народного хозяйства Союза. И все же, несмотря на возможности мировых катаклизмов, мы строим генеральную программу нашего мирного строительства, полагая, что в этом качестве она не теряет ориентирующего значения ни при каких обстоятельствах. Программа эта ставит своей целью всестороннее социально и технико-экономическое развертывание хозяйства СССР с оптимальным использованием его производительных сил и природных ресурсов. При этом она должна быть построена с таким расчетом, чтобы сочетать выгоды использования мирового разделения труда с необходимостью обеспечения экономической самостоятельности, жизнеспособности и обороноспособности первого в мире рабочего государства.

III. Общие вопросы методологии генплана [1]

Основной задачей, стоящей перед конструктором генерального плана, является отыскание оптимальных возможностей развертывания народного хозяйства.

В соответствии с этим, если бы от нас потребовали самую общую формулировку основного методологического подхода к построению генерального плана, ответ мог бы быть таков: мы ищем оптимальных путей и форм развертывания народного хозяйства методом встречных последовательных приближений.

Отыскание оптимума есть наша цель. Но в то же время это есть и методологический прием. Можно было бы, например, просто запроектировать развитие данной отрасли промышленности, скажем, металла, так как оно представляется рациональным тому или иному специалисту или целому об'единению металлопромышленности. Такое развитие было бы возможно и дало бы положительные результаты, если оно запроектировано толково. Но было ли бы это развитие оптимальным для народного хозяйства? Не возможны ли были в этой отрасли сдвиги, гораздо более решительные и гораздо более плодотворные с народнохозяйственной точки зрения? На этот

[1] В целях экономии места и времени мы обходим здесь молчанием такие вопросы, как, напр., вопрос о „генетике“ и телеологии. Октябрьской революцией этот спор давно уже практически разрешен. С тех пор пролетариат научился познавать законы причинности и считаться с ними, для того чтобы использовывать их в своих целях, в целях построения социализма.

Споры о „примате генетической точки зрения или телеологической“ представляются нам поэтому в лучшем случае „академическими“ спорами, не имеющими, однако, и академического интереса, так как они в принципе давно уже разрешены еще основоположниками научного социализма. В наше время они имеют лишь одно вполне законное место: школьные семинарии.

вопрос можно ответить только в результате всестороннего исследования.

Исходя из этих соображений, мы и ставим сразу же во главу угла работ по генеральному плану — отыскание оптимальных линий и форм развития путем тщательнейших исследований в этом отношении.

Но перед нами замкнутый круг хозяйственных явлений. Всякое предприятие, каждая отрасль хозяйства тысячами нитей и путей связаны со всеми остальными. Нельзя запроектировать изменения в какой-либо отрасли, не вызывая тем самым изменений во всех остальных. И с другой стороны, нельзя отыскать оптимальную линию развития данной отрасли, не представляя себе, хотя бы в самых общих чертах, грядущих судеб других отраслей. Это заставляет нас стать на путь встречных приближений. Мы начинаем изыскания оптимума одновременно по всем разделам работы, имея в своем сознании некоторые синтетически априорные суждения о путях развития народнохозяйственного целого и его отраслей, основанные на всем предшествовавшем опыте работы хозяйствующего коллектива. Их мы на первых ступенях работы применяем в качестве критериев для определения оптимальности развития проектируемых отраслей, сопоставляя с этими суждениями те возможности, которые представляет в наше распоряжение окружающая среда.

Эти работы по выявлению оптимумов распадаются на три больших раздела:

1) Выявление оптимальных путей развития отраслей народного хозяйства СССР.

2) Выявление оптимальных линий развития районов Союза, как связных экономических комплексов, идущих своими специфическими путями развития и играющих свои специфические роли в общественном разделении труда в Союзе Советских Социалистических Республик.

3) Выявление оптимальных путей и форм развития народнохозяйственного целого.

Все эти работы должны вестись не только в технико- и организационно-производственном аспекте (технические типы и формы производственной организации, организация вещей и технических процессов), но и в социально-экономическом аспекте (социально-экономические типы и формы производства, организация людей и их отношений), с четкой формулировкой тех целей, достижением которых мы задаемся в плане реконструкции. Без конкретного и отчетливого продумывания зависимостей и путей развития каждой отрасли во всех этих отношениях, удовлетворительное построение плана невозможно.

Возьмем для иллюстрации этой мысли с.-х. машиностроение. Можем ли мы правильно запроектировать количество необходимых тракторов, плугов и прочих с.-х. машин и орудий, не ответив себе

на вопрос о технических типах развития сельского хозяйства? В каких размерах и каких районах мы оставляем (и оставляем ли) ручную обработку земли, в каких размерах и районах сохраняем рабочий скот в качестве основной тяговой силы, в каких вводим тракторное хозяйство и, наконец, какие электрифицируем? Каковы будут при этом методы обработки земли: будет ли это переложная система, трехпольная или двенадцати-шестнадцатипольная? В зависимости от того или иного разрешения этих вопросов и количество необходимых в народном хозяйстве тракторов и тракторных плугов, конных плугов, лопат, мотыг будет совершенно различно.

Однако, одного агротехнического аспекта для разрешения вопроса о количестве и ассортименте с.-х. орудий и машии все же еще недостаточно. Необходимо взвесить потребность в с.-х. машинах и орудиях и с точки зрения социально-экономических форм развития сельского хозяйства. Будем ли мы иметь через 12—15 лет 35 миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств, как думают некоторые, или задержав парцелирование их, сохраним имеющиеся сейчас 25 миллионов дворов, оставляя их индивидуальными хозяйствами, или же поведем крестьянство по пути обобществления и как поведем его, какое количество земли будет у нас обрабатываться в совхозах, какое в артелях, какое будет об'единено по типу украинских „громад“ (Сычевка),— или иными путями? В зависимости от того или иного разрешения вопроса о социально-экономических формах развития внутри, скажем, того же „тракторного сектора“ (если говорить о техническом типе хозяйства), количество тракторов может быть потребно совершенно различное. Известно, например, что при переходе к общественной обработке земли в больших масштабах количество тракторов, необходимых для с.-х. работ, сокращается почти вдвое по сравнению с количеством, необходимым для индивидуальных хозяйств. Технический тип тот же самый, но изменившиеся социально-экономические формы вызывают и резкое изменение количества необходимых машин. (Мы не говорим здесь о связанных с этим изменениях размеров капитальных затрат, затрат труда и изменениях производственного эффекта лишь потому, что в нашем примере мы ограничиваемся с.-х. машиностроением.)

И лишь проработав вопрос о с.-х. машиностроении со всех этих точек зрения — технической, организационно-производственной и социально-экономической,— мы можем питать надежду избежать явных несуразностей и нелепостей в наших проектировках. То же самое будет иметь место и по отношению к каждому разделу, каждой отрасли, каждому району.

Поэтому вопрос о технико- и организационно-производственных типах и о социально-экономических формах развития должен прорабатываться не в одном каком-либо разделе работ, но во всех разделах: отраслевом, порайонном и всесоюзном.

По отношению к этому основному методу — отыскания тех конкретных целей, достижение которых мы ставим своей задачей в плане реконструкции,— все остальные методологические приемы при всей их важности все же являются подчиненными.

Если мы обратимся к методологии составления плана ГОЭЛРО, то мы должны будем констатировать, что он был построен именно этими методами и что в приведенных положениях мы post festum, спустя 7 лет после его разработки, формулируем основные методологические принципы построения этого плана.

В самом деле, сможет ли кто-либо отрицать, что план ГОЭЛРО был проработан в трех намечаемых нами разрезах: отраслевом, порайонном и по Союзу в целом? Степень проработки этих разрезов различна,— но она налицо. Особой детальностью проработки отличается районный разрез. И это вполне понятно, если вспомнить, что идеи экономического районирования СССР зародились именно в „Государственной комиссии по электрификации России“, т.-е. в тогдашней Комиссии по генеральному плану, и были развиты ее виднейшими работниками. Как известно, именно в плане ГОЭЛРО впервые и притом с исключительной яркостью и выпуклостью был поставлен вопрос об экономических районах Союза, как хозяйственных комплексах. Вместе с идеей электрификации идея экономического районирования является основой, ведущей и организующей идеей плана. Понятно, поэтому, законна и плодотворна такая подчеркнутость районной проработки.

Далее, был ли поставлен планом ГОЭЛРО вопрос об оптимальных технических типах развития хозяйства в целом и по отраслям? Да, безусловно, был. План этот поставил своей целью техническую реконструкцию народного хозяйства на основе применения последних достижений современной техники — на основе электрификации. Именно в этом аспекте он и подошел критически ко всем основным отраслям хозяйства и народнохозяйственному целому.

Наконец, был ли разрешен в плане ГОЭЛРО вопрос о социально-экономических формах развития народного хозяйства в целом и по отраслям и были ли эти формы вместе с техническими оптимумами осознаны, как цель к достижению и закреплению которой направлено было все построение генерального плана? Безусловно, да. Если рассматривать вопрос о формах по отраслям, то в области промышленности мыслился социалистический тип обобществленного крупного производства; транспорт, за исключением крестьянского обоза, проектировался весь обобществленным: ни одного частного авто, парохода или, хотя бы, небольшой железнодорожной линии; развитие транспорта целиком мыслилось в социалистических формах; в отношении сельского хозяйства мыслилось движение в сторону обобществления его на базе электрификации; распоряжение трудовыми ресурсами проектировалось организованное, социалистическое,

на основе обобществленных средств производства; распределение предполагалось в безденежных организованных формах, на основе социалистического учета производственных и потребительских нужд страны.

Таким образом, все три необходимых разреза проработки — отраслевый, порайонный и по Союзу в целом — в плане ГОЭЛРО налицо. При чем налицо проработка их не только в технико- и организационно-производственном аспекте, но и в аспекте социально-экономическом. И лишь ответив себе на вопрос не только о целях, которые должны быть достигнуты, но и об оптимальных путях движения по всем этим линиям к поставленным целям, Государственная комиссия по электрификации могла считать свою задачу выполненной. Этот испытанный путь мы должны признать безусловно правильным и единственно возможным с точки зрения рационального построения плана генеральной реконструкции народного хозяйства.

При чем не трудно заметить, что по этому пути и ГОЭЛРО шла методом встречных приближений.

В итоге такой проработки составители плана ГОЭЛРО четко видели перед собой те совершенно конкретные, а не абстрактно-статистические цели, к достижению которых они стремились в плане.

* * *

Выявление оптимальных линий развития по отраслям, районам и народнохозяйственному целому невозможно без познания сущего и динамики прошлого. Поэтому необходимой предпосылкой успешного построения плана является всесторонний учет живых и „мертвых" материальных и энергетических производительных сил и ресурсов страны и ее связей с внешним миром и освоение народнохозяйственного опыта прошлого как хозяйства нашего Союза, так и мирового.

Эта работа изучения и исследования логически должна предшествовать исканиям оптимумов, а практически выявление оптимумов должно вырастать из нее, опираясь на нее и на проектировки развертывания.

Таким образом, констатационная и аналитическая часть плана, предшествуя конструктивной части, является в то же время и абсолютно необходимым методологическим приемом, без которого никакой план не может быть реально-осуществимым из-за своей оторванности от действительности. Такой план можно было бы назвать невежественным, бюрократическим, утопическим, фантастическим,— каким угодно, только не подлинно генеральным планом реконструкции народного хозяйства великой страны.

Именно эти соображения и заставляют нас признать абсолютно необходимым приемом построения плана метод критического сопоставления проектируемых мероприятий и путей развития:

1) со статикой нашего народного хозяйства и динамикой его прошлого,

2) со статикой и динамикой мирового хозяйства в целом и отдельных его стран в период прохождения ими технико-производственных этапов, намечаемых в генплане.

Вместе с тем мы не можем закрывать глаза на то, что параллельно и конкурируя с нами будет итти развитие стран мирового капитализма. Мы, разумеется, ни на иоту не сомневаемся в грядущем торжестве мировой революции. Однако, одним из ее мощных факторов и очагов является СССР и его успехи в конкурентной борьбе со своими капиталистическими противниками. В этой борьбе наши пути не устланы коврами и не усыпаны розами. Мы уподобились бы страусу, прячущему голову в песок при виде приближающегося врага, если бы закрывали глаза на то, что параллельно и рядом с нашим ростом и нашей реконструкцией будет до наступления мировых потрясений происходить рост и техническая реконструкция в странах мирового капитализма, реконструкция европейская и американская.

Мы знаем, какие невиданные преимущества в этой конкурентной борьбе дают нам возможности организованного, планового хозяйства, наличие обобществленной промышленности, транспорта, национализированных земельных фондов, обобществленной или подчиненной влиянию государства внешней и внутренней торговли, отсутствие в стране паразитического класса капиталистов и пережитков феодальных наслоений и, наконец, наличие свободной творческой инициативы трудящихся. Это позволяет нам бодро и смело смотреть в лицо врагу.

Но в то же время нашей обязанностью и необходимейшим условием победы является: предусмотреть, предвидеть грядущие пути развития и достижения мирового капитализма даже на случай длительной затяжки мировой революции.

Это заставляет нас признать для себя обязательным в генеральном плане метод критического сопоставления наших достижений к конечному периоду генплана с ориентировочными линиями развития и предполагаемыми достижениями стран мирового капитализма за тот же период.

Что касается применения метода простых статистических экстраполяций в проектировках путей развития народного хозяйства СССР, то он должен быть отвергнут в методологии генплана со всей решительностью.

Еще летом 1926 года в своей методологической записке Комиссия генплана писала: „Метод простой экстраполяции на долгие годы вперед довоенных данных, данных относящихся к старому укладу жизни и устарелой, отжившей свое время технике производственных процессов,— представляется для Комиссии генерального плана глубоко ошибочным, и работая над планом реконструкции народного

хозяйства. Комиссия считает необходимым итти путем учета энергетических ресурсов страны, ее естественных богатств и тех возможностей, которые открываются при детальной проработке плана реконструкции промышленности и сельского хозяйства на энергетической базе".

Однако, такая оценка метода экстраполяций, разумеется, не освобождает нас при построении генплана от обязанности использовать весь народнохозяйственный опыт прошлого. Поэтому мы отвергаемому методу простой экстраполяции и противопоставляем метод критического сопоставления наших проектировок с динамикой народного хозяйства нашей страны и с динамикой других стран и мирового хозяйства в целом на прошлых этапах их развития с учетом происшедших у нас в результате революции качественных изменений и проистекающих отсюда последствий.

Метод экспертных оценок должен применяться в генеральном плане преимущественно для оценки новейших достижений техники производства и его организации для выяснения условий и выгод применения этих достижений в обстановке нашей страны и нашего строя.

Наконец, в числе генеральных методов должны быть отмечены:

1) метод перекрестного исчисления необходимых масштабов продукции по закону „цепной связи" производств и отраслей хозяйства между собой;

2) балансовый метод.

О них мы еще упомянем ниже.

IV. Специальные вопросы общей методологии генплана

Далее мы остановимся на некоторых специальных вопросах общей методологии генплана.

1. Основной производительной силой народного хозяйства является человек, т.-е. народонаселение страны, взятое в рабочем возрасте. Поэтому вполне естественно, что учет производительных сил Союза мы должны начинать с народонаселения.

Однако, прирост населения есть функция народного благосостояния, меняющегося в генеральном плане; поэтому брать этот прирост стабильным за период генплана представляется нерациональным. Вместе с тем, и самый рост благосостояния населения в период генплана для нас есть величина искомая. Вследствие этого при проектировке роста народонаселения мы сразу же встречаемся с типичным для перспективного планирования затруднением, обусловленным перекрестной зависимостью экономических явлений.

В целях выхода из этого затруднения, мы вынуждены прибегнуть к приему, с которым мы затем еще встретимся не однажды. Мы принимаем рабочую гипотезу динамики роста населения, опираясь на которую и развертываем все построение. И лишь по завершении первого круга работ по генеральному плану мы сможем вернуться

к вопросу о динамике роста народонаселения в целях уточнения запроектированной кривой.

2. В целях определения примерных масштабов продукции и связанных с этим технических типов производства мы можем также в качестве рабочей гипотезы для первых этапов работы принять какой-то коэфициент изменения народного дохода за период, охватываемый генпланом.

Мы строим генеральный план, т.-е. план реконструкции народного хозяйства с точки зрения наших современных представлений, т.-е. план ликвидации технической отсталости[1] и в то же время план социального преобразования на базе новейшей техники — это наша цель.

При такой постановке вопроса абсолютно ясен вспомогательный и сугубо условный характер принимаемого коэфициента изменения народного дохода. В экономических рамках, определяемых им, мы развертываем проектировки отраслей, стремясь к осуществлению выявляемых оптимумов.

Нет, однако, никаких сомнений в том, что развертывание проектировок приведет к результатам, которые изменят запроектированный первоначально душевой народный доход и заставят уточнять его первоначальную проектировку.

3. В генеральном плане мы должны предостеречь себя от календарного фетишизма. Это есть план генеральной реконструкции народного хозяйства, т.-е. такой реконструкции его, которая, обеспечивая преобладание социалистических элементов, позволила бы уже нам говорить о новом типе общества, о существенном приближении к поставленной перед нами конкретной цели.

Если мы ставим задачу таким образом (а она только так и должна быть поставлена), то вопрос о сроках, которые будет охватывать генеральный план, должен разрешиться лишь в результате технических и экономических проектировок достижения поставленной цели.

A priori нельзя сказать, необходим ли для осуществления этой задачи 15 или 20—25, или 10-летний срок. Поэтому если бы

---

[1] Новейшие достижения техники, увеличивая производительность труда, а вместе с ней и размеры душевого потребления производимого товара в странах мирового капитализма, вместе с тем будут доступны и нам. Надо полагать, они будут своевременно учитываться и вводиться в генплан, вызывая также и у нас соответствующее повышение производительности труда, народного дохода и норм душевого потребления.

Тем самым генеральный план за охватываемый им теперь период будет планом ликвидации технической отсталости не только по отношению к теперешней мировой технике, но и по отношению к технике будущего, современной для последних лет, охватываемых в настоящее время планом. Это, однако, будет так лишь при одном условии: если в своем строительстве мы будем итти в ногу с новейшей мировой техникой, стремясь даже опережать ее. В противном случае отсталость вообще никогда не будет ликвидирована.

мы заранее ограничили себя, скажем, 10 или 15 годами, то генерального плана могло бы и не получиться, а получился бы 10- или 15-летний перспективный план, не приводящий, однако, еще нас к необходимой с точки зрения современных нам технических и экономических представлений реконструкции.

Однако, методологическая трудность разрешения задачи заключается здесь в том противоречии, которое заложено в самих условиях работы: генеральный план развития народного хозяйства нельзя строить вне времени, если мы, разумеется, хотим строить реальный план. И прежде всего хотя бы потому, что основная производительная сила страны — человек — не остается во времени неизменной. Она увеличивается количественно и меняется качественно. Если на 1 января 1927 г. мы имеем 146,4 млн. чел. населения, то к 1936 г. его ожидается уже 174,5 млн. душ, к 1941 г. — 190,4 млн. душ, а к 1947 г. количество населения перевалит за 200 млн. Этому соответствует и количественное изменение взрослой рабочей силы страны. Но одновременно с этим меняется и ее качество — ее квалификация всех видов и родов.

Уже один только этот фактор — рабочая сила — сделал бы совершенно нереальными наши построения, если бы мы не сообразовали их с происходящими во времени изменениями. Далее, для того чтобы построить „модель" народного хозяйства или (что то же) сверстать его основные контуры, как они сложатся к концу периода, охватываемого генпланом,— необходим какой-то мгновенный технико- и социально-экономический „фотоснимок" его основных очертаний, т.-е. какой то единовременный разрез к тому моменту, когда намечаемая реконструкция будет осуществлена и ее итоги станут экономически ощутимы.

Таким образом, мы стоим перед противоречивым методологическим требованием: с одной стороны, мы должны дать мгновенный разрез ко времени окончания планируемого периода и не можем осуществить проекцию вне времени, с другой — мы не можем разрешить вопрос о времени, необходимом для намечаемой реконструкции, не закончив в основных чертах самую проекцию и не проработав с достаточной конкретностью ее технической и экономической стороны.

Это заставляет нас и здесь принять рабочую гипотезу — о сроке, необходимом для осуществления намечаемой реконструкции.

Всего правильнее было бы подойти к разрешению этого вопроса (гипотезы о сроке) путем предварительной проработки ориентировочных планов развития отраслей хозяйства Союза и предварительной, ориентировочной наметки развертывания хозяйственных районов.

Такая работа Комиссией генплана по большинству отраслей и районов вчерне уже проделана на срок в 15 лет. Опираясь на

4) удобрения;
5) орудия и машины (выделить импортные и свои);
6) строительство производственного назначения;
7) жилищное строительство.

С разделением всех этих вложений: 1) на вложения старого типа и реконструированного типа: а) компромиссного и б) новейшего и 2) с разделением по социально-экономическим типам.

14. Агрономическое и ветеринарное обслуживание с.-х. производства.

15. Финансовое состояние и финансирование.

16. Сводный баланс сельского хозяйства.

Часть II. Проектировка развертывания.

То же, что и в программе отраслевых проектировок (см. стр. 23—24) с той лишь разницей, что пункт 3 должен говорить не о пятнадцати, а о шестнадцати параграфах, составляющих первую часть с.-х. программы. Примечание к типовой программе отраслей, говорящее о конкретной порайонной проработке каждого параграфа программы, сохраняет, разумеется, и здесь свое значение.

Б. Отрасли сельского хозяйства, которые должны быть проработаны особо.

1. Зерновые культуры.
2. Технические культуры.
3. Луговодство и травосеяние.
4. Животноводство.
5. Приусадебное хозяйство и высокоинтенсивные культуры (огородничество, садоводство, виноградарство, шелководство, птицеводство и проч.).
6. Лесное хозяйство.
7. Рыбное и пушное хозяйство.
8. Промышленность по переработке продуктов сельского хозяйства.

Каждая из этих отраслей сельского хозяйства должна быть проработана применительно к типовой программе для отраслей с учетом своих специфических особенностей.

VI. Районный разрез

Параллельно и в постояннном контакте с отраслевыми группами, работающими по СССР в целом, ведется работа по экономическим районам. Цель ее — определение оптимальных типов и путей развития каждого района, как экономического целого, с точки зрения общественного разделения труда в СССР.

Программа работ по генеральному плану в районном разрезе, разработанная Г. М. Кржижановским еще в конце 1925 г. и детализи-

рованная затем Комиссией генплана весною 1926 года, в основном остается неоспоренной и нуждается лишь в дальнейшей детализации и пополнении преимущественно проблемами социально-экономического порядка.

В виду того, что в ее теперешнем виде эта программа не была опубликована, мы помещаем ее полностью.

Программа для составления планов реконструкции районов

Глава I. Трудовые ресурсы района.

Население района и анализ этого населения. Карта плотности населения. Распределение населения по возрастным группам и выделение группы трудоспособных. Распределение трудоспособных по профессиональной работе и по принадлежности к городскому и сельскому населению. Диференциация сельского населения по экономическому признаку и рабочие группы в промышленности со включением сюда мелкой кустарной промышленности и отхожих промыслов. Динамика отдельных групп населения. Выяснение неиспользованных трудовых ресурсов населения с общей характеристикой возможности утилизации его труда.

Глава II. Природные ресурсы районов.

Географическое положение районов. Орография. Гидрография. Климатические и почвенные данные. Ископаемые. Леса. Источники энергии. Итоги обследованности района. План целевых обследований и изысканий в соответствии со специализацией отдельных районов и обработка результатов. Выявление степени использования природных ресурсов района.

Глава III. Общая характеристика производственного положения района.

Оценка общей производственной ситуации района (энергетика, сельское хозяйство, промышленность, транспорт). Транспортные связи районов. Анализ ввоза и вывоза. Экономическая характеристика главнейших населенных центров района. Специфические особенности района. Роль и задачи района во всесоюзном разделении труда.

Использование специальных навыков населения. Выявление выгод от специализации района и его частей.

Глава IV. Общий очерк возможных форм использования природных энергетических ресурсов при реконструкции народного хозяйства.

Главные центры приложения энергетических ресурсов и формы использования природных богатств района. Общий производственный эффект. Внутри-и межрайонные комбинаты.

Глава V. Перспективы электрификации района.

Характеристика существующего теплосилового хозяйства. Центры нынешних и будущих скоплений потребителей электрической энергии. Картограммы. Подсчет роста нагрузок электрических районных станций. Особенности типа электрических станций района. Рекомендуемое комбинирование производства на основах наиболее благоприятного теплосилового баланса. Выявление стоимости теплосиловой энергии. Варианты дальнейшего построения сетей электропередачи.

Глава VI. Перспективы промышленности.

Перспективы развертывания промышленности района, в частности комбинатов, связанных с широкой утилизацией дешевой электрической энергии. Последовательность развертывания промышленности и промышленных комбинатов с конкретной программой.

Проблема комбинирования сельского хозяйства и мелкой промышленности.

Глава VII. Перспективы сельского хозяйства.

Общие перспективы развертывания сельского хозяйства района. Особенности этого развертывания в связи с использованием трудовых ресурсов населения. Проблема индустриализации сельского хозяйства. Проблемы кооперирования и коллективизации сельского хозяйства на основах механизации и электрификации.

Глава VIII. Перспективы транспорта.

Железнодорожное строительство, необходимое для развертывания промышленности и для усиления использования земельных ресурсов и лесных массивов. Под'ездные ветви. Работы в области развития водного, шоссейного и гужевого транспорта. Перспективы электрификации транспорта. Основы организации этих работ и их финансирование.

Глава IX. Перспективы городского и сельского строительства.

Особые задачи народнохозяйственного строительства. Бытовые и культурные нужды населения. Благоустройство крупных центров. Расходы на их удовлетворение. Городское и сельское строительство. Жилищный вопрос. Расселение населения в связи с пригородным сообщением. Потребление электричества для бытовых надобностей.

Глава X. Хозяйственные итоги реконструкции.

Итоги кон'юнктурных наблюдений, контрольные цифры и общие соображения о балансе хозяйства района. Перспективы роста и улучшения этого баланса. Влияние индустриализации на улучшение баланса в связи с переходом к широкому использованию электрической энергии.

Глава XI. Бюджет.

Бюджет района и перспективы его роста. Роль общегосударственного и местного бюджета в удовлетворении нужд района.

Глава XII. Особые задачи хозяйственного строительства национальных автономий.

Программа эта должна быть пополнена в первую очередь следующими главами:

1. Организация труда. Организация рационального использования всей взрослой рабочей силы района. Миграционные проблемы.

Баланс распределения рабочей силы по отраслям хозяйства.

2. Проблема цен в свете потребностей данного района (имеются в виду решающие товары).

3. Проблема расширенного воспроизводства рабочей силы. (Детали см. п. 9 программы экономического целого, стр. 33—34.)

4. Народный доход района (суммарно и на душу населения) с диференциацией его по отраслям хозяйства и разделением по социальным группировкам.

5. Структура спроса в связи с реконструкцией технической базы и рационализацией использования трудовых и материальных ресурсов района.

6. Процессы распределения продукции. (Детали см. п. 14, стр. 34.)

Развитие товарности и выявление экспортных возможностей данного района (как в другие районы, так и за рубежи СССР) и его потребностей в импорте.

7. Перечень возможных концессий района.

8. Баланс продукции и потребления (производственного и непроизводственного) в натуральном и ценовом выражении.

Кроме того, следует подчеркнуть, что и здесь, работая над каждой главой районной программы, необходимо продумывать ее не только в технико-производственном, но и в социально-экономическом аспекте, с обязательным определением социально-экономических форм развертывания хозяйства.

* * *

Работа Районной группы генплана в ее логической последовательности распадается на следующие этапы:

I этап. Куратор района, опираясь на все занятые этим вопросом где бы то ни было силы, приводит в ясность:

1) Территорию района, его естественные богатства и возможности их использования.

2) Материальные производительные силы района по их состоянию к начальному периоду плана, с особо тщательным выявлением технической базы (промышленность, сельское хозяйство, транспорт, средства связи и т. д.) и ее размещения на территории района.

3) Живые производительные силы района (демография района, состояние рабочей силы, ее квалификация, распределение по территории, типы поселений, культурные центры и т. д., и т. п.). Степень использованности этих сил. Степень перенаселения и количественное выражение незанятых рук с учетом их квалификации.

4) Энергетические ресурсы района (наличные и потенциальные). Энергоснабжение в настоящее время. Центры скопления потребителей электрической энергии. Подсчеты нагрузок электрических станций. Особенности типа электрических станций.

5) Продукция района с обязательным использованием данных районных кон'юнктурных наблюдений.

6) Процессы распределения внутри района: а) потоки грузов (внутрирайонные и транзитные), б) транспорт района (внутрирайонный и союзный), в) товарооборот: 1) внутри района, 2) с другими районами, 3) экспорт за границу и импорт в район из-за границ СССР.

7) Современные и довоенные связи с другими районами. Место и удельный вес в общесоюзном разделении труда в настоящее время и до войны.

8) Социально-экономические формы хозяйства района (с разделением на пять укладов), их количественное выражение, размещение на территории района и распределение по национальностям района.

9) Прочие вопросы хозяйства района. Хозяйство городов и сельских местностей, жилищный вопрос и т. п.

10) Бюджет района.

11) Хозяйственный баланс района.

II этап. Проделав предварительные ориентирующие работы I этапа, куратор района, или группа, работающая по данному району, знакомится затем с работами по отраслям народного хозяйства в целом.[1]

III этап. Изучив таким образом состояние производительных сил и естественных ресурсов района и динамику его хозяйства в прошлом, познакомившись затем с отраслевыми проектировками по СССР в целом и проработав конкретно районирование производств на территории Союза, районная группа приступает к детальнейшему изучению и критической проверке генеральных проектировок мест.

---

[1] В комиссии генерального плана монографические работы по отраслям хозяйства Союза составили томы, об'емом от 20 до 50 печ. листов. Если принять указанное в приведенном выше перечне количество необходимых отраслевых групп (19), то отраслевые проработки (не считая материалов к ним) составят библиотечку в 19 томов, средним об'емом около 500 страниц каждый. Это заставило нас прибегнуть к составлению отраслевыми группами сокращенных резюмирующих докладов, которые в итоге дали бы возможность каждому куратору района и работникам отраслей обозреть хозяйство СССР к конечному периоду генплана, как оно складывается на основе первой наметки отраслевых групп.

IV этап. Творческий синтез всех данных, выявленных на трех предшествовавших этапах работы: первая попытка построения оптимального типа развития данного района с возможно полным использованием материальных и живых производительных сил района (в том числе, разумеется, и его энергетических ресурсов) с получением максимального производственного и социального эффекта при рациональном общественном разделении труда в СССР и учете специфической роли в нем района.

Эта работа по проектировке оптимального типа развития будущего района ведется, разумеется, по всем главам программы. Но в каждой из них прорабатываются в первую очередь решающие и ведущие факторы хозяйства района. Эти факторы должны быть выявлены по каждому району особо в процессе работ на первых трех этапах и положены затем в основу проектировки.

В самих проектировках развития районов должно быть обращено особое внимание на максимальное использование и приспособление для данного района новейших достижений мировой техники и, в частности, на комбинирование производств на основе наиболее благоприятного теплосилового баланса и широкой утилизации дешевой электрической энергии и „отбросов" предшествовавших производств.

Должно быть обращено особое внимание на развитие передовых форм с.-х. производства и его возможного кооперирования на основах современной агротехники, на развитие транспорта и на оптимальные формы организации труда и использования трудовых ресурсов района.

Эти синтетические работы по компановке будущего типа хозяйства районов удобнее всего начать с качественной обрисовки основных контуров экономики районов и их сочетания в хозяйстве СССР лишь с минимально необходимыми количественными показателями.

Однако, лишь после завершения сводной работы по СССР, возвращаясь к районам, мы сможем „окончательно" (с точки зрения первой сводки генплана) установить их экономические контуры, удельные веса, специфические особенности, их технику, размеры продукции, оборот и т. д., и т. п.

Поэтому необходимо заметить, что лишь проделав все эти работы и имея концепцию каждого района, сложившуюся как часть народнохозяйственного целого, мы будем считать себя вправе выступить перед районами с обоснованной критикой их первоначальных набросков генпланов районов. До тех пор все наши суждения будут иметь лишь предварительный характер.

VII. Программа работ по экономике народнохозяйственного целого

1. Природные богатства ССС, их использование и возможности активизации: а) поверхность; б) недра. Постановка необходимых изысканий.

2. Население СССР. Демография.

3. Районирование СССР.

4. Общие принципиальные установки в технической, энергетической и социально-экономической реконструкции СССР.

(С одной стороны, это итоги анализа прошлого и анализа возможностей развертывания народного хозяйства, с другой — постановка целей.)

Кроме вопросов энергетической и технической реконструкции, здесь должны быть продуманы и очерчены социально-экономические формы хозяйства, об'ем, охватываемый ими, и их удельные веса в системе хозяйства Союза, организационные формы кооперирования города и деревни и т. д., и т. п.

5. Энергетика и электрификация. Общая постановка проблемы. Энергетический баланс СССР. Районные станции. Сеть и проч. (Детали должны быть даны в отраслевых проработках.)

6. Организация труда. Организация рационального использования всей взрослой рабочей силы СССР.

Учет рабочей силы по ее квалификации до высших академических ступеней включительно.

Баланс распределения рабочей силы по отраслям хозяйства.

Баланс труда города и деревни.

Выбор оптимальной для периода генплана продолжительности рабочего дня.

7. Масса вновь создаваемой ежегодно в СССР ценности. Попытка ее количественного определения в рабочем времени. Ежегодная потеря Союза на неиспользованной рабочей силе.

Проблема рационализации трудового баланса.

Распределение вновь создаваемой ежегодно ценностной массы: потребление, воспроизводство (простое), производственное накопление (расширенное воспроизводство), накопление товарных запасов, личное накопление в предметах потребления (жилище, одежда и проч.) и сокровища.

Социалистическое накопление и возможности расширенного воспроизводства при рациональном использовании трудовых ресурсов. Темпы расширения воспроизводства.

8. Проблема цен и ценового распределения народнохозяйственной продукции в свете рациональной организации труда и использования создаваемых им ценностей.

Отношения города и деревни. Цены продукции по отраслям.

9. Проблема расширенного воспроизводства рабочей силы.

А. Потребление (непосредственное, осуществляемое как в индивидуальном, так и в общественном порядке): 1) потребление рабочего; 2) потребление крестьянина; 3) потребление служащего.

Б. Социально-культурные проблемы

1) Условия быта. Его организационное обслуживание. Жилищные условия, питание, воспитание детей и т. д.

2) Специальная подготовка (школы всех видов).
3) „Ремонт" рабочей силы. Здравоохранение. Лечение. Отдых.
4) Охрана труда и социальное страхование.
5) Удовлетворение интеллектуально-культурных запросов.
6) Ученые и просветительные учреждения страны.

В. Заработная плата

Уровень заработной платы (номинальной и реальной).

Уровень доходов самостоятельных производителей (не работающих по найму).

Г. План расширенного воспроизводства рабочей силы до высших научных квалификаций включительно.

10. Народный доход СССР (суммарный и на душу населения) с диференциацией его по районам, по отраслям хозяйства и разделением по социальным группировкам.

11. Структура спроса в связи с реконструкцией технической базы и рационализацией использования трудовых и материальных ресурсов страны.

12. Баланс продукции и потребления (производственного и непроизводственного) в натуральном и ценовом выражении и попытка определения его в трудовом выражении (рабочем времени).

13. Проблема рационального распределения народного дохода и методы этого распределения.

Современные методы. Налоговая система: бюджет, кредит, ценовое распределение.

Рационализация всего процесса распределения народного дохода.

Проблема адэкватных ему организационных форм.

14. Процесс распределения продукции (товарооборот и натуральное распределение).

Грузовые потоки. Материальная и техническая база распределительного процесса.

Магистрализация и сверхмагистрализация распределительных процессов. Организационное сокращение расстояния между производителем и потребителем.

Создание товарных резервов и обеспечение бесперебойности снабжения.

15. Товарооборот с внешним миром. СССР в мировом разделении труда на период генплана.

1) Экспорт СССР. Потребности мирового рынка и учет предоставляемых им возможностей для развертывания экспорта. Возможности форсирования экспорта. Форсирование продукции экспортных отраслей. Изыскание новых экспортных возможностей и создание новых экспортных производств.

2) Импорт в СССР. Изменение структуры импорта. Его состав и необходимые пределы.

3) Перечень необходимых концессий. Учет кредитных возможностей.

4) Баланс СССР с внешним миром.

16. Проблема равновесия хозяйственной системы. Его материальные условия и количественные выражения. Балансовые прикидки.

17. Плановое регулирование народного хозяйства, его методы и рычаги.

18. Проблема перерастания государственного аппарата в экономический аппарат коллективного хозяйствующего суб'екта хозяйства СССР.

Экономика организации промышленности, транспорта, сельского хозяйства, товарооборота, народных финансов и т. д. Рационализация организационных форм и проблема адэкватного организационного выражения происходящих изменений социальной сущности экономических процессов.

* * *

Программа этого раздела охватывает собою проблемы социально-экономического целого.

Но, кроме того, уже и проработка отраслей хозяйства и районов должна протекать с учетом социально-экономических форм, в которых ведется хозяйство и проектируется его развитие. Работа эта неотделима от технико-производственной проектировки, ибо в последнем счете именно технической базой определяются складывающиеся в обществе социально-экономические отношения. С другой стороны, в виду тесной связи этих явлений и уточненная технико-производственная проектировка, как мы показали это на примере с.-х. машиностроения, невозможна без ответа на вопрос, в каких социально-экономических формах надлежит проектировать развертывание.

VIII. Программа работ мировой группы генплана

I. СССР в мировом разделении труда на период генплана

А. Экспорт СССР.

1. Изучение потребностей мирового рынка в продукции существующих отраслей хозяйства СССР:

а) промышленности всех видов (включая кустарную) (по перечню, принятому в отраслевой программе);

б) сельского хозяйства.

Возможности и пределы форсирования экспорта по ним.

На вопрос о возможностях и границах развертывания продукции экспортных отраслей ответ должны дать отраслевые и районные группы. Дело мировой группы — поставить эти вопросы и фиксировать на них внимание других групп.

2. Изыскание новых экспортных возможностей и постановка вопроса о создании новых экспортных отраслей производства, до сих пор не имевших места на территории Союза.

Б. Импорт в СССР.

Проверка рациональности наших мировых связей по импорту. Критическая проверка основных контуров и пределов импорта.

II. СССР и сопредельные страны.

(Вопросы экономики и экономической политики)

1) ДВО, Япония и Америка.
2) Южная Сибирь, Монголия и Китай.
3) Украина, БССР и Западная Европа.
4) Прибалтийский район.

III. Мировой опыт и мировые достижения, как критерий для наших технических и производственных проектировок.

А.

1) Учет достижений мировой техники и технической организации в целях выявления технических оптимумов.

2) Учет достижений экономической практики и экономической организации в целях выявления экономических и организационных оптимумов в проектировках генплана.

Б.

1) Сопоставление со статикой и динамикой мирового хозяйства в целом и по отраслям и отдельным странам в период прохождения ими этапов развития, аналогичных намечаемым в генплане.

2) Критическое сопоставление наших достижений, намечаемых к конечному периоду генплана с ориентировочными линиями развития и достижениями стран мирового капитализма к тому же времени.

IX. Методика сводки генерального плана

Прежде всего, что такое „сводка"? Какое содержание вкладываем мы в это понятие?

Сводка — это координация частей плана с точки зрения народнохозяйственного целого. Построение целого из этих частей. Создание экономического единства этих частей в народнохозяйственном целом. (Выполнение работ по программе экономики целого есть, таким образом, уже процесс сводки.)

Тем самым определяется и об'ем работ, необходимых для удовлетворительного построения генерального плана. Целое предполагает наличие в нем всех частей. Экономическое единство плана предполагает невозможным из'ятие из него какой-либо части без нарушения всей системы. А следовательно, и обратно: упуская, не учитывая и не проектируя в плане одну или несколько частей, игнорируя их, мы не сможем создать верной картины целого, действительно отвечающей возможным будущим линиям развития хозяйства, обязательно создадим искаженную картину развития.

Это обязывает нас охватить в плане все стороны развития народного хозяйства, проработать все его отрасли и разделы.

Другое дело вопрос о степени проработки этих частей. Не все отрасли народного хозяйства и не все подразделения внутри этих отраслей равнозначущи в экономике целого. Парфюмерная промышленность и металл, пивоварение и каменный уголь, чайно-кофейно-цикорная промышленность и промышленность строительных материалов,— кто осмелится бросить их разом на чашки экономических весов?

Таким образом, мы приходим к понятию ведущих отраслей хозяйства, решающих в экономике страны. Их мы обязаны проработать со всей тщательностью и детальностью. По отношению к остальным, в случае возникновения затруднений, на первых порах можно позволить себе более общую, более суммарную проектировку, не размениваясь на бесконечную дробность их и относя детальную проработку этих вопросов к последующим уточнениям плана и, в особенности, к плановым проектировкам на более близкие отрезки времени.

К ведущим отраслям хозяйства, которые должны быть проработаны со всей тщательностью, уже в первых приближениях генплана должны быть отнесены в промышленности, в первую очередь: топливо, металл, основная химия, лесопромышленность, промышленность строительных материалов и самое строительство, а из легкой индустрии — текстиль, мукомолье, сахар, консервная промышленность, кожевенная и в значительной степени, например, по ЦПО, швейная промышленность (в части массовой фабрикации одежды).

На ряду с ведущими отраслями промышленности стоит транспорт, который должен связать глубоко продуманной системой экономического обмена веществ все народное хозяйство страны, внедряясь в богатые возможностями, но еще девственные районы, пробуждая их к жизни и связывая в единое целое уже более или менее развитые, но разообщенные еще районы (напр., Хивинский оазис), создавая под'ездные пути к сухопутным и водным магистралям и сверхмагистралям внутри районов и т. д.

В сельском хозяйстве к ведущим отраслям мы относим: зерновые культуры и среди них, в особенности, пшеницу, технические культуры, травосеяние (в связи с истощением кормовой базы и необходимостью интенсификации сельского хозяйства), товарное животноводство, промышленность по переработке продуктов сельского хозяйства и, наконец, по ряду районов — лесное хозяйство.

Ставя основной агротехнической задачей в генеральном плане — ликвидацию отсталости сельского хозяйства по сравнению с передовыми странами Запада и Америки, мы в то же время, в ряду охватывающих сельское хозяйство проблем, должны выделить, как ведущие, и проработать с особой тщательностью и конкретностью в первую же очередь: вопросы коллективизации сельского хозяйства и перехода на массовую машинизированную продукцию, вопросы массового и обильного снабжения с.-х. удобре-

ниями и, наконец, вопросы освоения новых земель. Ликвидация аграрного перенаселения явится результатом осуществления этих решающих мероприятий и вызываемого ими роста общественной производительности труда в сельском хозяйстве.

В области товарообращения мы должны выделить, в первую очередь, проблему создания, так сказать, сверхмагистральных путей для быстрого и дешевого продвижения продукции от производителя к потребителю, с уничтожением множественных посредствующих звеньев, затем проблему создания современной технической базы, обслуживающей процессы товарного распределения и, наконец, проблему создания резервов продукции, необходимых для обеспечения мощи и бесперебойности снабжения страны.

В отношении товарооборота с внешним миром должна быть особо подчеркнута проблема форсированного развертывания экспорта и изыскания всяческих экспортных возможностей.

Наконец, из организующих идей, охватывающих все отрасли народного хозяйства, должны быть особо выделены, как ведущие: проблема энергетики и электрификация, как технически наиболее совершенный метод ее разрешения, проблема экономического районирования, как организационная предпосылка к плановому ведению хозяйства, и, наконец, проблема стандартизации, типизации и нормализации производств с развертыванием массовой специализированной продукции, — как организационно-производственный принцип, приводящий к резкому увеличению производительности труда и созданию больших масс дешевой и доступной населению продукции.

Проработав в первую очередь эти проблемы, мы получаем отправные точки, чрезвычайно облегчающие проектировку остальных отраслей и проблем, имеющих несравненно меньшее значение и занимающих часто подчиненное положение в системе народного хозяйства.

Однако, металл, текстиль, топливо — это лишь части, из которых строится здание целого.

Особые трудности как раз и заключаются в разрешении вопроса о том, как из этих частей должно складываться целое, каким образом части связываются между собою и что это здание должно будет собою представлять.

Талантливый художник несколькими линиями и парой добавочных штрихов улавливает и передает не только очертания лица, но и самый характер человека. Он улавливает при этом наиболее существенные („характерные“) и связывающие черты, определяющие собою тип и характер данного лица.

Точно также, потратив на это лишь несколько секунд, он несколькими линиями — сочетанием нескольких прямых в одном случае, или двух—трех прямых и нескольких кривых в другом, — может дать

пару набросков, взглянув на которые вы сразу различите в одном из них греческий храм, в другом — украинскую хату. При чем у вас сразу же встает в сознании представление и о различии материалов, из которых построены эти сооружения и о совершенно различном строе жизни, создавшем их, о различном быте, с которым каждое из них связано, и т. д.

Для того чтобы дать связную картину экономики целого, мы должны для генерального плана реконструкции найти такие определяющие черты, которые, обрисовывая основные контуры будущего общественного здания, связывая и соподчиняя их между собою, определяли бы, в то же время, характер и расположение остальных частей, являясь решающими для обрисовки всего построения.

К таким решающим и характеризующим чертам должны быть отнесены, кроме техники ведущих отраслей промышленности и сельского хозяйства, масштабов и себестоимостей их продукции, методов разрешения энергетической проблемы, спецификации экономических районов, транспорта и прочих отмеченных выше ведущих проблем, еще следующие характеризующие черты экономики целого: организация труда в народном хозяйстве и ее социально-экономические формы при данной технике, степень использования рабочей силы общества; масса вновь создаваемой ежегодно ценности и распределение ее (через бюджет, кредит и цену товаров) по руслам потребления расширения воспроизводства и накопления; баланс продукции и потребления; народный доход на душу в его специфических формах и его классовая диференциация; уровень и структура потребления с той же диференциацией; темпы движения народнохозяйственного целого и изменения в отношениях его основных частей; взаимоотношения с внешним миром; экспорт и импорт; организационная структура хозяйственных связей и хозяйственного регулирования.

Эти черты народнохозяйственного целого, во всяком случае, должны быть продуманы и определены.

Однако, их выявление может быть результатом лишь глубочайшего и всестороннего исследования как динамики прошлого, так и путей грядущего. Мы должны прямо сказать: выявление этих немногих, но решающих черт есть дело колоссальной трудности.

* * *

Обратимся к самой технике сводки.

Прежде всего, необходимо с первых же шагов работы обеспечить сводимость материалов, которые явятся результатом разрозненных отраслевых и районных проработок. С этой целью необходима жесткая унификация показателей как динамики прошлого, так и перспектив развертывания. Этому посвящена специальная статистическая инструкция, которую мы не приводим за недостатком места.

Кроме того, надлежит ограничить количество этих показателей совершенно необходимым минимумом, памятуя, что в противном случае мы рискуем быть захлестнутыми морем цифр и утонуть в статистических абстракциях, способных задушить живую реконструирующую мысль.

Статистической серости мы противопоставляем красочность и конкретность качественных характеристик. Однако, мы не должны забывать, что конкретные качественые характеристики, которыми в особенности придется пользоваться при проектировках развития районов, представляют собою преимущественно описания и, благодаря своей конкретности, отличаются большим об'емом. Поэтому и и здесь мы должны ограничить себя и быть крайне лаконичными. Сводке эти характеристики поддаются, прежде всего, по типам. При обрисовке картины целого на основе этих качественных порайонных проработок придется применять метод экономического описания и экономического синтеза.

Во всей работе сводки нам постоянно придется пользоваться законом цепной связи и методом балансовых прикидок.

Начинаем мы свою работу упрощенными проектировками, потом осложняем ее все новыми и новыми факторами, вводя их один за другим и доводя рабоу до охвата народнохозяйственного целого.

Как мы уже упоминали и выше, мы начинаем свое движение к построению генплана методом встречных приближений. Каждая отрасль начинает проектировку своего возможного развертывания, отыскивая оптимальные пути использования материальных и живых производительных сил и ресурсов на первоначально принятый для генплана срок. Одним из первых вопросов, с которым ей придется столкнуться, является вопрос о рынках сбыта ее продукции и о масштабах ее развертывания. И уже на этой первой ступени работ мы обязаны дать какие-то координаты, которые направляли бы разрозненные проектировки отраслевых групп.

Раз мы приняли в качестве рабочего приема метод предварительного ориентировочного определения коэфициента изменения народного дохода на душу населения и установили для первой проработки размеры этого коэфициента, нашей обязанностью теперь является определить, как ориентировочно распадается народный доход между различными категориями производителей и по районам и какова ориентировочно будет структура спроса производственного и потребительского. Тем самым даются грубо-ориентировочные контуры масштабов производств и изменений в соотношениях продукции различных отраслей.

Однако, что касается самой структуры и качества потребления как производственного, так и личного, то они должны быть строго критически продуманы и проверены уже вначале работ с диференциацией их по социальным группам при сугубо ориентировочном предвосхищении технической и социальной реконструкции,

Простое умножение современной структуры товарного мира на принятый коэфициент в целях определения будущего рынка к концу планируемого периода абсолютно недопустимо.

К определению масштабов продукции следует подойти как к одному из решающих моментов реконструкции. При этом необходимо, с одной стороны, всесторонне взвесить возможности развертывания производства, а с другой — определить глубину потребности страны в данном продукте. Если бы мы подошли к развертыванию данной отрасли лишь с меркой коэфициента изменения народного дохода, то получили бы весьма печальный результат. Достаточно для иллюстрации этой мысли вспомнить о таком продукте, как, например, удобрения. Если бы темп развертывания химической промышленности, производящей удобрения, был запроектирован в соответствии с ростом народного дохода в период генплана,— сельское хозяйство СССР было бы обречено на прозябание и крайнюю отсталость по сравнению со странами Запада, несмотря на машинизацию и рост обобществленных форм.

В генеральном плане мы ставим своей задачей ликвидацию технической отсталости по сравнению со странами передовой техники. Это влечет за собой и ликвидацию отсталости в потреблении. Отсюда мы можем подойти к определению необходимых размеров продукции.

Привлекая на помощь показатели изменений структуры спроса и производств в странах капитализма по мере их индустриализации, роста культуры и благосостояния, памятуя, конечно, что к этим показателям необходимо относиться критически и пользоваться ими лишь в качестве опорных точек для собственных суждений.

Получив, таким образом, первоначальную ориентировку относительно масштабов возможной продукции, группы приступают к определениям своих оптимумов и проектировкам развертывания. Проделав первый круг проектировок по отраслям и районам, мы сопоставляем затем полученные результаты и исправляем несуразности, явно бьющие в глаза, уже на основе такого сопоставления. (В частности, чрезвычайно плодотворным в этом отношении должен оказаться метод сопоставления суммы районных проработок с суммой отраслевых как по отраслям в отдельности, так и по нар.-хоз. целому. Примеры: сопоставление суммы необходимых сельскому хозяйству удобрений по районным проектировкам и по проектировке с.-х. группы по Союзу в целом; изменение структуры спроса по характеристикам районных групп и проектировкам отраслевых и т. п.)

Затем, мы проверяем все наши рабочие гипотезы и счетные коэфициенты, принятые в начале работы. Так, в первую очередь, просматривая все проработки, мы устанавливаем сроки, которые необходимы для каждой из отраслей и каждого из районов для ликвидации технической отсталости по сравнению с аналогичными отраслями и районами передовых капиталистических стран, прикидываем затем ориентировочные сроки, необходимые каждой из отраслей и

районов для осуществления организационной и социально-экономической реконструкции и сопоставляя полученные результаты, определяем срок, необходимый для осуществления намечаемой реконструкции по народному хозяйству в целом. После чего даем задание продолжить проектировки или ограничить их вновь устанавливаемым сроком в зависимости от продолжительности его.

Затем мы критически подходим к вопросу об организации труда и использования рабочей силы в результате первоначальных проектировок, намечаем те новые пути и мероприятия, которые должны быть осуществлены в целях вовлечения в работу незанятых или плохо использованных кадров рабочей силы и определяем оптимальную длину рабочего дня, как она вырисовывается коллективу генплана на этой стадии работ.

После этого идет проверка уровня народного дохода, структуры потребления и масштабов продукции, меняющихся в связи с изменением сроков, охватываемых планом, сокращением рабочего дня, вовлечением новых кадров рабочей силы и расширением поля труда, связанным с этим вовлечением, и т. д.

В итоге этих исчислений и проектировок получается рабочий вариант, не проверенный еще до конца путем проработки проблем экономического целого и построенный при стабильных ценах товаров и стабильной сетке зарплаты.

Этот рабочий вариант дает нам возможность приступить к определению результатов реконструкции, достигаемых каждой отраслью, и приступить затем к проектировке распределения создаваемых в стране ценностей по линиям потребления, расширения воспроизводства и накопления народнохозяйственных запасов.

Мы получаем, таким образом, возможность приступить к проектировке динамики цен и динамики заработной платы, оставаясь пока в рамках запроектированной динамики капитальных вложений и расширения воспроизводства.

При проектировке политики и размеров заработной платы необходимо поставить своей задачей найти оптимальную линию, которая обеспечивала бы:

1) постоянное и плавное повышение благосостояния трудящихся и индустриального пролетариата, в первую очередь, при сокращающемся неравенстве в оплате труда, обусловленном потребностями переходного времени (сокращающемся за счет более быстрого роста оплаты труда низших категорий);

2) обеспечивала бы прогрессирующий рост капитальных вложений, подымающий экономическую мощь страны и упрочивающий фундамент ее всяческого благосостояния;

3) рост обороноспособности страны, гарантирующий ее от грозящих извне опасностей;

4) постепенное и существенное снижение цен промтоваров в первую очередь, которое не только обеспечивало бы рост благосостояния индустриального пролетариата и трудящихся города вообще, но и упрочивало бы и делало бы незыблемым союз пролетариата с крестьянством.

Ориентирующим приемом, ограждающим от грубых просчетов и ошибок в этих проектировках, должно быть критическое сопоставление с динамикой заработной платы по соответствующим отраслям в странах капитализма, когда рассматриваемые отрасли были по технике и масштабам продукции, примерно, на уровне, соответствующем тем или иным отрезкам генплана.

Последующие уточнения генплана дадут возможность уточнять и запроектированную кривую динамики зарплаты.

При проектировке динамики цен мы должны итти следующим путем. Мы ставим своей задачей достижение в результате проектируемой реконструкции уровня производительности труда передовых для каждой отрасли стран, а если возможно и превышение его. Ту же задачу — сравняться с лучшими мировыми достижениями, а если возможно и перешагнуть через них,— мы ставим себе и по линии цен и по линии реальной заработной платы.

Однако, точно так же, как политику заработной платы, должно сообразовать с высказанными выше соображениями, так и в динамике цен необходимо искать народнохозяйственный оптимум, не только обеспечивающий рост благосостояния трудящихся и закрепляющий союз города и деревни, но и обеспечивающий прогрессирующий рост капитальных вложений и расширения воспроизводства, — являющихся условием обеих.

Установив принципы динамики цен и их отношение к себестоимости, мы затем вводим в калькуляцию каждой отрасли запроектированные цены всех прочих товаров, являющихся для нее образующими ее себестоимость, и после генерального пересчета калькуляций получаем новые, пониженные себестоимости и отпускные цены. Эти последние вновь вводятся в пересчет по всей линии и т. д. После ряда таких последовательных пересчетов получаются сходящиеся ряды цен, достаточно удовлетворительные для практического пользования.

Подвижными ценами и заработной платой мы заканчиваем введение осложняющих факторов в первоначальную упрощенную проектировку плана. Остается лишь выверить соотношение частей и распространить влияние этих изменений на всю проектировку.

С этой целью полученные таким образом ценовые итоги реконструкции подлежат всяческой проверке и корректированию на основе программы социально-экономического целого и, в особенности, с точки зрения оптимального распределения в народном хозяйстве вновь создаваемых ежегодно ценностей, рационального течения процессов воспроизводства и создания устойчивости всей народнохозяйственной системы.

Мы должны будем проверить заново структуру потребления, емкость рынка, неизбежно расширяющуюся вместе со снижением цен, соответствие запроектированного ассортимента и качества продукции вырисовывающемуся спросу, масштабы и соотношения масс продукции разного рода товаров, меняющиеся вместе с реконструктивными достижениями (при этом будет наблюдаться, вероятно, исчезновение некоторых товаров, в виду потери ими конкурентоспособности и моральной смерти их), связанные с этим вопросы переброски народнохозяйственных ресурсов из одной отрасли в другую и т. д., и т. п.

Лишь проделав все эти работы, мы сможем затем ответить на вопрос, каков будет уровень народного дохода на душу населения в результате намеченной реконструкции, какова будет его классовая диференциация и т. п.

В этих уточнениях и будет выражаться метод последовательных приближений. С каждым новым пересчетом мы будем получать новые и новые уточнения первоначальных проектировок, приближающие планы развертывания каждой отрасли к потребностям гармонически увязанного народнохозяйственного целого. И лишь после ряда таких приближений можно будет говорить о сколько-нибудь удовлетворительной проработке плана.

Какой это будет вариант: максимальный, минимальный, средний? A priori мы должны будем признать, что мы строим минимальный вариант плана. В самом деле, мы проектируем определенную техническую реконструкцию, пытаясь применить у себя последние достижения техники. Но за намечаемый период мировая техника не будет стоять на месте и нам придется не раз пересматривать наши проектировки, вводя в них новейшие достижения.

Могли ли мы пару лет тому назад не только предвидеть, но и вводить в проектировку разработки фрезерного торфа или последние (1928 г.) достижения в области обработки льна. Мы разрабатываем проект ирригации Заволжья и проектируем затрату на это дело около 240 млн. рублей. Но что произойдет, если оправдаются на широкой практике и получат хозяйственное применение работы американского физика проф. Вильяма Хэйта по искусственному регулированию погоды при помощи сверхмощных токов электричества (напряжением до 1,5 млн. вольт). Последователи проф. Хэйта утверждают, что 750 специально установленных на территории СССР вышек с затратой на это дело всего лишь 22 млн. рублей достаточно, чтобы регулировать атмосферные осадки в необходимых для сельского хозяйства пределах на территории всего Союза![1]

Затем, как бы ни была велика творческая фантазия конструкторов плана, — мы можем запроектировать в лучшем случае лишь существующие уже достижения в области организационной

[1] См. статью инж. Б. Б. Кажинского в № 3 „План. Хоз." за 1928 г.

рационализации производственных процессов, или, в крайнем случае, запроектировать те улучшения, которые уже предложены, но еще не осуществлены. Антиципировать грядущие организационные достижения и определить вызываемую ими степень повышения производительности труда мы, разумеется, также не можем.

И, наконец, в-третьих, мы не знаем, что у нас „под ногами"! Мы не знаем, какие сюрпризы готовят нам исследования естественных богатств страны, далеко еще не изученных нами.

Эти три ряда причин обусловливают неизбежное отставание наших проектировок от возможного темпа развития.

Таким образом, самим об'ективным ходом развития мировой техники и организации производственных процессов и прогрессом наших познаний в области изучения естественных богатств страны мы обречены на минимализм в планировании.

Некоторые воспримут это, как пессимизм! — У нас это порождает величайший оптимизм! В самом деле, как бы ни были мы дерзновенны в наших проектировках развития будущего, осуществляемых на основе детальнейшего и всестороннего изучения наших возможностей — жизнь нас побьет. Она превзойдет наши дерзания!

Маленький, хотя и не особенно импонирующий опыт человечество в этом отношении все же имеет. Я имею в виду фантастические попытки предвосходить развитие мировой техники на 100 лет вперед и т. п. Посмотрите, какими жалкими, бледными и немощными выглядят теперь эти попытки по сравнению с современными достижениями мировой техники! История работает за нас и это является для нас источником величайшего оптимизма.

Вместе с тем, эти соображения подтверждают нашу мысль, что работа по выявлению оптимумов есть перманентная работа, как и вся работа по построению генеральных планов. Но перманентной она будет не только потому, что в них придется вводить все новые и новые достижения и изобретения. С каждым новым годом, с каждым новым десятилетием конструкторы плана должны будут заглядывать все вперед и вперед, ставить для народного хозяйства все новые и новые цели и искать пути для их разрешения. Сначала в Госплане и плановых органах нашей страны, а затем в органах, который будут охватывать своей конструктивной мыслью весь мир.

Мы лишь пионеры в работах генерального плана; мы их начинаем и закладываем основы будущей теории организованного руководства народным хозяйством; но вестись они будут вечно, „пока вертится мир"!

И. Г. Александров

Производственное районирование и его методология

1. Цели и методы производственного районирования

В русской экономической литературе вопросы районирования всегда занимали очень видное место. Мы здесь не намереваемся перечислять все работы этого цикла, но при знакомстве с ними всегда чувствуется некоторое неудовлетворение, так как никогда не удавалось получить достаточно определенного ответа на вопрос, зачем все это делается. Все эти работы, тем или иным методом разделяя государство на районы, никогда не ставили вопроса о том, какое употребление может быть сделано из каждой таким образом полученной сетки границ.

До известной степени признавалась познавательная цель, т.-е. каждая система деления давала возможность под известным углом зрения расклассифицировать и сопоставить соответственный экономический материал и сделать некоторые выводы, характеристики и, до известной степени, прогнозы будущего; но каждая система позволяла это сделать лишь в строго определенных границах метода.

Были попытки произвести интегральное районирование и районирование по природным характеристикам, так называемое физиографическое районирование, которые более других создавали возможность сделать полную экономическую оценку особенностей той или иной территории. Но и эти методы не шли дальше познавательных целей.

Революция с ее глубокой ломкой старых условий, с ее стремлением наметить новые пути жизни, естественно, не позволяла остановиться и в деле районирования только на аналитической стороне дела. Революция призвана строить новое реально, ставить конкретные задачи в огромном масштабе, что, конечно, должно было самым решительным образом сказаться на народной экономике и придать проблеме районирования ту актуальность, которой раньше никогда не было выявлено в работах по экономическому районированию.

Первые предпосылки, которые напрашивались при этом, были следующие.

1. Районирование, разделяя территорию на специфические части, может явиться методом целесообразного разделения труда между различными частями государства, как экономического целого.

2. Районирование должно стать основой организационной проблемы при построении новых экономических форм.

Из этих двух основных предпосылок вытекал ряд следствий.

а) Район строится как законченное экономическое об'единение, но не замкнутое в своих экономических действиях.

Это определение многих экономистов заставило укорять автора настоящей статьи в неясности трактовки. Законченный, но не замкнутый район — что это такое? Это значит, что он, прежде всего, строит свою экономическую деятельность так, что вся цепь возможных для данного района и преимущественно выгодных в нем по сравнению с другими районами действий во всех своих частях развертывается полно, гармонично и определенно по постановке.

Возьмем такой район, как Туркестан. Что он может развить в себе, как часть Союза, в наивыгоднейшей форме по сравнению с другими. Сюда может быть отнесено хлопководство, первичная переработка хлопкового волокна и семян, овцеводство, шелководство, часть текстильной промышленности, обработка бараньих кишек, культура риса, кендыря, кенафа и в целях развития этого ирригация, транспорт, энергоснабжение, производство азотистых удобрений, каменноугольное дело, цементное производство и т. п.

Все это должно быть построено так, чтобы по размерам, по времени, по территориальному размещению, по взаимной связи производства, по организации финансирования и кредита, система строилась как развивающийся во времени целостный комплекс.

Было бы при этом явно нелепым, если бы Туркестан стал претендовать на развитие черной металлургии, широко поставленного машиностроения и т. п.,— эти производства лучше и выгоднее для страны могут быть развиты в других районах (в Южно-Горнопромышленном, на Урале, в Кузнецко-Алтайском районах).

Таким образом, район не должен иметь в себе всех сторон экономической деятельности, а только те, которые в нем являются наивыгоднейшими. Он закончен, но не замкнут. Он не похож на замкнутое государство, которое хочет все производить само и не нуждается в соседях. Район работает все время, нуждаясь в сотрудничестве других. Этим районирование не только устраняет разобщенность отдельных частей страны, а наоборот, утверждает ее единство, внутреннее взаимопонимание и взаимозависимость. И если может возникнуть вопрос,— что же это — децентрализация или централизация, то на него можно ответить, что это — ни то, ни другое, а высшая форма разделения труда, высшая форма специализации.

б) В основу разделения районов должен быть положен производственный принцип, так как только

он и является определительным для территории и наиболее актуальным.

Торговля имеет свои территориальные задачи, но они не так строго локальны, как производство. Стоит только посмотреть на условия установления рыночных границ того или иного товара, как оказывается, что для разных товаров эти границы совершенно различны как по размерам захватываемой территории, так и по ее размещению.

Если бы читатель попытался посмотреть, что такое рынки сбыта для каменного угля, для нефти, текстильных изделий, железа, машин и пр., то он сейчас же убедился бы в непригодности процессов обмена для построения территориального разграничения.

Может быть следует еще остановиться на вопросе, нельзя ли заменить производственный признак физиографическим, как наиболее близким к производственному.

В этой постановке есть много заманчивого. Всякому ясно, что производство тесно связано с качеством территории. Хлопок родится только там, где достаточно тепла и солнечного света; каменноугольное и рудное дело связано с наличием определенных запасов недр, лен требует умеренного и влажного климата, но это правильно лишь для добывающей промышленности и отчасти для первичной переработки, но может быть совсем неправильным для окончательной переработки продукта. Если вырастить хлопок можно только в Туркестане или в Закавказьи, если там же выгодно поставить его первичную переработку, т.-е. очистку волокна и приготовление масла и мыла из семян, то значительно более спорным является организация текстильной промышленности для всего государства в тех же районах.

Выгодно, может быть, ограничить производство тканей здесь лишь потребностями ближайшего рынка, так как перевозка волокна дешевле перевозки тканей, а потери волокна в прядении и качестве ничтожны.

Особенно это верно, если часть хлопка приходится ввозить из-за границы, даже в том случае, если ввозятся лишь специальные сорта хлопка для придания большей прочности волокну (мы в этих целях ввозим египетский хлопок, а для очень тонких сортов пряжи—Sea Island).

Другим примером может служить производство металлического алюминия, при котором определяющим признаком при выборе места для производства всегда служило не месторождение бокситов, а место возможного получения дешевого гидравлического тока для последней фазы производства и близость каменного угля для первичной стадии, во время которой из боксита получается чистая окись алюминия ($Al_2 O_3$).

Таким образом, физиографический метод может быть использован в известной степени при производственном районировании, но далеко не в полном об'еме.

Может быть, при первой гипотезе районного построения с него можно начать, но дальше приходится итти по линии построения самих производств по районам.

Таким образом, метод, который здесь должен быть применен, тесно связан с построением принципов производственного плана.

К вопросу о том, как это может быть осуществлено, мы вернемся в дальнейшем, теперь же важно осветить второе основное положение, которое приведено выше, — это вопрос об организационной роли районирования.

И прежде организационный принцип иногда связывался с экономическими районами, так, например, деление Франции на департаменты было проведено по бассейнам рек, но это деление коснулось лишь административного деления государства и очень слабо (лишь в узко местном хозяйстве) затронуло экономическую сущность жизни Франции. Мы явно не можем этим ограничиться. Капиталистический мир давно уже прошел стадию элементарной конкуренции и разобщенности производителей. Организованная монополия и концентрация стали лозунгами капитализма, далеко выходящими из пределов одного государства. Развивающаяся борьба за нефть между американскими и английскими нефтяными фирмами приняла характер мирового состязания. Такую же картину мы видим в попытках организовать европейский стальной концерн; алюминиевое производство об'единенно организовано в Соед. Штатах, Канаде, Норвегии, Франции и т. д. Наша форма не может быть поэтому по структуре ниже той, с которой Союзу приходится бороться за первенство.

Поэтому, да и по самой сущности производственного процесса, нам необходимо районное разделение труда в области крупной индустрии, основного транспорта и энергоснабжения, а не только в местном хозяйстве. Разграничение местного хозяйства и административная структура вытекут из этого районирования тогда лишь как следствия.

Это последнее положение особено важно, так как весьма вероятно, что административная проблема в виду большей ее простоты начнет двигаться вперед раньше, чем выявится экономическая сущность районов в том виде, как это изложено выше.

Здесь, конечно, встанет вопрос о национальной проблеме.

Этот вопрос был нами освещен в ряде предыдущих работ и, вероятно, будет особо разработан Госпланом СССР.

Необходимо предвидеть проведение районирования как цельной системы, так как район, как мы его трактовали выше, является одним из сотрудничающих частей целого и без построения всей системы районов, границы правильно не могут быть установлены, как не может быть разработан и рациональный план производств.

Опыт выделения областей, проделанный до настоящего времени в этом отношении, довольно показателен как в отношении границ, так и по своей организационной структуре.

Чтобы ближе подойти к определению метода разыскания правильной системы районов, остановимся на одном вопросе, который у нас понимается многими недостаточно отчетливо.

В предыдущих своих работах мы говорили, что районирование обозначает коренную органическую форму изживания бюрократизма, но на это часто возражали, что бюрократы сидят одинаково и в наркоматах и в производстве, что и там и тут возможны бюрократические извращения. Это верно и неверно.

Верно, если говорить о бюрократизме как о формализме, но это не одно и то же и их не следует смешивать, — хотя формализм и присущ бюрократии, однако, формализм присущ не только бюрократии.

Бюрократизм — это форма управления делом извне. Могут управлять заводом, железной дорогой или группой их, или лица, стоящие непосредственно во главе предприятий, или какой-либо отдел в Наркомате. Первые стоят близко к делу, хорошо его знают, связаны с успехом дела даже лично, а бюрократический орган дело знает много хуже, не связан лично с успехом предприятия, распоряжается последним на ряду с другими и т. д.

Наша практика очень богата управлением последнего рода и результаты, от этого получающиеся, тоже всем хорошо известны.

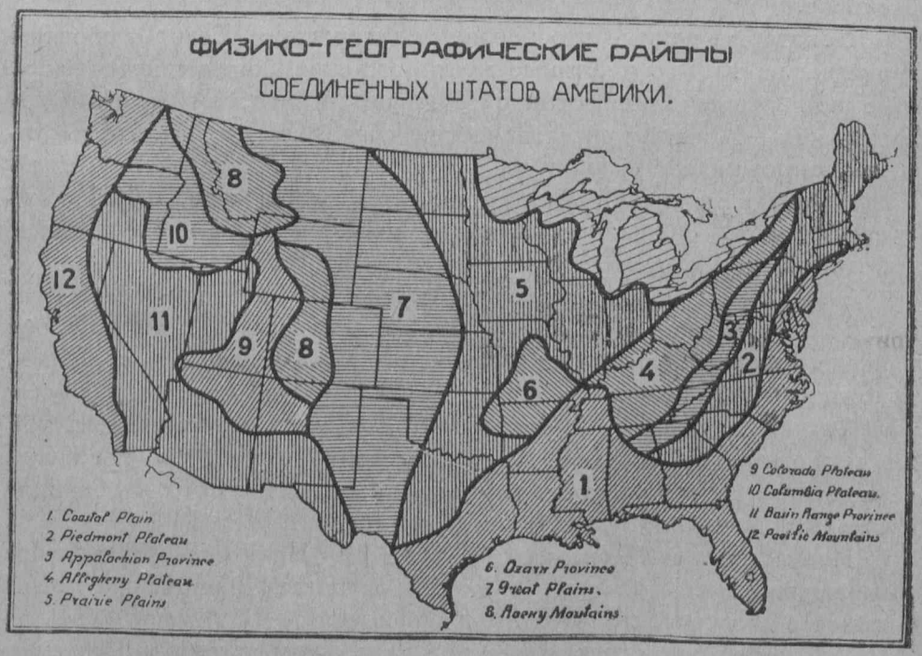
Поэтому построение района, прежде всего, как оперативного центра, ведающего районным комплексом производства союзного значения, — это основная задача районирования.

Организационная структура, которая здесь необходима, должна быть предметом особой работы. Это очень важная тема, но ей не место в методологической статье.

Здесь также надо отметить, что пока мы говорим все время о крупных районах типа областей, совершенно не останавливаясь на более мелком делении.

Если принять те определения и цели районирования, которые изложены выше, то возникает вопрос о методологии построения районной сетки, которая отвечала бы поставленной цели.

Выше мы говорили, что первый подход может дать физиографическое деление. Однако, это деление приводит часто к такой системе, которая, как я говорил уже выше, не вполне соответствует размещению обрабатывающей промышленности, а кроме того, может дать совершенно неуравновешенную систему, в которой районы будут весьма резко различаться между собой по размерам территории, количеству населения и хозяйственной значимости. Ниже помещены две картограммы, на которых нанесены районы Соед. Штатов Америки. Первая из них дает районы, по которым статистические органы федерального правительства дают сводки данных, а вторая дает физиографическое деление Соед. Штатов по работе Ransome. Легко видеть, что при всей логичности последнего деления оно получилось настолько неоднородным и неоднозначным, что пользоваться им в практических целях невозможно.



Опыты физиографического районирования, производившиеся в России, дают лучшую сетку, но в ней чувствуется несомненное желание уравновесить части в целях возможной одноразмерности районов. Таковы работы В. П. Семенова.

Имеет, конечно, большое значение здесь также и выбор признаков, по которым проводится отбор территорий.

В наших целях, конечно, важно выбрать из природных особенностей то, что тесно связано с производством, однако, и здесь еще остается значительный простор — свет, тепло, осадки, рельеф, речная система, почвы, полезные ископаемые и проч. Все это играет роль в определении производственной физиономии районов.

Многие авторы по районированию указывали, что в этих признаках есть еще глубокое различие по типу распределения их на территории. Указывают, например, что полезные ископаемые занимают положение фокусов, а такие данные, как почвы, климат, дают зональные деления. Это, на наш взгляд, неверно. Действительно, на карте полезных ископаемых часто видишь пятна небольшого размера, где находятся месторождения различных металлов, угля, солей и проч. Однако, это положение скорее говорит о степени нашего познания, чем о действительном положении вещей. Если бы мы могли так же ясно видеть недра, как и земную поверхность и явления, на ней происходящие, то азональность исчезла бы и для минеральных ресурсов.

Некоторые данные это вполне подтверждают. Если мы обратим внимание на то, что нефтяные месторождения Союза тянутся вдоль огромной складки, образованной Кавказским хребтом и его продолжением — Южной кристаллической грядой, то увидим, что нефть здесь сопровождает складку на всем ее протяжении от Карпат до Баку. Правда, появление нефти не идет непрерывно, однако, эта прерываемость об'ясняется отчасти действительным отсутствием нефти, а отчасти, только незнанием.

Такая же картина сейчас выясняется в отношении железорудных месторождений в Южной Украине, где кроме Кривого Рога обнаруживается целый ряд рудоносных мест, связанных с Южной кристаллической грядой.

Такую же картину дает марганцевая руда, идущая вдоль той же геологической складки. Нечего говорить о том, что новейшие данные о залежах каменного угля очень далеки от того, чтобы приписать им азональность.

Подмосковный, Донецкий, Кузнецкий, Иркутский, Уральский каменноугольные бассейны занимают огромные площади и тесно связаны с геологической структурой района.

Но с этой же структурой связана и речная карта. Реки как нельзя лучше координируются с геологической структурой. То же можно сказать и о рельефе. Климат, конечно, менее связан с геологической структурой, но и здесь появление горных цепей и связанная с этим защищенность от тех или иных ветров, конденсация влаги придают климату некоторые специфические черты. Почвы наполовину связаны с климатом, наполовину с той же геологической структурой.

Однако, мы не можем оценить ни одно естественное благо вне поля зрения хозяйственной деятельности человека и современного уровня техники. Только после производственного анализа мы можем оценить значение того или иного естественного блага.

Пустыни Средней Азии, без искусства орошать их, не представляют никакого блага. Также и любая горная порода делается ценностью только в том случае, если техника позволяет обратить эту породу достаточно экономично в товар, необходимый для населения страны.

Поэтому, оценив районы с точки зрения природных богатств, надо перейти к производственной их оценке.

Первая такая оценка может быть сделана на основании статистических данных, учитывающих прошлые формы производства по районам, но все же это будет значить — только глядеть назад, а не учитывать перспективы. Поэтому первое построение районной сетки в работах Госплана пришлось построить на основании экспертной оценки районов соответственным кругом специалистов, которые могли, как знатоки того или иного района и его особенностей и обладая также соответственными знаниями производства, оценить любой район как будущий большой производственный комплекс. Но, конечно, так могла быть построена только рабочая гипотеза проекта, уточнение которой должно было пройти в порядке построения перспективного плана развития производства в стране на основе районного деления. Здесь, следовательно, районирование теснейшим образом увязывается с построением плана хозяйственного развития страны на новых основаниях.

Придавая планированию стройный и систематический характер, районирование само получает свое уточнение в порядке разработки плана. Мы этим не хотим сказать, что первая гипотеза недостаточно вероятна как форма разделения территории,— вся работа Госплана, начиная с 1921 года до сих пор, не привела к каким-либо серьезным поправкам основной системы районов, но этого мало. Район должен быть не только очерченной границей, а и действительным звеном жизни,— в виду чего задачи районирования после установления границ — это технико-экономическое проектирование районов и увязка этого проектирования в единый общесоюзный проект.

Наиболее активной эта проблема могла бы стать, если бы в этом построении сам район, как производственный комплекс, стал действенным творцом плана своего развития.

Эта форма является необходимой и завершающей, при чем, конечно, и здесь центр должен установить надлежащую соотносительность развития различных районов и темп этого развития, коор-

динируя последний с хозяйственным ростом страны и ростом потребностей населения.

Через районирование к плану и организации, которые, в свою очередь, должны поднять самое районирование на следующую более высокую его степень.

Возвращаясь опять к производственному методу, считаем необходимым осветить еще два вопроса, из которых один тесно связан с установлением значимости отдельных производственных районов в общей схеме, а другой входит целиком в работу по производственному районированию, как методологический момент.

Первый вопрос касается возможной соотносительности производственного и торгового районирования, а второй — метода определения в наших современных условиях наиболее рентабельного предприятия или их комплекса.

2. Районирование сбыта и соотносительность районов

Можно ли ставить вопрос вообще о торговом районировании? На этот вопрос я должен ответить положительно. Такое районирование для деятельности наших синдикатов совершенно необходимо для того, чтобы определить район действия товаров, произведенных в каком-либо месте, а с другой стороны — этот метод необходим при увязке деятельности районов и в области производства. Таким образом, мы только и можем определить значимость каждого района по отношению к другому, а следовательно, и установить темп развития каждого. В отдельных случаях такое сравнение может повести даже к переносу производства целиком из одного района в другой.

Этот вопрос мы уже имели возможность осветить до известной степени в своей работе „Восстановление производства в России“,[1] но здесь считаем возможным еще раз поставить его в более полном изложении.

Выводы, которые при этом получаются, весьма важны и для другого вопроса, тесно связанного с районированием,— это постановка некоторых заданий для развития нашего транспорта.

Себестоимость единицы товара, произведенного в некотором пункте страны, для любой другой точки страны может быть определена уравнением:

$$A = a + f(k, l)$$

где A — себестоимость единицы товара на месте потребления
a — „ „ „ „ „ производства
$f(k, l)$ — транспортные расходы, зависящие от себестоимости перевозки единицы товара на единицу расстояния, от метода перевозки и расстояния.

Функция $f(k, l)$ имеет иногда весьма сложный характер в зависимости от того, как организован транспорт и насколько сложна

[1] Издание Госплана СССР, стр. 12—16.

самая система перевозок. Если товар идет и по железной дороге и по водному пути, а иногда перевозится еще на некоторое расстояние по обыкновенной дороге, то выражение $f(k, l)$ будет весьма сложным.

В целях общей оценки явления примем пока перевозку однородной по способу и себестоимость постоянной для каждого километра пути. Тогда основное уравнение примет вид $A = a + kl$, причем, очевидно, при переходе к ценам мы будем иметь те же зависимости, но A и a будут обозначать цены, а κ — тарифную ставку.

Район сбыта мы можем, очевидно, определить только тогда, когда существует еще другой пункт, производящий идентичный или эквивалентный товар. Под последним понимается такой товар, который не совсем идентичен с первым, но при известных условиях может его заменить. Как пример такого замещения может служить топливо, которое в разных районах может явиться в различной форме: каменного угля разных сортов, торфа, нефти, дров, горючих газов, сланцев и т. п. Аналогичные замещения могут быть получены и в других отраслях (металл, текстиль и пр.). При этом эквивалентный товар в потреблении заменяет один другой не точно единица на единицу, а в разных степенях валентности.

Отсюда может быть выведена валентность замещающихся товаров по отношению к одному из них, принятому за нормальный.

Примером здесь опять может служить топливо, которое обычно приводится к нормальному каменному углю с теплотворной способностью в 7.000 калорий.

Допустим для начала, что мы имеем два идентичных товара, производимых в двух различных пунктах страны. Себестоимость того и другого товара на некотором расстоянии от мест производства выразится двумя уравнениями:

$$A_1 = a_1 + \kappa l_1$$
$$A_2 = a_2 + \kappa l_2$$

Очевидно, что границей распространения каждого товара будет служить некоторая линия на территории страны, для всех точек которой $A_1 = A_2$ или $a_1 + \kappa l_1 = a_2 + \kappa l_2$

$$\frac{a_1 - a_2}{k} = l_2 - l_1$$

Выведем уравнение этой кривой.

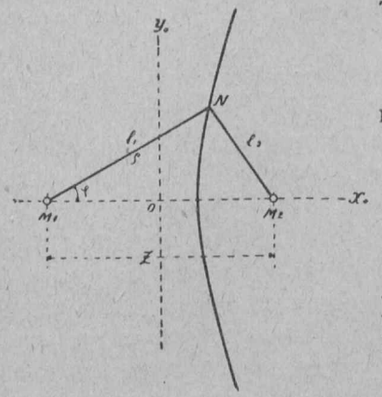
Пусть Z будет расстояние между обоими пунктами производства, l_1 и l_2 — расстояние какой-либо точки искомой кривой от точек M_1 и M_2 (см. фиг. 1).

Из предыдущего уравнения получается:

$$l_1 - l_2 = \frac{a_2 - a_1}{k} = \text{const.}$$

Это уравнение показывает, что линия раздела представляет собой гиперболу второй степени с фокусами в точках M_1 и M_2. Горизонтальная полуось этой гиперболы равна

$$a = \frac{l_1 - l_2}{2} = \frac{a_2 - a_1}{2\kappa}$$



Фиг. 1

вертикальная получилась

$$b = \frac{1}{2}\sqrt{Z^2 - 4a^2} = \frac{1}{2}\sqrt{Z^2 - \left(\frac{a_2 - a_1}{k}\right)^2}$$

И все уравнение для главных осей Ox и Oy получится в виде

$$\frac{x^2}{a^2} - \frac{y^2}{b^2} = 1$$

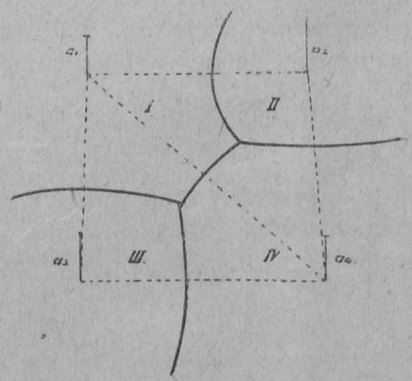
или в развернутой форме

$$\frac{4x^2}{m^2} - \frac{4y^2}{Z^2 - m^2} = 1, \text{ где } m = \frac{a_2 - a_1}{k}$$

При полюсе в точке M то же уравнение может быть написано в полярной форме

$$Z^2 - 2Z\sigma \cos\varphi + m\sigma + m^2 = 0. \text{ Здесь } \sigma = l_1$$

Если мы имеем несколько производственных центров, где вырабатывается тот же товар, то можно все пространство страны разделить гиперболическими кривым на ряд районов сбыта (фиг. 2). Представляет еще интерес рассмотреть проблемы территорий сбыта для эквивалентных товаров.



Фиг. 2

Пусть имеем два пункта производства товаров, которые могут замещать один другой в отношении n. В этом случае себестоимость товаров должна быть сравниваема при том условии, что себестоимость одного из товаров, замещающего другой в отношении большем единицы, должна быть увеличена на коэфициент валентности. Если, например, мы определяли бы условия сбыта донецкого угля и подмосковного с теплотворной способностью в 7.000 калорий для первого и 3.500—для второго, то себестоимость подмосковного угля должна бы быть увеличена в два раза. Но валентность отразится, очевидно, и на транспортных расходах, так как перевозить придется на 1 тонну донецкого угля 2 тонны подмосковного.

Если бы мы взяли вопрос в разрезе линии сбыта, проходящей через оба пункта производства, то получили бы следующую картину.

По мере удаления от точки M_1 товар возрастал по себестоимости по прежней формуле

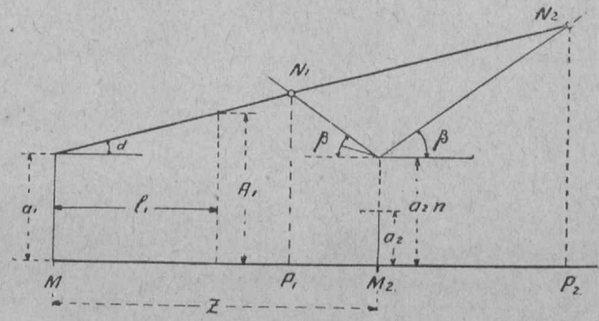
$$A_1 = a_1 + kl_1 = a_1 + l_1 \operatorname{tg}\alpha, \text{ так как } k = \operatorname{tg}\alpha$$

Очевидно, что для товара пункта M_2

$$A_2 = na_2 + l_2 n \operatorname{tg}\alpha = (a_2 + kl_2)\, n$$

Здесь $\operatorname{tg}\beta = n \operatorname{tg}\alpha = nk$ (фиг. 3).

При этом выявляется, что товар точки M_2, т.-е. более низкокачественный, выгоден для продажи лишь в пределах отрезка линии.— P_1 P_2, а на всем остальном пространстве выгоднее иметь товар, производимый в точке M_1.



Фиг. 3

На плоскости это даст следующее построение:

$$A_1 = a_1 + kl_1$$
$$A_2 = (a_2 + kl_2)\, n$$

Раздел определится линией, удовлетворяющей условию

$$A_1 = A_2$$
$$a_1 + kl_1 = (a_2 + kl_2)\, n$$
$$\frac{a_1 - a_2 n}{k} = nl_2 - l_1$$

Уравнение искомой кривой в полярных координатах, при полосе в M_1, будет по типу сходно с предыдущим, но кривая по форме напоминает эллипс (она, в действительности, не эллипс):

$$(n^2 - 1)\,\sigma^2 + 2m\sigma - 2n^2\sigma Z \cos\varphi - m^2 + n^2 Z^2 = 0$$

Здесь $$m = \frac{a_1 - a_2 n}{k}$$

Форма этой кривой указана на фиг. 4.

Эта кривая указывает, что товары по качеству более низкие менее транспортабельны и обычно замыкаются на местном круге потребления.

Разберем один пример. Допустим, что мы имели донецкий уголь в 7.000 калорий по себестоимости на месте добычи в 9 руб. за тонну, а подмосковный — в 3.500 калорий по 4 р. 50 к. Валентность равна 2. Расстояние между обоими центрами производства примем в 840 *км*, а тарифную ставку в 1/60 коп. с пудо-километра.

Тогда $n=2$; $a_1=900$; $a_2=450$; $a_2n=2{,}450=900$; $Z=840$ *км*;

$$m=\frac{a_1-a_2n}{k}=0.$$

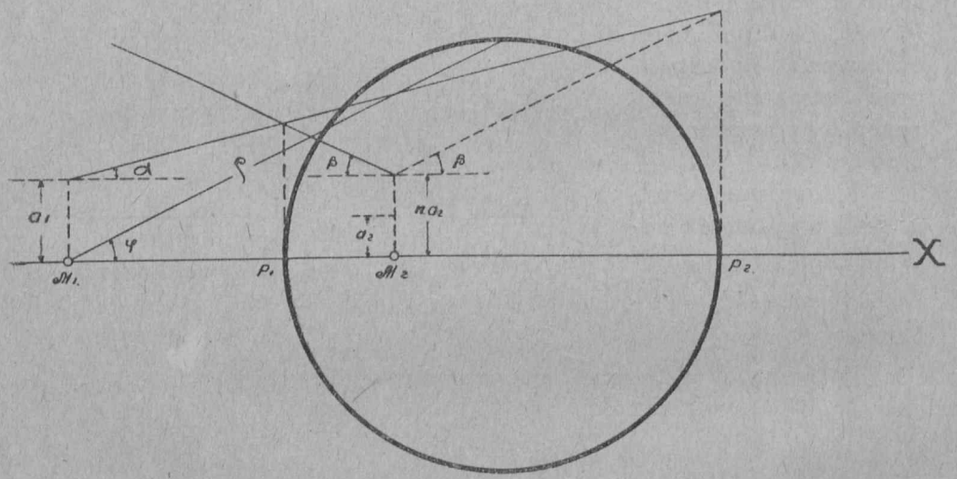
При $\varphi=0$ имеем уравнение

$$3\sigma^2-8\sigma\cdot 840+4.840^2=0$$

Отсюда

$$\sigma_1=560 \text{ км}$$
$$\sigma_2=1.680 \text{ км}$$

Этот пример показывает, что рынок подмосковного угля кончается на 580 *км* к северу от Москвы, а далее идет опять рынок



Фиг. 4

донецкого угля. В этом примере, конечно, не взвешены другие топливные формы (торф, дрова и т. д.).

Таким образом, полная картина районирования страны для всех эквивалентных товаров вместе с идентичными, но произведенными в разных районах, даст разделение страны на ряд территорий, ограниченных частью гиперболами, частью же выделятся замкнутые кривые, указывающие на рынок, обслуживаемый своим товаром, не имеющим, однако, сбыта дальше.

Конечно, такое районирование надо проделать для всех главнейших сортов товаров, чтобы выбрать для каждого соотносительность рынков сбыта, а следовательно, и соотносительность производств.

При этом для каждого товара получится своя особая система районов, но это и не имеет значения, так как районы рынка нужны лишь для установления соотносительности производственных районов и для организации самой торговли.

Г. Я. Сокольников

Оздоровление кон'юнктуры

Хозяйственные трудности, выросшие из недостаточности хлебозаготовок в первом квартале текущего года (октябрь — декабрь) и отчасти смягченные уже в январе, продолжали рассасываться в феврале под влиянием форсированной ликвидации хлебного недобора — февраль дал рекордную цифру плановых хлебозаготовок. А именно, ценность хлебных заготовок составляла (в млн. руб.):[1]

	Январь	Февраль
1926/27 г.	47,9	45,4
1927/28 „	69,7	102,8

Увеличение в феврале текущего года по отношению к февралю прошлого года равняется 126,4%. В натуре это увеличение составляет 115%, так как заготовительные цены несколько выше прошлогодних. Тем не менее, к 1 марта общий размер прошлогодних хлебозаготовок еще не был достигнут: заготовки за 5 месяцев текущего года составили в натуральном выражении 85,1%, в ценностном выражении — 91,0% прошлогодних хлебозаготовок за тот же период. Дальнейшее приближение к прошлогоднему уровню явилось задачей мартовской хлебозаготовительной кампании. Нужно, однако, учитывать, что расход хлебных ресурсов в текущем году будет более значительным, чем в 1926/27 г., так как, во-первых, при дальнейшем падении частных заготовок возрос круг снабжаемых продовольствием, во-вторых, сократились местные так называемые неплановые заготовки, что, в свою очередь, повышает расход планово-заготовленного хлеба, в-третьих, увеличилось снабжение семенами.

На высоком уровне прошли не только хлебные, но и другие с.-х. заготовки в феврале (технические культуры, маслосемена, продукты животноводства). В итоге ценность всех плановых заготовок достигла (в млн. руб.):

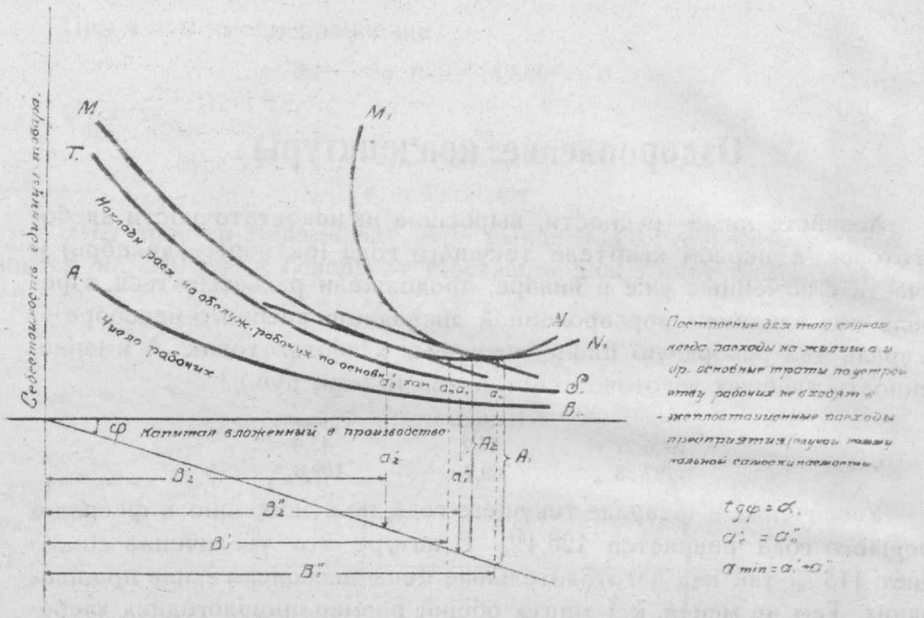
	Январь	Февраль
1926/27 г.	86,1	80,7
1927/28 „	123,0	150,2

Нормальным для февраля является снижение ценности заготовок. В текущем году исключительный рост цифры хлебозаготовок перекрыл сезонное понижение заготовок по техническим культурам и продуктам животноводства. Более детальный анализ хода и итогов

[1] Цифровые данные всюду, где не указан другой источник, приведены по материалам Кон'юнктурной секции Госплана СССР.

На фиг. 6 изображена кривая MN себестоимости в зависимости от капитальных затрат без нужд населения рабочих.

Кривая AB изображает соответственное первой кривой число рабочих, а кривая TS пропорциональные первой кривой затраты на нужды рабочего быта (жилищное строительство и проч.). Учитывая



Фиг. 6

эти дополнения, получим новую кривую себестоимости $M_1 N_1$, для которой коммерчески наивыгоднейшей является себестоимость A_2 с капиталом B_2. Здесь важно отметить, что в данном случае как величина A_2, так и B_2 получились значительно ближе к величинам A_1 и B_1.

Это заставляет очень осторожно относиться ко всем построениям, где не учтены расходы по устройству жизни рабочего и обслуживающего персонала.

оценки создаваемых благ, при котором структура капитала в нем была учтена.

Отсюда возникает представление о том, что вложенный капитал не может не быть учтенным в цене создаваемого товара в количестве, соответствующем соотношению между имеющимися свободными средствами и потребностью в капитале. Кроме того, смешение в одно средств, идущих на содержание государственного аппарата, и производственных средств также запутывает истинную физиономию хозяйственного процесса.

Установление нормы прибыли, однако, должно быть твердо согласовано и с покупательной способностью населения, так чтобы, с одной стороны, средств было достаточно на развертывание производства, а с другой — не была подорвана покупательная способность, в противном случае становится ненужным и самый рост производств.

Отвлечемся на время даже от существующей у нас на ряду с государственной частнохозяйственной системы. Но и в этом случае об'ективная оценка выгодности капитальных вложений остается в силе. Выгодность можно установить лишь, как сравнение. При одном и том же вложении в предприятия с разной структурой капитала, количество произведенных товаров на единицу вложенных средств всегда будет больше у предприятия с низкой структурой капитала, хотя у этого же предприятия будет больше расходов по эксплоатации предприятия.

Отсюда и вытекает то положение, что в странах, имеющих мало свободных средств и много незанятого труда, выгоднее предприятия с низкой структурой капитала.

Должно оговориться, что предприятие с низкой структурой капитала далеко не всегда является технически отсталым. Фордовские заводы автомобилей являются предприятиями с сравнительно низкой структурой капитала, так как здесь при большой стоимости оборудования ей соответствует огромный выпуск изделий.

То же может быть сказано и в отношении некоторых гидроэлектрических станций, которые имеют на отпускаемый киловаттчас капитал, меньший чем тепловые.[1] Между прочим, при сравнительном учете тепловых и гидравлических электростанций, всегда следует принимать для первых не только капитальные затраты на постройку станции, но и на добычу соответственного количества топлива, если вопрос рассматривается не с частнохозяйственной, а с народнохозяйственной точки зрения.

Здесь, однако, для нашей страны необходимо сделать еще одно замечание, весьма важное для организации производств и строительства у нас.

---

[1] Установленный киловатт на станции Niagara Falls Power C° обошелся

Таким образом, производственное районирование даст сетку активных производственных районов, а районирование рынков сбыта устанавливает вес каждого района в общей схеме производств по наиболее экономически выгодному типу.

В предыдущем изложении мы все время брали себестоимости, но и при замене их ценами, математическое выражение явления осталось бы тем же, хотя указанный метод может дать в этом случае очень много данных не только для расчета рынков, но и для тарифной политики, а может быть и для некоторых принципов реорганизации транспорта. Варьируя те или иные методы тарификации и деля страну затем на рынки сбыта, легко видеть результаты той или иной тарифной политики на транспорте. Рынки сбыта, конечно, могут дать ответ на вопрос о построении новой сети железных дорог и других путей и о системе перевозок на них. К рынкам сбыта, очевидно, должны быть отнесены при полном анализе и внешние потребители наших товаров, и в таких случаях, разумеется, необходимо каждый раз оценивать таможенные условия и производственные возможности соседних государств.

3. Наивыгоднейшее предприятие

Теперь остается еще вопрос о самом понятии наивыгоднейшего предприятия.

Всякое новое предприятие требует от населения некоторого отказа от текущего потребления в целях будущего развития. Этот отказ только и даст те средства, которые необходимы как для образования оборотного, так и основного капитала. Эти средства могут быть получены от населения либо в налоговой форме, либо в виде прибыли на вложенный капитал в предприятия. Собственно, можно считать оба метода безразличными с точки зрения самого населения, если количество средств при этом получится одинаковым. Может быть, можно даже предпочесть налоговую форму, как наиболее ясную и более правильно распределяющую платежи, между различными группами населения страны в зависимости от их платежеспособности.

Однако, при этом методе приходится считаться с той трудностью, которая возникает при вложении капитала в предприятия, создающие одинаковые ценности, но при различной структуре капитала.

Что выгоднее, — тепловая или гидравлическая станция? На первый взгляд многим кажется, что это будет гидравлическая, так как у нее очень низки эксплоатационные расходы, но если иметь в виду, что гидравлическая станция имеет более высокую структуру основного капитала, то необходимо брать, прежде всего, такой метод

[1] В предыдущем изложении мы остановились лишь на простой покилометровой тарификации перевозок. Очевидно, решение возможно и при более сложных системах перевозок и учете провозной себестоимости.

этих последних по сравнению с прошлым годом даст следующее сопоставление (в натуральном измерении; цифры прошлого года приняты за 100):

	Октябрь—февраль 1927 28 г. в % к соответ. периоду 1926 27 г.	Февраль 1928 г. в % к февралю 1927 г.
Хлопок-сырец	124	265
Лен-волокно	111	92
Пенька	153	85
Табак	148	76
Махорка	76	51
Кожи мелкие	134	142
Кожи крупные	117	126
Яйца	147	156
Масло	112	94
Мясо	271	165

Заслуживает внимания то обстоятельство, что по некоторым видам сырья динамика февральских заготовок является неблагоприятной (лен, пенька, махорка). Но данные за 5 месяцев показывают крупный прирост заготовок (за исключением махорки), который и сделал возможным более значительное, чем предполагалось по планам, развитие ряда промышленных отраслей по переработке сельскохозяйственного сырья.

Характерной и совершенно специфической особенностью февральской кон'юнктуры является на ряду с исключительно высоким уровнем плановых заготовок с д е р ж а н н о с т ь деревенского потребительского спроса. Крупные цифры заготовок должны были бы вызвать вспышку товарного голода. На самом деле, под влиянием серии мероприятий, направленных к сжатию платежных ресурсов деревни (кампания по самообложению, размещение крестьянского займа, взыскание налоговых недоимок, страховых платежей, ссуд,— по приблизительным подсчетам за февраль этими способами было из'ято около 110—120 млн. руб.), расширения потребительского спроса не проявлялось и отчасти имел место скорее обратный процесс — некоторого сокращения деревенского спроса. Валовая продукция крупной госпромышленности в феврале показывает небольшое снижение против января — 809 млн. руб. против 831,7 млн. руб., что об'ясняется меньшим числом рабочих дней в феврале. Продукция предметов широкого потребления в феврале составила 385,1 млн. руб. против 396,0 млн. руб. в январе. Однако, даже при этом сокращении февральская реализация на деревенских рынках проходит без напряжения (в городах положение в основном остается крайне обостренным). Все кон'юнктурные обзоры довольно единодушно констатируют насыщенность деревенского рынка товарами. „Кон'юнктурный обзор Совета с'ездов госпромышленности и торговли СССР“ (см. № 34) на основании оценки состояния рынка в феврале приходит к следующему выводу: „В связи с насыщенностью

Тогда $n=2$; $a_1=900$; $a_2=450$; $a_2n=2{,}450=900$; $Z=840$ *км*;

$$m=\frac{a_1-a_2n}{k}=0.$$

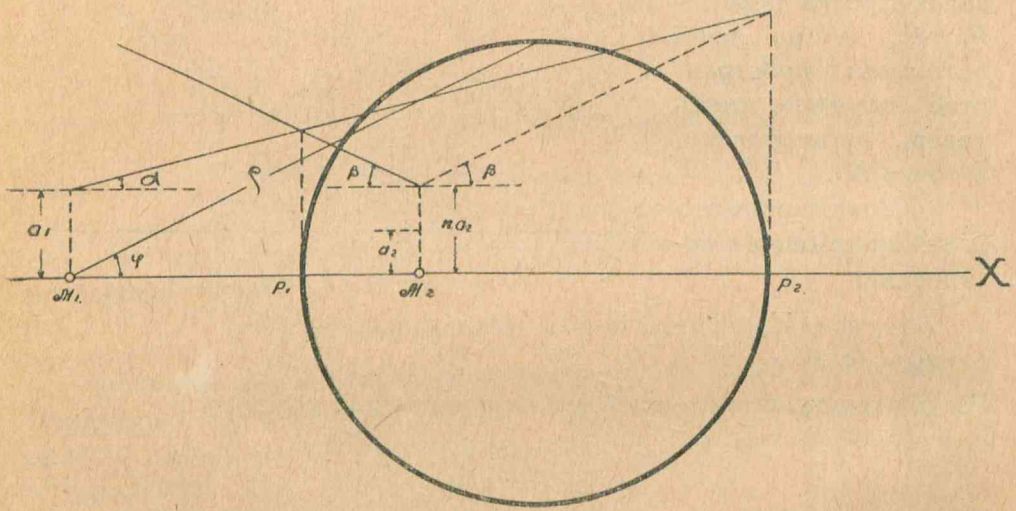
При $\varphi=0$ имеем уравнение

$$3\sigma^2-8\sigma\,.\,840+4.840^2=0$$

Отсюда

$$\sigma_1=560 \text{ км}$$
$$\sigma_2=1.680 \text{ км}$$

Этот пример показывает, что рынок подмосковного угля кончается на 580 *км* к северу от Москвы, а далее идет опять рынок



Фиг. 4

донецкого угля. В этом примере, конечно, не взвешены другие топливные формы (торф, дрова и т. д.).

Таким образом, полная картина районирования страны для всех эквивалентных товаров вместе с идентичными, но произведенными в разных районах, даст разделение страны на ряд территорий, ограниченных частью гиперболами, частью же выделятся замкнутые кривые, указывающие на рынок, обслуживаемый своим товаром, не имеющим, однако, сбыта дальше.

Конечно, такое районирование надо проделать для всех главнейших сортов товаров, чтобы выбрать для каждого соотносительность рынков сбыта, а следовательно, и соотносительность производств.

При этом для каждого товара получится своя особая система районов, но это и не имеет значения, так как районы рынка нужны лишь для установления соотносительности производственных районов и для организации самой торговли.

Г. Я. Сокольников

Оздоровление кон'юнктуры

Хозяйственные трудности, выросшие из недостаточности хлебозаготовок в первом квартале текущего года (октябрь — декабрь) и отчасти смягченные уже в январе, продолжали рассасываться в феврале под влиянием форсированной ликвидации хлебного недобора — февраль дал рекордную цифру плановых хлебозаготовок. А именно, ценность хлебных заготовок составляла (в млн. руб.):[1]

	Январь	Февраль
1926/27 г.	47,9	45,4
1927/28 „	69,7	102,8

Увеличение в феврале текущего года по отношению к февралю прошлого года равняется 126,4%. В натуре это увеличение составляет 115%, так как заготовительные цены несколько выше прошлогодних. Тем не менее, к 1 марта общий размер прошлогодних хлебозаготовок еще не был достигнут: заготовки за 5 месяцев текущего года составили в натуральном выражении 85,1%, в ценностном выражении — 91,0% прошлогодних хлебозаготовок за тот же период. Дальнейшее приближение к прошлогоднему уровню явилось задачей мартовской хлебозаготовительной кампании. Нужно, однако, учитывать, что расход хлебных ресурсов в текущем году будет более значительным, чем в 1926/27 г., так как, во-первых, при дальнейшем падении частных заготовок возрос круг снабжаемых продовольствием, во-вторых, сократились местные так называемые неплановые заготовки, что, в свою очередь, повышает расход планово-заготовленного хлеба, в-третьих, увеличилось снабжение семенами.

На высоком уровне прошли не только хлебные, но и другие с.-х. заготовки в феврале (технические культуры, маслосемена, продукты животноводства). В итоге ценность всех плановых заготовок достигла (в млн. руб.):

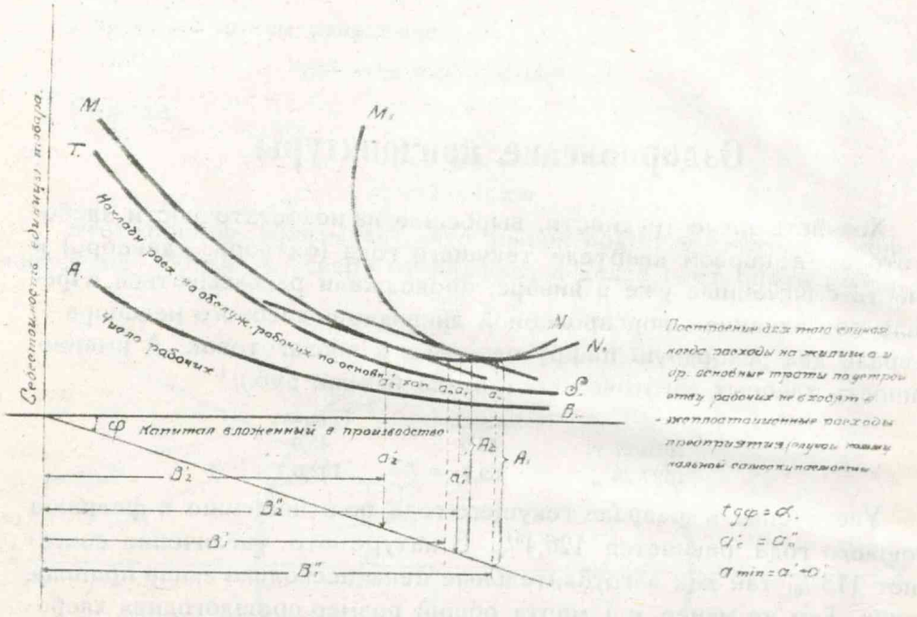
	Январь	Февраль
1926/27 г.	86,1	80,7
1927/28 „	123,0	150,2

Нормальным для февраля является снижение ценности заготовок. В текущем году исключительный рост цифры хлебозаготовок перекрыл сезонное понижение заготовок по техническим культурам и продуктам животноводства. Более детальный анализ хода и итогов

[1] Цифровые данные всюду, где не указан другой источник, приведены по материалам Кон'юнктурной секции Госплана СССР.

На фиг. 6 изображена кривая MN себестоимости в зависимости от капитальных затрат без нужд населения рабочих.

Кривая AB изображает соответственное первой кривой число рабочих, а кривая TS пропорциональные первой кривой затраты на нужды рабочего быта (жилищное строительство и проч.). Учитывая



Фиг. 6

эти дополнения, получим новую кривую себестоимости $M_1 N_1$, для которой коммерчески наивыгоднейшей является себестоимость A_2 с капиталом B_2. Здесь важно отметить, что в данном случае как величина A_2, так и B_2 получились значительно ближе к величинам A_1 и B_1.

Это заставляет очень осторожно относиться ко всем построениям, где не учтены расходы по устройству жизни рабочего и обслуживающего персонала.

оценки создаваемых благ, при котором структура капитала в нем была учтена.

Отсюда возникает представление о том, что вложенный капитал не может не быть учтенным в цене создаваемого товара в количестве, соответствующем соотношению между имеющимися свободными средствами и потребностью в капитале. Кроме того, смешение в одно средств, идущих на содержание государственного аппарата, и производственных средств также запутывает истинную физиономию хозяйственного процесса.

Установление нормы прибыли, однако, должно быть твердо согласовано и с покупательной способностью населения, так чтобы, с одной стороны, средств было достаточно на развертывание производства, а с другой — не была подорвана покупательная способность, в противном случае становится ненужным и самый рост производств.

Отвлечемся на время даже от существующей у нас на ряду с государственной частнохозяйственной системы. Но и в этом случае об'ективная оценка выгодности капитальных вложений остается в силе. Выгодность можно установить лишь, как сравнение. При одном и том же вложении в предприятия с разной структурой капитала, количество произведенных товаров на единицу вложенных средств всегда будет больше у предприятия с низкой структурой капитала, хотя у этого же предприятия будет больше расходов по эксплоатации предприятия.

Отсюда и вытекает то положение, что в странах, имеющих мало свободных средств и много незанятого труда, выгоднее предприятия с низкой структурой капитала.

Должно оговориться, что предприятие с низкой структурой капитала далеко не всегда является технически отсталым. Фордовские заводы автомобилей являются предприятиями с сравнительно низкой структурой капитала, так как здесь при большой стоимости оборудования ей соответствует огромный выпуск изделий.

То же может быть сказано и в отношении некоторых гидроэлектрических станций, которые имеют на отпускаемый киловаттчас капитал, меньший чем тепловые.[1] Между прочим, при сравнительном учете тепловых и гидравлических электростанций, всегда следует принимать для первых не только капитальные затраты на постройку станции, но и на добычу соответственного количества топлива, если вопрос рассматривается не с частнохозяйственной, а с народнохозяйственной точки зрения.

Здесь, однако, для нашей страны необходимо сделать еще одно замечание, весьма важное для организации производств и строительства у нас.

---

[1] Установленный киловатт на станции Niagara Falls Power C° обошелся

Таким образом, производственное районирование даст сетку активных производственных районов, а районирование рынков сбыта устанавливает вес каждого района в общей схеме производств по наиболее экономически выгодному типу.

В предыдущем изложении мы все время брали себестоимости, но и при замене их ценами, математическое выражение явления осталось бы тем же, хотя указанный метод может дать в этом случае очень много данных не только для расчета рынков, но и для тарифной политики, а может быть и для некоторых принципов реорганизации транспорта. Варьируя те или иные методы тарификации и деля страну затем на рынки сбыта, легко видеть результаты той или иной тарифной политики на транспорте. Рынки сбыта, конечно, могут дать ответ на вопрос о построении новой сети железных дорог и других путей и о системе перевозок на них. К рынкам сбыта, очевидно, должны быть отнесены при полном анализе и внешние потребители наших товаров, и в таких случаях, разумеется, необходимо каждый раз оценивать таможенные условия и производственные возможности соседних государств.

3. Наивыгоднейшее предприятие

Теперь остается еще вопрос о самом понятии наивыгоднейшего предприятия.

Всякое новое предприятие требует от населения некоторого отказа от текущего потребления в целях будущего развития. Этот отказ только и даст те средства, которые необходимы как для образования оборотного, так и основного капитала. Эти средства могут быть получены от населения либо в налоговой форме, либо в виде прибыли на вложенный капитал в предприятия. Собственно, можно считать оба метода безразличными с точки зрения самого населения, если количество средств при этом получится одинаковым. Может быть, можно даже предпочесть налоговую форму, как наиболее ясную и более правильно распределяющую платежи, между различными группами населения страны в зависимости от их платежеспособности.

Однако, при этом методе приходится считаться с той трудностью, которая возникает при вложении капитала в предприятия, создающие одинаковые ценности, но при различной структуре капитала.

Что выгоднее, — тепловая или гидравлическая станция? На первый взгляд многим кажется, что это будет гидравлическая, так как у нее очень низки эксплоатационные расходы, но если иметь в виду, что гидравлическая станция имеет более высокую структуру основного капитала, то необходимо брать, прежде всего, такой метод

[1] В предыдущем изложении мы остановились лишь на простой покилометровой тарификации перевозок. Очевидно, решение возможно и при более сложных системах перевозок и учете провозной себестоимости.

этих последних по сравнению с прошлым годом даст следующее сопоставление (в натуральном измерении; цифры прошлого года приняты за 100):

	Октябрь—февраль 1927 28 г. в % к соответ. периоду 1926 27 г.	Февраль 1928 г. в % к февралю 1927 г.
Хлопок-сырец . . .	124	265
Лен-волокно	111	92
Пенька	153	85
Табак	148	76
Махорка	76	51
Кожи мелкие	134	142
Кожи крупные . . .	117	126
Яйца	147	156
Масло	112	94
Мясо	271	165

Заслуживает внимания то обстоятельство, что по некоторым видам сырья динамика февральских заготовок является неблагоприятной (лен, пенька, махорка). Но данные за 5 месяцев показывают крупный прирост заготовок (за исключением махорки), который и сделал возможным более значительное, чем предполагалось по планам, развитие ряда промышленных отраслей по переработке сельскохозяйственного сырья.

Характерной и совершенно специфической особенностью февральской кон'юнктуры является на ряду с исключительно высоким уровнем плановых заготовок сдержанность деревенского потребительского спроса. Крупные цифры заготовок должны были бы вызвать вспышку товарного голода. На самом деле, под влиянием серии мероприятий, направленных к сжатию платежных ресурсов деревни (кампания по самообложению, размещение крестьянского займа, взыскание налоговых недоимок, страховых платежей, ссуд,— по приблизительным подсчетам за февраль этими способами было из'ято около 110—120 млн. руб.), расширения потребительского спроса не проявлялось и отчасти имел место скорее обратный процесс — некоторого сокращения деревенского спроса. Валовая продукция крупной госпромышленности в феврале показывает небольшое снижение против января — 809 млн. руб. против 831,7 млн. руб., что об'ясняется меньшим числом рабочих дней в феврале. Продукция предметов широкого потребления в феврале составила 385,1 млн. руб. против 396,0 млн. руб. в январе. Однако, даже при этом сокращении февральская реализация на деревенских рынках проходит без напряжения (в городах положение в основном остается крайне обостренным). Все кон'юнктурные обзоры довольно единодушно констатируют насыщенность деревенского рынка товарами. „Кон'юнктурный обзор Совета с'ездов госпромышленности и торговли СССР" (см. № 34) на основании оценки состояния рынка в феврале приходит к следующему выводу: „В связи с насыщенностью

рынка промтоварами в хлебозаготовительных районах в течение января и февраля следует ожидать некоторого ослабления спроса в этих районах по отдельным товарам, что дает возможность ослабить напряженность рынка в других районах и городах и пополнить товарные запасы товаропроводящей цепи". По заключению „Кон'юнктурного обзора НКФ" (см. „Фин. и нар. хозяйство", № 14, стр. 25) „ослабление деревенского спроса на промтовары способствовало дальнейшему увеличению товарных запасов в каналах товаропроводящей цепи. Увеличение товарных запасов в феврале по сравнению с январем, по данным ЦСУ, наблюдается почти по всем отраслям торговли. В среднем по СССР по всем отраслям торговли товарные запасы в феврале по сравнению с январем в государственной оптовой торговле увеличились на 11,7%, в розничной торговле на 5%. В оптовой торговле кооперации товарные запасы в тот же период выросли на 14,7%, а в розничной на 4,3%".

Это обстоятельство — некоторое увеличение товарных остатков — дало повод торгующим организациям пред'явить жалобы на тяжкое финансовое положение (жалобы, несомненно, преувеличенные) и, вместе с тем, дало пищу опасениям (несомненно преждевременным) о том, что „предстоит-де затоваривание" и угроза хозяйственному строительству на этот раз не со стороны товарного голода, а со стороны товарных излишков. На самом деле для построения такой „перспективы" нет никаких реальных оснований. Прежде всего, не следует упускать из виду, что сокращение деревенского спроса в феврале носило характер исключительный — из'ятие денежных средств деревни в феврале было максимальным, в последующие месяцы оно значительно снизится. Во-вторых, относительная перегрузка деревенских рынков некоторыми промтоварами сопровождалась недогрузом городских рынков. Так, в упомянутом выше „Кон'юнктурном обзоре НКФ" указывается: „Несмотря на увеличивающееся в феврале снабжение городских рынков, спрос все еще продолжал превышать предложение. Недостаток в городах ощущался в готовом платье, мануфактуре, бельевых тканях, подсолнечном масле, чае, кожтоварах, оконном стекле, лесных и строительных материалах и др.". Картина,— нисколько не наводящая на мысли о близких затруднениях сбыта. При большем совершенстве плановой и оперативной работы товаров в деревню было бы в феврале послано меньше, городу дано несколько больше. В-третьих, те же недочеты распределительной работы отразились на ходе реализации промтоваров, поскольку при форсированном направлении товаров в деревню были допущены многочисленные ошибки: в одни районы направлялись товары, имеющие сбыт в других, и наоборот — многочисленные примеры подобных ошибок, подчас совершенно анекдотического свойства, неоднократно приводились в корреспонденциях с мест в ежедневной экономической прессе. Таким образом, для низовой торгующей сети создавались дополнительные затруднения.

Общее состояние текстильного рынка в феврале в „Кон'юнктурном обзоре Совета с'ездов госпромышленности и торговли" (№ 34) дано в следующей рельефной характеристике: „Наличие в деревне больших товарных запасов оказало психологическое действие на население: удовлетворив первую потребность, оно затем успокоилось и не торопилось с новыми закупками. Отсюда сужение об'ема спроса. Влияние на понижение спроса оказало, по сообщениям с мест, и кампания по сбору различных платежей. Кроме того, крестьянство в феврале значительно усилило закупки сел.-хоз. инвентаря. К изложенному надо прибавить и малосезонный период в мануфактурной торговле. Продолжающееся усиленное снабжение заготовительных районов приводило к оседанию товаров в торговой сети. Отовсюду сообщается о накопившихся запасах мануфактуры. Некоторые же организации даже стали перед угрозой затоваривания (отсюда еще „дистанция огромного размера" до общего затоваривания. Г. С.). Многие райсоюзы, чтобы не увеличивать у себя запасов, применяют политику сдачи низовке всего получаемого товара ценой облегчения условий расчета. Наблюдаются, далее, задержки выборки товара, выкупа и даже отказа. Насыщение мануфактурой торговой сети заготовительных районов несколько отразилось на снабжении городов, так как невыбранная низовой кооперацией мануфактура просачивалась в город (интересный образчик корректирования снизу диспропорции планового распределения. Г. С.); кроме того, и регулирующие органы при распределении поступлений в отделения ВТС уделяли городу больший процент, чем в январе. К концу месяца, с разрешением переброски мануфактуры из района в район (т.-е. с предоставлением возможности поправлять дефекты планов завоза. Г. С.), снабжение городов и незаготовительных районов расширилось, но результаты этого мероприятия в феврале не успели еще выявиться в достаточной мере. В связи с этим недостаток предложения держал городской рынок в напряженном состоянии. Лишь Харьков и несколько менее крупных городов отмечают спокойное состояние городского потребительского рынка. Всюду в феврале имел место отлив крестьян-покупателей из города (в предыдущие месяцы прилив крестьян был показателем недоснабжения деревни. Г. С.)".

Сезонное сокращение спроса, приходящееся на 3—4 месяца второго и третьего кварталов хозяйственного года, в нормальных условиях должно быть использовано для увеличения товарных ресурсов, необходимых к периоду реализации урожая. Поэтому увеличение товарных остатков в период конца зимы не может рассматриваться как минус для хозяйства в целом. Но если в текущем феврале, по данным ЦСУ, произошло увеличение товарных остатков, то это еще не означает в действительности образования товарных запасов, имеющих маневренное значение. Выше уже было указано, какими специфическими чертами отличается февральское образование „за-

пасов"— элементы сезонного увеличения остатков определяют его лишь в незначительной доле. Но помимо этого, необходимо установить элементарное различие между технически необходимыми товарными остатками и запасными товарными фондами, имеющими, в самом деле, значение товарных резервов. При данном уровне промышленной продукции и данной торговой оптовой и розничной сети некоторая часть товарной массы естественно и неизбежно находится на заводских складах, в пути —„на колесах", на торговых складах, наконец, на полках розничных магазинов. Без наличия этих товарных остатков немыслима спокойная и регулярная работа по реализации товаров и бесперебойному удовлетворению потребительского спроса. Поскольку продажи идут за счет сокращения этих технически необходимых остатков,— налицо признаки неблагополучия, несоответствия между продукцией и потреблением; такое положение, действительно, имело место в некоторых отраслях промышленности (например, в текстильной) минувшей осенью. Восстановление необходимых остатков имеет, совершенно очевидно, положительное значение. Хотя в этой области обоснованные и точные подсчеты отсутствуют (о чем нельзя не пожалеть, так как проблема эта является крайне важной), все же можно, скорее, полагать, что с учетом февральского повышения товарных запасов еще не достигнута граница, на которой заканчивается образование необходимых товарных остатков и начинается накопление товарных резервов в подлинном смысле слова. Таким образом, задача подготовки достаточных товарных масс к периоду осенней реализации продолжает стоять перед советской хозяйственной системой во весь свой рост. На протяжении ближайших месяцев необходимо сделать максимум возможного для хотя бы частичного ее решения в текущем году. Трудности в этом деле предстоят бесспорные, но их нельзя назвать непреодолимыми.

Подсчет технически необходимых товарных остатков имеет существенное значение для составления ориентировочных балансов товарного предложения и спроса. Известно, что делавшиеся до сих пор попытки составления подобных балансов оканчивались более или менее неудачно. Поскольку балансы эти базировались на подсчетах товарной массы, с одной стороны, определяющейся как сумма стоимости продукции соответственных отраслей, и массы платежных средств, определяющейся как сумма денежных доходов, с другой стороны,— они давали чрезмерно грубые противопоставления. Не всякое увеличение товарной массы может быть занесено в баланс продукции и потребления как увеличение товаров в предложении. С ростом продукции и с ростом масштаба реализации через торговую сеть растет доля необходимых товарных остатков. Если сделать довольно элементарную ошибку и не исключить из продукции, например, второго и третьего кварталов эти нереализуемые остатки,

то можно получить совершенно искаженную перспективу состояния рынка к началу четвертого квартала, перспективу товарных излишков, тогда как на деле гораздо более вероятно, что для действительного получения некоторых „излишков" необходимы специальные меры регулирования производства и спроса. Но в составляемых ориентировочных балансах необходимо отметить еще один существенный недочет: перспектива „перепроизводства" в некоторых из них складывается не только в результате игнорирования неликвидности некоторой части товарной продукции, но и в результате игнорирования ликвидности некоторой доли платежных ресурсов. От внимания составителей балансов не ускользнуло то обстоятельство, что из суммы денежных доходов массы потребителей (после исключения из нее платежей налогового характера) следует вычесть сумму денежных средств, идущих в сбережение — ресурсы накопления. Но они проглядели то существенное обстоятельство, что в условиях товарного голода часть денежных ресурсов находится в состоянии „принудительного накопления", т.-е. не реализируется только потому, что нет возможности отдать эти деньги за товары. Эта часть денежной массы может быть определена, как свободные деньги на руках. При большем насыщении рынка товарами эти „свободные деньги на руках", несомненно, будут пред'явлены в дополнение к текущим денежным доходам и существенно изменят подсчитываемые без учета этого фактора квартальные балансы продукции и потребления, предположительно показывающие большие товарные излишки. Эти замечания не имеют в виду дискредитировать идею составления подобных балансов,— они должны лишь содействовать улучшению методологии их составления. Балансы спроса и предложения могут играть чрезвычайно полезную роль для выяснения динамики рыночных соотношений. На большее они претендовать не могут при данном состоянии статистики и, в особенности, при данном влиянии стихийных факторов в хозяйственной системе — полный учет перспектив производства и реализации предполагает гораздо большую меру возможности предвидения не только в области производства, но и в области потребления: в этой последней области, в особенности, возможность предвидения обусловлена гораздо большей организованностью, гораздо большим преодолением стихийных колебаний, вытекающих из наличия многих миллионов мелких хозяйств (распределение затрат на потребление и на нужды хозяйства, пределы отчуждения на рынок и натурального накопления и т. п.). На основе уточненных балансов продукции и потребления необходимо, во всяком случае, попытаться внести максимальную ясность в проблему динамики отношений между спросом и предложением во второй половине нынешнего хозяйственного года.

Сопоставление основных показателей состояния экономики дает следующие итоги прироста или сокращения для февраля 1928 г. по сравнению с февралем 1927 г., и для пяти месяцев (октябрь — февраль) 1927/28 г. по сравнению с пятью месяцами 1926/27 г. (данные Кон'юнктурной секции Госплана):

	Февраль 1928 г. в %% к февралю 1927 г. (плюс или минус)	Окт.— февраль 1927/28 г. в %% к окт.— февралю 1926/27 г. (плюс или минус)
Ценность хлебозаготовок	+ 126,4	— 9,0
Хлебозаготовки (натура)	+ 115,5	— 14,9
Долгосрочные кредиты	+ 90,1	+ 93,8
Ценность всех планов. заготовок	+ 86,1	+ 17,5
Импорт	— 67,1	+ 35,4
Госдоходы без НКПС	+ 43,3	+ 22,0
Оптовые обороты (биржи)	+ 24,3	+ 25,9
Краткосрочные кредиты	+ 21,5	+ 20,4
Денежная масса	+ 17,9	+ 23,1
Фонд зарплаты	+ 16,2	+ 17,3
Вся продукция в соврем. ценах	+ 13,7	+ 10,6
Продукция предметов широкого потребления	+ 13,4	+ 8,3
Розничные обороты	+ 12,7	+ 14,4
Железнодорожная погрузка	+ 9,0	+ 14,6
Продажи ВСНХ	+ 8,3	+ 34,1
Доля зарплаты в продукции	+ 2,5	+ 6,3
Коммерческие вклады	+ 0,2	+ 0,6
Вклады НКФ	— 1,8	— 2,0
Экспорт	— 15,4	— 20,1

В этой таблице должно быть отмечено выявляющееся и в феврале и в пятимесячном итоге расхождение между направлением экспорта и импорта, приводящее к ухудшению торгового баланса (следует, конечно, иметь в виду, что ухудшение торгового баланса не означает такого же непосредственного ухудшения платежного баланса, в котором кредит по импорту смягчает напряжение). Сравнение абсолютных цифр экспорта и импорта (в млн. руб.) за январь и февраль текущего года и за соответственные месяцы прошлого года подтверждает необходимость усилий к достижению более благоприятного торгового баланса:

	1927 г.			1928 г.		
	Январь	Февраль	Итого	Январь	Февраль	Итого
Экспорт	55,5	49,1	104,6	43,8	41,6	85,4
Импорт	38,5	37,7	76,2	58,1	62,9	121,0
	+ 17,0	+ 11,4	+ 28,4	— 14,3	— 21,4	— 35,7

За пять месяцев текущего хозяйственного года пассивное сальдо торгового баланса внешней торговли (по европейской границе) составляло 31,3 млн. руб. против активного сальдо в сумме 104,8 млн. руб. за тот же период прошлого года (см. „Экон. Жизнь", № 80, передовая статья). Это строение внешнеторгового баланса

об'ясняется выпадением хлебного экспорта, которое не было в полной мере перекрыто увеличением экспорта по другим статьям. Поскольку в ближайшем хозяйственном году (при среднем урожае) нельзя твердо рассчитывать на крупное увеличение хлебного экспорта, особенно необходимой является своевременная и энергичная подготовка к значительному развертыванию всех хозяйственных отраслей экспортного значения.

Сравнение пятимесячных итогов (октябрь — февраль нынешнего и истекшего года) в области кредита также заслуживает особого внимания. Денежная масса для сравниваемых периодов возрасла в текущем году на 23,1%. Краткосрочные кредиты соответственно увеличились на 20,4%, отставая несколько в своем развитии от роста об'ема денежного обращения, что вряд ли может быть признано нормальным. Зато долгосрочные кредиты выросли на 93,8%. Если учесть, что при этом коммерческие вклады в банках показывают ничтожный прирост на 0,6%, а вклады НКФ в банках дают понижение на 2%, то становится очевидным, что кредитный механизм поставлен перед решением очень трудных задач. В долгосрочных кредитах к 1 марта было увязано около одной трети средств, вложенных пятью (крупнейшими) банками в кредитные операции:

	1927/28 г.	
	Январь	Февраль
Краткосрочный кредит (с хлебн.)	2.986	3.048
Долгосрочный кредит по 4 банкам	1.303	1.359
Всего кредитн. операций по 5 банкам	4.289	4.407

В связи с этой ситуацией является вполне возможным напор со стороны промышленности на краткосрочный кредит в течение третьего квартала. В этом квартале предстоит, повидимому, некоторое расширение банкнотной эмиссии после из'ятия денег из обращения, проводившего во втором квартале. Сокращение денежной массы в январе достигло 114,1 млн. руб., в феврале — составило 44 млн. руб. Февральское сокращение опиралось на приток „банковских вкладов", но это последняя статья расшифровывается в действительности, как увеличение средств НКФ (прирост за февраль 28,8 млн. руб.) и Госстраха (прирост за февраль 20,3 млн. руб.). Источником этого увеличения средств НКФ и Госстраха были финансовые мероприятия, проводившиеся в деревне в январе — феврале. В текущем году, следовательно, сокращение денежной массы в обращении во втором квартале произошло не за счет высвобождения средств, вложенных осенью в хлебные заготовки, как это было, напр., в 1926/27 г., когда в январе из'ятие денег из обращения составило 57,4 млн. руб. при небольшом приросте в феврале на 3,5 млн. руб.; такое высвобождение хлебных кредитов и не могло иметь места, поскольку в текущем году максимальное напряжение хлебозаготовок как раз пришлось на второй квартал, в полной противоположности с обычным их ходом. Сокращение денежной массы в последние месяцы не связано,

таким образом, с эластичным саморегулированием кредитной системы и более или менее автоматическим возвратом выпущенных в обращение денег после выполнения ими сезонной функции. Наоборот, сокращение денежной массы происходило при одновременном расширении хлебных кредитов — прирост их в феврале определяется в 46,2 млн. руб. Поскольку базой достигнутого уменьшения денежной массы является, таким образом, в значительной степени сальдо расчетов Госбанка с Наркомфином, т.-е. с госбюджетом, постольку сохранение этого более благоприятного для Госбанка сальдо является одной из обязательных предпосылок финансовой и кредитной политики предстоящего квартала и должно найти свое отражение в директивах банкам на третий квартал.

М. Н. Соболев

Кредит и денежное обращение в перспективном плане

Составление перспективного плана по кредиту является, надо думать, наиболее трудным по сравнению с планами всех прочих отраслей народного хозяйства. Это связано в значительной степени с тем, что кредит является фактором, производным от других отраслей хозяйства. Если проектировка каждой такой отрасли будет заключать в себе некоторую ошибку, то вероятность ошибки в кредитной проектировке возрастет значительнее против ошибок и неточностей планов других отраслей. Кроме того, еще недостаточно изучены некоторые явления, оказывающие влияние на кредит, напр., роль синдикатов в кредитном обороте трестов.

В работе кредитной системы центральное значение имеют цифры вкладов и текущих счетов, эмиссии, собственных средств банков и учетно-ссудных операций.

Собственные средства определяются теми суммами, какие могут быть вложены в основной капитал банков участвующими в них хозяйственными организациями, а эти суммы, в свою очередь, зависят от степени рентабельности последних. Далее, собственные средства определяются прибылями банков, которые, в свою очередь, зависят от об'ема работы банков, связанного с размахом хозяйственной жизни страны, и от высоты взимаемых процентов, регулируемых в СССР государством.

Вклады и текущие счета определяются по линии НКФ состоянием бюджета и его резервами, а по линии хозорганов их общим финансовым положением. На это финансовое положение влияют разнообразнейшие кон'юнктурные моменты, связанные с рынком и с реализацией продукции, влияет темп, размер и характер капитальных вложений, влияют размеры накопления и пр. Таким образом, для сколько-нибудь точного определения суммы вкладов и текущих счетов мы должны были бы учесть перспективу всех этих моментов.

Эмиссия определяется всем состоянием оборота страны с учетом скорости обращения денег и развитием безденежных расчетов.

Наконец, размер учетно-ссудных операций зависит, с одной стороны, от потребностей хозяйственных организаций в кредите, что в свою очередь связано со строением их капиталов и удельным весом оборотного капитала, а также с величиной бюджетных дотаций.

С другой стороны, размер учетно-ссудных операций зависит от величины накопления в стране, поскольку это накопление осуществляется в виде прибылей самих хозорганов.

Одним словом, всякое планирование кредита связано с учетом огромного числа разнообразных экономических показателей, что и делает его особо трудным.

В силу обусловленности кредита ходом других областей народного хозяйства планирование кредита является последним аккордом во всей системе планирования. Он должен связать в единое целое финансовую сторону всех отраслей народного хозяйства и из него вывести величину потребного и возможного кредита.

Построение перспективного плана кредита зависит от разрешения ряда предпосылок:

1) какова будет организация кредитной системы, на которой будет лежать осуществление кредитных функций в стране;

2) каковы будут возможности накопления в стране, так как кредитная система, в конечном счете, может получать приток свежих средств, главным образом, из накопления;

3) как сложатся взаимоотношения между бюджетом и кредитной системой;

4) каковы потребности народного хозяйства в финансовых ресурсах для расширенного воспроизводства;

5) каковы возможности покрытия этих потребностей из государственного бюджета, внутрихозяйственных ресурсов соответствующих отраслей народного хозяйства (промышленности, сельского хозяйства, торговли, кооперации) и из кредитной системы.

Что касается организации кредитной системы, то до самых последних дней в этом вопросе не было достаточной ясности. Мы переживали переходное время, когда первоначальные организационные формы уже не удовлетворяли требованиям жизни, а новые формы не были намечены. Вследствие этого сделанные до сего времени наметки перспективного плана кредита должны были исходить из существующей банковской системы. В этом неизбежно заключался существенной дефект плановых построений.

Неудовлетворительно обстоит дело и с проблемой накопления. Хотя исчисление накопления в хозяйстве СССР и должно было бы лежать в основании всех финансовых расчетов, в частности, капитальных вложений и открываемых кредитов, мы только в последнее время поставили более или менее серьезно изучение этого вопроса. Поэтому до получения всех результатов указанной работы мы не можем нарисовать себе отчетливую и точную картину всех финансовых ресурсов народного хозяйства и места в них кредитной системы. Пока что мы вынуждены ограничиться ориентировочной наметкой ресурсов банковской системы, но не можем увязать их со всеми ресурсами страны.

Чрезвычайно важным представляется вопрос о том, в каком направлении будут развиваться взаимоотношения кредитной системы и государственного бюджета. В течение последних двух лет связь между этими мощными финансовыми системами становилась все более тесной. С одной стороны, банковская система во главе с Госбанком все более питается бюджетными резервами, отлагающимися на текущих счетах НКФ. С другой стороны, бюджет в моменты своих кассовых затруднений стал все чаще использовывать ресурсы Госбанка путем учета гарантий НКФ, путем возложения на Госбанк оплаты процентов, выигрышей и вышедших в тираж облигаций и срочных платежных обязательств Центрокассы, а равно путем кредитования некоторых учреждений, состоящих на госбюджете, как, напр., НКПС и хозорганов в случае неполучения ими в назначенный срок бюджетных ассигнований.

Необходимо уяснить себе характер взаимоотношений бюджета и кредитной системы, определить существующие дефекты, которые нарушают нормальную работу как бюджета, так и банков, и наметить такой порядок, при котором обе финансовые системы, работая в полном взаимодействии и при взаимной поддержке, имели бы при этом свое определенное поле действия, в которое не вторгалась бы другая сторона.

Равным образом до сих пор не было надлежащей увязки финансирования отдельных отраслей народного хозяйства из бюджета внутрихозяйственных средств и кредитной системы в общий финансовый план. Предполагается, что все народное хозяйство получит от кредитной системы то, что она будет в состоянии дать. Но вопрос, могут ли бюджетные ассигнования, внутрихозяйственные ресурсы и банковский кредит покрыть все потребности народного хозяйства при намеченном темпе его развертывания, остается пока не вполне ясным и требует дополнительной разработки на основе изучения размеров накопления и процессов перераспределения народного дохода.

Такова принципиальная постановка вопроса о перспективном планировании кредита и реальные условия, в которых этот вопрос может решаться.

Обратимся теперь к методологии построения перспективного кредитного плана.

Прежде всего, мы полагаем строить план по балансовому методу. Только этот прием позволяет нам привести в равновесие ресурсы кредитной системы и требования на них со стороны народного хозяйства.

Плановые работники уже давно выдвигают требование строить общий план народного хозяйства по балансовому методу для того, чтобы иметь возможность свести все хозяйственные концы с концами и определить взаимоотношения приходной и расходной части. Такая широкая постановка представляет огромные трудности, однако,

несмотря на них, она проводится и должна, действительно, дать исчерпывающую картину всего народного хозяйства во взаимодействии его частей, несравненно более глубокую, чем знаменитая „экономическая таблица“ Кенэ.

В области кредита задача значительно проще. Все составные части такого баланса за прошлое и настоящее имеются, как обычные приемы банковской работы, ее анализа и контроля. Благодаря этому мы можем изучить все элементы работы кредитной системы и на основе анализа прошлого построить цифры балансовых статей для будущего.

Значение балансового метода заключается в том, что он обеспечивает нам равновесие между активом и пассивом и показывает пределы средств, за которые не могут переходить активные операции без риска привести кредитную систему в расстройство.

Банковская работа происходит в рамках весьма устойчивых взаимоотношений отдельных статей баланса. Эта устойчивость получает свое выражение в мало изменяющихся цифрах удельного веса этих статей. Поэтому в основу построения всяких планов кредита, будут ли то квартальные планы, годовые контрольные цифры или перспективные планы, необходимо класть удельный вес балансовых статей.

В каждом хозяйственном строе, в каждом периоде хозяйственного развития устанавливаются определенные удельные веса статей банковского баланса. Правда, эти удельные веса не абсолютно неподвижны. Одни из них обнаруживают внутри каждого года определенные сезонные колебания, напр., удельный вес эмиссии, возрастающий к концу года и в начале года и падающий к средине года. Другие обнаруживают вообще некоторое, но медленное движение вверх или вниз. Например, учетно-ссудные операции имеют тенденцию расти в своем удельном весе в балансе. Однако, все такие изменения происходят в небольших размерах, составляя единицы и доли единиц процентов. Все эти изменения во времени могут быть изучены, причины их могут быть выяснены и тогда под проектировку удельного веса важнейших статей баланса будет подведен достаточно прочный фундамент.

Ценность изучения удельных весов балансовых статей заключается, между прочим, и в том, что резкие отклонения их в какой-либо момент дают основание говорить о болезненных явлениях в кредитной системе, позволяют искать их причины и способы устранения. Так, например, значительное падение удельного веса кассы дает основание говорить о напряжении кредитной системы, по балансовым статьям мы можем вскрыть причины этой напряженности и направить политику банков в сторону устранения этих причин.

В построении перспективного плана кредита мы исходили из принципа, что активы определяются пассивами. Мы знаем из опыта даже недавно существующих советских банков, как опасно форсировать кредит за пределы его возможностей, как такое форсирование вызывает усиленные выпуски банкнот и все сопровождающие их последствия. Пока мы не можем построить общий финансовый план, который бы дал нам возможность видеть допустимые передвижки средств из одних финансовых систем в другие, до тех пор мы вынуждены ограничивать активные операции банков теми ресурсами, которые могут быть определены в предположении действия существующих положений о банках.

В построении перспективного плана мы должны взять некую величину за исходную, отправляясь от которой было бы возможно спланировать статьи баланса, исходя из их среднего удельного веса за несколько лет. В качестве такой исходной величины можно взять ведущую статью баланса и от нее исчислять прочие статьи. В первых двух проектировках контрольных цифр Бюджетно-Финансовая секция брала за такую исходную величину абсолютную величину предполагаемого выпуска денежных знаков. По удельному весу статьи „эмиссия“ затем определялась общая цифра баланса, а потом и другие его составные части.

В настоящее время секция пришла к заключению, что эмиссия теперь перестала быть ведущей силой в кредитной системе и что более точным приемом будет определение (по данным за ряд лет) динамики всего баланса кредитной системы в целом, с учетом общих изменений в народном хозяйстве и возможных кон'юнктурных влияний. Установив цифры всего баланса, мы далее пытаемся запроектировать отдельные статьи баланса, опираясь на изучение движения абсолютных цифр этих статей в прошлом (так называемых темпов), величины и движения удельных весов и кон'юнктурных моментов.

На ряду с анализом прошлой работы банков, как она отражалась на балансе, мы должны выдвинуть при проектировке и другой момент — директивный, который играет большую роль в кредитной сфере, поддающейся значительному воздействию воли человека.

Раз кредитный аппарат является в Советском Союзе только одним из экономических орудий, которым государство пользуется при осуществлении поставленных им себе целей, то в той мере, в какой банковские операции могут направляться предписаниями власти, возможно и проведение тех или иных директив.

Так, вполне возможно предложить банку произвести сокращение учетно-ссудных операций на такую-то сумму, произвести расширение вексельных операций за счет сокращения подтоварных, произвести из'ятие из обращения такого-то количества банкнот. Такие директивы имеют место и в банках капиталистического мира, но там они даются правлением банка и определяются частнохозяйственными интересами данного банка. У нас эти директивы вытекают из соображений общегосударственных интересов и даются

центральными органами государственной власти в качестве заданий, охватывающих всю банковскую систему.

Директивы в банковской работе должны служить вторым обоснованием при проектировке балансов и их статей. Конечно, здесь приходится соблюдать modus in rebus, сообразоваться с тем, что исполнение директив практически возможно и не поведет к отрицательным последствиям. Можно, напр., дать директиву сократить учетно-ссудные операции в течение месяца на 50%, возможно, что с огромным нажимом банки это исполнят. Но это поведет к хозяйственному расстройству большинства из тех хозорганов, которые будут лишены кредита и очутятся перед невозможностью продолжать свою работу в прежнем размере. Поэтому кредитные директивы, открывая поле для действия воли человека, все же должны принимать в соображение возможность их безболезненного осуществления. И здесь удельные веса балансовых статей указывают нам пределы этих возможностей и, таким образом, устанавливают рамки для директивных указаний.

В ряде моментов кредитного планирования директивы могут иметь большое значение. Таковы, например, директивы по выпуску банкнот. Кредитная политика Госбанка должна определяться интересами обеспечения здорового денежного обращения. Поэтому даже самые ярые противники кредитных планов признают необходимость установления на каждый квартал директивы по денежному обращению. Директива поддержания здорового денежного обращения должна занимать центральное место и в перспективном плане кредита.

Точно также возможно установить некоторые директивы по текущим счетам, обязав хозорганы сосредоточить свои главные кассовые резервы в том банке, который обслуживает их кредитом, обязав их не понижать этих текущих счетов ниже определенного лимита.

Далее, к числу важных директив, определяющих направление кредитной работы на ближайшие годы, должно быть отнесено усиление валютных ресурсов. Существует среди некоторых финансистов и экономистов пренебрежение к валютным ресурсам, которые считаются излишними в советской хозяйственной системе. Однако, это глубоко ошибочно. Прежде всего, банкнотная система требует определенного обеспечения золотом и потому увеличение запаса золота и иностранной валюты необходимо в меру увеличения банкнотного обращения. Имея дело с частнохозяйственным миром внутри и вне страны, неизбежно считаться с установившимся порядком обеспечения банкнот золотом. Затем при расширяющихся торговых оборотах с заграницей, при все больших суммах краткосрочных кредитов, получаемых нами из-за границы, мы непременно должны страховать себя от всяких неожиданностей созданием валютного резерва, сосредоточенного в Госбанке. Этими потребностями и определяется директива о накоплении золотых и валютных резервов в Госбанке.

Наконец, вопросом дня встало развитие безденежных расчетов. Если в первые годы червонного обращения имело смысл воздерживаться от этих расчетов ради широкого внедрения червонца в каналы обращения, то теперь, когда наше червонное обращение охватило в полной мере народное хозяйство, развитие безденежных расчетов должно служить средством расширения кредита и облегчения оборота.

Безденежные расчеты стихийным порядком начали практиковаться в отношениях между синдикатами и их трестами. Уже давно следовало бы обратить на них самое серьезное внимание, как на один из элементов кредитного оборота, развитие которого даст кредиту новое направление и новые формы. Необходимо поставить задачей ближайших лет максимальное увеличение безденежных расчетов, приняв это во внимание в перспективном плане кредита.

При балансовом методе составления перспективного плана по кредиту некоторое затруднение создается в отношении второстепенных статей баланса. С одной стороны, они представляют собой сравнительно небольшие суммы, и потому ошибки в их исчислении должны быть больше и вообще они труднее поддаются выражению в цифрах. С другой стороны, некоторые банковские работники возражают против включения этих статей в план на том основании, что они служат своего рода резервами на случай невозможности выполнения плана: из таких пассивных статей может покрываться недостаток средств при увеличении активов против плана и, наоборот, такие активные статьи могут дать возможность сокращения при падении пассивов против плана.

Однако, эта мнимая выгода покрывается той невыгодой, что при этом у нас отсутствует полная картина кредитного оборота. Для того чтобы иметь возможность использовать все кредитные ресурсы и внести максимальную плановость в кредитные операции, мы не можем оставить за бортом плана статьи, все же составляющие миллионы и десятки миллионов рублей. Неточности же в исчислении мелких статей могут быть устранены в значительной мере тем, что мы соединяем ряд таких статей в общую рубрику (прочие ресурсы, прочие активы).

Обратимся теперь к сделанной попытке построения перспективного плана по кредиту. Здесь мы должны указать, что впервые в ней проведено разделение единого сводного баланса всей кредитной системы на долгосрочную и краткосрочную части. Уже за два последние года стало ясным, как усиленно растет у нас долгосрочный кредит по сравнению с краткосрочным. Так, прирост баланса составил (в %%):

Годы	По краткосрочному кредиту	По долгосрочному кредиту
1923/24	117,5	66,1
1924/25	97,5	80,3
1925/26	17,7	96,4
1926/27	20,3	99,2

С каждым годом происходит неуклонное усиление роста долгосрочного кредита и падение роста краткосрочного. Как это обстоятельство, так и различие в движении отдельных статей баланса краткосрочного и долгосрочного кредита приводят нас к заключению о необходимости их разделения. Одни и те же статьи баланса в части краткосрочного и долгосрочного кредита имеют совсем разные темпы развития и различные тенденции в движении удельных весов, так что соединение обеих этих частей в один итог дает совершенно неправильное представление о тенденциях развития кредитной системы вообще. Приведем темп развития учетно-ссудных операций по краткосрочному кредиту и долгосрочных ссуд (в %%):

Годы	Темп роста учетно-ссудных операций	Темп роста долгосрочн. ссуд	Годы	Удельный вес учетно-ссудных операций	Удельный вес долгосрочн. ссуд
1923/24	132,8	104,2	1/X 1924	62,9	87,6
1924/25	117 3	97,5	1/X 1925	69,2	99,2
1925/26	24,8	98,3	1/X 1926	73,4	99,8
1926/27	23,6	47,0	1/X 1927	75,3	99,4

Следующая табличка показывает резкую разницу в движении привлеченных средств по линии краткосрочного и долгосрочного кредита (в %%):

Годы	Темп роста привлеченных средств в краткоср. кредите	Темп роста привлеченных средств в долгоср. кредите	Годы	Удельный вес привлеченных средств в краткоср. кредите	Удельный вес привлеченных средств в долгосроч. кредите
1923/24 . . .	135,1	66,1	1/X 1924	35,4	100
1924/25	134.9	29,1	1/X 1925	42,1	71,6
1925/26	12,5	66,8	1/X 1926	38,8	60,8
1926/27	9,7	147,6	1/X 1927	35,4	75,6

Из обеих таблиц явствует почти полная противоположность в движении темпов и удельном весе ссудных операций и привлеченных средств в краткосрочном и долгосрочном кредите. Об'единение их в общие итоги совершенно затушевывало бы те тенденции, которые имеются в том и другом. Поэтому Бюджетно-Финансовая секция проделала большую работу по раздельному исчислению балансов краткосрочного и долгосрочного кредита с 1922/23 г. и тем положила основание для изучения и планирования этих двух видов кредитов раздельно. Желательно провести эту реформу не только по линии перспективного плана, но и в ежегодных контрольных цифрах.

Усиленное развитие долгосрочного кредита вполне отвечает переходу советского хозяйства в стадию реконструкции и интенсивной индустриализации. Для этой последней, прежде всего, нужны капитальные затраты на новые предприятия и на капитальное переоборудование старых. Здесь нужны безвозвратные бюджетные

ассигнования и долгосрочный кредит. Равным образом долгосрочный кредит служит задачам интенсификации сельского хозяйства, развитию электрификации и усиленному жилищному строительству. Эта тенденция должна проявляться и в ближайшее пятилетие.

В настоящее время разрешены основные предпосылки, обеспечивающие беспрепятственный рост долгосрочного промышленного кредита, самого важного из всех его видов, а также долгосрочного кредита в сельском хозяйстве, кооперации и жилищном строительстве. Постановлением правительства Промбанк, сливаемый с Электробанком, превращается в банк долгосрочного кредита, что дает ему возможность использовать накопившийся опыт кредитования промышленности и сосредоточить усилия персонала на разработке методов долгосрочного кредитования промышленности и на его упрочении. С другой стороны, внесена возможная ясность в порядок бюджетного финансирования промышленности, в том числе в определение случаев, когда это финансирование носит возвратный характер и когда безвозвратный.

План долгосрочного кредита на пятилетие имеет такой вид (в млн. руб.):

	На 1/X 1927 г.	На 1/X 1928 г.	На 1/X 1929 г.	На 1/X 1930 г.	На 1/X 1931 г.	На 1/X 1932 г.
Источники средств						
Собств. капиталы . . .	385	624	810	1.000	1.200	1.300
Прибыли	20	30	40	50	60	60
Привлеченные средства.	1.255	1.811	2.510	3.280	4.100	4.700
Направление средств						
Долгосрочные ссуды .	1.650	2.425	3.314	4.270	5.280	5.970
Прочие активы	10	40	46	60	80	90
Весь баланс . . .	1.660	2.465	3.360	4.330	5.360	6.060

Картина здесь довольно простая, так как источниками средств являются, главным образом, бюджетные ассигнования и в меньшей мере капиталы и прибыли. Таким образом, здесь с особенной яркостью проявляется характер долгосрочного кредита в СССР: он есть не более, как техническое средство перераспределения ресурсов обобществленного сектора народного хозяйства.

Изданные в 1927 и 1928 гг. декреты о принципах бюджетного финансирования основных отраслей народного хозяйства и о трестах определяют достаточно отчетливо источники средств долгосрочного кредита для промышленности, сельского хозяйства, кооперации, жилищного строительства и электрификации. На основе этих декретов и исчислены пассивные статьи долгосрочного кредита. К собственным средствам относятся, прежде всего, капиталы и прибыли Промбанка и Электробанка, ЦСХбанка и Цекомбанка. Кроме того, для промышленности и электрификации к собственным средствам отнесены: 1) отчисления в основной капитал банка 10% прибылей промышленных предприятий и предприятий электрохозяйства, 2) 50 % от

реализации неликвидных фондов, 3) специальные бюджетные ассигнования.

Привлеченные средства для промышленного кредита состоят: 1) из 20% всех бюджетных ассигнований на промышленность (эта цифра, конечно, предположительная); 2) из вкладов, составляемых из примерно взятых 10% амортизационных отчислений (тоже предположительная цифра), 3) из вкладов капиталов расширения, выделяемых из прибыли в размере 12,5%, и 4) из добровольных вкладов. По сельскому хозяйству к привлеченным средствам относятся бюджетные ассигнования и часть средств, высвобождаемых из краткосрочных кредитов. По жилстроительству в привлеченные средства входят бюджетные ассигнования возвратного характера, отчисления из средств Цусстраха, часть десятипроцентных отчислений из прибылей на улучшение быта рабочих и служащих и отчисления из прибылей предприятий на жилищное строительство.

Если суммировать все эти источники, то по отправному варианту собственные средства (капиталы и прибыли) возрастут с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1932 г. с 405 млн. руб. до 1.360 млн. руб., т.-е. на 915 млн. руб. (увеличение за 5 лет на 237,6%). Привлеченные средства увеличиваются с 1.255 млн. руб. до 4.700 млн. руб., или на 3.445 млн. руб. (увеличение за 5 лет на 274,5%).

Оптимальный вариант предполагает более значительное возрастание долгосрочного кредита, а именно собственных средств до 2.436 млн. руб. (на 516,7%), а привлеченных средств до 4.320 млн. руб. (на 244,2%).

Оптимальный вариант может дать: 1) увеличение собственных капиталов за счет усиленных ассигнований заинтересованных организаций и самого населения (по линии сельского хозяйства и жилищного строительства), 2) увеличение привлеченных средств за счет проведения более крупных бюджетных сумм через кредитную систему и за счет усиленных отчислений из прибылей и амортизационных ресурсов хозяйственных организаций и 3) увеличение прибылей.

Этими пассивами и определяются размеры долгосрочных кредитов. Они спроектированы с возрастанием от 1.650 млн. руб. до 5.970 млн. руб. в отправном варианте (рост на 261,8%) и от 1.650 до 6.750 млн. руб. в оптимальном варианте (рост на 309,1%).

Краткосрочный кредит на пятилетие представляет более сложную картину (в млн. руб.):

Источники средств	На 1/X 1927 г.	На 1/X 1928 г.	На 1/X 1929 г.	На 1/X 1930 г.	На 1/X 1931 г.	На 1/X 1932 г.
Капиталы	684,9	725	820	910	980	1.050
Прибыли	200	205	210	215	220	225
Текущие счета и вклады	1.500	1.760	1.930	2.110	2.300	2.500
Эмиссия банкнот	1.445,8	1.645,8	1.800	1.920	2.020	2.120
Прочие пассивы	409,9	494,8	490	505	505	485

Направление средств	На 1/X 1927 г.	На 1/X 1928 г.	На 1/X 1929 г.	На 1/X 1930 г.	На 1/X 1931 г.	На 1/X 1932 г.
Касса	99,5	149 5	180	205	225	250
Валютные ресурсы	314,3	414,3	514	614	694	764
Ценные бумаги	281,7	281,7	230	200	180	180
Учетно-ссудные операции	3.194.3	3.594,3	3.924	4.224	4.524	4.824
Прочие активы	350,8	390,8	402	427	412	362
Весь баланс	4.240,6	4.830,6	5.250	5.660	6.025	6.380

Сначала были исчислены статьи пассива, как того источника, которым определяются пределы активных операций.

Большие трудности были связаны с установлением цифры эмиссии банкнот. Дело в том, что при наличии большой устойчивости удельного веса эмиссии в балансе как всей кредитной системы, так и одной ее краткосрочной части, мы все же имеем небольшие колебания денежной массы как по сезонам года, так и по годам. Это зависит от многочисленных причин, определяющих количество денег в стране, как-то: от скорости обращения или, что почти то же самое, от скорости обращения товаров, от ухода части денег в „сокровища“, от степени развития безденежных расчетов, от уровня цен. Все эти моменты приходилось учитывать и по ним делать те или иные поправки в валовых цифрах эмиссии. К этому присоединяется необходимость считаться с директивой поддержания здорового денежного обращения. Эта директива гласит о том, чтобы не выпускалось в обращение больше денег, чем это нужно для оборота. Но когда количество потребных денег есть итог взаимодействия нескольких факторов, мы не можем категорически утверждать, что только одно количество выпущенных денег должно приниматься в расчет при определении здорового состояния денежного обращения. При этом могут измениться и скорость обращения, и безденежные расчеты, и уровень цен.

В проектировке эмиссии мы учитывали увеличение товарного оборота вместе с рационализацией торговли и сокращением товаропроводящей сети, расширение безденежных расчетов, понижение цен, а следовательно, повышение покупательной силы рубля и уменьшение спроса на деньги, как орудие обращения.

Все это дает право считать необходимым проектировать возможно более умеренные выпуски денег в ближайшие годы. Увеличение их составит (в млн. руб.):

Годы	
1927/28	200
1928/29	155
1929/30	120
1930/31	100
1931/32	100
Всего	675

С этим связано понижение темпа роста и удельного веса эмиссии (в %%):

Годы	Темп роста	Годы	Удельный вес
1927/28	13,8	1/X 1928	34,1
1928/29	9,4	1/X 1929	34,3
1929/30	6,7	1/X 1930	33,9
1930/31	5,2	1/X 1931	33,5
1931/32	6,0	1/X 1932	33,2

Правильная денежная политика в связи с настойчивыми усилиями советского государства по снижению цен промышленных товаров требует величайшей сдержанности эмиссии. Она должна итти по пределу необходимости.

Все же для оптимального варианта Бюджетно-Финансовая секция признала возможным повысить сумму выпущенных денег вместо 675 млн. руб. до 800 млн. руб., т.-е. дать ей прирост за пять лет не 46,6%, а 55,3%, принимая в соображение более интенсивное развитие народного хозяйства при осуществлении оптимального плана, в частности, большее развитие оборота.

Наибольшие трудности встречает планирование статьи текущих счетов. Они давали за прошлые годы наибольшие расхождения плана с его исполнением и в годовых контрольных цифрах, и в квартальных кредитных планах. Они же вызывали наибольшую критику со стороны скептиков в деле кредитных планов.

В условиях спокойного развития хозяйственной жизни СССР вклады и текущие счета, как выражение кассовых резервов и временно накопляющихся в течение года прибылей хозяйственных организаций, несомненно, должны были бы расти в соответствии с ростом продукции и товарооборота. Во всяком случае, их удельный вес в балансе не должен бы понижаться. До сего времени удельный вес вкладов и текущих счетов изменялся следующим образом:

	1/X 1923	1/I 1924	1/IV 1924	1/VII 1924	1/X 1924	1/I 1925	1/IV 1925	1/VII 1925	1/X 1925
Во всей кред. системе	27,2	33,7	34,5	31,8	29,7	34,4	35,7	35,5	37,0
В Госбанке	23,6	31,0	32,1	26,7	22,2	29,2	30,4	29,1	31,8

	1/I 1926	1/IV 1926	1/VII 1926	1/X 1926	1/I 1927	1/IV 1927	1/VII 1927	1/X 1927
Во всей кред. системе	33,1	33,6	30,2	26,4	25,8	25,6	20,8	19,0
В Госбанке	28,3	30,7	27,8	28,8	26,6	27,5	22,6	22,1

Мы имеем за 1923—1926 гг. периоды повышения и падения удельного веса текущих счетов, при чем в общем они все же до половины 1926 г. держались на уровне около 33—36% по всей системе и с большими колебаниями в Госбанке, но и здесь около 30% в 1925/26 г. С половины 1926 г. их удельный вес стал непрерывно падать и достиг к концу 1927 г. всего 19% по всей системе и 22,1%

по Госбанку. Этот факт обусловливается усилившимся напряжением бюджета, который заставил НКФ извлекать свой текущий счет и финансовым напряжением промышленности. Эта последняя, форсируя свое капитальное строительство (часто вне плана и сверх утвержденных смет), была вынуждена искать источников покрытия этих непредусмотренных промфинпланом расходов как в снятии своих текущих счетов, так и в усиленном банковском кредитовании. Кроме того, снимаемые текущие счета обращались также на пополнение оборотных средств, необходимое в связи с расширением продукции и при новых капитальных сооружениях.

Кроме того, на размер текущих счетов промышленности оказывали влияние новые взаимоотношения трестов и синдикатов, при которых синдикаты все более сосредоточивали у себя расчеты трестов между собой и трестов с покупателями их продукции и с поставщиками нужного им сырья и становились своеобразными банками для целых отраслей промышленности. Тем самым тресты освобождались от необходимости держать сколько-нибудь значительные суммы на текущем счету в банках и стали обращать их на пополнение своих основных и оборотных капиталов.

Это понижательное движение текущих счетов создало среди банковских деятелей весьма пессимистический взгляд на роль текущих счетов в дальнейшей работе банков и даже мысль о том, что роль текущих счетов вообще сыграна. Мы полагаем, что этот вывод едва ли правилен. Конечно, если будет продолжаться и тем более если будет усиливаться финансовая напряженность народного хозяйства, то не только нельзя будет рассчитывать на рост текущих счетов, но можно будет ожидать и их абсолютного падения. Но мы думаем, что эта финансовая напряженность есть явление преходящее. Через год — два мы должны с неизбежностью вступить в полосу более спокойного движения вперед. Вместе с тем, все больше начнут работать новые предприятия, которые сейчас находятся в процессе созидания. Тогда все предприятия вместе с расширением своих оборотов будут накоплять и более значительные кассовые резервы и не малые прибыли. Эти обстоятельства неизбежно вызовут рост текущих счетов, однако, в ослабленном темпе вследствие указанного выше развития безденежных расчетов.

Учитывая все сказанное, Бюджетно-Финансовая секция спроектировала следующую схему развития вкладов и текущих счетов (в %%):

Годы	Увеличение за год в млн.	Темп роста	Годы	Удельный вес в краткоср. балансе
			1/X 1927	35,4
1927/28	260	17,3	1/X 1928	36 4
1928/29	170	9,6	1/X 1929	36,7
1929/30	180	9,3	1/X 1930	37,3
1930/31	190	9,0	1/X 1931	38,2
1931/32	200	8,7	1/X 1932	39,2

Далее следует ожидать прироста ресурсов краткосрочного кредита по линии капиталов и прибылей. Прибыли должны дать, как видно из общей таблицы, ничтожный прирост (около 5 млн. руб. в год), так как при тенденции понижения ссудного процента они и не могут быть велики. Однако, имея в виду, что прибыли должны составлять неослабный источник банковских ресурсов, следует признать нежелательность дальнейшего сильного снижения ссудного процента, ибо и установленные ныне процентные ставки по операциям банков, несомненно, являются весьма умеренными в обстановке советского рынка капиталов и по сравнению со ставками западноевропейских банков.

Капиталы банков краткосрочного кредита должны играть в ближайшее пятилетие все большую роль, так как в них должна проявляться активность тех хозяйственных организаций, которые заинтересованы в развитии своих ссудных операций. Прирост всех капиталов исчислен так:

Годы	Прирост капиталов (в млн. руб.)	Годы	Удельный вес (в %%)
		1/X 1927	16,2
1927/28	40	1/X 1928	15,0
1928/29	95	1/X 1929	15,6
1929/30	90	1/X 1930	16,1
1930/31	70	1/X 1931	16,3
1931/32	50	1/X 1932	16,5

Обращаясь к активам, мы имеем ряд своего рода обязательных статей, именно: кассу, валютные ресурсы и ценные бумаги.

За последнее время касса упала в банках до ненормально низкого уровня и требует усиления. Это усиление спроектировано так, чтобы удельный вес кассы повысился с 2,4%, какой она имела на 1/X 1927 г., до 3,1% на 1/X 1928 г., до 3,4% на 1/X 1929 г., до 3,6% на 1/X 1930 г., до 3,7% на 1/X 1931 г. и до 3,9% на 1/X 1932 г.

Далее следуют валютные ресурсы, увеличение которых вызывается необходимостью увеличивать металлическое обеспечение денежного обращения и необходимостью иметь растущий резерв в Госбанке в связи с увеличением внешнего товарооборота и увеличением наших краткосрочных кредитов за границей. Рост валютных ресурсов на пять следующих лет запроектирован такой: 100 млн., 100 млн., 90 млн., 80 млн., 80 млн. руб. Это дает удельный вес валютных резервов на 1 октября 1927—32 гг.: 7,4%, 8,6%, 9,8%, 10,8%, 11,5% и 12,1%.

Наконец, статья „ценные бумаги“ должна тоже расти. На 1/X 1927 г. она составляла 281,7 млн. руб., при чем следует иметь в виду, что за 1926/27 г. эта статья увеличилась на 200 млн. руб. благодаря переносу в нее займа хозяйственного восстановления. В ближайшие годы этот заем подлежит погашению, так что останется сумма около 80 млн. Она увеличится к концу пятилетия до 180 млн. руб.

Если из ресурсов краткосрочного кредита исключить указанные „обязательные“ статьи, то для учетно-ссудных операций получится на следующие пять лет такой прирост: 400 млн., 330 млн., 300 млн., 300 млн. и 300 млн. Это дает устойчивый удельный вес учетно-ссудных операций, отвечающий более уравновешенному развитию краткосрочного кредита: 1/X 1927 г. 75,3%, на 1/X 1928 г. 74,4%, на 1/X 1929 г. 74,7%, на 1/X 1930 г. 74,6%, на 1/X 1931 г. 75% и на 1/X 1932 г. 75,6%.

Надо признать, что намеченный план краткосрочного кредита представляется достаточно напряженным, чтобы можно было думать о сколько-нибудь значительном его повышении для оптимального варианта. В особенности не приходится рассчитывать на повышение текущих счетов. Кроме указанного уже поднятия эмиссии на 125 млн. руб., можно допустить в оптимальном варианте повышение прибылей на 25 млн. руб., т.-е. всего за пять лет 50 млн. вместо 25, имея в виду увеличение операций. То и другое даст возможность увеличить учетно-ссудные операции на 150 млн. руб., т.-е. за пять лет вместо 1.630 млн. руб. 1.780 млн. руб.

Таковы общие контуры перспективного плана по кредиту и денежному обращению, которые были разработаны Бюджетно-Финансовой секцией в ноябре 1927 г. Конечно, он должен рассматриваться лишь как ориентировочный план, требующий дальнейшей проработки и углубления.

Это углубление должно итти по следующим линиям.

1) Необходимо сделать попытку свести все финансовые элементы народного хозяйства СССР (бюджет, кредит и внутренние ресурсы отдельных отраслей народного хозяйства) в единый финансовый план, опирающийся на исчисление накопления страны.

Здесь назревает в планировании новая задача, до сих пор еще не поставленная и не разрешенная — задача составления общего финансового плана народного хозяйства. Частично потребность в таком плане получила свое отражение в попытках рассматривать в последние кварталы кассовые планы бюджета совместно с кредитными планами. Но жизнь требует итти дальше. Необходимо связать финансы всех хозяйственных организаций, государства и банков в одно построение, дабы получить ясное понятие об имеющихся финансовых ресурсах и об их целесообразном распределении между отраслями народного хозяйства.

К разработке методов построения такого финансового плана и к подготовке соответствующих материалов следует приступить как можно скорее, чтобы создать возможность определять реальные финансовые пределы всех наших хозяйственных начинаний.

В этом финансовом плане и получит свое место и выявит пределы своих возможностей кредитная система.

2) В настоящее время вопрос об организации кредитной системы намечен в том смысле, что Госбанк становится почти единственным банком краткосрочного кредита при сохранении Внешторгбанка для небольшой части кредитования внешней торговли, сохранении кооперативных банков для кооперации, коммунальных банков для местного хозяйства, системы сельскохозяйственного кредита для сельского хозяйства и обществ взаимного кредита для частной клиентуры. Долгосрочный кредит для промышленности предоставляется Промбанку, сливаемому с Электробанком, и остается Цекомбанк для долгосрочного кредитования жилищного строительства и коммунального хозяйства и ЦСХбанк для долгосрочного кредита сельского хозяйства. В связи с этим решением должны быть внесены в перспективный план соответсвующие поправки, вытекающие из установленной банковской структуры.

3) Необходимо приступить к построению плана кредита в республиканском разрезе, для чего должны быть проработаны все балансы за прошлые годы по республикам. Эта большая работа должна быть поручена республиканским госпланам, после чего все их работы должны получить сводку в Союзном Госплане, которая и послужит фундаментом для перспективного плана по республикам.

4) Необходимо, чтобы правительство дало определенные директивы для разграничения и упорядочения взаимоотношений бюджета и кредитной системы. Эти директивы должны быть учтены в изменениях цифр соответствующих статей баланса перспективного плана, например, в текущих счетах НКФ, в ценных бумагах и пр.

Внеся указанные дополнения и исправления, мы можем надеяться приблизить перспективный план кредита к реальной жизни.

Н. Н. Виноградский

О товарообороте в пятилетнем перспективном плане развития народного хозяйства[1]

I

В работах по перспективному планированию народного хозяйства товарообороту до настоящего времени уделялось очень скромное место. В материалах, изданных в прошлом году Центральной комиссией по перспективному планированию, мы, строго говоря, плана развития товарооборота не имеем: соответственная глава заключает в себе гипотезу экспорта и импорта в цифровом выражении, исчисление товарной продукции народного хозяйства, исчисление размеров торгово-посреднического оборота, издержек обращения и оборотных средств торговли, наконец, частичную проектировку развертывания технико-вспомогательного аппарата торговли. Экономики рынка указанные материалы не касаются; они не дают представления о том, при каких условиях товарная продукция достигнет предположенных размеров, как рисуются размеры потребления и натурального накопления в крестьянском хозяйстве, обусловливающие совокупно с валовой продукцией товарную ее часть, каково влияние механизма цен на производство, потребление и накопление. Отсутствие указанных показателей количественного и качественного характера не позволяет установить взаимозависимости не только отдельных секторов товарооборота, но и торговли с прочими отраслями народного хозяйства. Экспортная (а следовательно, и импортная) гипотеза не связана в достаточной степени с процессами производства, внутреннего потребления и накопления, производной которых она является.

Отсутствие цельности и законченности мысли в построении перспективного плана товарооборота не является случайностью. Мы имеем дело с проблемой необычайной новизны, трудности и сложности. Достаточно вспомнить, что основы и пределы текущего планирования торговли на протяжении самого последнего времени эволюционировали. И это обстоятельство также является не случайным, оно не может быть об'яснено причинами суб'ективного порядка; оно об'ясняется тем, во-первых, что на этом самом сложном участке на-

[1] В порядке обсуждения. Р е д.

шего хозяйства, представляющем стык между двумя системами — советской социалистической и буржуазной капиталистической в области наших сношений с внешним миром — и между двумя секторами — крупной государственной промышленностью и мелким индивидуалистическим крестьянским хозяйством и кустарной промышленностью внутри страны,— исходная база и опорные пункты планирования и регулирования находятся в постоянном движении: они развиваются и крепнут по мере роста и укрепления обобществленной части товарооборота. Уже в настоящее время мы разрешаем задачи, которые два—три года тому назад даже не могли ставить. Следует иметь в виду, во-вторых, что наши познания в области процессов обращения отчасти по недостатку научно поставленных исследовательских работ, отчасти из-за несовершенства учета и статистики, еще крайне недостаточны, сумма наших знаний увеличивается и по мере ее роста мы имеем возможность ставить на разрешение новые проблемы.

В этих условиях, повторяем, не случайностью и меньше всего суб'ективными причинами об'ясняются несовершенные построения перспектив развития торговли в материалах пятилетнего плана. Но отсюда же следует, что на эту часть работ перспективного планирования необходимо обратить гораздо больше внимания, чем до настоящего времени, здесь следует сосредоточить больше сил.

Новому этапу углубленной проработки перспективного плана торговли, в который мы нынче вступаем, должна предшествовать совершенно ясная и отчетливая постановка вопроса о содержании пятилетнего плана развития товарооборота, об основных задачах плана, об основных принципах методологии перспективного планирования торговли.

II

В основание пятилетнего торгового плана должно быть положено построение баланса товарного обращения, являющегося органической частью баланса народного хозяйства, проверяющего на каждый данный период уровень рыночного равновесия, как часть народнохозяйственного равновесия. Только баланс товарного обращения позволит вскрыть взаимозависимости отдельных секторов торговли и взаимозависимость товарооборота с другими отраслями народного хозяйства. Баланс товарного обращения должен выявить: а) товарное предложение как рыночную часть производства, б) спрос (емкость рынка) как функцию распределения и в) механизм передачи товарных масс (процесс ценообразования, с одной стороны, и формы обмена, с другой). Эти основные элементы баланса товарного обращения находятся в непосредственной органической связи друг с другом. Размеры товарного предложения сельскохозяйственной продукции определяются не только уровнем с.-х. производства, но и потреблением и натуральным накоплением, стоящими в зависимости от цены, по которой эта продукция отчуждается от размера предложения промышленных товаров и от размера денежных обязательств деревни и денежных накоплений.

Спрос (емкость рынка) деревни на промышленные товары есть функция товарного ее предложения, обусловленного вышеуказанными факторами. Городской спрос является функцией номинальных доходов населения в той их части, которая освобождается за покрытием денежных обязательств и денежного накопления, а также цены, по которой оно приобретает продукты питания и промышленные товары. Самая цена определяется издержками производства и накоплением в различных секторах народного хозяйства.

При всей сложности построения баланса товарного обращения на пять лет вперед, затрудняемой крайним несовершенством необходимых для этого данных, мы не можем и не должны отказываться от этой задачи. Пусть наша проектировка будет несовершенной и сугубо ориентировочной, пусть мы наделаем ошибок, — это все же лучше, чем оставить в плане пустое место. Погрешности построения товарного баланса мы будем выправлять и корректировать ежегодно при разработке контрольных цифр. Но какими бы несовершенными не оказались числовые выражения баланса (было бы ошибкой „фетишизировать" цифровое его выражение), важно то, что, работая над ним, мы своевременно вскроем и установим основные тенденции развития товарного обращения, связанные с ним и зависимые от него процессы, а на основе этого — своевременно установим лимиты и директивы, направленные к преодолению возможных и предвидимых затруднений и осложнений. Наиболее трудной частью баланса товарного обращения является гипотеза народного потребления и натурального накопления в крестьянском хозяйстве, как непосредственно влияющая на размеры товарного отчуждения деревни и на экспортную программу.

Мы до самого последнего времени переживали стадию „восстановления" потребления, в некоторых отраслях, однако, перешагнувшую довоенные нормы и носящую одновременно все признаки „реконструкции" (замена одних товаров другими). Внутреннее потребление, как правило, значительно выросло против недостаточных довоенных норм в итоге социально-классовых сдвигов, происшедших после Октябрьской революции, и в этом отражается одно из крупнейших ее завоеваний. Но самый рост при этом протекал в значительной мере стихийно: при крайне слабом денежном накоплении населения, особенно в деревне, оно привыкло все свободные средства, остающиеся за покрытием обязательных платежей (налоги, квартплата, коммунальные услуги) и за удовлетворением культурных потребностей, обращать исключительно на покупку продуктов питания, а также товаров личного и хозяйственного потребления. При недостатке одних товаров, значительно выросло потребление других. Натуральное потребление деревни выросло не только на почве ее

раскрепощения после Октября, но и в силу ряда рыночных условий (недостаток стимулов для отчуждения продукции, цена); на размеры и характер деревенского потребления, наконец, громадное влияние оказали реконструктивные начала уже наблюдающиеся в с.-х. производстве (интенсификация, рост и переход к промышленным формам животноводства, замена одних кормов другими). И, нужно сказать, проблема рационального использования товарных ресурсов в интересах всего населения, всего народного хозяйства — как большая цельная проблема — нами до настоящего времени не была даже поставлена; иногда, в отдельных случаях, под влиянием временных затруднений, мы в этой области кустарничали — и только. Механизм цен — это сильнейшее орудие усиления или уменьшения потребления тех или иных продуктов, замены одних товаров другими,—нами и в десятой доле не был использован для регулирования потребления.

Проблема потребления, как часть баланса товарного обращения, встает в перспективном плане как одна из крупнейших задач, для разрешения которой необходимо в первую очередь углубить существующие работы по изучению структуры и динамики потребления различных групп населения в отдельных районах, а также факторов, воздействующих и влияющих на то или иное направление процессов потребления. В дальнейшем, в перспективном плане должны найти отражение тенденции последующего развития этого процесса, основанные не только на факторах биологического и экономического порядка, но и подчиненные определенным установкам и заданиям в области желательного его направления, исходя из следующих основных предпосылок: 1) дальнейшее улучшение питания широких масс населения и повышение культурного уровня их жизни (предметы личного потребления и хозяйственного обихода), не вдаваясь, однако, в роскошь, 2) наиболее целесообразное использование всех ресурсов страны в смысле расширения потребления таких товаров, производство которых требует наименьших материальных затрат при равном (биологическом и экономическом) эффекте, 3) сочетание интересов внутреннего потребления с интересами экспорта в смысле освобождения для последнего таких товаров, размещение которых на мировых рынках более всего обеспечено и реализация которых за границей представляется наиболее рентабельной и с валютной стороны наиболее эффективной.

Из всего этого следует, что, проектируя баланс товарного обращения в части спроса, мы не можем и не должны обойти всех факторов непосредственно с ним связанных, но выходящих собственно за пределы товарооборота; сюда относятся номинальный и реальный уровень зарплаты, ее соотношение с производительностью труда, квартирная плата и коммунальные услуги, денежное накопление городского и сельского населения. Мы не имеем в виду такой расширенной гипотезой баланса товарного обращения заменить перспективный план развития народного хозяйства или предопределить

другие существеннейшие его элементы: при окончательной верстке плана все его части будут приведены в гармоническое сочетание и отдельные части баланса товарного обращения могут быть изменены против первоначальных предположений — это лишь вопрос методологии и порядка работы; мы указываем лишь на то, что перечисленные выше факторы, непосредственно влияющие на структуру и динамику потребления, а следовательно, на весь процесс обращения товаров, не могут получить самостоятельной проекции вне тесной связи с балансом товарного обращения.

III

Мы начали с расходной части баланса — с потребления и натурального накопления, имея в виду, что направление этих процессов в значительной степени определяет товарность продукции сельского хозяйства, увеличение которой составляет одну из важнейших задач плана развития торговли. Мы опускаем здесь все то, что предпринимается и должно быть непосредственно предпринято для увеличения товарности сельского хозяйства в области собственно производственной (формы землевладения, агротехнические мероприятия и связанные с ними вложения и т. п.) и подходим к соотношениям двух товарных потоков — сельскохозяйственных продуктов и промышленных товаров. Уже при разработке контрольных цифр мы неоднократно указывали на то, что балансирование этих потоков в суммарных ценностных выражениях еще ровно ничего не означает. Можно иметь идеально сбалансированные в годовом плане товарные потоки при резко нарушенном в действительности рыночном равновесии, как следствие трех обстоятельств.

Во-первых, устанавливая ценностные эквиваленты мы должны строить их так, чтобы они для производителя оказались приемлемыми, в противном случае даже при наличии достаточного количества товаров их обмен может быть затруднен; отсюда следует, что проектировка ценностных соотношений должна стимулировать обмен, а использование механизма цен в качестве орудия балансирования спроса и предложения, ради этой цели, игнорируя себестоимость производства и соотношения между различными категориями цен, может привести к отрицательным результатам при благополучном теоретическом балансе.

Во-вторых, громадное значение имеет структура товарной массы, притом значение, увеличивающееся по мере роста производства и роста продукции, выпускаемой на душу населения. Если в период восстановительного процесса потребления мы наблюдали случаи острого дефицита одних товаров, на ряду с затруднениями в сбыте других товаров, если в этот период замена населением одних товаров другими не представляла затруднений и часто протекала стихийно, то в предстоящем пятилетии рыночный оборот в этой части значительно усложнится. Соотносительность отдельных не только

групп товаров, но и их ассортимента во всей товарной продукции является совершенно необходимой. Доля тех или иных товаров в бюджете рабочего и крестьянского хозяйства, в зависимости от размера их доходов, имеет свои закономерности; более того, при равном доходе эти доли испытывают в крестьянском хозяйстве значительные колебания в разных районах, главным образом, в зависимости от того или иного развития натурального потребления продукции сельского хозяйства и от соотношения цен на продукцию собственного кустарного производства и фабричные товары, а также от соотношения цен на сырье, отчуждаемое для переработки в крупной промышленности и на промышленные фабрикаты.

Мы располагаем определенными рычагами для воздействия на процессы потребления промышленных товаров, в виде стандартизации промышленной продукции, политики цен (напр., вышеуказанные соотношения) и проч.; наша задача сводится к тому, чтобы в известных пределах давать этим процессам известное направление, чтобы их корректировать, но в основном их развитие будет определяться развертыванием производства и находящимся в зависимости от него ростом благосостояния населения. Все это, вместе взятое, должно быть учтено при проектировке предложения отдельных категорий промышленных товаров.

Практика последних трех лет показывает, что мы имеем хронический дефицит определенных товарных групп; к ним относятся, в первую очередь, суконные и шерстяные ткани, некоторые виды хлопчатобумажных тканей, обувь. Дефицит этот, даже при относительном рыночном равновесии в целом, не является случайным; он обусловлен причинами органического характера. В суконном и шерстяном производстве мы потеряли около половины довоенного основного капитала крупной промышленности, при расширении круга потребителей этих товаров. Если в кожевенной промышленности не произошло таких сдвигов на стороне производства, то гораздо большие сдвиги имеют место в области потребления: экономически и политически раскрепощенная деревня не желает и не должна ходить в лаптях. Отсюда вывод: всякие сравнения в отношении товаров, дореволюционное потребление коих находилось на нищенском уровне, непосредственно вытекавшем из тогдашнего социального строя, никуда не годятся. Равным образом, размеры спроса на строительные материалы и предметы хозяйственного обихода города и деревни не могут быть поставлены в связь с довоенными нормами. Следует вообще отметить, что спрос на товары, потребление которых не ограничено биологическими или физическими признаками, должно развиваться по законам, чуждым довоенных соотношений, непосредственно вытекающим из всей системы нашего хозяйства предстоящего пятилетия.

Из всего этого следует, во-первых, что приходная часть баланса товарного обращения (предложение) должна быть разработана особо

диференцированно по важнейшим товарным группам, во-вторых, что темпы развертывания главных отраслей промышленности должны быть безусловно сообразованы с рыночными условиями, получающими отражение в товарном балансе, с учетом всех указанных выше моментов, в-третьих, что пятилетний план должен поставить определенную задачу, если не полностью изжить, то значительно ослабить диспропорцию спроса и предложения на ряде важнейших рынков, ныне обусловленную органическими изменениями основного капитала промышленности и социально-экономическими сдвигами, происшедшими в итоге Октября.

Методология последующих работ в области перспектирования планирования товарооборота не входит в задачи настоящей статьи.[1] Но из самого существа проблемы видно, насколько активно и тесно должно быть сотрудничество с республиканскими и областными плановыми органами, в особенности в расходной части баланса: исследуя и разрабатывая процессы и гипотезы потребления, нам необходимо спуститься в районы, ибо и структура и динамика потребления имеют ярко выраженные районные особенности. Разработка этой стороны баланса в районном разрезе необходима не только от того, что она придает всей гипотезе больше устойчивости, но она, кроме того, явится основанием для наметки основных железнодорожных грузовых потоков, а также для развертывания торгового аппарата и складского хозяйства. Ближайшая кооперация с республиканскими и плановыми органами сверх этого нужна и в работах по выявлению предложения промтоваров: если продукция крупной промышленности на рынке занимает доминирующее положение, то местное и кустарное производства ее дополняют в очень заметных размерах; до настоящего времени мы этого недоучитывали. Местная и кустарная промышленность развивалась в значительной мере стихийно. В пятилетнем плане развертывание кустарной промышленности должно быть подчинено целевой установке, вытекающей: а) из условий рынка (восполнение предложения), б) из целесообразного использования сырья и капиталов (последних в части вложения в такие отрасли мелкой и кустарной промышленности, развитие коих с точки зрения эффективности и рентабельности представляет определенные выгоды, освобождая средства для максимального развертывания крупной индустрии), в) наконец, из аграрной населенности отдельных районов.

Наконец, в-т р е т ь и х, затем необходимо указать, что, планируя товарное обращение на пять лет, мы, однако, не можем пройти мимо календарных разрывов, имеющих место в обращении товаров на протяжении каждого года,— мы имеем в виду несоответствие встречных

[1] Подробные методологические указания, вытекающие из рассматриваемых здесь основных установок разработаны Торгсекцией Госплана СССР под непосредственным руководством Ц. М. Крона, которому вместе с автором принадлежит и формулировка ряда выдвигаемых в настоящем очерке положений.

потоков сельскохозяйственных и промышленных товаров. Следует иметь в виду, что по мере интенсификации сельского хозяйства, по мере относительного роста посевов и урожайности технических культур, сбыт коих, по преимуществу, имеет строго сезонный, ограниченный коротким отрезком характер (главным образом, первый квартал), проблема изжития этих разрывов будет становиться все острее. Отсюда в перспективном плане должна быть взята твердая установка на полную ликвидацию этих несоответствий на протяжении пяти лет и на значительное их сглаживание в первые же годы. Задача эта должна быть разрешена по трем линиям: а) некоторого перераспределения темпов развертывания промышленности на протяжении года, б) образования переходящих из года в год резервов промышленных товаров, расходуемых в начале с.-х. кампании и восполняемых в ее конце и в) развития и закрепления контрактации с.-х. продуктов, предусматривающей рассредоточие платежей производителю, частично в виде авансов на посев и обработку, частично же через некоторое время по истечении приемки продукции.

IV

Рынок является функцией производства, но в то же время он остается могущественным фактором, воздействующим на развитие и направление производства; это в особенности относится к сельскохозяйственному производству, усиление товарности коего, как уже было указано, является одной из важнейших задач перспективного плана торговли. С этой точки зрения пятилетний сельскохозяйственный план должен быть построен не только под углом зрения потенциальных производственных возможностей отдельных районов, но с учетом всех условий сбыта с.-х. продукции, ибо при невыгодных условиях сбыта мы не добьемся усиления товарности сельского хозяйства. Цена продукта, отчуждаемого у производителя, находящаяся в тесной зависимости от уровня мировых цен, от конечной цены потребителя, определяемой совокупностью условий народнохозяйственного равновесия, а следовательно, и от стоимости перевозки и услуг торгового аппарата, — в огромной степени влияет на товарность тех или иных отраслей сельского хозяйства. Политика заготовительных цен и до настоящего времени в отдельных случаях была использована нами в качестве эффективнейшего орудия не только для усиления товарного выхода отдельных продуков, но и для расширения самого производства.

Но стройной и до конца продуманной системы цен, учитывающей особенности районов и имеющей твердую установку на развитие тех или иных отраслей сельского хозяйства в отдельных районах у нас не было. Эта задача в перспективном плане должна быть поставлена и разрешена на основе специализации районов. Для этого в торговом плане необходимо проработать вопрос об

использовании и направлении продукции сельского хозяйства в районном разрезе. В отношении важнейших с.-х. продуктов мы должны иметь схему основных грузовых потоков и их направления для внутреннего потребления и для экспорта. Ясное и отчетливое выражение использования и направления сельскохозяйственных товаров позволит специализировать районы в отношении стимулирования производства тех или иных продуктов на основе потребностей внутреннего рынка и экспорта, наивыгоднейшего сбыта продуктов, а также специальных вложений и мероприятий производственного характера.

Расширение товарности сельского хозяйства находится в тесной зависимости от технических условий сбыта его продукции. Даже такие продукты, как зерно, выдерживающие относительно длительное хранение и перевозимые на далекие расстояния простейшим способом, требуют вспомогательных технических сооружений. Отсутствие и недостаток таких приспособлений ведет к громадным потерям, особенно в экспортных операциях.

Мы получили крайне неудовлетворительное элеваторное наследство от старого строя; выстроенная за последние два довоенных десятилетия элеваторная сеть не приспособлена к современным условиям хлебной торговли и территориально была расположена крайне неравномерно; в 1924 году было приступлено к постройке новых (линейных) элеваторов и за три года было введено в оборот около 70 единиц с пропускной способностью до 900 тыс. тонн; этого, конечно, мало. В прошлом году было намечено в пятилетке сооружение 347 элеваторов, емкостью в 1.110 тыс. тонн и пропускной способностью около 67 млн. тонн из предположения, что товарный выход хлеба к концу пятилетия составит 145 млн. тонн. Мы считаем последнюю цифру (товарного выхода) явно преуменьшенной, в особенности имея в виду, что в нее входит 50 млн. тонн экспортного хлеба, и полагаем, что она ориентировочно должна быть принята в 170 млн. тонн; при этих условиях программа элеваторного строительства должна быть повышена и доведена до способности пропустить половину рыночного хлеба (84 млн. тонн), при чем план необходимо будет переработать с точки зрения указанной выше специализации районов и усиления строительства в восточных районах экстенсивного зернового хозяйства, одновременно с проведением в них новых путей сообщения.

В разработанных до настоящего времени ориентировках большое внимание было уделено техническим сооружениям, обслуживающим сбыт скоропортящихся продуктов сельского хозяйства, к строительству коих в заметных размерах мы приступили лишь в 1925/26 г, Этот план, рассчитанный на вложения, примерно, в сумме 70 млн. руб.. предусматривает постройку сети холодильных устройств для организации сбыта мяса, бэкона, масла, яиц, битой птицы, рыбных продуктов, фруктов и овощей, при чем наибольшие ассигнования предположены по линии мяса и рыбы. Едва ли в эту наметку придется

вносить в общем существенные изменения, так как ей предшествовала очень длительная и подробная проработка; в пределах плана возможны некоторые передвижки в отношении районов, а также распределения сооружений сообразно их назначению (внутреннее потребление и экспорт).

V

Одной из центральных и наиболее трудно разрешимых проблем пятилетнего плана является экспортная проблема. Нужно, прежде всего, твердо уяснить, что экспорт является производной внутреннего товарооборота и что любая экспортная программа, оторванная от всех условий производства, потребления и распределения продуктов внутри страны обречена на явную неудачу. Задача усложняется тем, что не всякий товар в любом количестве находит сбыт на внешних рынках на приемлемых для нас условиях, что по мере количественного роста экспорта борьба за отвоевание и завоевание рынков усиливается, что по мере обострения борьбы вопросы качества продукта, его цены и уменья торговать приобретают все большее значение. Отсюда следует, что проектируя экспортную программу, нужно исходить из следующих основных положений: 1) Установить тенденции развития нашего экспорта (темп и структура экспорта), исходя из совокупности условий развития народного хозяйства в целом, производства, потребления и распределения. 2) Дать целевую установку на усиление производства экспортных товаров, в соответствии с выявленными (п. 1) тенденциями. 3) При проведении мероприятий, направленных к усилению производства экспортных товаров (п. 2) учесть по возможности перспективы их размещения на иностранных рынках. 4) В области наших торгово-политических отношений с важнейшими странами потребительницами добиваться благоприятных условий для вывоза определенных категорий товаров, экспорт коих содействует развитию производительных сил Союза. 5) Усиливать экспорт товаров, дающих наибольший валютный эффект. 6) Проводить политику капитальных вложений и политику цен, направленные к рентабельности экспорта. 7) Обеспечить такой расчетный баланс и такое валютное накопление, которые предоставляли бы нам возможность гибкого маневра в смысле использования благоприятной кон'юнктуры для реализации наших экспортных товаров по наиболее выгодным ценам. На каждом из этих положений мы и остановимся.

Размеры и структура современного экспорта, как известно, уже сильно отличаются от довоенных соотношений. Экспорт 1926/27 года (770 млн. руб.) достиг лишь половины довоенного (1.527 млн. руб. в 1913 году) при восстановлении сельскохозяйственного и промышленного производства до довоенного уровня; если внести поправку на разницу цен (30%), степень восстановленности экспорта определяется 38—40%. При этом, однако, имеем громадные структурные

изменения: в 1913 г. продукты сельского хозяйства составляли 73,2% всего экспорта, в 1926/27 г. — всего 64%; сельскохозяйственный экспорт восстановлен в гораздо меньшей степени, чем промышленный, а в последнем некоторые статьи (нефтепродукты, марганцевая руда) превзошли довоенный вывоз.

Размеры и структура экспорта последних лет отражают политические, социальные и экономические изменения, происшедшие в стране. Новые формы землепользования, уничтожение буржуазии, рост благосостояния широких трудящихся масс и более интенсивное использование сырья для переработки внутри страны,— таковы основные факторы, обусловившие количественные и качественные сдвиги нашего экспорта. Прошлогодние материалы намечали в 1930/31 г. увеличение экспорта на 90% против 1925/26 г., при росте с.-х. экспорта на 88% (в том числе хлеба — на 136%) и промышленного экспорта — на 93%.

Как мыслились авторам „Материалов" к пятилетке тенденции развития нашего экспорта и в каком соответствии с ними находится вышеуказанная цифровая наметка? В „Материалах" имеются три гипотезы развития экспорта: 1) форсированный вывоз дешевых сельскохозяйственных культур в непереработанном виде; 2) форсированный вывоз переработанных сел.-хоз. продуктов и 3) форсирование индустриализации промышленности с отставанием капитализации сельского хозяйства. Первая гипотеза отвергается, как требующая ввоза предметов широкого потребления (для извлечения товарных излишков из сельского хозяйства). Вторая гипотеза также отвергается, так как она требует больших капитальных затрат в сельское хозяйство, а следовательно, увеличения импорта товаров сельскохозяйственного назначения и товаров широкого потребления. Единственно правильным признается третий путь, который на первых порах ведет к замедлению темпа роста сельскохозяйственного экспорта и к увеличению удельного веса импорта для промышленности.

Если вдуматься в эти формулировки, то нетрудно усмотреть, во-первых, что они не дают ключа к разрешению экспортной проблемы и, во-вторых, находятся в противоречии с цифровым выражением плана. Для индустриализации нужен импорт оборудования и недостающего сырья, каковой возможен только при достаточном экспорте; между тем, мы видим, что сельскохозяйственный экспорт в темпе должен замедляться и это замедление ничем не восполняется (ибо опережение промышленного экспорта запроектировано на 3%); следовательно, никакого замедленного темпа сельскохозяйственного экспорта мы не имеем, но в цифровом выражении он запроектирован при отрицании необходимости и возможности достаточных вложений в сельское хозяйство, что делает его заведомо нереальным. Очень большие коэфициенты роста запроектированы для таких сельскохозяйственных продуктов (масло, яйца), потребле-

ние коих в индустриализирующейся стране должно сильно возрастать и производство коих (масло) требует капитальных вложений. Более того, непереработанные сельскохозяйственные продукты (зерно) дают наибольший коэфициент роста (136%) в противоположность отвергнутой первой гипотезе. Повторяем, существующие работы эспортной проблемы не разрешают. Мы имеем проектировки экспорта крупнейших отраслей сельскохозяйственных продуктов, не вытекающие из всех условий производства, потребления и распределения и находящиеся в противоречии с лозунгами, выдвинутыми в качестве основных установок.

Экспортно-импортная гипотеза в последующих работах должна быть в корне переработана, исходя из перечисленных нами выше основных положений. Нам необходимо внести коррективы в итоговые данные оборотов внешней торговли в смысле их увеличения. Задача сводится, прежде всего, к тому, чтобы добиться структуры экспорта, вытекающей из условий развития народного хозяйства в целом, чтобы соответственными и капитальными вложениями, политикой цен, организацией технической базы и аппарата обеспечить реальность выполнения экспортной (а следовательно, и импортной) программы.

Обращаясь к важнейшему вопросу о путях развития нашего экспорта на протяжении ближайшего пятилетия, следует указать, прежде всего, что в стране, быстро индустриализирующейся, неизбежно продолжение роста потребления продуктов животноводства (мясо, рыба, птица, жиры, яйца). При росте числа рабочих, занятых в производстве, при росте зарплаты, при росте числа строительных рабочих, внутреннее потребление всей указанной группы будет очень велико (отсюда громадная связь экспортного плана с балансом товарного обращения). Из этого не следует, что мы должны совсем отказаться от вывоза указанных товаров, но для нас ясно, что основной базой сельскохозяйственного экспорта они служить не могут; тем более актуальной задачей представляется такая переработка части их, предназначаемой для экспорта, которая давала бы наибольший валютный эффект (свинья—бэкон, мясо, рыба—консервы икра, частичная замена внутреннего потребления дорогих жиров более дешевыми, коровье масло — растительное масло и т. д.). Отсюда мы приходим к выводу, что основной базой экспорта является: а) хлеб, б) сельскохозяйственные продукты растительного происхождения в переработанном виде, в) промышленные товары. Продукция животноводства и отходы от ее переработки являются дополнительными статьями. Отсюда же ясно, что экспортная проблема может быть разрешена лишь при условии: а) восстановления и развития зернового хозяйства, с выделением определенных районов специально-экспортного значения, где основой сельскохозяйственного производства должен быть хлеб. б) Развитие производства, в определенных районах, сельскохозяйственных продуктов экспортного значения (лен, табак, шелковица, фрукты, овощи и т. д.) и надлежащее использование естественных их богатств (грибы, ягоды, пушнина и т. п.), при каковых лишь условиях мы обеспечим действительный рост производительных сил таких районов, для которых эти продукты являются основой их сельскохозяйственной экономики (Крым, часть Украины и Сев. Кавказа, Закавказье, Средняя Азия и т. д.) и организации соответствующей переработки этих продуктов. При этом следует иметь в виду, что вложения в указанные отрасли, как правило, настолько рентабельны, небольшие затраты дают столь значительный эффект, что опасаться в связи с этим замедленного темпа развития крупной индустрии не приходится. в) Вложения в промышленность экспортного значения, притом преимущественно в такие отрасли, продукция которых имеет обеспеченные рынки сбыта, с учетом при капиталовложении необходимости значительного снижения себестоимости этих товаров для их конкурентоспособности. г) Вложения в определенные отрасли животноводческого хозяйства (масло), а также для переработки отходов животноводства, при чем последние, как правило, также дают очень быстрый валютный эффект.

На основе этих положений необходимо будет пересмотреть капитальные вложения в отдельные отрасли промышленности и сельского хозяйства в районном разрезе. Но нужно указать, что мы уже в настоящее время много теряем на реализационной цене, обусловленной низким качеством продуктов, неумением приспособлять их к требованиям иностранных рынков, неумением (а иногда невозможностью, благодаря ограниченности валютных резервов) во-время их реализовать, пользуясь благоприятной конъюнктурой; более того, качество продукции уже в настоящее время иногда становится лимитом размещения товара за границей. Мы смело можем и должны поставить в пятилетнем плане задачу: добиться увеличения на 8—10% валютной выручки за счет стандартизации, за счет улучшения первичной переработки, улучшения качества, сортировки и упаковки товаров, улучшения методов торговли. Только это нам дало бы прирост валюты в 100—120 млн. рублей.

Для того чтобы добиться возможности маневра при реализации товаров, план должен предусмотреть в первые же годы достаточные валютные резервы.

Переходя к импортному плану и оставаясь при прошлогодней ориентировке о необходимости отвести здесь первое и доминирующее место промышленности, нужно все же пересмотреть контингенты ввоза для сельского хозяйства, как условие роста экспорта предметов широкого потребления в той части, которая не может быть получена внутри страны, а также предметов, связанных с здравоохранением и подъемом культурного уровня населения, имея в виду, что существующий ввоз этих товаров производится в явно недостаточных размерах. План в большей степени, чем до настоящего

времени, должен предусмотреть замену импортируемых товаров продукцией собственного производства, согласно указаниям XV партс'езда (минимум зависимости от мирового хозяйства).

Следует, наконец, указать, что на импорте мы также теряем валюту из-за невозможности и неумения маневрировать. Необходимо в первые же годы создать обстановку возможности использования благоприятной кон'юнктуры при покупках так называемых биржевых товаров (сырье, чай и т. д.) и для этого создать переходящие их запасы внутри страны, которые позволяли бы приостанавливать закупки при высоких ценах, не ставя под угрозу работу промышленности; образование таких запасов должно быть предусмотрено планом.

В заключение следует указать на большую специальную задачу, подлежащую разработке и разрешению в перспективном плане,— мы имеем в виду развитие наших торговых связей с Востоком. Значительные успехи, достигнутые в этой области за последние годы, в связи с нашей политикой по отношению к восточным соседям, чуждой элементов капиталистической эксплоатации и угнетения, создают прочную основу для укрепления наших торговых отношений с Востоком. Мы должны ставить задачи не только расширения товарооборота с восточными государствами, но и введения его в русло, в наибольшей степени обеспечивающее развитие производительных сил обеих сторон: в отношении ряда товаров восточные страны могли бы нам давать гораздо больше, чем до настоящего времени (напр., растительное сырье); для этого им необходимо создать прочные рынки сбыта, которые стимулировали бы рост этого производства; вопрос, следовательно, заключается в том, чтобы соответственными мероприятиями стимулировать производство в восточных странах таких именно видов сырья, в которых мы, с одной стороны, нуждаемся и которые, с другой стороны, содействовали бы поднятию благосостояния широких трудящихся масс Востока.

VI

Переходим к вопросам организации товарооборота. Мы имеем основную директиву XV партс'езда, указывающую на необходимость „преодоления анархии рынка и расточительности в расходовании материальных средств, свойственных капиталистическому способу распределения, путем дальнейшего развития и рационализации обобществленного сектора товарооборота". Необходимо при этом иметь в виду, что поставленные выше проблемы в области экономики рынка, постепенного устранения важнейших диспропорций и узких мест товарооборота могут быть разрешены лишь при соответственной его организации. Основной проблемой в области организации рынка является формирование планового централизованного рынка, в целях постепенного преобразования аппарата обращения в аппарат социалистического распределения продуктов. Вытекающие отсюда задачи в прошлогодних работах получили достаточное освещение. Мы возвращаемся к ним лишь для того, чтобы указать, в какой мере они начали уже получать осуществление на протяжении этого года. Эти задачи могут быть формулированы следующим образом: а) дальнейшее обобществление товарооборота и подлинное кооперирование потребителей и мелких производителей; б) учет потребительского спроса на промтовары и увязка его с предложением через систему предварительных заказов; в) развитие системы контрактации и генеральных договоров кооперации с госорганами на с.-х. продукцию; г) реконструкция оптовой торговли и превращение ее из торгового звена в регулирующие центры по связи коллективного потребителя с производителем; д) рационализация и районирование торгового (внутреннего и внешнего), в частности, складского аппарата и приближение розничной сети к потребителю; е) постепенное внедрение системы твердых планов перевозок промышленнных и торговых организаций; ж) усиление и реконструкция технической базы торговли, в частности, путем капитального строительства (складов, инсталляций и пр.); з) рационализация методов управления, регулирования и планирования рынка.

В прошлом году мы только ставили вопрос о введении системы предварительных заказов для учета потребительского спроса на промтовары, увязки его с предложением и соответственного воздействия на промышленное производство в направлении типизации и специализации фабрик, стандартизации их продукции. В настоящее время мы имеем систему предварительных заказов, проведенную в одной из важнейших отраслей промышленности,— в текстиле. Судить о ее результатах еще рано, но дело в том, что уже положено начало одному из важнейших мероприятий, направленных к преодолению анархии рынка. Система генеральных договоров между кооперацией и госорганами по сбыту с.-х. продукции, а равно и контрактация последних также получили значительное развитие в настоящем году. Далее, если еще год тому назад мы только ставили вопрос о реконструкции оптовой торговли и превращении ее из торгового звена в регулирующие центры, то сейчас уже проводятся подготовительные мероприятия по постепенному освобождению крупно, оптовых звеньев (синдикаты) от ряда торгово-технических функций на протяжении ближайших лет такое же преобразование должно быть предпринято и в отношении кооперативных центров и крупных кооперативных союзов.

В области организации торгового аппарата наименее разработанным представляется вопрос о складском хозяйстве, являющемся одним из слабых наших мест. Нерациональное расположение унаследованных от старого строя торговых складов, несоответствие его современной организации рынка, при почти полном отсутствии нового складского строительства, устарелость складского оборудова-

ния, почти не знающего замены ручного труда усовершенствованными механизмами для погрузки, перевалки и разгрузки товаров, наконец, неувязанность существующей складской сети с транспортом и под'ездными путями,— все это, вместе взятое, приводит не только к значительному увеличению издержек обращения, но в иных случаях и к затруднениям по своевременному и целесообразному распылению товаров в крупных центрах. И если в области промышленности сельского хозяйства, транспорта, связи и строительства мы ставим большие задачи реконструкции производства на высокоразвитой технической базе, то нельзя оставлять технический аппарат торговли в современном, совершенно неудовлетворительном, отсталом состоянии. Прошлогодняя ориентировка предусматривала самые скромные вложения в эту отрасль хозяйства исключительно по линии кооперации; не подлежит сомнению, что, прорабатывая рассматриваемую проблему наново, нам придется значительно усилить капитальные вложения как за счет собственных средств кооперации и госторговли, так и за счет местных бюджетов. Проработка этого вопроса целиком должна лечь на республиканские и местные плановые органы.

Значительное место в материалах перспективного планирования уделено исчислению предполагаемых размеров торгово-посреднического оборота, его звенности и издержкам обращения. В эту часть работ нужно внести много нового. Дело заключается в том, что торгово-посреднический оборот в современных его исчислениях является формальным выражением прохождения товара через ряд посреднических звеньев. До тех пор пока все торговые звенья, в том числе синдикаты, кооперативные центры и союзы, выполняли все решительно торгово-технические функции, торгово-посреднический оборот действительно отражал обращение товаров. Но с той поры как мы ставим вопрос о значительном сокращении торгово-технических функций ряда торговых звеньев до полного их отсечения к концу пятилетки, в методологию исчисления торгово-посреднического оборота придется внести существенные изменения, ибо в противном случае в него войдут, на ряду с действительным товарным обращением, также и моменты планового распределения; а поскольку в итоге намечаемого нами преобразования расходы планово-регулирующих центров не будут строиться на принципе торговых калькуляций, и сумма издержек обращения должна получить иное выражение. Соответственно всему этому переработке подлежат и расчеты об оборотных средствах и капиталах торговли и кооперации, ибо по мере постепенного превращения оптового звена в регулирующие центры мы будем иметь значительную передвижку средств из одних звеньев торговли в другие, а также значительное упрощение капиталообращения и всей техники финансовых расчетов.

В. Ришар

К построению перспективного плана развития сырьевой базы Союза [1]

Проблема сырья является одним из наиболее сложных и все еще недостаточно разработанных звеньев общего перспективного плана развития народного хозяйства СССР.

Недостаток с.-х. сырья внутри страны в текущем году, как и в предшествующие годы, все еще остается главнейшим препятствием для развертывания нашей легкой индустрии. Нельзя рассчитывать для всего последующего периода на успешное развертывание промышленности, вырабатывающей предметы широкого потребления, равно как и на ускорение процесса товаризации зернового хозяйства, без предварительного укрепления и развития сырьевой базы (сырье, промтовары, хлеб).

В то же время без соответственной реорганизации крестьянского хозяйства на основе введения интенсивных технических культур (в меньшей степени интенсивных кормовых) невозможно ставить самого вопроса о хозяйственной революции в нашей деревне, в особенности, в малоземельных северных и центральных районах Союза.

В условиях существующего малоземелья хозяйственный под'ем бедняцких и маломощных середняцких хозяйств в этих районах возможен лишь при широкой прослойке техническими культурами крестьянского полеводного хозяйства. Этим путем единственно может быть обеспечено наиболее эффективное использование недостаточных земельных участков (при соответственной организационной и финансовой поддержке со стороны государства).

Весь комплекс очередных вопросов, вставших перед государством в области сельского хозяйства: усиление доходности маломощных крестьянских хозяйств, изжитие кризиса аграрного перенаселения, усиление товарности крестьянских хозяйств, укрепление связи деревни с городом, индустриализация сельского хозяйства, проблема культурного под'ема деревни, — теснейшим образом связаны с успешным и своевременным разрешением проблемы сырья.

Механизация и химизация полеводного хозяйства даже в рационально построенном хозяйстве могут себя полностью оправдать в сравнительно короткие сроки только при введении в севооборот трудоемких и высокоценных технических культур. Зерновые культуры не могут обеспечить малоземельному крестьянину северных и

[1] В порядке обсуждения. Ред.

центральных районов необходимой быстроты использования и возмещения капитальных вложений. Большинство отрицательных последствий так называемого малоземелья должны будут потерять свою остроту, как только благодаря введению интенсивных сырьевых культур будет достигнута более высокая доходность крестьянского двора с имеющихся недостаточных земельных наделов.

Поэтому постановление XV партийного с'езда о необходимости тщательной и всесторонней проработки и обсуждения на местах и в центре пятилетнего плана представляет исключительную важность в отношении сырьевой проблемы.

При проработке прежних вариантов сырьевых пятилеток (1925—1929 гг. и 1926—1931 гг.), включительно до последнего варианта ВСНХ СССР („Контрольные цифры пятилетнего плана развития промышленности 1926—1931 гг."), ведомствам, работавшим над пятилетними планами, удалось далеко не полностью ответить на вопросы, вставшие в области сырья. В значительной мере это об'ясняется краткостью сроков, отводившихся на проработку пятилетних планов, но также и бессистемностью и разбросанностью работы по сырью в многочисленных ведомствах и недостатком технических и финансовых возможностей для достаточно углубленной постановки работ по выяснению отдельных элементов сырьевой проблемы.

Это не лишает ценности имеющиеся работы по сырьевым пятилеткам (ВСНХ, Госплана), но придает им характер лишь первого ориентировочного подхода к составлению перспективного плана по сырью.

Наиболее полными являются материалы, проработанные ВСНХ СССР.

По важнейшим отраслям сырья, по перспективным расчетам ВСНХ СССР, намечаются следующие темпы роста посевных площадей и валовых сборов [1] (см. табл. на стр. 109).

Распределение приходо-расхода сырья в 1931/32 г. по сравнению с 1926/27 г. и в сопоставлении с отправным вариантом пятилетнего плана, разработанным Госпланом СССР, характеризуется „Контрольными цифрами пятилетнего плана" (ВСНХ) в следующем виде [2] (см. табл. на стр. 111).

Иначе говоря, при намеченных темпах роста сырьевого хозяйства промышленность СССР все еще оказывается к 1931 году в

[1] За ограниченностью места не приводятся данные по махорке, табакам, шелковым коконам, а также по некоторым другим видам сырья, по которым положение является менее напряженным, чем по приводимым в таблице основным видам сырья.

[2] В исчисления товарного сбора для 1926/27 г. и переработки промышленности следует ввести поправки, согласно новым исправленным балансовым работам ВСНХ: хлопок — тов. сбор 1655 тыс. центн. и переработка пром. 3.100 тыс. центн., лен — 1.400 и 1.050 тыс. центн., пенька — 804 и 370 тыс. центн., шерсть — 280 и 375 тыс. центн., кожсырье крупное — 9.500 тыс. шт. и 8.710 тыс. шт., сахарная свекла — 61.225 тыс. центн. и маслосемена 20.115 и 6.060 тыс. центн.

	1926/27 г.[1]	1931/32 г.[2]	1931/32 г. в % к 1926/27 г.	1931/32 г. в % к 1913 г.
Хлопок-волокно				
Посевная площадь (тыс. га)	702	1.165	166	166
Урожайность (центн. с га)	2.4	3.25	135	93
Валовой сбор (тыс. центн.)	1.690	3.800	224	154
Лен-волокно				
Посевная площадь (тыс. га)	1.266	1.490	117	111
Урожайность (центн. с га)	2,1	2,7	128	84
Валовой сбор (тыс. центн.)	2.650	4.010	151	94
Пенька				
Посевная площадь (тыс. га)	951	1.025	108	153
Урожайность (центн. с га)	4,6	5,83	127	95
Валовой сбор (тыс. центн.)	4.360	5.980	137	142
Маслосемена				
Посевная площадь (тыс. га)	5.423	6.890	127	181
Урожайность (центн. с га)	4,8	6,8	142	130
Валовой сбор (тыс. центн.)	26.100	46.700	180	229
Сахарная свекла				
Посевная площадь (тыс. га)	541	851	157	130
Урожайность (центн. с га)	113,5	154	135	91
Валовой сбор (тыс. центн.)	61.200	131.100	216	117
Шерсть грубая и полугрубая [2]				
Размер стада овец (млн. голов)ы	106	134,5	127	125
Выход шерсти грязн. с голов (в кг)	1.25			
Валовой сбор (тыс. центн.)	1.345	1,35	108	96
		1.820	135	120
Шерсть тонкая				
Размер стада овец (млн. голов)	690	2.875	417	67
Выход шерсти грязн. с головы (в кг.)	3,75	3,8	101,5	88
Валовой сбор (тыс. центн.)	26,2	110	427	59
Кожсырье крупное[3]				
Размер стада крупн. рог. скота и лошадей рабочих (в млн. гол.)	67,6	85,0	126	120
Отход в % к стаду	15,1	16	106	102
Валовой сбор (в тыс. шт.)	10.300	13.600	132	122

[1] 1926/27 и 1927/28 гг. взяты по исправленным балансовым материалам ВСНХ, несколько отличающимся от принятых в „Контрольных цифрах пятилетнего плана развития промышленности СССР", изд. Гостехиздата, 1927 г.

[2] 1931/32 г. взят по всем видам сырья по „Контр. цифр. пятил. плана" (ВСНХ), кроме маслосемян и пеньки, взятых по прежнему варианту пятилетнего плана ВСНХ (см. „Материалы к пятил. плану разв. пром. СССР").

[3] По другим исчислениям (ЦСУ) размеры стада и сбора шерсти грубой и крупного кожсырья исчисляются для 1926/27 и 1927/28 гг. в более значительных количествах. Исходя из увеличенного количества скота (с поправками на недоучет) и принимая гипотетически возможный переход из мелких кож в крупные, ЦСУ выдвинуло следующие цифры валового сбора крупного кожсырья: 12,2 млн. штук в 1926/27 г. и 12,4 млн. штук в 1927/28 г. В виду допущения ряда гипотез, еще не проверенных

состоянии весьма острой зависимости от заграничных источников сырья по крупному кожсырью, шерсти и хлопку, по которым, по расчетам ВСНХ, импорт в абсолютных количествах в 1931/32 г. должен будет резко возрасти при сохранении того же, примерно, удельного веса импортного сырья в снабжении промышленности, как в 1926/27 г. При этом перспективный план развития государственной планируемой промышленности предусматривает переработку в 1931/32 г. хлопка до 182% довоенного количества (192% к 1926/27 г.), льна 191% дов. (155% к 1926/27 г.), пеньки 150% дов. (192% к 1926/27 г.), сахарной свеклы 117% дов. (216% к 1926/27 г.), маслосемян 225% дов. (260% к 1926/27 г.), шерсти грубой, полугрубой и тонкой 136% дов. (150% к 1926/27 г.) и кожсырья крупного 175% дов. (157% к 1926/27 г.), включая переработку импортного сырья.

В связи с ростом населения относительное увеличение выработки промышленностью изделий (на 1 душу населения) будет менее значительным и все еще будет отставать от рыночного спроса, тем более, что до войны рыночный спрос теперешних районов СССР частично покрывался ввозом шерстяных и кожевенных, в меньшей степени хлопчатобумажных и пеньковых изделий из-за границы и из районов, отошедших от СССР.

Несмотря на запроектированное крупное расширение переработки сырья госпромышленностью, в приведенных перспективных расчетах ВСНХ несомненно недостаточно учтен возможный рост потребности в сельскохозяйственном сырье как государственной крупной промышленности, так и мелкой кооперированной и некооперированной кустарной промышленности.

Наблюдаемый в последние годы исключительно бурный хозяйственный и политический рост наших окраинных республик, впервые пробуждающихся к культурной и самостоятельной хозяйственной жизни, факт создания ими собственной местной промышленности едва ли не по всем отраслям производства, наконец, факт усиления кустарной переработки сырья на местах, — все это обязывает предвидеть

учетными данными, эти исчисления Экспертным Советом ЦСУ приняты лишь в качестве предварительных, подлежащих уточнению.

По балансу шерсти грубой и полугрубой Экспертным Советом ЦСУ принято: для 1926/27 г. 113 млн. голов овец и 1.480 тыс. центнеров валовой стрижки шерсти и для 1927/28 г. 119,7 млн. голов овец и 1.580 тыс. центн. валового сбора. Эти исчисления в общем правильно отражают размер имеющихся в СССР шерстосырьевых ресурсов, но в виду отсутствия сравнимых исчислений по тому же методу для довоенного периода, для которого также нужно сделать поправку на недоучет стада (к официальным данным), следует руководствоваться при оценке динамики сырьевой базы цифрами, принятыми по балансовым работам ВСНХ СССР.

По товарной продукции исчисления ВСНХ и ЦСУ по шерсти совпадают и несколько различаются по крупному кожсырью. Разница в исчислениях падает, главным образом, на увеличение размеров оседания животного сырья.

Виды сырья	Годы	Товарный сбор		Потребл. госпромышленностью		Экспорт — импорт (+) (—)	
		ВСНХ	Госплан	ВСНХ	Госплан	ВСНХ	Госплан
		(В тысячах центнеров)					
Хлопок-волокно	1926/27 [1]	1.640		3.130		+1.410 [2]	
	1931/32	3.700	3.700	6.000	4.600	+2.400	+870
Лен-волокно	1926/27 [1]	1.360		980		—360	
	1931/32	2.740	2.720	1.520	1.720	—1.200	—935
Пенька	1926/27 [1]	850		400		— 33	
	1931/32	2.180	1.500	770	787	—740	— 280
Шерсть (мытая) грубая, полугрубая и тонкая	1926/27 [1]	280		400		+ 215 [2]	
	1931/32	575	400	600	655	+300	+ 280
Кожсырье крупное (в тыс. шт.)	1926/27 [1]	9.100		8.400		+1.850	
	1931/32	13.400	12.400	13.200	11.100	+2.600	+1.900
Сахарная свекла	1926/27 [1]	60.660		60.660		—	
	1931/32	131.100	118.000	131.100	118.000	—	—
Маслосемена	1926/27 [1]	19.850		6.800		—	
	1931/32	38.330	36.065	17.700	18.000	—	—

[1] Цифра 1926/1927 г. — отчетная.

[2] В виду недостаточности импорта расширение переработки промышленностью частично проведено за счет сокращения запасов сырья у промышленности.

для всего последующего периода огромное напряжение рыночного спроса на сырье. Возрастание спроса окраин на промышленные товары, а при недостатке их — на кустарные товары, и тем самым спроса на местах на сырье, повидимому, вызовет значительное превышение запроектированной потребности промышленности в сырье и изменение той наметки распределения сырья между различными видами промышленности, которая принята в расчетах ВСНХ в отношении доли кустарной и других видов непланируемой промышленности. [1]

При намечении масштаба развития промышленности и сырьевой базы страны нужно учесть то обстоятельство, что трудности текущего года не представляют собою только случайного преходящего явления, но могут при известных условиях повториться и в последующие годы. Самый факт назначения по перспективным планам крупных долгосрочных и безвозвратных ассигнований на протяжении всего последующего периода как на сельское хозяйство по прямому назначению, так и на капитальное строительство и на транспорт, означает прилив огромных денежных средств в деревню в виде добавочного дохода деревенского населения от отхожих заработков при работах на строительстве, на транспорте и т. п.

Это заставляет предвидеть неизбежное заострение в дальнейшем денежной инфляции в деревне со всеми последствиями, в виде перебоев с продажей деревней хлеба и других с.-х. продуктов, если не удастся достигнуть в кратчайшие сроки расширения товарооборота промтоварами и достаточно полного обслуживания деревенского населения предметами широкого потребления (и средствами производства). В этих целях уже в ближайшие годы несомненно потребуется мобилизовать все ресурсы страны, дабы подготовить нашу легкую индустрию к новым и новым скачкам вверх потребительского спроса. Введение дополнительной смены в государственной промышленности также потребует усиления снабжения ее с.-х. сырьем.

Вместе с тем, в пятилетнем плане должен найти специальное отражение вопрос о возможном перспективном развитии и росте потребления сырья мелкой промышленностью, в частности, по тем отраслям кустарного производства, которые являются необходимым дополнением к работе государственной промышленности (сапого-валяльное дело, выработка пеньковых изделий, овчинно-шубное дело).

Несомненно также окажутся далеко недостаточными к концу пятилетия те экспортные излишки сырья, которыми, по перспективным расчетам ВСНХ, мы можем располагать в 1931/32 г. (лен 35 — 47%, [2] пенька 40 — 110% довоенного экспорта). Необходимость развития встречного импорта машин и технического оборудования

[1] См. балансы по отдельным видам сырья в „Контрольных цифрах пятилетнего плана“ (ВСНХ).

[2] По разным исчислениям (Госплана, ВСНХ).

для проведения в намечаемом масштабе индустриализации промышленности и сельского хозяйства потребует к концу пятилетия более крупных экспортных контингентов.

Нужно сказать при этом, что возможные излишки сырья для экспорта Госпланом исчисляются для конца пятилетия по основным экспортным культурам (лен, пенька) в количествах менее значительных, чем ВСНХ.

* * *

Насколько можно, однако, считать выполнимыми даже эти несомненно недостаточные темпы роста сырьевых ресурсов Союза, как они намечены в имеющихся вариантах Госплана и ВСНХ? Основным и наиболее актуальным вопросом является оценка реальности (и достаточности) перспективных предположений в отношении растительного с.-х. сырья, по которому наше сельское хозяйство бесспорно может при благоприятных условиях достигнуть уже в течение ближайших 3 — 5 лет весьма крупных результатов. В меньшей степени это приходится сказать о животном сырье, по которому перспективные предположения на ближайший период мы вынуждены строить, ориентируясь, главным образом, на естественный прирост стада, в виду невозможности в короткие сроки провести реконструкцию нашего животноводства. Для этого нужны 2 или 3 пятилетия. Только через 8—10 лет можно получить первые мало-мальски значительные практические результаты от намеченных и проводимых в данное время мероприятий по овцеводству и крупному животноводству.

Темпы роста посевных площадей по отдельным культурам, принятые в расчетах ВСНХ, являются довольно высокими и превышают темпы роста технических культур за последние пятилетия предвоенного периода. В то же время в 1927/28 г. посевная площадь почти по всем техническим культурам уже превысила довоенную. Посевная площадь под техническими культурами и размеры стада крупного рогатого скота и грубошерстных овец к 1931 году должны будут весьма значительно обогнать довоенный уровень.

Интенсивные темпы роста посевных площадей не сопровождаются в перспективных расчетах (ВСНХ, Госплана) надлежашим ростом других элементов, обусловливающих необходимые реконструктивные изменения в сырьевом секторе нашего сельского хозяйства.

Темпы роста урожайности технических культур взяты весьма осторожно. Даже в 1931 г., по имеющимся перспективным расчетам, наше сырьевое хозяйство в этом отношении едва лишь вступит в действительную полосу реконструкции по масличным и некоторым другим техническим культурам, в том числе по сахарной свекле, по которой уровень урожайности на крестьянских землях должен превысить к концу пятилетия довоенную урожайность крестьянской свеклы. По главнейшим культурам — хлопок, лен, пенька — наше сель-

ское хозяйство даже в 1931 году не выйдет еще, по имеющим перспективным расчетам, из тяжелой полосы восстановления, т.-е. останется на крайне отсталом (качественном) уровне, все еще не достигающем в отношении урожайности даже далеко неудовлетворительного довоенного уровня.

По сравнению с уровнями урожайности, достигнутыми западноевропейскими странами, в 1931 году в этом случае останется незаполненной огромная пропасть. Отставание уровней урожайности льняного волокна в 1931 г. от уровня урожайности, достигнутого уже к настоящему времени (в 1925/26 г.) во Франции, составит до 70%; против урожаев, достигнутых в Бельгии до 73%, по сахарной свекле — до 50% (по сравнению с урожаями сахарной свеклы в Германии и других странах).

Урожайность хлопка-волокна в 1931 г. составит, по имеющимся перспективным расчетам, на 30% менее урожайности, достигнутой уже в условиях искусственного орошения С.-А.С.Ш. и Египтом.

Между тем, намеченные перспективным планом размеры насыщения хлопководческих, льноводческих и других производящих сырье хозяйств с.-х. инвентарем и минеральными удобрениями, [1] степень обеспеченности улучшенным посевным материалом и, наконец, степень землеустроенности и внедрения улучшенных систем севооборота, должны будут к 1931 г., при проведении намеченных мероприятий, значительно превысить довоенный уровень агротехнических достижений в крестьянских хозяйствах, являвшихся до войны основным массивом, производившим свыше 95% всех технических культур, за исключением сахарной свеклы, на 80% производившейся в помещичьих хозяйствах.

Поскольку урожайность на крестьянских землях при условии проведения государством соответственных агротехнических улучшений не может быть ниже довоенной, нужно признать произведенные расчеты возможного роста урожайности к концу пятилетия преуменьшенными и неотвечающими намеченным крупным капитальным вложениям и организационно-техническим мероприятиям по рационализации и интенсификации крестьянских хозяйств, производящих сырье.

Даже в пределах того масштаба мероприятий по органическому переустройству сырьевого хозяйства Союза, как это принято в имеющихся пятилетних перспективных расчетах, должно и может быть достигнуто более значительное увеличение урожайности технических культур.

Явное преуменьшение возможного прироста урожайности в известной степени вызвано тем, что в качестве исходного года для

[1] В 1931/32 г. по расчетам ВСНХ применение минеральных удобрений должно составить свыше 570 тыс. тонн только в льноводных, хлопководных и свеклосевных хозяйствах, а всего в сельском хозяйстве свыше 1.100 тыс. тонн (против 700 тыс. тонн в довоенное время).

перспективных расчетов ошибочно взят 1926/27 г., являющийся годом пониженной урожайности по большинству технических культур не только против предшествовавшего 1925/26 г., но и против средней урожайности за последние 4—5 лет. Уже в 1927 г. урожайность по всем видам технических культур повысилась, достигнув по некоторым видам сырья уровня, близкого к намеченному для 1931 г.

Спорной является возможность намеченного расширения посевных площадей под техническими культурами.

Возможность достижения тех или иных темпов расширения посевов сырьевых культур теснейшим образом зависит от того, как сложится в дальнейшем соотношение уровней урожайности с единицы посевной площади при добыче сырьевых и конкурентных им зерновых и кормовых культур и соотношение уровней рыночных цен на те и другие. Всего более приходится опасаться срыва намеченных темпов роста посевной площади под техническими культурами именно в том случае, если на ряду с расширением посевов не будет проведено коренной реконструкции теперешних отсталых форм хозяйствования для повышения урожайности и доходности сырьевых культур.

Отмеченным выше экстенсивным уклоном в построении имеющихся вариантов перспективных планов по сырью нужно также об'яснять то обстоятельство, что в пятилетних расчетах чрезвычайно слабо освещена проблема цен на сырье и доходности сырьевых культур для производителей сырья, а также все еще недостаточно проработана проблема первичной обработки сырья.

В пятилетних расчетах по отношению к масличному сырью принято некоторое повышение заготовительных цен. В отношении остальных видов сырья принято снижение заготовительных цен, но в весьма осторожных пределах (на 8—15%).

Одной из важнейших очередных задач для нашей промышленности и народного хозяйства в целом является понижение себестоимости промышленных изделий, в том числе путем понижения стоимости сырья в единице изделий. Нельзя рассчитывать, что в короткое время окажется возможным существенно снизить себестоимость промышленных изделий за счет других элементов производства, по которым предположения могут не оправдаться (переоборудование; повышение производительности труда на 45—50%).

Но именно в силу этих причин намеченное на пятилетие снижение заготовительных цен на сырье на 8—15%, а вместе с сокращением накладных расходов и расходов по первичной обработке сырья всего на 15% по хлопку, льну, пеньке и на 25% по сахарной свекле, при стабильности себестоимости для промышленности масличного сырья, следует считать недостаточным.

В то же время вопрос о снижении заготовительного индекса (по текстильному сырью в среднем на 7,5%, до 1,33 в 1931/32 г. против 1,44 в 1926/27 г.) не увязан в пятилетних расчетах с вопросом о достаточной рентабельности сырьевых культур для произво-

дителей сырья, с проблемой развития зернового и кормового хозяйства и с перспективным планом хлебоснабжения и товароснабжения сырьевых районов.

В силу этого промышленность и народное хозяйство в целом могут столкнуться в будущем с двумя опасностями: 1) с недостаточной конкурентоспособностью сырьевых культур против зерновых и кормовых и крайней неустойчивостью сырьевых культур, в виду слабых урожаев и резко упавшей валовой доходности с единицы посевной площади, далеко не окупающей производимую огромную затрату рабочей силы при возделывании трудоемких культур, и 2) с высоким уровнем себестоимости сырья для промышленности, также обусловливаемым недостаточной валовой доходностью, получаемой крестьянскими хозяйствами от производства сырья с единицы посевной площади.

Единственно надежным путем для поднятия доходности и укрепления сырьевых хозяйств является достижение более высокой урожайности сырьевых культур. Вне этого условия всякое снижение цен на сырье даже в намеченных осторожных пределах может привести к срыву всей работы по развитию сырьевой базы. Один неурожайный год, новый под'ем цен на зерновые продукты, — и могут возникнуть сырьевые затруднения еще более острые, чем в 1926/27 г., когда мы имели переход льноводов и других производителей сырья на посевы зерновых культур. Наоборот, путем поднятия уровня урожайности мы достигнем значительного удешевления себестоимости сырья для сельского хозяина и сможем существенно снизить заготовительную себестоимость сырья для промышленности (и для экспорта) без ущерба для сельских хозяев.

Весьма важным является также проведение одновременно с мероприятиями по повышению уровня урожайности ряда мероприятий по улучшению, упрощению и удешевлению первичной обработки сырья в крестьянских хозяйствах, что должно повысить полезную массу сырья и косвенно увеличить выгодность добычи сырья для сельских хозяев.

Сырьевое хозяйство должно внутри себя выработать способность противостоять возможным затруднениям. Пока сырьевое хозяйство стоит на грани убыточности и держится весьма часто как подсобная, а не основная отрасль, оно всегда будет подвержено опасным колебаниям и перебоям.

Этот вопрос, как и проблемы цен на сырье, первичной обработки сырья и удешевления накладных расходов заготовительных организаций и промышленности по сырью, требуют углубленной проработки.

* * *

При построении и проработке пятилетнего плана развития сырьевой базы Союза необходимо, прежде всего, установить правильный методологический подход.

В области сырья мы не можем и не должны ограничивать перспективные предположения тесными рамками естественных и хозяйственно бытовых условий, благоприятствующих или неблагоприятствующих — на данной стадии и при данном культурном уровне нашего крестьянства — развитию сырьевого дела в СССР, но вплотную должны подойти к проблеме организованного и целевого воздействия со стороны государства на весь комплекс действующих в области сырья факторов и о создании, если необходимо, новых мощных факторов, которые позволили бы достичь хозяйственно (и социально) необходимых результатов в этой области.

Совершенно своевременно говорить сейчас не только о содействии со стороны государства крестьянским хозяйствам, производящим сырье, а о плановом строительстве сырьевой базы СССР в той же установке и в тех же крупнейших масштабах, как это делается государством в отношении энергетической базы и капитального строительства транспорта и промышленности.

При определении масштаба этого строительства недостаточно исходить из учета довоенных и современных динамических показателей о развитии технических культур, корректированных опытными весьма еще ограниченными данными о результатах внесения минеральных удобрений, введения улучшенных семян и проведения прочих агротехнических мероприятий.

Учитывая условность и ограниченность имеющихся статистических показателей и опытных обследований сырьевого дела и огромные неиспользованные еще агротехнические возможности, следует основывать перспективные расчеты по сырью и соответственно ставить проработку пятилетнего перспективного плана в значительной мере заново, имея в виду необходимость покрытия в те или иные сроки выявившейся потребности страны в сырье и достижения коренных сдвигов в культурно-хозяйственном строении советской деревни.

В сущности, следуя именно первому методу, составители имеющихся вариантов сырьевых пятилеток неизбежно вынуждены были прийти к тем отмеченным выше крайне неблагоприятным для народного хозяйства Союза выводам, которые знаменуют полное безверие в возможность даже к концу пятилетия выйти из тяжелой полосы восстановительного периода.

Если остаться на этой точке зрения, то нельзя не только ставить задачу осуществления хозяйственной революции в области сырьевого хозяйства, но трудно даже рассчитывать на заметное ослабление диспропорции развития промышленности и сельского хозяйства и на разрешение „деревенского тупика", как это было поставлено во главу угла в докладах на III Всесоюзном с'езде плановых работников. [1]

[1] К этим задачам значительно ближе подошел оптимальный вариант пятилетнего плана (1926—1931 гг.) Госплана СССР, но и в этом варианте они не нашли все же вполне четкого и активного разрешения.

Необходимо, конечно, избежать при проработке перспективных планов главной опасности — построения иллюзорных планов. Отрицательный опыт нерационального хозяйствования в наших крестьянских хозяйствах как в довоенное время, так и в послевоенные годы, равно как и все еще слабый уровень хозяйственных достижений в наших передовых с.-х. ячейках — совхозах и колхозах — приходится учитывать как известное затруднение для проведения необходимых культурных сдвигов в сельском хозяйстве.

Это не исключает, тем не менее, жизненной необходимости и возможности для планового государства добиться в кратчайшие сроки существенной реконструкции крестьянского полеводства и животноводства и, в частности, перенесения в наши крестьянские хозяйства культурного опыта заграницы. В первую очередь должна быть поставлена задача реорганизации методов хозяйствования в наших совхозах и затем в коллективных и кооперированных крестьянских хозяйствах для распространения в дальнейшем их организующего и культурного влияния на широкую массу распыленных крестьянских хозяйств.

Основная цель всех мероприятий в области сырья на ближайший период должна формулироваться не только как необходимость изжить к концу пятилетия существующее напряженное положение с сырьем, а тем самым и с промтоварами и с хлебом, но и как необходимость укорочения этого срока, чтобы выйти из состояния кризиса с сырьем в ближайшие же два — три года. Вся работа по построению перспективного пятилетнего плана по сырью должна итти под этим целевым уклоном.

При установлении конкретных заданий, определяющих масштаб строительства сырьевой базы по пятилетнему плану, следует учитывать необходимость получения к 1932 г.:

1. По хлопку — до 4,6—5,0 млн. центн., т.-е. на 20—25% более против намеченного по перспективным предположениям ВСНХ валового сбора хлопка в 1931 г. и на 90—100% более довоенного сбора, с таким расчетом, чтобы при потреблении хлопчатобумажной промышленностью в 1931/32 г. около 6 млн. центн. хлопка потребность в импортном хлопке составила не свыше количества, ввозимого в данное время — 1,4 млн. центн. (1926/27 г.). Это задание может быть осуществлено при освоении под хлопковые посевы в 1931 году намеченной площади в 1.165 тыс. *га* и при достижении урожайности, примерно, около 4—4,3 центн. с *га*, или на 15—20% выше средней довоенной урожайности (1913 г.).[1]

Тот резерв, на который мы можем рассчитывать к 1931/32 г. при возможности расширения импорта сверх 1,4 млн. центн., должен

[1] Если учесть преувеличение в послевоенные годы хлопкоробами размеров посевной площади под хлопком на 10—15% и преуменьшение тем самым урожайности, то темп роста урожайности составит всего за 6 лет, с 1927 г. до 1932 г., около 45—50% (4,3 центн. против, примерно, 3 центн. в 1927 г.).

быть оставлен в качестве страхового фонда для обеспечения сырьевого снабжения промышленности и для увеличения в случае необходимости выработки хлопчатобумажных изделий.

2. По льняному волокну общая потребность государственной и кустарной промышленности и для нужд экспорта должна исчисляться для 1931/32 г. значительно выше довоенного валового сбора (4,3 млн. центн.) льняного волокна и 4 млн. центн., намеченных по „Контрольным цифрам пятилетнего плана“ (ВСНХ), т.-е., примерно, в количестве 5,6—5,8 млн. центн. Потребление госпромышленностью льняного волокна в 1931/32 г. должно составить не менее 1,8 млн. центн. или на 50—60% более 1,1—1,2 млн. центн., ориентировочно намечаемых на 1927/28 г. Размеры потребления льна кустарной промышленностью и в домашнем льноткачестве, учитывая потребность новых районов льноводства, следует исчислять не менее 1,6—1,8 млн. центн. (против 1,3—1,4 млн. центн. в 1927/28 г.). Около 2—2,2 млн. центн. льняного волокна должны будут образовать излишек для экспорта (80—85% довоенного экспорта из районов СССР).

Нужно, однако, предвидеть, что крупное количество льна может добавочно потребоваться государственной промышленности сверх 1,8 млн. центн. в связи с использованием в производстве котонизированного льна и намечаемой широкой заменой облегченными льняными тканями хлопчатобумажных тканей. Вместе с тем, развитие экспорта льноволокна до 2,0—2,2 млн. центн. представляется не только желательным, но должно, повидимому, оказаться вполне реальным по условиям внешнего рынка, несмотря на депрессию, наблюдавшуюся на мировом льняном рынке в последние годы.

В течение последующих лет можно ожидать увеличения спроса иностранного рынка на наш лен по мере восстановления и роста западно-европейской льняной промышленности и по мере замены льном хлопкового волокна.

Для получения 5,6 — 5,8 млн. центн. льняного волокна с намеченной посевной площади в 1.490 тыс. *га* нужно довести к 1931 г. урожайность льна до 3,7 — 3,9 центн. с 1 *га*, т.-е. на 16—20% выше средней урожайности довоенного времени.

3. По сахарной свекле добыча должна быть расширена свыше намеченных для 1931 г. 131 млн. центн. Поскольку рост сахарной промышленности и удешевление себестоимости экономической и плантаторской свеклы должны будут привести к снижению цен на сахарную продукцию, спрос на последнюю внутреннего рынка и для целей экспорта должен будет намного превзойти довоенный уровень. Потребность в сахарной свекле для нужд промышленности минимально следует исчислять для 1931/32 г. в 135—140 млн. центн., т.-е. не менее 125—130% довоенной переработки сахарной свеклы (против 117%, намеченных по расчетам ВСНХ). Это количество сахарной свеклы может быть получено при доведении урожайности сахарной свеклы

в среднем до 165 центн. с 1 *га* (экономических и крестьянских посевов), т.-е. до среднего довоенного уровня урожайности (на помещичьих и крестьянских землях).

Нужно также признать необходимым получение более значительных валовых сборов в 1931/32 г., чем намечено по пятилетним расчетам, по пеньке и масличным культурам. Урожайность пеньки должна к 1931 г. превзойти довоенный уровень. Урожайность маслосемян должна быть поднята не менее, чем на 25—30% против довоенной, в том числе по подсолнуху урожайность должна быть доведена до более высокого уровня, чем намеченные для 1931 года, 8,4 центн. с 1 *га*, что представляется вполне возможным, ибо уже в 1925 сел.-хоз. году и затем в 1927 сел.-хоз. году урожайность подсолнуха дошла до 8,2 центн. с 1 *га*.

Что касается животного сырья, то, как уже отмечалось выше, в этой области меры органического характера не могут дать нужных результатов на протяжении одного пятилетия. Дефицит по главнейшим недостаточным видам животного сырья — тонкой шерсти и подошвенному тяжелому кожсырью — останется почти целиком неустраненным до конца пятилетия 1928—1932 гг. Для проведения в жизнь утвержденного Советом Труда и Обороны основного плана развития тонкорунного и полугрубошерстного овцеводства до необходимого масштаба (около 23,5 млн. голов овец) требуется период не менее 10 лет. Создание стада метисного мясного крупного рогатого скота улучшенных и укрупненных пород, дающих более тяжелую кожу по сравнению с нашими местными породами крупного рогатого скота, потребует еще более длительных сроков.

Тем более, однако, необходимо предусмотреть теперь же в разрабатываемом пятилетнем плане развития народного хозяйства Союза соответственные мероприятия по созданию промышленного животноводства, дающего нужные нам виды и сорта животного сырья. На ряду с проведением основных планов реконструкции и развития животноводства, необходимо на протяжении ближайшего пятилетия в целях более рационального использования имеющихся пород овец и крупного рогатого скота осуществить следующие улучшения в нашем животноводческом хозяйстве:

1. Качественного под'ема грубошерстного овцеводства и устойчивого бесперебойного роста стада овец в южных и юго-восточных степных районах путем улучшения „в себе“ местных пород овец и предотвращения регулярно повторяющегося массового падежа овец в степных районах от „джута“ (бескормица), являющегося последствием гололедицы и засух.

2. Прекращения нерационального забоя молодняка рогатого скота (бычков) в возрасте 1 — $1^1/_2$ — 2 года, широко практикуемого сейчас крестьянскими хозяйствами, для чего необходимо расширить операции по задержке на 1 год убоя молодняка крупного рогатого скота в целях получения через год, путем выращивания, зимнего

откорма и летнего нагула этого молодняка, при тех же размерах стада, более значительной мясной продукции (до 220—320 *кг* с 1 головы скота в возрасте $2^1/_2$ — 3 года против 100 — 110 *кг* в возрасте $1^1/_2$ — 2 года) и более тяжелой кожи (до 30 *кг* против 12 *кг*).

Эти операции уже проводятся, начиная с текущего года, Животноводсоюзом и должны быть развернуты примерно до 300—400 тыс. голов в 1928/29 г. и, в дальнейшем, до 500 — 600 тыс. голов ежегодно. Это даст возможность в 1931/32 г. ограничиться импортом 2 млн. штук тяжелых подошвенных кож вместо намеченных по перспективным предположениям ВСНХ 2,6 млн. штук.

Кроме того, необходимо продолжить и расширить в 1928—1931 гг. операции ввоза из-за границы чистопородных мериносовых маток для увеличения имеющегося стада чистопородных тонкорунных овец. Операция ввоза мериносных маток из-за границы должна будет к концу пятилетия дать довольно значительное (по ценности) увеличение сбора тонкой шерсти внутри страны (на 3 тыс. тонн стоимостью 18 млн. рублей). [1] По отношению ко всей массе потребной госпромышленности тонкой шерсти внутренние ресурсы составят в этом случае к концу пятилетия лишь около 30%. Необходимо создание огромного стада метисных тонкорунных и полугрубошерстных овец, в размерах свыше 23 млн. голов, чтобы совершенно избавиться от зависимости от заграничных рынков по тонкой и полугрубой шерсти.

По шелковым коконам, табаку, махорке и прочим второстепенным видам с.-х. сырья намеченное по расчетам ВСНХ на конец пятилетия увеличение валовых сборов нужно считать более или менее отвечающим потребностям страны в этих видах сырья (170% довоенного сбора по табакам, 250% по махорке, 150% по шелковым коконам).

Требует упорядочения вопрос обеспечения сырьевого снабжения крахмало-паточной и винокуренной промышленности (кукуруза, картофель). Необходимо особо поставить в пятилетнем плане вопрос о развитии посевов в специальных районах технического картофеля.

Недостаточно определились задачи и необходимый масштаб работы в области разведения новых сырьевых культур и размеры потребности промышленности и экспорта к концу пятилетия в новых видах сырья (кендырь, новозеландский лен, канатник и др.). Вопрос реальности и достаточности намеченных планов развития новых видов сырья требует специального внимания и изучения для того, чтобы работу по развитию новых культур перевести из стадии опытов в практическую плоскость.

* * *

Имеются ли, однако, реальные возможности для строительства и коренной реконструкции сырьевой базы по перечисленным выше-

[1] См. соответственные расчеты в „Контрольных цифрах пятилетнего плана“ (ВСНХ).

основным сырьевым культурам в требуемом направлении и в необходимом масштабе и какие практические мероприятия и задачи по отношению к сырью должны найти место в перспективном плане развития народного хозяйства СССР.

Уже из одного сопоставления тех уровней урожайности, которых необходимо достигнуть к концу пятилетия, по сравнению с довоенным уровнем, видно, что намечаемая реконструкция сырьевой базы вполне осуществима. Превышение довоенной урожайности по техническим культурам на 15% и даже 20% ни в коем случае не может быть признано невыполнимой задачей. При всем этом у нашего крестьянства останется еще широкая возможность новых достижений, если брать мерилом уровни урожайностей, достигнутые за границей.

Возникает, правда, вопрос о возможности добиться более или менее крупных сдвигов в короткие сроки за 3—5 лет. Выдвигается соображение о невозможности ежегодного под'ема урожайности на 5—10%, поскольку за довоенный период и в заграничной практике обычно наблюдается более медленный рост урожайности.

Но данные за довоенный период указывают на крупный под'ем урожайности в отдельные годы предвоенного периода и в особенности за последние 1912—1913 гг., несмотря на отсутствие агротехнической помощи и на тяжелые общие условия, в которых развивалось сырьевое хозяйство довоенной России. [1]

Чрезвычайно показательными являются данные о различии уровней урожайности по льну и сахсвекле в мелких бедняцких и более крупных крестьянских зажиточных хозяйствах. По исчислениям, произведенным НК РКИ по Ярославской и Псковской губ. и по Курской губернии (на основании крестьянских бюджетов за 1924/25 г.), [2] разрыв уровней урожайности в крестьянских хозяйствах по льну составляет до 80% — 1,5 центн. с *га* в мелких хозяйствах и до 2,7 центн. в крупных по Ярославской губ. и от 1,2 до 2,2 центн. по Псковской губ. По сахарной свекле (Курская губ.) урожайность в крестьянских хозяйствах с валовой доходностью от 300 руб. до 1.500 руб. составляла 70—100 центн. с 1 *га*, а в наиболее мощных крестьянских хозяйствах (с валовой доходностью свыше 1.500 руб.) урожайность составляла, примерно, 130 центн. с 1 *га*.

[1] По данным ЦСК средняя урожайность льна для всех районов бывш. Росс. империи составляла: 300 *кг* с 1 *га* в 1910 г., 320 *кг* в 1911 г., 470 *кг* в 1912 г. и 435 *кг* в 1913 г. По конопле — 400 *кг* в среднем за пятилетие 1906—1910 гг. и 600 *кг* в 1913 г. Даже учитывая неточность данных ЦСК, в виду подсчета за отдельные годы сборов льна и конопли в обработанном и необработанном виде, и внося поправку на более низкий уровень урожайности в теперешних районах СССР по сравнению с средней урожайностью по всем районам бывш. Росс. империи (включая прибалтийские и западные районы), мы имеем основания считать, что уже в довоенное время под'ем урожайности был весьма значительным за отдельные годы, показывая тенденцию дальнейшего повышения.

[2] См. статью Ф. Цылько в журнале „На аграрном фронте", № 4 за 1927 г.

Достаточно, следовательно, поднять в течение 2—3 лет технику земледелия в маломощных крестьянских хозяйствах хотя бы до уровня, достигнутого уже более крупными крестьянскими хозяйствами, и мы будем иметь через 3—4 года по основной массе посевщиков сырьевых культур, которыми являются бедняцкие и середняцкие хозяйства, под'ем урожайности не менее, чем на 50%. А ведь уровень, достигнутый зажиточными крестьянскими хозяйствами, далек еще от тех агротехнических возможностей, которыми несомненно будет располагать наша деревня в самом ближайшем будущем.

Примеры Запада также говорят о возможности крупных сдвигов в короткие сроки. По данным Римского интернационального сельскохозяйственного института, Франция довела урожайность льна (в 1925 г.) до 8,9 квинталов против довоенных 7,4 квинталов. В то же время в 1922 г. урожайность льна во Франции составляла всего 6,1 квинталов, т.-е. под'ем за 3 года выражается около 45%.

Возможность крупного роста урожайности в короткие сроки для нашего сельского хозяйства представляется тем более вероятной, что у нас далеко еще не использованы в земледелии крупнейшие завоевания агрономической науки и техники, по сравнению с заграничным земледельческим хозяйством, в частности, впервые ставится в широком масштабе работа по борьбе с вредителями и болезнями растений. Главнейшими препятствиями на пути реконструкции сырьевого хозяйства являются дробность и неземлеустроенность крестьянских хозяйств и господство отсталого трехполья. Но в ближайшие же годы, при действительном осуществлении намеченных мероприятий по землеустройству и по проведению в жизнь коллективных методов пользования землей и средствами производства,— эти основное трудности должны будут отпасть.

Поэтому, имеются вполне достаточные основания брать для пятилетия темп роста урожайности по техническим культурам в 50—60% даже при том условии, что мы будем иметь крупное продвижение сырьевых культур в новые районы, которые, как правило, дают несколько сниженную урожайность по сравнению со старыми районами разведения сырьевых культур.

Под'ем урожайности не может быть, однако, значительным в первые 1—2 года и будет происходить по резко нарастающей кривой, поскольку мероприятия по органическому переустройству сельского хозяйства могут дать максимальную эффективность лишь через 2—3 года по их применении.

В тесной зависимости от роста урожайности и тем самым роста доходности крестьянских хозяйств, производящих сырье, должен будет пойти тем или иным темпом рост сырьевой базы Союза по линии освоения под сырьевые культуры новых земельных площадей. Одно взаимно обусловливает другое. При успешном проведении органического переустройства и интенсификации сырьевого хозяйства Союза можно ожидать все более значительного перехода сельских хозяев от посевов зерновых культур на посевы технических культур

* * *

Весь вопрос — в правильном и четком организационном подходе и в умелом использовании, в условиях нашего крестьянского хозяйства, достижений науки и техники агрономического дела.

К сожалению, опыт последних 2 лет говорит о не всегда удачном и недостаточно дисциплинированном отношении сырьевых организаций к принимаемым ими на себя обязательствам в области содействия развитию сырьевых культур. В деятельности некоторых организаций, в особенности не связанных прямой ответственностью перед промышленностью, преобладали узкокоммерческий подход, неупорядочность и бесхозяйственность в работе их низовых аппаратов и отсутствие договорной дисциплины (невыполнение заготовок семенного материала и обязательств по контрактации посевов, продажа материалов с.-х. снабжения по повышенным ценам и неудовлетворительного качества, ограничение своих задач покупкой - сбытом сырья при слабом и неудовлетворительном выполнении производственных функций и т. д.).

В этих условиях не могли сказаться все возможные практические результаты в области сырья. В силу этих причин мы имели несомненно более замедленный темп роста сырьевых ресурсов по сравнению с имевшимися возможностями в истекшем периоде. Задаче развития сырьевой базы не было уделено всех сил и внимания непосредственными исполнителями: сырьевыми организациями и с.-х. кооперацией.

В дальнейшем работа в области сырья должна быть поставлена под такой же постоянный и жесткий контроль (текущего и последующего характера), как работа в других наиболее ответственных отраслях народного хозяйства. Необходимо достигнуть, с одной стороны, точного выполнения всеми сырьевыми организациями и кооперацией намечаемых планов развития соответственных отраслей сырьевого дела; с другой стороны, необходимо в каждый данный момент иметь ясное представление — путем наблюдения и контроля — о действительной эффективности проведенных уже агротехнических мероприятий, иначе производимые ассигнования и затрачиваемые материальные и людские ресурсы могут быть без пользы растрачены в ошибочном направлении. Ни одно мало - мальски крупное ассигнование государственных средств не должно пройти без последующего контроля в смысле проверки его эффективности и целесообразности.

Для обеспечения регулярности и плановости работы по строительству сырьевой базы Союза необходимо создать, по аналогии с Главхлопкомом, ответственные за работу по сырью в целом производственно-сырьевые центры по каждому основному виду сырья или группам сырья. Производственно-сырьевые центры должны выполнять работу не на началах коммерческой выгоды, а на основе безубыточности, как специальное задание государства, под непосредственным надзором промышленности и в соответствии с общим планом развития сырьевой базы.

Производственно - сырьевым центрам не только должно быть предоставлено право единоличного (под контролем соответственных ведомств) организационного руководства всей работой в своей области, но и вменена ответственность за действительное выполнение заданий по сырью.

На началах жесткой ответственности за выполнение принятых обязательств должна быть также построена впредь работа с.-х. кооперации. Необходимо в будущем совершенно исключить возможность монопольного принятия на себя кооперативными, а равно и другими организациями, выполнения тех или иных операций и срыва этих операций, вследствие неподготовленности организаций, как это имело место с контрактацией посевов льна в 1927 с.-х. году, заготовкой семенного материала для льноводных хозяйств в 1927/28 г. и т. п. Соображения коммерческой выгоды и монополистские тенденции кооперативных и других сырьевых организаций, в том числе местных республиканских организаций, должны быть подчинены интересам народного хозяйства в целом, а деятельность всех сырьевых организаций введена в рамки их действительных организационных и финансовых возможностей.

На производственно-сырьевые органы промышленности должно быть возложено обязательство проведения работы на местах, как правило, через систему с.-х. кооперации на основании соглашений с кооперативными центрами, но за ними необходимо оставить право в случае невыполнения кооперативами или замедления с проведением в жизнь мероприятий, обусловленных по договорам, немедленно принимать непосредственно на себя выполнение очередных неотложных мероприятий, предусмотренных по плану работ в соответственной отрасли сырья.

В тех районах, где кооперация слаба, производственно-сырьевым центрам нужно предоставить возможность ставить собственными силами работу по снабжению крестьянского населения минеральными удобрениями, улучшенным семенным материалом, с.-х. инвентарем и скотом и т. д. Но в дальнейшем, по мере укрепления кооперативных ячеек на местах, вся работа на низах и аппарат должны быть переданы полностью в ведение с.-х. кооперации.

В самом построении перспективного плана и при установлении практических целей в области сырья необходимо выделить ту группу мероприятий, проведение которых на протяжении пятилетия является обязательным минимумом для получения внутри страны необходимых количеств сырья, принимаемых в перспективном плане в основу построения всех других частей общего плана развития народного хозяйства Союза (минимальный отправной вариант).

Одновременно с этим должны быть включены в перспективный план совершенно конкретные рабочие задания прозводственно-сырьевым центрам и земорганам с определением уровней расширения посевных площадей и поголовья скота, под'ема урожайности и качества сырья, которые должны быть приняты в качестве обязательных к выполнению при данных вложениях капиталов и прочих мерах протекционирования (налоговые и другие льготы), как они будут намечены государством.

В рабочих заданиях должна быть установка на максимальную эффективность мероприятий в предположении, что имеются достаточно благоприятные условия для выполнения этих заданий. Это вызывается не только необходимостью получения максимальных количеств сырья, но и необходимостью овладеть процессами, происходящими в деревне, и на практике в течение ближайших лет показать сельскому хозяину возможность достижения действительно крупных результатов в сырьевом хозяйстве и тем самым заинтересовать и повести его к новым формам хозяйствования.

В этом разрезе необходимо особенное внимание уделить значению совхозов и колхозов в строительстве сырьевой базы.

Как укрупненные хозяйства, те и другие представляют наиболее надежную основу для проведения рационализации в полеводстве и животноводстве и увеличения в кратчайшие сроки не только валовой, но, что не менее важно, товарной продукции по сырью, поскольку с той же земельной площади и при том же числе рабочих рук и потребительских единиц, колхозами и совхозами может быть получена значительно большая масса сырья, чем мелкими распыленными хозяйствами.

Производственно-сырьевые центры должны использовать совхозы и колхозы в качестве показательных хозяйств и проводников агротехнических мероприятий в широкой массе мелких крестьянских хозяйств.

* * *

Оценка реальной выполнимости тех или иных задач в области сырья в предстоящем пятилетии не может быть в данный момент достаточно полной и обоснованной в силу слабой изученности отдельных элементов, из которых слагается пятилетний перспективный план строительства сырьевой базы.

В порядке подготовки материалов для пятилетнего плана необходимо в течение ближайших месяцев — до начала сводных работ по пятилетнему плану – поставить достаточно углубленно и ответственно в надлежащих ведомствах, с привлечением научных работников и практиков-специалистов, работу по дополнительному обследованию ряда вопросов в области сырья.

В числе таких вопросов нужно отметить:

1. Типы и нормы удобрений, наиболее пригодные для тех или иных районов; итоги произведенных опытов по удобрениям и постановка дальнейших опытов по внесению искусственных удобрений.

2. Степень насыщенности полеводства техническими культурами в старых районах их добычи, применительно к различным системам полеводства; наиболее выгодные системы полеводства по районам и порайонные нормы технических культур в яровом клину (в том числе вопрос о выводе конопли с приусадебных земель в поле).

3. Какие новые районы и в какой мере могут быть наиболее целесообразно использованы для разведения технических культур; нормально-необходимое соотношение в развитии зерновой, кормовой и сырьевой базы, в порайонном разрезе, с учетом задач сырьевого снабжения, хлебоснабжения и кормового вопроса.

4. Районирование промышленного свеклосеяния и промышленного картофелеводства применительно к районам расположения действующих и постройки новых сахарных и крахмало-паточных заводов.

5. Вопросы создания необходимого фонда поливных земель в хлопководческих районах, регулирования размеров посевов хлопка и конкурентных зерновых культур на поливных землях, с учетом местных тенденций и хозяйственных нужд крестьянства.

6. Географическое распределение и районирование сырьевых культур и промышленного скотоводства в общесоюзном масштабе на начальный и конечный годы пятилетия.

7. Районирование разведения новых сырьевых культур с учетом необходимости устранения конкуренции между новыми и старыми промышленными культурами в одних и тех же районах.

8. Вопросы развития селекционно-семенного дела, выяснение районов естественной селекции, методы введения по районам улучшенного семенного материала (очередность снабжения районов улучшенным семматериалом, методы сплошного обсеменения районов, борьба с засоренностью посевов, способы борьбы с вредителями посевов и обезвреживания семенного материала).

9. Вопросы соотношения уровней доходности сырьевых культур в 1928 и 1932 гг., с учетом намечаемого снижения индексов заготовительных цен на сырье, повышения уровня урожайности с единицы посевной площади и динамики индексов предметов широкого потребления и продуктов питания.

10. Степень эффективности методов метизации и устойчивости метисных улучшенных пород крупного рогатого скота, а также овец, применительно к районным условиям (в порядке проработки этого вопроса совместно с представителями окраинных скотоводческих республик).

11. Проверка данных практического опыта и изыскание методов улучшения первичной обработки хлопка, льна, конопли, шерсти, кожсырья и т. д.; устранение спорности в основных моментах, определяющих ту или иную систему первичной обработки (заводская

обработка льна и система мелких льнообделочных пунктов, и т. п.); вопросы развития специального машиностроения для механизации всего дела первичной обработки сырья.

12. Уточнение и устранение существующих расхождений в балансовых исчислениях сырьевых ресурсов для прошлого периода (ЦСУ, НКТорга, ВСНХ и НКЗема) по крупным кожам и некоторым другим видам сырья, для обеспечения единого исходного баланса 1928/29 г.

13. Вопросы поготовки агрономических и зоотехнических кадров и административного персонала для руководства работой на местах по строительству и реорганизации сырьевой базы.

14. Разработка форм активного (последующего) контроля за эффективностью производимых работ в области сырья, в том числе по внесению искусственных удобрений, постановке селекционно-семенного дела и введению механических способов обработки почвы.

Особо должна быть поставлена и разрешена проблема транспорта в применении к сырьевому делу. Между прочим, вопрос о гужевых путях сообщения в новых районах добычи сырья, дорожный вопрос в районах разведения промышленной свеклы и других малотранспортабельных видов сырья.

На ряду с этим представляется чрезвычайно важным заблаговременно получить с мест от окраинных республик и из важнейших сырьевых районов РСФСР проработанные и обоснованные новые перспективные соображения и критическую оценку прежних вариантов пятилетних планов развития сырьевой базы.

В частности, необходимо иметь перспективные соображения с мест о возможных размерах потребления сырья местной непланируемой государственной, кооперативной, кустарной и частной промышленностью в 1928—1932 гг. в условиях проведения за этот период более широкого товароснабжения периферии изделиями основной планируемой государственной промышленности в рамках, намеченных имеющимися перспективными расчетами.

Путем углубленного изучения деталей и проверки реальности предположений центра совместно с работниками мест, должны быть найдены необходимые пропорции для планового строительства в предстоящем пятилетии 1928—1932 гг. сырьевой базы, экспортно-импортного плана и развития промышленности, с учетом роста покупательского спроса деревни и города и в соответствии с основной задачей индустриализации страны.

Н. Л. Воронов

Перспективы развития союзной шерстяной промышленности

Пути развития союзной шерстяной промышленности представляются значительно более сложными, чем для большинства других отраслей текстильного производства. Причины этого кроются в том наследстве, которое получено от дореволюционного прошлого.

Будущие исследователи истории шерстяной промышленности дореволюционного периода, заметим, кстати, весьма мало изученной, безусловно обратят внимание на целый ряд противоречий в ходе ее развития. Большую часть означенных явлений следует приписать тому, что вокруг этой отрасли в течение 200 лет происходила борьба интересов отдельных правящих групп.

Начало шерстяной промышленности было положено государственной властью, передавшей свое начинание инициативе частного промышленного капитала. Однако, спустя самый короткий срок, шерстяная промышленность оказалась в руках дворянского аграрного капитала, который сильно затормозил ее развитие, но создал твердую сырьевую базу. В 80-х годах промышленный капитал поглотил дворянскую фабрику, но сам оказался в зависимости от торгового капитала и систематически подрывал собственную базу, отдавая явное предпочтение импортному сырью. В дальнейшем, противоречия торгового и промышленного капитала внесли диспропорцию в отдельные отрасли шерстяного производства, в ход развития отдельных районов. Одновременно государственная власть, с одной стороны, поддерживая суконную промышленность, как имеющую оборонное значение, с другой, проводила жесткий фискальный нажим. В результате, к началу войны шерстяная промышленность представляла собою ряд отраслей производства, не увязанных ни между собою, ни с общим ходом экономического развития страны.

В целях иллюстрации высказанного положения приведу несколько конкретных примеров.

Первичная стадия обработки шерсти — шерстомойное производство, дававшее заработок не одной тысяче рабочих, при переходе на импортную шерсть, было убито установлением единой ставки пошлины в 180 рублей с тонны грязной и мытой шерсти. Все попытки добиться снижения ставки для грязной шерсти хотя бы до 90 рублей отклонялись исключительно благодаря противодействию

группы овцеводов, членов Государственного совета, опасавшихся, как бы это не послужило прецедентом вообще для снижения пошлины на шерсть.

Аналогичное явление можно было наблюдать в сфере железнодорожной тарифной политики. Поддерживая грубосуконную промышленность Центрального района, как главный оплот военных заказов, и давая ей ряд преимуществ перед польской промышленностью, правительство однако установило одну общую ставку жел.-дор. тарифа для всех шерстяных тканей, благодаря чему основной артикул грубосуконных фабрик — бобрик, товар исключительно крестьянский, требующий в целях сохранения ворса ящичной упаковки, не выдерживал дальних перевозок, составлявших, например, при отправке из Клинцов до Иркутска 28% стоимости самого товара. В то же время более ценные и более легкие польские товары прекрасно выдерживали этот маршрут.

Примером диспропорции отдельных производств может служить прядильное и ткацкое камвольное производство Центрального района. В Центральном районе сосредоточивалось 22% прядильного производства и 60% ткацкого. Отсюда, как будто, можно сделать предположение, что прядильное производство было менее рентабельно, между тем, комиссия по пересмотру таможенного тарифа 1912 г. установила, что прядильные фабрики имели в среднем за пятилетие 9,8%, в то время как ткацкие только 4,64%. Слабое же развитие прядильного производства об'яснялось влиянием торгового капитала, державшего в руках пряжный рынок и регулировавшего его по своему усмотрению, то увеличивая, то сокращая импорт заграничной пряжи. Напр., в 1911 г. импорт пряжи составлял 9,9 тыс. тонн, а в 1912 г. только 6,0 тыс. тонн, т.-е. на 33% менее.

В результате целого ряда аналогичных противоречий, с одной стороны — колоссально развивались кустарные промыслы, занимавшие до 137 тыс. человек, вызывавшие оседание шерсти свыше 53% годового валового выхода, с другой стороны — тонкошерстная суконная и камвольная промышленность, несмотря на наличие благоприятных условий для собственного овцеводства, из года в год переходила на импортное сырье, а частью и на полуфабрикаты.

В виду того что означенное явление оказало сильнейшее влияние на судьбу нашей союзной шерстяной промышленности и имело для нее самые серьезные последствия, приведу сведения, характеризующие соотношение импорта и экспорта за последние три года перед войной.

Импорт

Годы	Шерсть тыс. тонн	Шерсть тыс. руб.	Пряжа шерст. тыс. тонн	Пряжа шерст. тыс. руб.	Готов. изделия тыс. руб.	Итого млн. руб.
1911 . .	47,7	48.535	9,6	25.267	14.649	88,4
1912 . .	45,4	49.783	6,0	16.102	14.578	80,4
1913 . .	55,4	60.399	7,8	18.950	15.225	94,5

Экспорт

Годы	Шерсть тыс. тонн	Шерсть тыс. руб.	Изделия тыс. руб.	Итого млн. руб.	Сальдо млн. руб.
1911 . . .	14,2	8.045	3.411	11,4	— 77,0
1912 . . .	19,2	11.225	2.763	13,9	— 66,4
1913 . . .	17,5	10.663	2.695	13,3	— 81,2

Как видно из приведенной таблицы, пассивность баланса в последний год дошла до 81 млн. руб., т.-е. составила около 58 коп. на душу населения.

Означенное явление создалось как результат систематического сокращения внутреннего тонкорунного овцеводства. Для наглядности приведу параллельные сведения роста импорта и падения тонкорунного овцеводства в Европейской России.

Годы	Привоз шерсти в среднем в 1 год тыс. тонн	Привоз шерсти в среднем в 1 год тыс. руб.	Годы	Число тонкорунных овец в Европейск. России млн. голов
1881—1890 . . .	6,1	6.892	1882 . . .	12,0
1891—1900 . . .	16,0	13.009	1897 . . .	6,4
1901—1910 . . .	32,3	27.436	1902 . . .	4,8
1911—1913 . . .	49,5	52.906	1913 . . .	2,1

Несмотря на указанные огромные валютные затраты, душевое потребление шерстяных тканей в России было ничтожно.

По подсчетам комиссии по выработке пятилетних гипотез довоенное потребление населения, в пределах современного СССР, определялось следующими цифрами (в млн. *м*):

Название тканей	Производство	Привоз заграничный и польский	Потребление
Грубосуконные	21	3	24
Тонкосуконные	18	14	32
Камвольные	44	22	66
Итого . . .	83	39	122

В означенное количество вошли также ткани особого назначения военные, технические и т. п. За вычетом этих товаров действительное потребление гражданского населения определялось по грубосуконным — 18 млн. *м*, по тонкосуконным — 28 млн. *м* и по камвольным — 65 млн. *м*. При переводе на душевое потребление получается совершенно ничтожная величина, которая дополнялась массовым потреблением в крестьянском быту кустарных изделий.

Война в корне изменила структуру шерстяной промышленности. После отпадения западных районов в СССР осталось только 33% веретен прядильных и около 60% ткацких станков. Внутренняя тонкошерстная сырьевая база упала до 700 тонн. Грубошерстное овцеводство оказалось более стойким, но в силу целого ряда обстоя-

тельств, продолжительной загрузки промышленности исключительно казенными заказами, дороговизны фабричных изделий, медленного темпа развития госпромышленности, при большом валовом выходе шерсти, товарность ее тоже сократилась до 20% общего выхода. В виду указанного обстоятельства, по мере развертывания производства пришлось прибегать к усиленному импорту восточных шерстей даже для грубошерстной промышленности, не говоря уже о тонкосуконной и камвольной, оказавшихся вынужденными почти на 90% работать на импортном сырье.

Таким образом, те организационные неувязки между ростом промышленности и развитием отдельных ее частей, которые мы отмечали в довоенное время, оказались в еще более резкой степени в полной силе и в настоящее время. Благодаря же отпадению почти 56% шерстяного производства и вынужденному вследствие этого бездействию целых групп некомбинированных предприятий, гражданский рынок оказался в значительно более тяжелом положении, чем даже в довоенное время.

Начиная с весны 1925 г., рынок находится в состоянии перманентной дефицитности шерстяных товаров. Новые условия жизни и оплаты труда рабочего и крестьянского населения выдвинули целый ряд новых потребителей, которые систематически, из года в год, увеличивают требования, пред'являемые к рынку. Бюджетные обследования рабочих и служащих показывают, что по мере улучшения материального положения потребности в шерстяных тканях обгоняют все остальные потребности. По чрезвычайно интересным подсчетам Г. Полляк („Шерстяное Дело", № 4—5 за 1925 г.), выясняется, что высшая бюджетная группа рабочих, тратившая сравнительно с низшей группой в 4 раза больше на общие расходы и на приобретение хлопчатобумажных тканей, эта же группа на покупку шерстяных тканей тратила в 13 раз больше, а соответствующая группа служащих даже в 18 раз больше. Такое же значительное увеличение затрат на шерстяные ткани показывают крестьянские бюджеты. Поэтому шерстяные ткани, несмотря на свой весьма высокий индекс (тонкосуконные — 2,241, грубосуконные — 2,661, камвольные — 2,951)—являются перманентно дефицитными, вне зависимости от сезона и даже от сорта.

Намеченная последней пятилеткой ВСНХ производственная программа мало окажет содействия устранению означенной дефицитности (в млн. *м*):

		1927/28 год		1931/32 год	
				Пятилетн. план	
	Довоенное потребление	Произв. програм.	Пятилетн. план	первый вариант	последн. вариант
Грубосуконная . .	24	18,5	20	28	28,4
Тонкосуконная . .	32	25,6	24	28	29,5
Камвольная . . .	66	47,9	48	66	69,7
Итого . . .	122	92,0	92	122	127,6

Из приведенной таблицы видно, что производство к концу пятилетки будет близко к довоенному потреблению, в то время как количество населения увеличится с 141 млн. до 155, т.-е. на 10%.

В то же время следует с полной определенностью признать, что существующие нормы потребления в ближайшем будущем ни в какой степени не смогут удовлетворять население. Об этом заявляют все распределяющие промтовары организации, об этом же свидетельствуют изучения потребительских бюджетов. С. А. Алкснер („Шерстяное Дело", № 6—7 за 1928 г.) делает весьма интересный подсчет в этом направлении.

Если следовать запроектированным Госпланом цифрам относительно численности населения и предполагаемого повышения доходности, то следует признать, что общий душевой доход в течение ближайших пяти лет должен возрасти с 152 р. (1926 г.) до 181,1 р. (1931 г.), т.-е. на 22%, откуда, согласно тенденции, устанавливаемой бюджетными обследованиями, можно сделать вывод, что расход на шерстяные ткани возрастет на 30%. Учитывая прирост населения за этот период на 11%, общий прирост спроса на шерстяные ткани в ценностном выражении составит 45%, в том числе городского населения на 57,5% и сельского на 29%.

К таким же, в общем, выводам следует притти, сравнивая бюджеты русского рабочего с иностранными. Г. Полляк („Экон. Обозр.", март 1927 г.), сравнивая бюджеты русского и американского рабочего, устанавливает, что в количественном отношении потребление шерстяных тканей американского рабочего на 313% выше русского. Принимая во внимание быстрый рост доходного бюджета русского рабочего и уже отмеченную тенденцию увеличивать затраты на шерстяные ткани, нельзя не признать, что с этой стороны будет пред'явлено особенно настойчивое требование.

Из отдельных отраслей шерстяной промышленности, при существующем сырьевом положении, наиболее устойчивой и имеющей большие шансы на развитие, казалось бы, можно признать грубосуконную.

Однако, нельзя не признать, что ее развитие совершается слишком медленно, а во-вторых, вырабатываемый ею ассортимент не может покрыть требований, пред'являемых потребительским рынком. Например, из всех приведенных соображений видно, что на рынке будет сильный спрос городского населения. Если же посмотреть программу треста грубых сукон, намеченную по пятилетке, то увидим, что из назначенной выработки 21 млн. на долю гражданской выработки приходится только 14 млн. *м*. Из них ворсового товара 5,6 млн., безворсного сукна 4,8 млн. *м* и костюмных товаров только 3,57 млн. *м*.

Само собою разумеется, что городское население не может удовлетвориться таким ничтожным количеством костюмного товара и, естественно, что этот недостаток должен быть пополнен тонкошерстной промышленностью.

Усиленный рост городского спроса, перманентная дефицитность костюмных и пальтовых товаров выдвинули тонкосуконную промышленность из ряда остальных отраслей, как требующую особого ускоренного темпа расширения.

В то же время камвольная промышленность, имеющая большие резервы ткацкого и отделочного оборудования, вполне основательно требует развития своей прядильной базы. Развертывая свою прядильную промышленность, камвольное производство обгоняет остальные отрасли и может к 1932 г. довести выработку до 89 млн. *м.*

Обе тонкошерстные отрасли, имеющие более высококвалифицированный технический персонал, наиболее подготовлены к расширению производства. Однако, обе они базируются почти на 90% на импортном сырье, и потому слишком поспешное развитие грозит им ежеминутным срывом работы.

Таким образом, в шерстяной промышленности мы имеем налицо два противоположных явления. Грубосуконную промышленность, имеющую и весьма мало использующую свою сырьевую базу, но слабо развитую и в экономическом отношении маломощную, и тонкошерстную, развитую и подготовленную технически для дальнейшего развития, но не имеющую в данное время своей сырьевой базы.

В поисках разрешения проблемы дальнейшего развития русской шерстяной промышленности, благодаря указанному противоречию, выработались две крайние точки зрения. Одна считает, что все внимание и все силы должны быть брошены на развитие грубосуконной отрасли и на борьбу с оседанием шерсти в крестьянском хозяйстве, путем доведения размеров выработки до полного насыщения рынка. С другой точки зрения — грубошерстное овцеводство признается отжившим свой век и подлежащим замене облагороженными породами овец, которые дадут и шерсть и мясо, и дадут сырье для более прогрессивного с технической стороны камвольного производства и для тонкосуконной промышленности.

Означенные точки зрения, претендующие на большую оригинальность и самобытность, при ближайшем рассмотрении оказываются имеющими много общего, и прежде всего то, что связывают судьбу промышленности с проблемой овцеводства.

Ошибочным в обоих направлениях является то, что совершенно отрицаются требования потребителя, как такового, и не учитываются естественные потребности населения, которые различны в сельском крестьянском быту и в жизни городского населения.

Если встать на точку зрения потребителя, для которого не так важна принципиальная сторона вопроса, как практическое его разрешение, то необходимо признать, что в условиях народного хозяйства СССР потребность во всех видах шерстяных тканей будет еще долго напряженной. В то же время следует со всей категоричностью признать, что многообразные условия крестьянского хозяйства в различных климатических условиях не дают никаких оснований, позволяющих предположить возможность однообразного овцеводного хозяйства, с одинаковыми или даже близкими к однородности породами овец. Это последнее обстоятельство совершенно разумно учитывается НКЗ, и потому его перспективный план содержит два рода мероприятий, одни к созданию исчезнувших из нашего народного хозяйства тонкорунных стад, другие — к улучшению и поддержанию существующих грубошерстных пород, в их лучших отраслях.

Однако, все, даже самые лучшие мероприятия требуют для своего проведения весьма значительного периода времени, и в этот период промышленность может оказаться в таком безвыходном положении или получить такой нездоровый уклон, который в дальнейшем трудно будет исправить, если вообще исправление будет возможно. Поэтому чрезвычайно важно заранее учесть, на что может промышленность рассчитывать при завершении намеченных мероприятий и каким образом должна она пережить тяжелый подготовительный период.

Согласно последнему варианту пятилетки, как уже приводилось выше, намечается приблизительно равномерное развитие обеих отраслей промышленности.

	Намеченная выработка в тысячах метров		
Годы	Грубосук.	Тонкосук.	Камвольн.
1927/28	18.420	24.400	39.312
1928/29	20.655	25.800	45.736
1929/30	23.115	27.100	52.410
1930/31	25.845	28.300	60.015
1931/32	28.435 (55%)	29.500 (20%)	69.798 (76%)
Увеличение . .	55%	55%	

Из приведенной таблицы видно, что несмотря на то, что темп развития обеих отраслей, тонкошерстной и грубошерстной, почти одинаков, в самой тонкошерстной отрасли камвольное производство обгоняет тонкосуконное, как-раз вопреки намеченной нами тенденции потребительскаго рынка.

Для осуществления означенной программы потребуется следующее количество шерсти (в тыс. тонн):

	Тонкой		Полугрубой		Грубой	
Годы	тыс. тонн	% увел.	тыс. тонн	% увел.	тыс. тонн	% увел.
1926/27 . .	7,23	—	4,78	—	22,33	—
1927/28 . . .	9,05	25,3	4,50	—	22,93	2,6
1928/29 . . .	10,17	12,3	5,80	28,8	25,58	11,5
1929/30 . . .	13,25	30,0	7,00	20,6	27,79	8,6
1930/31 . . .	15,62	17,8	7,50	7,1	30,80	10,8
1931/32 . . .	18,62	19,6	8,30	10,6	33,14	7,5

Кроме шерсти, потребуется получение извне топса (чесаной шерсти) и пряжи. В 1927/28 г. топса 2.115 тонн и пряжи 2.198 тонн.

В 1931/32 г. топса 4.058 тонн и пряжи 352 тонны. Отсюда следует сделать вывод, что прядильное производство подтягивается к ткацкому, разрыв же между чесальным и прядильным не только остается, но и продолжает расширяться,— почти на 100%.

В виду того что темп развития внутренней сырьевой базы будет отставать, обе отрасли производства будут в течение всего пятилетнего срока в значительной мере базироваться на импортном сырье (в %%):

	1927/28 г.	1931/32 г.
Грубошерстн. промышл.		
Внутреннее сырье	60	70
Импортное	40	30
Тонкошерстная промышл.		
Внутр. сырье (тонк. и полугр.)	7	43
Импортное	93	57

В ценностном отношении импорт для грубошерстной промышленности составит в обоих случаях, приблизительно, одинаковую сумму — около 10—12 млн. руб., а для тонкошерстной промышленности полная ее потребность для 1928 г. составит около 90 млн. руб., а для 1931/32 г. — около 115 млн. руб. Таким образом, пассивность баланса составит свыше 100 млн. руб., т.-е. на 20% выше пассивности довоенного баланса.

Однако, приведенные данные отмечают и отрадное явление, что относительный рост импорта сокращается и что, следовательно, внутренняя сырьевая база начинает оздоровляться.

До самого последнего времени статистика по овцеводству оставляла желать лучшего. Только повторные обследования позволили, наконец, с большей или меньшей вероятностью установить достоверные цифры.

Ниже я привожу сведения, в основу которых положены данные ЦСУ, согласованные со сведениями НКТорга СССР.

	1913 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Общее число овец (в млн.) . .	111,0	103,7	113,7	121,2	127,0
В том числе:					
Грубошерстных	106,7	103,1	113,0	120,0	125,15
Мериносных	4,3	0,5	0,7	0,8	1,03
Полугрубых	—	—	—	0,45	0,82

Характерно отметить, что несмотря на то, что счетный аппарат имеется, в сущности, только у ЦСУ, отдельные ведомства ведут свои собственные исчисления овец путем различных гипотетических предположений, благодаря чему вносят совершенно ненужную множественность данных, не имеющих за собой ничего, кроме кабинетных предположений. В этом отношении, в порядке упрощения отчетности, безусловно нужно внести однообразие. Для характеристики приведу, например, сведения об овцеводстве пятилетки ВСНХ и НКЗ.

	1926 г.	1927 г.
ЦСУ	113,0	121,3
НКЗ	100,5	105,8
ВСНХ	106,7	115,8

Из приведенных данных явствует, что затрачено, очевидно, много усилий на получение таких априорно выводимых сведений, но жизнь далеко ушла от них, что и отмечено сведениями ЦСУ.

Указанное выше огромное поголовье стада дает весьма большой валовой выход шерсти. В 1927 г. он составлял:

	Тыс. тонн	
Общий валовой выход в оригинальном виде	160,1	
В том числе:		
Грубой	152,4	
Тонкой	3,2	
Верблюжьей	5,5	
Из общего выхода осело у населения	115,5	(72,8%)
Товарный выход шерсти составил	44,6	(27,2%)
В том числе:		
Заготовлено обобществл. сектором	30,5	
Частн. промышл.	14,1	

Таким образом, госпромышленность, в сущности, имела возможность использовать только 19% выхода шерсти. Приведенные цифры оседания, несмотря на бросающиеся в глаза огромные размеры, имеют полное основание претендовать на признание их достоверными, так как произведенные ЦСУ совершенно другим методом подсчеты (по бюджетным обследованиям) показали то же оседание шерсти—в 1925/26 г. — 80,6% и в 1926/27 г.— 73,6% („Стат. Обзор.“, № 9, ст. Нифонтова).

Из приведенных данных ясно видно, что при таком незначительном использовании внутреннего сырьевого контингента у грубосуконной промышленности есть полные основания рассчитывать на многолетнее ежегодное увеличение внутренних заготовок тем более, что по скромному перспективному плану НКЗ, который уже в 1927 г. отстал от жизни на 15%, даже по этому плану, при отсутствии всяких мероприятий в области грубошерстного овцеводства, намечается в районах промышленного овцеводства увеличение валового сбора шерсти ежегодно на 1,8%. При условии же проведения некоторых мероприятий, в настоящее время уже санкционированных СТО, „продукция грубой шерсти в СССР должна увеличиться не менее чем на 50%“.

Дефицитность или избыток грубых шерстей (внутренней товарности) при условии ежегодного увеличения потребления с 1931 г. на 5%.

Годы	Без проведения мероприятий		При осуществлении мероприятий	
	тыс. тонн	тыс. руб.	тыс. тонн	тыс. руб.
1931	— 15,9	— 9.701	— 6,5	— 4.010
1934	— 4,4	— 2.680	+ 30,2	+ 18.420
1937	— 12,5	— 7.650	+ 25,0	+ 15.850

В „Торг.-Пром. газ." от 18/I 1928 г. опубликовано соответствующее постановление СТО. Таким образом, следует признать, что в той или иной степени намеченные мероприятия осуществлены будут, и следовательно, уже с 1932 г. грубошерстная промышленность может рассчитывать не только на полное снабжение, но и на освобождение от импортной зависимости. Учитывая приведенные выше соображения о емкости рынка, можно с определенностью признать, что эта отрасль имеет все основания для дальнейшего многолетнего развития.

Восстановление сырьевой базы для тонкосуконной и камвольной промышленности значительно сложнее, потребует долгого времени и значительных средств, около 120 млн. руб.

Восстановление овцеводства намечено как в своем чистом виде, так и путем метизации с грубошерстными породами, в целях ускорения процесса роста стада.

По плану, утвержденному СТО, намечен следующий темп развития:

Годы	Число овец		Колич. шерсти в ориг. виде	
	Тонкорун. (тыс. голов)	Полугруб. (тыс. голов)	Тонкой (тыс. тонн)	Полугруб. (тыс. тонн)
1927	860	450	3,2	0,90
1928	1.033	820	3,7	1,63
1929	1.240	1.235	4,5	3,2
1930	1.488	1.985	5,4	5,6
1931	1.785	2.800	6,5	8,6
1932	2.224	3.890	8,3	12,7
1933	2.962	5.210	11,1	17,0
1934	4.239	6.655	15,9	21,8
1935	6.686	7.650	24,8	25,3
1936	9.406	8.720	35,3	28,5
1937	13.530	9.995	52,7	32,7

По подсчетам НКЗ выход шерсти будет значительно больше на 22—30 %.

Беря минимальные выхода шерсти, намеченные ВСНХ, получаем следующую картину динамики шерстяного выхода:

Годы	Увеличение в %% к прошлому году		Годы		
	Тонкой	Полугрубой		Тонкой	Полугрубой
1928	17,9	81,2	1933	33,3	33,9
1929	19,3	100	1934	43,4	27,9
1930	21,0	72,5	1935	53,5	16,5
1931	20,2	52,2	1936	42,6	12,6
1932	27,5	47,9	1937	49,1	14,0

Принимая во внимание, что темп развития промышленности намечался в пределах 10 % ежегодного прироста, следует признать, что если намеченная программа будет осуществлена, тонкошерстная промышленность будет быстро освобождаться от импортной зависимости. Но в данном случае есть существенная разница от положения грубошерстной промышленности, там овцеводная база уже имеется и там одно улучшение метода заготовок в значительной

степени разрешает кризис, в то время как тонкошерстной промышленности еще предстоит создавать базу, и при этом не исключена возможность частичных неудач и просчетов.

Поэтому, признавая за тонкошерстной промышленностью полное право на существование и развитие и считая, что решение СТО в значительной степени разрешило проблему дальнейшего роста тонкошерстной промышленности, необходимо, тем не менее, с полной определенностью признать, что в смысле темпа развития необходимо соблюдать сугубую осторожность. И, прежде всего, необходим твердо проработанный перспективный план, крепко увязанный с остальными отраслями народного хозяйства.

К сожалению, в отношении шерстяной промышленности нет не только крепкого плана, но по большинству основных вопросов нет даже договоренности.

Каждое ведомство проектирует по своему. Например, даже проект восстановления овцеводства, только что утвержденный СТО, о котором говорится выше и который утвердил контрольную цифру тонкорунного овцеводства на 1937 г. в 13.530 тыс. голов. Даже этот декрет имеет уже разные толкования. На основании одного и того же поголовья овец НКЗ, автор проекта, выводит валовой выход шерсти в оригинале в 67,7 тонн (см. „Перспективный план НКЗ", табл. V). ВСНХ на основании того же поголовья выводит валовой выход в 53,7 тонн (см. „Контрольн. цифры пятил.", табл. 8). Расхождение больше чем, на 20%, что составляет в сумме около 27 млн. руб. Как можно говорить об уточнении программы, когда ведомства не могут договориться между собою даже о контрольных цифрах.

Противоречия имеются и по ряду других вопросов. Например, признано желательным привозить импортную шерсть в грязном виде, чтобы избежать валютных затрат на первичную обработку. В намеченной же программе импорта, как мы уже видели, допускается огромное увеличение привоза топса, т.-е. не только мытой, но и чесаной шерсти. Еще большая неувязка в области нового строительства, когда при наличии бездействующего оборудования проектируются новые, весьма сомнительные по своей рентабельности фабрики. Всем этим неувязкам пора положить конец.

Как мы видели, шерстяная промышленность имеет очень устойчивые предпосылки для своего развития, огромную, обещающую в дальнейшем еще больше вырасти, емкость рынка, колоссальные неиспользуемые возможности извлечения грубых шерстей на внутреннем рынке, возможность без полной валютной оплаты втянуть в сферу своего влияния восточные шерстяные рынки, возможность в дальнейшем шерстяного экспорта и транзита, наконец, полную возможность восстановить свое тонкорунное овцеводство. Последнее постановление СТО подводит под эти возможности вполне реальный фундамент.

Однако, при всех этих благоприятных условиях, благодаря отсутствию общего плана, вполне возможен самостийный рост отдельных отраслей и даже предприятий, который приведет к самым отрицательным результатам.

Шерстяная промышленность имеет много отраслей, она сложна по структуре, захватывает целый ряд сторон народного хозяйства, в ее развитии заинтересованы многие группы населения. И совершенно правильно, что в последнее время — к сожалению, только в последнее—ей начинают уделять должное внимание. Весьма желательно, чтобы часть этого внимания была обращена на выработку плана ее развития. До сих пор, пока вопрос о сырьевой базе для нее не был разрешен, вопрос об ее плановом развитии не имел такой остроты. В настоящий момент это вопрос первоочередной и весьма актуальный.

Подводя итоги всему сказанному, можно сделать следующие выводы о перспективах дальнейшего развития шерстяной промышленности.

1) Шерстяная промышленность имеет чрезвычайно большие перспективы в смысле устойчивости спроса, при чем особенно сильный спрос будет наблюдаться на пальтовые и костюмные товары.

2) Путем рационализации и частичного обновления на существующих предприятиях можно достичь значительного увеличения выпуска товара.

3) В отношении снабжения сырьем, грубошерстная промышленность уже имеет достаточно развитую сырьевую базу, которая безусловно может быть расширена за счет естественного прироста стада, улучшения племенного состава, улучшения методов заготовок, что вполне подтверждается опытом текущего года (1928 г.), когда контингент подлежащей заготовке шерсти увеличивается на внутреннем рынке на 75%.

4) Тонкошерстная промышленность имеет в перспективе реальную возможность создания собственной сырьевой базы, но в течение ближайших 5 лет будет находиться в зависимости от импорта.

5) Благодаря указанным обстоятельствам построение перспективного плана для шерстяной промышленности является весьма сложным и требует индивидуального подхода к отдельным отраслям.

В настоящее время на основах довоенного наследства наблюдается неравномерное развитие отдельных отраслей и даже предприятий. В виду того что эта диспропорция, по мере расширения капитальных работ, может разрастись, необходимо произвести серьезную проработку перспективного плана для шерстяной промышленности в целом, с учетом потребностей новых потребителей, сырьевой базы и технических возможностей, на основе максимального использования имеющегося оборудования.

В. И. Зейлингер и Б. А. Гухман

К методике построения баланса народного хозяйства СССР[1] [2]

1. Общие принципы исследования

Советское хозяйство может существовать только как хозяйство плановое. Огромное государственное хозяйство немедленно распалось бы на отдельные враждующие и конкурирующие части, если бы это хозяйство не существовало, как организованная система, централизованно регулируемая на основе общих для всей системы хозяйственных планов. А сосуществование этой системы государственного хозяйства рядом со стихией частного требует не только хозяйственного планирования и регулирования системы государственного, но и всего народного хозяйства в целом. Лишь в меру совершенства методов планирования и приближения наших специальных хозяйственных планов к народнохозяйственным может прогрессировать и вся система советского хозяйства.

Основным условием составления народнохозяйственного плана является достаточно полное и точное знание эмпирики хозяйственных процессов; без этого условия не может быть научного обоснования системы плана, и последний превращается в утопию, а планирование — в прожектерство. Идея народнохозяйственного плана предполагает представление о народном хозяйстве, как едином целом: „Всякое общество есть единство, есть некое целое, все части которого зависят друг от друга, обусловлены одна другой, развиваются в зависимости друг от друга и не могут существовать вне этой зависимости... Капиталистическое общество полно кричащих противоположностей; оно есть единство противоположностей... Общество

---

[1] В порядке обсуждения. Р е д.

[2] Настоящая статья представляет собой изложение принципиальных тезисов и балансовых схем, разработанных Бюро баланса народного хозяйства ЦСУ.

В процессе работ Бюро были использованы также результаты работ Комиссии по балансу народного хозяйства под председательством И. А. Трахтенберга, которая рассмотрела три доклада о системе построения баланса народного хозяйства О. А. Квиткина, С. Г. Струмилина и В. Г. Громана (в сотрудничестве с Р. Я. Бройтманом и Г. В. Шубом) и по обсуждении их вынесла следующую принципиальную резолюцию: „Схема баланса народного хозяйства должна состоять из системы таблиц, связанных друг с другом и в общей совокупности охватывающих все основные моменты хозяйственной жизни в их взаимной обусловленности — производство, распределение, обмен и потребление, включая накопление".

строящегося социализма есть тоже единство противоположностей, но... развитие капиталистического общества в основе своей есть расширение и углубление противоречий, в то время как развитие общества эпохи пролетарской диктатуры характеризуется постепенным отмиранием противоречий и их преодолением".[1]

Народное хозяйство, диалектически понимаемое, как единое целое, как единство противоположностей, не есть сумма составляющих его отдельных хозяйств; народнохозяйственный процесс не есть равнодействующая из процессов хозяйствования отдельных частных предприятий, и теория статики и динамики народного хозяйства ни в какой степени не может быть построена на основании обобщения принципов частного хозяйствования. Было бы поэтому глубочайшей ошибкой пытаться построить план народного хозяйства, как сумму планов отдельных его элементов или входящих в него предприятий.

„Хозяйственный план должен разрешить две кардинальные проблемы — выяснить условия равновесия народного хозяйства и определить траекторию перехода от наличной системы равновесия к грядущей, являющейся заданием плана".[2] Лишь исследование статики и динамики народного хозяйства в целом может дать достаточные условия для решения первой части этой необходимой плановому советскому хозяйству задачи. Если нами принято понимание народного хозяйства, как единого целого, где развитие всех элементов связано друг с другом, то этим самым признано и существование количественной меры этих зависимостей. Технически необходимым условием для составления народнохозяйственного плана является определение именно этих количественных закономерностей, являющихся параметрами подлежащей решению задачи плана о переходе от одной хозяйственной системы к другой. Единственным же методом определения этих зависимостей является наблюдение над динамикой народнохозяйственного процесса и установление эмпирически-наблюденной количественной меры этих закономерностей. Именно этот метод лежал в основе построения основных законов марксова учения (закон тенденции нормы прибыли к понижению, закон падения доли пролетариата в народном доходе и т. д.). Решение задачи составления народнохозяйственного плана может быть дано только синтезом теории статики и динамики народного хозяйства и исчерпывающего знания количественных определителей данной хозяйственной системы. Последнее же возможно лишь при такой организации системы статистических наблюдений и их разработки, которая гарантирует достаточно исчерпывающее, полное и точное знание фактически происходящих хозяйственных процессов. Поэтому, соответствующая организация статистики явля-

[1] Н. И. Бухарин, „Ленинизм и строительный период пролетарской революции", „Правда", № 17 за 1927 г.

[2] В. Базаров, „Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР", стр. 6.

ется вопросом самого существования планового хозяйства. Создание в советском государстве централизованной государственной статистики есть огромный шаг вперед в организации планового хозяйства. С точки зрения интересов советского государства статистика должна быть организована, как система наблюдений, отвечающая требованиям планирования. Критерием построения системы советской статистики является факт технической необходимости для планового хозяйства такой организации наблюдений и научной разработки собранных материалов, когда была бы гарантирована возможность синтетического исследования народнохозяйственного процесса.[1]

Народное хозяйство есть система, все части которой существуют и развиваются в зависимости друг от друга. Развитие народного хозяйства есть переход этой системы от одного состояния к другому. В каждый данный момент народнохозяйственная система как в целом, так и в отдельных своих частях, то приближается, то отдаляется от предельного состояния равновесия. Этот предел — состояние абсолютного равновесия — не может мыслиться, как реальное состояние народного хозяйства в какой-либо момент времени. Осуществление его исключило бы всякое движение вперед. Последнее обусловливается именно тем, что народное хозяйство находится в состоянии динамического равновесия, что оно есть единство противоположностей, что даже приближаясь к намеченному пределу, в самом процессе восстановления равновесия оно порождает новые противоречия и конфликты, вновь и вновь толкающие его вперед. В этом и заключается диалектический процесс развития народного хозяйства. Таким образом, единство народнохозяйственной системы не есть единство гармонии; народное хозяйство капиталистического периода, как и переходного периода пролетарской диктатуры, есть единство противоположностей.

Познавательная задача — вскрыть условия этого динамического равновесия для каждого данного момента — является основной в общем синтетическом исследовании народного хозяйства и ставится перед тем его циклом, который получил название баланса народного хозяйства. Рядом с этим должно стоять исследование тех смен состояний равновесия и неравновесия системы, путем которых достигнуто за тот или иной период состояние неустойчивого равновесия. Это исследование, тесно связанное с предвидением дальнейшей динамики народного хозяйства, и составляет задачу исследования кон'юнк-

[1] Дробность, разнокачественность, несопоставимость и неодинаковая полнота наблюдений в различных отраслях статистики являются характерными чертами русской статистики. Эти черты, унаследованные от земской статистики, строившейся по принципам индивидуальных исследований, находятся в кричащем противоречии с идеей организации системы государственной статистики. Лишь в самое последнее время организацией при ЦСУ Стат. плановой комиссии и выработкой первого опыта годового плана статистических работ были сделаны некоторые шаги вперед к формированию принципов системы государственной статистики.

туры. Наконец, динамическое сравнение балансовых исследований за целый ряд периодов должно показать условия и пути перехода хозяйственной системы от одной фазы развития к другой. Это составляет задачу исследования динамики народного хозяйства. Эти три цикла взаимно связанных работ и являются тем синтетическим исследованием народного хозяйства, без которого невозможно и создание плана народного хозяйства. Эти три цикла работ в пределе едины и отсутствие одного из них в общей системе исследования народного хозяйства поставило бы непреодолимые препятствия не только для завершения самого исследования, но и для жизненно-необходимой советскому государству практики планирования. Центральное место в этой системе исследования занимает построение народнохозяйственного баланса, без которого исследование и кон'юнктуры и динамики народного хозяйства не может быть исчерпывающим и удовлетворить требованиям теории и практики планирования.[1] Между тем, несмотря на то центральное значение, которое в общей системе синтетических экономико-статистических работ занимает построение баланса народного хозяйства, — до сих пор еще не было построено такого баланса. Это об'ясняется как огромными методологическими трудностями, так и постепенным углублением и усовершенствованием источников статистического познания, развертывание которых шло в последние годы от кон'юнктуры к динамике и балансу, в пределах же последних двух проблем от сравнительно более простых задач изучения хозяйственного оборота (производство, распределение, обращение и потребление) к постановке значительно более сложных и трудных задач изучения накопления, структуры и движения производительных сил, тесно связанных с проблемой реконструкции народного хозяйства, борьбы социальных форм и об'единяющей их проблемы воспроизводства. В дальнейшем проблема воспроизводства неизбежно расширится в проблему воспроизводства всей

[1] Плановые органы СССР в ряде постановлений указывают на практическую необходимость построения баланса народного хозяйства. Так, постановлением правительства по контрольным цифрам на 1927/28 г. предложено ЦСУ и Госплану построить в ближайшем будущем баланс народного хозяйства, в виду невозможности без этого условия дальнейшего прогресса в работе по составлению годового хозяйственного плана. Аналогичное постановление вынесено и С'ездом президиумов госпланов в ноябре 1927 г. в связи с работами по составлению перспективного плана развития народного хозяйства и, наконец, III с'ездом плановых работников. Подведение под практику планирования научной базы с окончанием восстановительного и развитием реконструктивного процесса становится категорическим императивом, так как ошибки планирования, связанные в основе с неполным или неверным знанием народнохозяйственной эмпирики, стихией восстановительного процесса смягчались, но трудности реконструктивного процесса эти ошибки будут множить, точно так же, как усиливать их отрицательное влияние. В практической работе плановых органов целый ряд частичных балансов и сейчас имеет огромное значение. Таковы хлебофуражный, топливный, расчетный и торговый балансы, без которых и до составления общего баланса народного хозяйства уже невозможна регулирующая деятельность государства.

общественной системы труда (включая отрасли как материального, так и нематериального производства).

Теории баланса народного хозяйства еще нет; она только начинает формироваться и очевидно ее успехи будут итти параллельно неудачам конкретных опытов построения таких балансов. В этом отношении теория баланса находится в одинаковом положении с теорией перспективного планирования народного хозяйства.

Исследование баланса народного хозяйства должно определить условия динамического равновесия народного хозяйства в процессе его воспроизводства; конечное статистическое оформление это исследование должно получить в системе взаимно связанных таблиц. Исследование условий народнохозяйственного равновесия является основным в теории статики и динамики народного хозяйства именно потому, что с этой проблемой связана в высокой степени плодотворная общая идея о единстве народнохозяйственного процесса. Недаром К. Маркс первую попытку схематически представить механизм установления этого равновесия (Tableau économique Франсуа Кенэ) аттестовал, как „гениальнейшую выдумку".[1] Вполне естественно и в общей схеме „Капитала", основанной на концепции К. Маркса о единстве народнохозяйственного процесса,[2] едва ли не центральное место занимает именно схематическое исследование условий равновесия хозяйственной системы в процессе ее расширенного воспроизводства. Известные схемы реализации продукции при простом и расширенном воспроизводстве в общей системе исследования Маркса занимают одно из центральных мест. Но эти схемы были построены именно для того, чтобы вскрыть условия статического (при простом воспроизводстве) и динамического (при расширенном воспроизводстве) равновесия хозяйственной системы. Эти уравнения Маркса являются прообразом схемы баланса народного хозяйства и, по меткому замечанию В. А. Базарова, „в них Implicite намечена вся философия народнохозяйственного баланса, и когда будет создана народнохозяйственная статика, как систематически разработанная научная дисциплина, формулы Маркса займут в ней такое же почетное место, как ньютоновские „axiomata sive leges motus" в современной механике".[3] Но пытаться заменить этим прообразом самую схему имеющего быть созданным народнохозяйственного баланса было бы обреченной на неудачу схоластической попыткой. „Если бы кто-нибудь,— прибавляет В. А. Базаров,— попы-

[1] „Теории прибавочной ценности", стр. 73, т. I, изд. Ленингр. Комм. университета.

[2] „...Производство, распределение, обмен, потребление составляют... логическое единство... Достигнутый нами результат заключается не в том, что производство, распределение, обмен и потребление — одно и то же, но что все они образуют собою части целого, различия внутри единства"... („Введение к критике полит. экономии", стр. 12 и 19, изд. Комм. университета). В этих немногих словах с совершенной определенностью утверждается взгляд Маркса на единство всех явлений народнохозяйственной жизни.

[3] В. Базаров. Цит. работа, стр. 6.

тался выполнить эту задачу, основываясь только на тщательном изучении и толковании текста „Капитала“, он неизбежно потерпел бы фиаско, как потерпел бы фиаско инженер, взявшийся построить железнодорожный мост без каких-либо иных предпосылок, кроме глубокого проникновения в дух ньютоновских „аксиом“. Весь анализ К. Маркса, в том числе и эти схемы, исходит из абстрактных экономических категорий в их чистом виде и уже по одному этому должен быть чрезвычайно осложнен при исследовании конкретной многосложной эмпирики народного хозяйства. Если Маркс рассматривал капиталистическое хозяйство в его чистом виде, то в современном народном хозяйстве СССР, по известному анализу Ленина, сосуществует по меньшей мере 4 законченных экономических уклада. Число же промежуточных формаций еще более значительно. Один факт сосуществования натурального и товарного, капиталистического и социалистического укладов в одном и том же народном хозяйстве безмерно осложняет его исследование. Помимо рассмотрения большого числа самостоятельных отраслей хозяйства и труда приходится исследование народного хозяйства осложнить рассмотрением и этих различных форм хозяйства в их конкретном многообразии. Не всегда возможно это многообразие хозяйственных форм достаточно удачно исследовать по одной и той же единообразной схеме, что является, однако, основным условием единства исследования. Если же к этому добавить, что нельзя понять народнохозяйственного процесса вне анализа социально-экономической, классовой диференциации общества,— то станет ясным, насколько должна быть осложнена самая схема исследования конкретного хозяйства сравнительно со схемами исследования его в чистом виде. В соответствии с этим находится и то обстоятельство, что в анализе конкретного хозяйства мы никогда не имеем дела с экономическими категориями в их чистом виде. В частности, вместо стоимостей в конкретном хозяйстве мы имеем дело с ценами и с суммами цен. Это обстоятельство особенно умножает теоретические трудности исследования проблемы.

Точно так же абстрактный анализ Маркса ограничился рассмотрением явлений, связанных лишь с движением производительного капитала. Отношения производительного капитала, капитала обращения и финансового капитала не были введены в схему. То же относится к особенностям движения основного и оборотного капитала. Между тем, нельзя игнорировать того обстоятельства, что в современном народном хозяйстве указанные отношения часто в большой мере определяют течение народнохозяйственного процесса. Даже процесс товарного обращения анализируется в схеме лишь в его начальной и конечной фазе (продукция и потребление). Торговый оборот, как таковой, как промежуточная стадия между производителем и потребителем, остается вне схемы воспроизводства.

Наконец, ряд осложнений вытекает из практических задач, адресуемых балансу народного хозяйства, особенно в условиях планового хозяйства. Так, необходимо иметь в виду значительное усложнение технико-производственной схемы. Группировки на обобщенные отрасли, производящие „средства производства“ и „средства потребления“, должны быть подвергнуты дальнейшим отраслевым членениям, дающим те конкретные, технико-производственные комплексы, которые практически необходимы для целей планирования. Эти технико-производственные отрасли, комбинируясь с группами хозяйственных предприятий и социальными секторами, в огромной степени осложняют схему воспроизводства и ее анализ.

Абстрагирование от условий конкретной действительности позволило Марксу рассматривать данный производственный цикл, как законченное целое, а всю хозяйственную систему, как замкнутую, изолированную систему. Однако, в действительности в высшей степени затруднительно отделить исследование данного производственного цикла от предыдущего и совершенно невозможно исследовать современное народное хозяйство вне его связи с мировым.

Эти наиболее важные осложнения (которые можно было бы и умножить) схемы исследования конкретного народного хозяйства, сравнительно с абстрактным его анализом, не только технически чрезвычайно осложняют схему баланса народного хозяйства, но требуют решения огромного количества сложных теоретических проблем.

Законченное исследование баланса народного хозяйства должно, таким образом, определить: 1) размеры валового производства, потребления средств производства в процессе последнего и чистую продукцию страны, 2) распределение произведенных ценностей на потребление населения, производственное потребление и накопление, 3) перераспределение вновь созданных ценностей (народного дохода) и роль фиска, кредитной и страховой системы в этом процессе, 4) обращение товаров и роль обслуживающих это обращение и производство кредитно-денежных отношений и 5) как результат рассмотренного процесса расширенного воспроизводства,— изменения в общем уровне и структуре производительных сил.

В соответствии с вышесказанным, это рассмотрение должно по всем разделам исследования вскрыть роль отдельных отраслей и секторов народного хозяйства, а также классов общества в этом процессе и определить связи народного хозяйства с мировым. Все эти элементы единого народного хозяйства должны быть рассмотрены в такой связи, чтобы была обеспечена возможность выполнения основной познавательной задачи исследования: вскрыть условия и взаимозависимости их движения, обусловливающие динамическое равновесие хозяйственной системы.

Этой необходимостью установления всеобщих связей различных элементов народного хозяйства определяется первая особенность законченного исследования: его схема должна быть построена по принципу всеобщей корреспонденции всех исследуемых элементов.

Этим самым определилось бы также не только состояние их к началу и концу рассматриваемого периода, но и пути их движения. Второй особенностью схемы исследования является построение ее по принципу балансового уравнения. Эта особенность точно так же вытекает из самого предмета исследования: условия равновесия хозяйственной системы определяются количественным соответствием или несоответствием производства и потребления, потребления и накопления, предложения товаров и их спроса и т. п., т.-е. балансом их.

Но не только этим оправдывается применение балансового метода в изучении народнохозяйственной статики. При правильном его применении балансовый метод дает наибольшую гарантию от пропуска тех или иных элементов исследования, дает возможность самопроверки расчета. Балансовый метод в статистике имеет формальную общность с бухгалтерским балансом. В обоих случаях имеется балансовая форма, правая и левая сторона и сальдо. Однако, по существу статистический и бухгалтерский балансы отличны. В то время как первый имеет задачей фиксацию народнохозяйственных процессов и отношений, второй — частнохозяйственных; соответственно, статистический баланс имеет дело с народнохозяйственными категориями, бухгалтерский — с частнохозяйственными. Конечной целью последнего является определение результатов хозяйственной деятельности отдельного предприятия, прибыли или убытка за тот или иной период. Задача баланса народного хозяйства гораздо более обширна. Он должен показать не только конечный результат процесса расширенного воспроизводства — накопление или уменьшение народнохозяйственных фондов, но он должен определить изменения в общем уровне и структуре производительных сил и те зависимости различных элементов народного хозяйства, которые определили для данного периода именно такую статику и динамику его развития.[1]

Основной дефиницией исследования баланса народного хозяйства является основная хозяйственная категория — продукт. Пути

[1] „Баланс народного хозяйства 1923/24 г.“ этот вопрос решает также. Однако, аргументация его неправильна. А именно в указанной работе проводится мысль, что задача бухгалтерского баланса — определить результаты хозяйственной деятельности; а так как нет критерия, по которому можно судить о результатах народнохозяйственного процесса, то баланс народного хозяйства принципиально отличен от частнохозяйственного. Если бы баланс народного хозяйства не мог определить результатов расширенного воспроизводства — накопления, то его незачем было бы и составлять. Отличие его от частнохозяйственного не в этом, а в том, что последний не может даже ставить по самому существу таких познавательных задач, как народнохозяйственный баланс. С. Г. Струмилин в тезисах своего доклада о принципах построения баланса народного хозяйства (см. „Вестник Статистики“, № 1, стр. 56, 1927 г.), наоборот, отождествляет народнохозяйственный и частнохозяйственный балансы. Сходство между ними связано, как видим, лишь общностью формальной схемы, которая затушевывает глубокие принципиальные различия в познавательных задачах народно- и частнохозяйственного баланса.

его движения, его метаморфоз в процессе общественного кругооборота являются предметом исследования. Этим определяются принципы построения конкретной статистической схемы исследования. В подлежащем этой схемы должны пройти конкретные товары и группы их. В сказуемом должен быть схематически изображен процесс общественного кругооборота. Задача исследования и заключается в том, чтобы с максимальной тщательностью проследить пути движения продукта и последовательность его метаморфоз в конкретном народном хозяйстве. Определение соотношения производства и потребления в стране является основным в системе баланса народного хозяйства. Следующим подразделением являются группы товаров по их экономической природе — средства производства и предметы потребления. Судьба этих двух категорий в общественном кругообороте различна, и они подлежат раздельному рассмотрению. С другой стороны, и метаморфозы их должны быть также рассмотрены в отдельности. Более развернутой схемой исследования явится нижеследующая. В начале исследуемого производственного цикла в народном хозяйстве вся сумма запасов данного продукта существует либо в форме производительных, либо в форме товарных и потребительских фондов. Запасы последних вместе с суммой производства и импорта за период составляют снабжение страны, вся сумма которого через процессы обращения в течение этого периода распределяется для личного потребления населения, экспорта, производственного потребления различных отраслей хозяйства и для накопления — в форме ли производительных, в форме ли товарных или потребительских фондов. С другой стороны, очевидно, что средства производства не могут быть потреблены в личном потреблении, предметы потребления — в производственном. Итак, могут быть составлены следующие уравнения.

1. Сумма запасов средств производства к началу года (в форме производительных, товарных и потребительских фондов) плюс сумма их производства плюс сумма импорта равняются сумме потребления средств производства плюс экспорт их плюс запасы к концу года.

2. Сумма запасов предметов потребления к началу года (в форме производительных, товарных или потребительских фондов) плюс сумма их производства плюс сумма импорта равняются сумме потребления предметов потребления плюс экспорт их плюс запасы к концу годов.

3. Сумма запасов к началу года плюс сумма производства и импорта равняется сумме потребления плюс экспорт плюс запасы к концу года.

Эти схемы баланса производства и потребления в дальнейшем должны быть осложнены схемами реализации и потребления, составляющими одну из частей развернутой схемы баланса народного хозяйства и аналогичными этим схемам. Основным требованием такого исследования является рассмотрение общественного круго-

оборота в том реальном виде, как он определяется отношениями производства и распределения, а не в том фиктивном, который мы только и имеем возможность наблюдать в конкретном хозяйстве, связанном с условиями обращения товаров. Между тем, как было выше указано, в конкретном хозяйстве реальные стоимостные отношения скрываются за фиктивными ценностями. Необходимость оперировать именно с последними представляет чрезвычайные опасности для правильности исследования, и в качестве известной гарантии от тех искажений действительных отношений, которые неизбежно получаются при этом, является максимальная „натурализация" исследования. Исследование кругооборота товаров в их вещной форме только и может дать эту гарантию. Само собою разумеется, что специальное исследование цен и ценообразования на каждой ступени всего того их многообразия, которое имеет место в конкретном народном хозяйстве, является, с этой точки зрения, абсолютно необходимым элементом развернутого исследования баланса народного хозяйства. Однако, это требование исследования движения товаров в их вещной форме находится в известном противоречии с другим требованием исследования — охвата всех стадий и форм кругооборота, так как в этом случае из поля зрения могут выпасть все явления денежно-кредитных отношений, связанные с фиктивной ценовой оболочкой товаров. Между тем, роль этих явлений и интерес их исследования не могут быть преуменьшены для современного хозяйства. Конкретная схема исследования должна подвергнуть их специальному рассмотрению, связав с анализом производства и потребления, реализации и приобретения. Это может быть достигнуто двояким рассмотрением процесса расширенного воспроизводства — как движения материальных продуктов, их метаморфоз и последовательной смены фаз последних, с одной стороны, и с другой — как движения хозяйственных комплексов — предприятий — и их имущества. В первом случае рассматриваются и вскрываются реальные отношения производства и распределения (и это является основной задачей всего исследования), во втором же случае рассматривается та ценностная внешность этих отношений, в которой они непосредственно выступают в процессе хозяйствования. Первая задача не может быть решена без решения второй — фотографии хозяйственного процесса, как мы его наблюдаем, но и вторая задача предполагает решение первой.

Статистическая схема баланса народного хозяйства должна быть в своем законченном виде построена, как схема всеобщей корреспонденции. Однако, эта схема сама по себе еще не определяет количественной меры зависимостей различных элементов народного хозяйства. Она отвечает только на вопрос об абсолютных размерах того или иного явления, но не об его относительном значении в общей системе народного хозяйства. Между тем, последнее

является не менее важным и для целей практического планирования и для теоретико-познавательных задач. Мало, например, определить общие размеры производства и накопления, но надо знать, в каком отношении они находятся и как меняется это отношение. „Методом вскрытия связей отдельных элементов хозяйства, образующих народнохозяйственное целое, является построение статических и динамических коэфициентов. Статические коэфициенты показывают взаимоотношения хозяйственных элементов за каждый данный отрезок времени (например, год) и тем выявляют строение народнохозяйственного организма. Динамические коэфициенты указывают изменение статических коэфициентов и, следовательно, вскрывают эволюцию строения народного хозяйства" (В. Г. Громан, предисловие к изданию Коммакадемии: „Основные вопросы экономики СССР в таблицах и диаграммах").

Исследование баланса народного хозяйства определяет эти соотношения для одного хозяйственного цикла. Однако, народно хозяйственный процесс непрерывен и рассмотрение его результатов за тот или иной период всегда имеет искусственный характер. Поэтому единственно правильным является производство таких исследований не за один какой-нибудь период (год), а систематически из года в год, и лишь в результате многолетних исследований можно надеяться правильно решить поставленную задачу определения условий динамического равновесия хозяйственной системы. Здесь необходимо указать также, что, в конечном счете, условия равновесия хозяйственной системы характеризуются разностями (сальдо) отдельных элементов баланса. Однако, последние всегда являются наименее точным элементом знания. Тем более становится необходимым исследование за ряд лет.

Если бы, однако, все методологические трудности и теоретические вопросы были разрешены с максимальной полнотой и правильностью, — составление баланса народного хозяйства встретило бы огромные трудности в условиях современной статистической организации. Заранее можно указать на ряд моментов, препятствующих практическому осуществлению исследования баланса народного хозяйства в его развернутом виде. Целые участки народного хозяйства исследуются весьма неполно или вовсе не исследуются. Значительные явления народнохозяйственного процесса исследуются лишь самым поверхностным образом, и даже в тех случаях, когда эти исследования достаточно полны, результаты их не всегда между собой сопоставимы. Во всяком случае, уже заранее можно предвидеть, что развернутую схему всеобщей корреспонденции, в силу этих причин, будет невозможно осуществить в ближайшие годы. С другой стороны, неполнота наших статистических знаний настолько велика, что нельзя предполагать возможным построение даже элементов развернутой схемы без применения экспертных оценок и исчислений. На ряду с точным статистическим знанием

при построении баланса народного хозяйства неизбежно придется прибегать к приемам конструктивной статистики. При этом, конечно, в основе всех этих приблизительных оценок всегда должна находиться твердая статистическая база и каждый раз надо отдавать себе отчет в мере точности этих расчетов.

2. Схемы баланса народного хозяйства

В соответствии с изложенными выше принципами исследования можно наметить следующий конкретный план исследования баланса народного хозяйства, представляющийся нам в виде системы взаимно-связанных таблиц. В своем развернутом виде эта система должна дать анализ как состояния и динамики производительных сил общества, так и хозяйственного оборота его; поэтому она, прежде всего, охватывает два основных раздела: а) баланс производительных сил и б) баланс хозяйственного оборота.

Баланс производительных сил должен включать анализ: 1) энергетического баланса, 2) баланса общественного труда.

Баланс хозяйственного оборота должен дать анализ: 1) оборота общественного продукта, 2) имущественного оборота страны, охватывающего всю общественную систему труда, включая как производственные, так и непроизводственные предприятия и хозяйства.

Таким образом, в развернутом виде система балансовых таблиц представляется нам в следующем виде:

А. Баланс производительных сил

Табл. 1. Энергетический баланс.
„ 2. Баланс труда.

Б. Баланс хозяйственного оборота

Табл. 1. Оборот общественного продукта
„ 1а. Баланс реализации (баланс товарной массы).

Примечание. Табл. 1 дается: а) по развернутой схеме подлежащего и сказуемого в ценностном выражении, с учетом прироста цен в процессе обращения и б) в натуральном выражении по упрощенной схеме сказуемого, без учета издержек обращения, и лишь в отношении некоторых отдельных продуктов. Табл. 2 — имущественный оборот предприятий и хозяйств в народнохозяйственном целом.

Для ясности постановки вопроса, мы в настоящей статье подвергнем анализу таблицы в развернутом виде, хотя и без применения принципа всеобщей корреспонденции. Всякая иная постановка вопроса, в частности, проектирование балансовых схем, учитывая с самого начала нынешнее фактическое состояние статистических источников и материалов, лишило бы постановку вопроса о балансе необходимой ясности и четкости, так как она вытекала бы не из каких-нибудь принципиальных соображений, а обусловливалась бы моментами случайного характера, связанными

с более или менее равномерным развитием отдельных отраслей статистики. Помимо этого, только развернутая постановка вопроса дает возможность отчетливо наметить пункты исследования, осуществление которых требует дальнейшего развития системы первичных статистических наблюдений.

Хотя намеченная выше система таблиц состоит из нескольких отдельных схем, однако, основным методологическим условием их построения должна быть идея полной взаимной связанности и обеспечения возможности перехода от одной из них к другой. В настоящей статье мы остановимся лишь на той группе вопросов, которая связана с анализом хозяйственного оборота, т.-е. теми экономическими процессами, которые обычно и мыслятся, как основное содержание балансовых схем.

Каждая из таблиц, анализирующих хозяйственный оборот страны, изучает его с определенной точки зрения, в определенном аспекте, хотя все они взаимно связаны и имеют одну и ту же конечную задачу — вскрыть условия равновесия хозяйственной системы в процессе ее воспроизводства.

Табл. 1 имеет задачей исследовать процесс воспроизводства как процесс движения продуктов.

Табл. 2 исследует процесс воспроизводства с точки зрения взаимоотношений отдельных организованных хозяйственных комплексов (предприятий и хозяйств), в том виде, как эти взаимоотношения представляются ценностными (ценовыми) явлениями.

Прежде всего, она анализирует процесс движения капитала, дохода и накопления по группе производственных предприятий (занятых производством, перемещением или распределением материальных продуктов), к которым мы относим предприятия сельскохозяйственные, промышленные, строительные, транспортные и торговые.

Далее она исследует процесс распределения и перераспределения народного дохода между производственными и непроизводственными отраслями труда, дает законченный анализ экономических отношений как внутри страны между группами хозяйств, так и с другими странами, наконец, схему распределения народного имущества (богатства) и дохода в целом между отдельными группами предприятий и слоями населения.

Тем самым определяется в основном и конструкция самих схем.

В первой из них предметом исследования является конкретный продукт, а основной дефиницией подлежащего — технико-производственная отрасль. Во второй таблице предметом исследования является имущество, а для производственных хозяйств — капитал, основной же дефиницией подлежащего — предприятия и хозяйства, включая и непроизводственные отрасли труда и даже чисто потребительские хозяйства.

Группировка продуктов в первой таблице может быть произведена по двоякому принципу — или согласно происхождению това-

ров (сельскохозяйственное сырье, продукты добывающей промышленности и т. д.), или согласно их назначению (средства производства и предметы потребления), при этом нужно заметить, что и классификация по назначению может иметь в виду либо непосредственное назначение данного продукта, либо конечное его назначение.

Во 2 схеме предприятия и хозяйства должны быть сгруппированы по роду их основной деятельности (сельское хозяйство, промышленность и т. д.).

Помимо этого, в целях изучения социальной структуры общества, эти предприятия и хозяйства должны быть распределены по социальным секторам. Соответственно современной структуре советского хозяйства, социальные секторы должны быть намечены следующие: 1) обобществленный сектор (а) государственный, б) коммунальный, в) кооперативный); 2) государственно-капиталистический сектор (с выделением концессионных предприятий); 3) частнокапиталистический сектор; 4) простой товарный; 5) полупролетарский. Наконец, поскольку мы имеем дело и с потребительскими хозяйствами, необходимо упомянуть еще о пролетарских хозяйствах, а также о секторе хозяйств, стоящих вне системы общественного быта.

Схема 1 (оборот общественного продукта) имеет задачей представить оборот материальных ценностей за данный хозяйственный период на всем их пути от производителя к потребителю. Тем самым ею охватываются все стадии общественного кругооборота продукта от производства через распределение к потреблению.

Исследование требует не только анализа движения отдельных продуктов, но и их совокупностей по признаку их происхождения (отраслевое деление) и назначения.

Первая группировка не представляет затруднений. Трудности же второй заключаются в том, что фактически назначение раз произведенного продукта окончательно определяется лишь последней стадией его существования, как продукта, в момент использования его конечным потребителем. Одна и та же категория продуктов нередко может удовлетворять разным хозяйственным целям (целям производительного или непроизводительного потребления); благодаря этому определение с самого начала движения продукта, будет ли он потреблен в качестве средства производства или средства потребления, не всегда представляется возможным. Поэтому группировка продуктов по их назначению (производительное и непроизводительное потребление) в первой стадии анализа, т.-е. в разделе „Снабжение страны“, может быть произведена лишь по принципу преимущественности назначения. Лишь по данным о потреблении может быть окончательно установлена классификация продуктов на средства производственного и непроизводственного потребления.

В общем виде схема движения продуктов может быть намечена следующим образом.

В приходной части: а) состояние запасов к началу периода; б) снабжение новыми продуктами за исследуемый период, состоящее из импорта данных продуктов и производства их.

В расходной части: а) потребление данных продуктов (производственное и непроизводственное), б) экспорт и в) состояние запасов к концу периода.

Поскольку задачей исследования является анализ полного баланса снабжения и распределения данной категории продуктов, очевидно, что этот анализ должен охватить всю материальную массу страны. Другими словами, он имеет дело не только с теми продуктами, которые в форме товаров проходят через рыночный оборот, но и с теми, которые производятся и потребляются в порядке натурального хозяйственного оборота, не проходя через рынок. Соответственно этому запасы (фонды) данной категории продуктов к началу и к концу исследуемого периода должны охватить не только товарные запасы, но и всю материальную массу, находящуюся на территории страны в данный момент времени.

Запасы продуктов (народное богатство) включают в себе запасы у производителей данного товара, в каналах обращения и у потребителей. Последняя группа держателей запасов, в свою очередь, может быть разбита на две подгруппы — хозяйств производственных и непроизводственных.

Нужно строго различать запасы продуктов у производителей их, напр., запасы зерна в крестьянских хозяйствах и у производственных потребителей, напр., запасы того же зерна на мельницах. Запасы производственных потребителей, в зависимости от того, какую категорию продуктов мы анализируем, фигурируют в виде элементов основного или оборотного капитала. Запасы непроизводственных потребителей являются либо фондами коллективных хозяйств (учреждений, общественных организаций), либо запасами (фондами) личных потребителей.

Суммируя все эти категории запасов (материальных фондов), мы получаем не что иное, как народное богатство страны, взятое не в его суммарном выражении, а расчлененным по отдельным конкретным продуктам и категориям их.

Как уже было отмечено, анализ движения продуктов по изложенной выше схеме дает нам возможность проследить снабжение и потребление страны за исследуемый период, и путем сопоставления соответствующих приходных и расходных статей произвести статистическую проверку имеющихся у нас данных о запасах, продукции, потреблении и т. д.

Мы имеем в этом случае дело, если можно так выразиться, с „большим кругом“ общественного оборота продуктов; однако, не меньший практический интерес представляет анализ „малого круга“, под которым мы понимаем рыночное движение продуктов, как товаров.

Необходимость этих дополнительных исследований требует подкрепления таблицы 1 специальной таблицей 1а, дающей баланс товарной массы страны или баланс реализации и приобретений.

Подлежащее обеих таблиц совпадает: и в том и в другом случае мы имеем дело либо с конкретными продуктами, либо с группами этих продуктов. Разница заключается в том, что в первой таблице элементом исследования является продукт, во второй же — товар.

Если на приходе первой таблицы мы имеем сумму материальных запасов страны к началу года (народное богатство), в форме товарных или натуральных запасов, затем производство за год и импорт, а в расходной части — потребление, экспорт и запасы к концу года, то вторая таблица в приходной части дает совокупную товарную массу, состоящую из запасов в каналах обращения к началу года, импорта, товарной части продукции страны, реализованной в данном году производителями, и реализации потребительских запасов. В расходной же части дается вся сумма приобретений внутри страны, экспорт и запасы в каналах обращения к концу года.

Таблицы оборота общественного продукта и товаров в идеале должны были бы рассматривать движение конкретных продуктов в их вещной натуральной форме. Однако, такой конкретный анализ возможен, конечно, лишь для немногих имеющих особое экономическое значение и однородных продуктов.

Тем самым, поскольку мы желаем охватить оборот всей материальной или всей товарной массы страны, неизбежен анализ движения совокупностей продуктов. Последний же возможен лишь при переходе от натурального масштаба измерения к ценностному. В таком случае сбалансирование приходных и расходных частей таблиц возможно двумя способами — либо тем, что мы на всех стадиях движения продуктов условно оцениваем их по одним и тем же ценам (напр., по ценам производителей или по ценам конечных потребителей), либо же примем цены каждого звена товарооборота так, как они даются эмпирически, т.-е. запасы будем оценивать по себестоимости для данной категории владельцев этих запасов, продукцию по продажным ценам производителей, потребление и приобретение по ценам соответствующих потребителей или приобретателей. В этом случае сбалансирование приходных и расходных статей будет возможно, если мы примем во внимание сумму издержек обращения, которая распределяется между транспортом и торговлей, а также сумму взысканных акцизов и пошлин.

Однако, введение этой промежуточной графы представляет серьезную методологическую опасность с той точки зрения, что она позволяет достигнуть равенства обеих частей баланса путем сбалансирования на издержках обращения. Этот именно метод был применен ЦСУ в его исследовании баланса народного хозяйства за 1923/24 год. Нужно, однако, признать, что мы имеем в таком случае

дело лишь с балансовой формой расчета, а не с балансом по существу, так как вся возможная ошибка расчета падает на графу издержек обращения. Во избежание этой ошибки издержки обращения должны быть определены самостоятельно путем специального исчисления по возможно полной номенклатуре товаров, на основе прямых данных торговой и транспортной статистики. Практически эта задача является чрезвычайно трудно разрешимой, но от полноты ее решения зависит успех всего исследования. Во всяком случае, только при выполнении этого условия, баланс народного хозяйства можно не только формально, но и по существу квалифицировать, как баланс.

Правильная оценка продуктов и товаров является одним из основных условий успеха работы. В качестве общих положений могут быть намечены следующие: продукция и ее товарная часть должны оцениваться по фактическим отпускным (оптовым или заготовительным) ценам производителя в месте первой продажи. При этом натуральная часть продукции, не проходящая через рынок, условно оценивается по тем же ценам, что и ее товарная часть. Эти фактические продажные цены производителя должны быть, само собой разумеется, взвешены и по районам, и по сезонам отчуждения, и по категориям приобретателей. В данном случае особенно важно установление правильных весов для приобретателей государственных, кооперативных и частных, так как уровень цен их часто заметно различен.

Приобретения оцениваются по взвешенным фактическим ценам приобретений.

Запасы у производителей к началу и концу года следует оценивать по средним отпускным ценам, т.-е. по ценам, применяемым к оценке продукции данного года. Запасы в каналах обращения и у потребителей (производственных и непроизводственных) оцениваются по полной себестоимости для соответствующих предприятий и хозяйств, учитывая стоимость доставки на склад предприятия или в хозяйство потребителя.

Экспорт должен оцениваться по фактическим продажным ценам на внешнем рынке минус торгово-транспортные издержки за границей; импорт — по ценам на границе без пошлин.

Обращаясь к статистическому материалу и источникам, необходимым для заполнения схем 1 и 1а, нужно отметить, что наиболее слабые пункты относятся: а) к полному учету материальных запасов страны; б) к вопросам, связанным с установлением цен, надлежаще определенных и взвешенных как для оценки продукции и отчуждения, так и приобретений и потребления и в) к средней связующей графе баланса, а именно к издержкам обращения.

В настоящее время производственная и бюджетная статистика дает возможность с большей или меньшей точностью, часто путем очень грубых исчислений, установить общие размеры запасов у производителей и у производственных потребителей.

Что касается запасов в каналах обращения, в особенности в торговле, то имеющиеся данные балансов государственных и кооперативных торговых организаций дают пока возможность общего суммового определения товарных остатков. В отношении главнейших категорий сельскохозяйственного сырья и зерновых хлебов, „видимые" запасы их периодически, один раз в квартал, учитываются в настоящее время ЦСУ. Лишь намечаемое в настоящее время выборочное углубленное обследование торговых предприятий, которое в дальнейшем будет ежегодно производиться ЦСУ, даст возможность приблизительно оценить торговые запасы и промышленных товаров по отдельным более или менее обобщенным группам продуктов.

По вопросу о натуральных запасах непроизводственных (коллективных и личных потребителей) имеются лишь отдельные отрывочные данные на основе инвентарей, заполняемых при производстве бюджетных исследований крестьянских хозяйств или потребительских хозяйств рабочих и служащих. Данные страховой статистики (огневого страхования) дают возможность приблизительно подойти к оценке домашнего имущества так называемых владельческих групп городского населения.

Точно так же не ведется никакого учета в общегосударственном масштабе материальных фондов учреждений и общественных организаций, и соответствующие данные придется восполнять путем очень грубых исчислений. Картина достаточно плачевная, несколько облегчающаяся тем, что непроизводственное имущество, в особенности домашнее имущество, представляет существенную экономическую величину в отношении сравнительно немногих категорий продуктов (мебель, одежда, белье, домашняя утварь и т. д.).

(Продолжение следует)

А. Г. Боссе

Экономика американского земледелия

Вступление. Наиболее слабым местом в экономической структуре американского капитализма является земледелие. В течение уже многих лет промышленный прогресс Америки происходит в значительной доле за счет земледелия. Последнее принимает все более капиталистический характер, при чем решающая роль в этом процессе его перерождения принадлежит финансовому капиталу. Земледельческое население беспощадно экспроприируется. В результате — подавляющее большинство сельских хозяев постепенно превращается из собственников в арендаторов, чтобы в конце концов очутиться в рядах сельского или городского пролетариата.

Настоящая статья имеет целью дать краткий очерк этого процесса в его различных стадиях, а также нарисовать картину современного положения американского земледелия. Политические стороны этой проблемы здесь не затрагиваются, ибо недостаток места не позволяет уделить им достаточного внимания. Они, однако, с неизбежностью будут о себе напоминать, особенно при сопоставлении нижеописываемого экономического положения с политической программой левых фермерских организаций и с аграрной программой коммунистической партии.

Размер фермерских хозяйств. При рассмотрении размера фермерских хозяйств необходимо иметь в виду, что если принимать в расчет лишь общее количество акров, то тем самым будет стушевываться значение такого фактора, как интенсивность хозяйства. Это особенно верно по отношению к рабочей силе, машинному инвентарю, удобрению и т. д. Ленин указывал, что оперирование с цифрами общего количества акров, приходящегося на ферму, „вообще нельзя признать правильным“. Поэтому в нижеприведенной таблице[1] размера фермерских хозяйств даются цифры приходящегося на ферму количества улучшенной земли (см. табл. на стр. 162).

В отношении количества улучшенной земли размеры средней фермы в Новой Англии меньше, чем во всех других районах; но зато Новая Англия, так же как и Средне-Атлантический округ, имеет культуры, создающие, с точки зрения капиталистического развития, гораздо более интенсивное хозяйство: фрукты, овощи, молочные продукты и т. п. Кроме того, в этих округах наблюдается относительно большее применение рабочей силы, удобрений и сельскохозяйственных машин. В штатах центрального севера средняя ферма имеет значительно большие размеры, но ограничивается преимущественно зерновыми и травяными куль-

[1] „А“, стр. 605. Список литературы, использованной автором, приводится в алфавитном порядке в конце статьи.

Округа	Среднее количество улучшенной земли на ферму (в акрах)		% количества улучшен. земли по отношению к общему колич. земли на ферму в акрах	
	1920 г.	1910 г.	1920 г.	1910 г.
Север				
Новая Англия	39,1	38,4	36,0	36,8
Средне-Атлантическое побережье	62,5	62,6	65,5	67,9
Центральный Северо-Восток . .	81,0	79,2	74,7	75,4
Центральный Северо-Запад . .	156,2	148 0	66,7	70,6
В среднем . . .	84,7	81,8	60,7	62,7
Юг				
Южно-Атлантическое побережье	41,9	43,6	49,6	46,7
Центральный Юго-Восток . . .	42,2	42,2	56,3	53,9
Центральный Юго-Запад . . .	64,4	61,8	37,0	34,4
В среднем . . .	49,5	49,2	44,3	45,0
Запад				
Горный район	123,3	86,8	25,7	26,7
Тихоокеанское побережье . . .	102,2	116,1	42,6	42,9
Среднее для С.-А. С. Ш. . . .	112,8 78,0	101,5 55,2	34,2 52,6	34,8 54,4

турами, требующими скорее экстенсивной, нежели интенсивной системы хозяйства. На юге же кажущаяся незначительность размеров средней фермы об'ясняется тем, что каждая ферма арендатора принимается за отдельное хозяйство, хотя фактически значительный процент таких ферм составляет лишь часть крупных плантаций.

С 1880 г. на севере наблюдается непрерывный рост размеров ферм, что указывает на более сильное развитие здесь, по сравнению с другими районами, капиталистических тенденций в земледелии (хозяйства крупного масштаба, с широким применением рабочей силы и машин).

На юге же, как раз наоборот, уменьшение среднего размера ферм означает усиление капиталистического развития, ибо уменьшение это произошло в связи с распадом крупных плантаций и переходом к мелкому товаризированному фермерству. Огромное увеличение количества ферм на западе об'ясняется в значительной степени заселением новых земель под покровительством специальных законов (homestead laws), особо охраняющих собственность поселенцев.

В Новой Англии, а также в Средне-Атлантическом округе севера, латифундий (имений с площадью более 1.000 акров) меньше, чем во всех других округах, при чем средний размер их определяется в 1.600 акров. В Центральном северо-западном округе число таких ферм значительно больше (20.000 против 1.750 в остальных трех северных округах), и средний размер их гораздо крупнее (2.150 акров). 92 % всего количества акров четырех северных округов приходится именно на этот округ. Количество мелких и крупных ферм за период 1900—1920 гг. увеличилось, количество же средних уменьшилось:

Количество ферм (в тысячах)

Размер ферм	1920 г.	1910 г.	1900 г.
Мелкие (менее 100 акров)	3.775	3.691	3.297
Средние (100—175 акров)	1.450	1.516	1 472
Крупные (175—1.000 акров)	1.156	1.103	971
Латифундии (свыше 1.000 акров)	67,4	50,1	47,2

Стоимость земли. Понижение стоимости недвижимого имущества ферм за семилетний период кризиса видно из следующих цифр: [1]

Индексы стоимости недвижимого имущества ферм (принимая стоимость в 1912—14 гг. за 100%)

	1920 г.	1926 г.	1927 г.	Уменьшение за периоды 1920—27 гг.	1926/27 г.
Соед. Штаты	169	124	119	50	5
Север (центр. северо запад) .	184	121	115	69	6
Запад (горный район)	151	103	101	50	2
Юг (центр. северо-восток) . .	199	139	133	66	6
Иова	213	130	121	92	9
Георгия	218	112	104	114	8
Миссисипи	218	134	126	92	8

Почти во всех округах стоимость недвижимого имущества ферм, после высокого уровня 1920 г., из года в год уменьшалась. Во всех округах и почти во всех штатах наблюдалось уменьшение ее с 1926 г. по 1927 г. Стоимость фермерских земель увеличилась за десятилетие с 1900 г. по 1910 г. на 15,4 мрд. долл., т.-е. на 118%, а за следующее десятилетие (1910—1920) на 26,4 мрд. долл., т.-е. на 92,5%. Однако, уже с 1920 г. по 1925 г. она упала с 54,8 мрд. до 37,8 мрд. долл., т.-е. на 31,2%. Сенатор Най (Nye) вычислил, что с 1924 г. стоимость фермерских земель уменьшилась на 4 мрд. долл. Земельная рента составляет около $^1/_4$ стоимости продукции пшеницы и маиса, доля же ее по отношению к валовому доходу всех фермеров еще значительно больше (№ 4, „Nation", 20/X 1927; „I" 19/X 1927).

Стоимость земледельческой продукции. Стоимость производства многих основных фермерских продуктов превышала за последние годы ту цену, которую фермер за них получал. То, что фермеры при таких условиях продолжают еще вести хозяйство, об'ясняется лишь быстро развивающимся процессом экспроприации; последняя, как ниже будет показано, проявляется в форме все учащающихся случаев оставления ферм, залога земель, сдачи в аренду и т. д. В 1926 г. средняя стоимость производства маиса составляла 70 центов за бушель, тогда как средняя цена, получаемая фермером, равнялась лишь $64^1/_2$ центам. Стоимость же производства пшеницы была лишь незначительно ниже получаемой фермером средней цены. Один американский сенатор приводил в качестве одного из факторов сложившейся ситуации то обстоятельство, что трест земледельческих орудий буквально грабит фермера, беря у него за кирку или грабли 1 доллар, тогда как об'явленная экспортная цена на эти предметы составляет лишь 44 цента.

Общая стоимость продукции за 1926/27 фискальный год определялась в 12.080 млн. долл., что составляет на 5.000 млн. долл. менее, чем

[1] „E", август 1927 г., стр. 296.

в предыдущем году. Это уменьшение произошло, главным образом, за счет стоимости зерновых хлебов и хлопка.

Такие „ножницы" в значительной степени и послужили причиной нынешней сельскохозяйственной депрессии. Они действуют уже долгое время. С 1900 г. издержки производства были столь велики, что сводили к нулю всякую прибыль. Одни только налоги и проценты по долгам, увеличившиеся с 1880 г. по 1900 г. на 60%, за последующие 20 лет увеличились на 600%.

Если обратиться к более недавнему времени, то годовой отчет секретаря земледелия Джардина, от декабря 1927 г. (N.-Y. „Commercial and Financial Chronicle", 10/XII 1927 г., стр. 3131) показывает, что за прошедшие 5 лет (1922—26 гг.) наблюдалось увеличение продукции растительной на 5% и животной на 15% по сравнению с предыдущим пятилетием, несмотря на то что общее количество акров несколько уменьшилось. Производительность на каждого земледельческого рабочего за последние 5 лет увеличилась также на 15%, что об'ясняется отчасти большим применением машин электрической энергии, отчасти же более продуктивным использованием семенного материала и инвентаря.

Однако, Джардин приходит к заключению, что „преимущество увеличения производительности может для фермера в значительной степени нейтрализоваться вследствие общего увеличения продукции и связанного с этим падения цен на единицу продукции" (годовой отчет, там же).

Индексы [1]

Годы	Цен, уплачиваемых фермерам за продукты фермерск. хоз.	Оптовых цен на неземледельческие товары	Относительная покупательная сила фермерского доллара
1920	205	241	85
1921	115	167	69
1925	147	165	89
1926	136	161	84
1927	128	152	84

Цены на сельскохозяйственную продукцию. Из таблицы, [2] которая приведена выше, мы видим, что хотя за свои продукты фермер получает лишь на 28% больше довоенных цен, платить за покупаемые им неземледельческие товары он все же должен на 52% дороже, чем в довоенное время. Относительная покупательная сила фермерского доллара, определяемая путем деления цифр первой колонки на цифры второй, составляет в настоящее время лишь 84 % довоенной величины. Цены на фермерские продукты в апреле 1927 г. стояли на самом низком уровне за все пятилетие, так что хотя с тех пор покупательная сила фермерского доллара обнаруживала тенденцию к повышению, кривая этого восходящего движения начинается с очень низкой точки. Департамент земледелия начинает предостерегать фермеров от разведения овец и производства яиц в чрезмерно больших количествах, т.-е. именно того, что с 1921 г. давало относительно хорошие цены. Ассоциация производителей удобрения предостерегает от слишком большого производства хлопка в 1928 г., к чему имеется явная тенденция. В 1928 г. ожидается падение цен также и на свиней („J", 29/IX 1927; № 4 „Annalist", 10/VI 1927). Продукция пшеницы в 1928 г., судя по увеличению посевной площади, будет, по всей вероятности, на 13% больше, чем в 1927 г. Поэтому Департамент земледелия предупреждает фермеров, что они должны быть „готовы к тому, чтобы продавать свою пшеницу на основе цен мирового рынка", иначе говоря, должны примириться в будущем году с еще более низкими ценами, нежели существующие сейчас („J", 11/X 1927).

[1] Принимая цифры за период 1909—1914 гг. за 100%.

[2] „F", октябрь 1927 г., стр. 9.

Земледельческий доход. Переходя к характеристике земледельческого дохода за период с 1919/20 до 1926/27 гг., приводим нижеследующую таблицу,[1] позволяющую судить об элементах земледельческого дохода за эти годы.

	1919/20 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
(A) Стоимость всего вложенного капитала (в мрд. долл.)	79,5	59,7	58,3
(B) Стоимость чистого вложения (в мрд. долл.)	47,1	32,7 [2]	31,8
(C) Доход на капитал (A) (в мрд. долл.)	5,03	3,08	2,44
То же в %%	6,3	5,2	4,2
(D) Доход на капитал (B) (в мрд. долл.)	2,68	1,41	0,87
То же в %%	5,7	4,3	2,7
(E) Процент дохода корпораций	—	13,0	13,0
(F) Валовая стоимость земледел. продукции (в мрд. долл.)	24	17	16,3
(G) Валовой доход (в мрд. долл.)	15,72	12,67	12,08
(H) Валовой доход в %% (принимая доход в 1919/20 г. = 100%)	100	86	77
(I) Размер процентов по закладным и проч. долгам	6,7	6,4	6,3
(J) Размер процентов по арендованному имуществу	8,3	7,4	7,1
(K) Средний доход фермера на капитал и вкладываемый труд (его и семьи в долларах)	1.246	922	853
(L) Средний доход на вкладываемый труд (в долларах)	917	690	627
Размер заработков			
(M) Среднего наемного работника	Принимая величины 1919—20 г. за 100%	84	86
(N) Среднего фабричного рабочего		101	101
(O) Средней фермерской семьи		76	70

В стоимость всего вложенного капитала (A) входит стоимость земли, строений, живого инвентаря, автомобилей, орудий, машин и т. д., а также оборотный капитал. Сумма чистого вложения (B) равняется сумме всего вложенного капитала минус имущество, арендованное у других лиц, и долги. В 1920/21 г. стоимость чистого вложения уменьшилась по сравнению с предыдущим фискальным годом приблизительно на 6 миллиардов долларов, а средний доход на этот капитал за этот год упал до убытка в 1.720 долларов (или — 4,2%). В 1925 г. доход на капитал, составлявший чистое вложение, определялся в 1,14%, за вычетом оплаты труда фермера и его семьи. Эти цифры являются средними для всей страны; для юга они значительно меньше, для запада — больше и для севера — средние („G", 1926 г., стр. 1207).

[1] „E", июль, 1927 г.

[2] Фактическая стоимость чистого вложения в 1925/26 г. была еще меньше, если принять во внимание, что за пять лет (с 1920 г. по 1925 г.) задолженность по залогу имущества увеличилась на 5,75 мрд. долл.

Данные статистики указывают на постепенное, хотя и незначительное, улучшение, вплоть до 1925/26 г.; однако, улучшение это в значительной степени об'яснялось уменьшением стоимости земледельческого капитала. За время от 1921 г. до 1927 г. стоимость всего земледельческого капитала упала с 73 мрд. долл. до 58 мрд. долл., т.-е. на 20,5%, тогда как капитал корпораций увеличился с 99 до 134 мрд. долл., т.-е. на 35%.

Размер дохода (C) на весь вложенный капитал определяется путем вычета налогов и расходов, а также заработной платы фермера и его семьи. Сюда не входит, однако, амортизация и т. п.

В течение пятилетия с 1920 г. до 1925 г. чистый доход, согласно данным Национального совета по делам промышленности (National Industrial Conference Board), составлял 1,7%. Если вычесть отсюда стоимость пищи, топлива и помещения, то чистый доход, даже в лучшие годы, составит в среднем не более 170 долларов, а в неблагоприятные времена будет буквально ниже нуля. Эти 1,7% вычислены по отношению к сумме, облагаемой налогом, по отношению же к действительной стоимости чистого вложения доход еще меньше („H", 2/I 1927).

Размер процентов, уплачиваемых по закладным и другим видам задолженности (I), а также по арендованному имуществу (J), показывает, какая значительная часть дохода фермеров попадает в руки отсутствующих собственников земледельческого капитала и залогодержателей—преимущественно банкиров. Сумма всех процентов, уплаченных по долгам в 1924/25 г., составляла в среднем 30% чистого наличного дохода за вычетом других расходов („B", стр. 124). В прибыли корпораций входит вознаграждение служебного персонала, амортизационные вычеты и т. п. Эти прибыли составляли в 1921 г. 75,4 миллиарда долларов, а в 1925 г.—95,2 мрд. долл. Во время войны правительство поощряло увеличение производства как в земледелии, так и промышленности. По окончании войны городские военно-промышленные предприятия были лишены поддержки правительства, что же касается до земледелия, то правительство не только не низводило его на уровень мирного времени, но поощряло к дальнейшему увеличению производства.

В доход, получаемый на капитал, рабочую силу и управление (K) не входит процент на чистое вложение капитала. В доход на рабочую силу и управление входит 4,5% на чистое вложение. За время с 1926 г. по 1927 г. валовой доход уменьшился на 5%, издержки же производства уменьшились только на 2% („E", июль, 1927 г.).

Залог и другие виды задолженности. Теперь перейдем к характеристике задолженности фермерских хозяйств. Для этого приведем таблицу[1] индексов увеличения стоимости земли в сопоставлении с увеличением залогового обременения за время с 1910 г. по 1920 г. (см. табл. на стр. 167).

В приведенной таблице даны географические подразделения юга, запада и севера, показывающие минимальный и максимальный рост залогового обременения за время с 1910 г. по 1920 г. В 1920 г. имела место очень сильная инфляция ценностей, а в следующем году началась сильнейшая дефляция. Увеличение залоговой задолженности на индустриальном севере было значительно меньше, нежели на юге или на западе, что об'ясняется отчасти характером тамошнего фермерского хозяйства (молочное хозяйство, птицеводство и садоводство), продукция которого менее подвержена влиянию дефляции по сравнению с продукцией, преобладающей на юге и на западе. На одни лишь центральные штаты северо-запада приходится 39% займов, предоставляемых фермерам банками, а на центральные штаты северо-востока—19%, итого 58% приходится на „средний запад" (северные центральные штаты). („H", 11/VII, 1927; Report of the National Industrial Conference Board.)

[1] „C", стр. 57.

Округа	Стоимость земли	Общая задолженность по залогам	Задолженность собственников по залогам	Задолженность арендаторов по залогам
Юг				
Центр. юго-восток	110,8	199,7	172,9	266,4
Центр. юго-запад	101,8	162,3	146,3	194,8
Запад				
Горный район	139,7	489,4	448,6	858,7
Тихоокеанское побережье	88,4	215,1	214,5	218,6
Север				
Средне-Атлантическое побережье	22,9	33,8	43,7	—0,8
Центр. северо-запад	110,7	160,3	128,8	258,7
Соед. Штаты	90,6	147,7	128,4	217,1

В 1890 г. у 27,8% всех собственников ферм последние были заложены. В 1910 г. были обременены залогом фермы 33,2% собственников. В 1920 г. количество заложенных ферм составляло 37,2%, при чем можно предполагать, что у 10% собственников, не представивших сведений о задолженности, такой же относительно процент ферм был обременен залогом. Во всех округах страны увеличение средней задолженности по залогам на каждую ферму было значительно больше, нежели средняя стоимость земли и строений (на ферму). На всю страну в целом средняя задолженность по залогам возросла на 12% более, нежели средняя стоимость („A", стр. 739, 743).

В 1920 г. в Соед. Штатах из всех занимавшихся фермерством лиц моложе 25 лет лишь 10% были полными собственниками, свободными от залога; из фермеров старше 55 лет было свободно от залога 51%, наконец, из лиц старше 65 лет 64% („D", стр. 43). Когда молодой фермер покупает ферму, он обременяет себя долгом на всю жизнь. Сообразуясь с этим, правительственный земельный банк предоставляет 33-летний срок для выплаты займов, обеспеченных залогом. Несмотря на то, что большая часть займов была сделана при низком денежном курсе, который существовал до 1920 г., установленные взносы в погашение процентов и капитальной суммы должны теперь выплачиваться независимо от меняющихся цен.

Общая задолженность фермеров за время с 1910 по 1925 гг.
(В млн. долларов)[1]

	1910 г.	1920 г.	1925 г.
Задолженность по залогам	3.200	7.860	8.500
„ личная	1.000	3.250	3.250
„ смешанная (товары, орудия, автомобили и т. д.) . . .	500	500	500
Всего . . .	4.700	11.610	12.250

В 1910 г. проценты по залогу и арендная плата взимались с 57 % всей стоимости ферм. В 1920 г. этот процент возрос до 65 %. В течение этого десятилетия аренда возросла на 3,8 %; таким образом, главная часть этого восьмипроцентного увеличения за десятилетие об'ясняется ростом задолженности по залогам (там же, стр. 68).

Отношение задолженности по залогам к стоимости земли и вложенному капиталу[2]

	1920 г.	1925 г.
Стоимость недвижимого имущества всех ферм (мрд. долл.) . .	54,8	37,8
Стоимость недвижимого имущества заложенных ферм (мрд. долл.)	13,8	10,8
Размер задолженности ферм по залогам (мрд. долл.)	4,0	4,5
Размер задолженности по залогам в процентном отношении к стоимости недвижимого имущества заложенных ферм .	29,1	41,9

За время с 1914 по 1925 гг. отношение долгового бремени к стоимости имущества ферм увеличилось на 54 % („B", стр. 121). К концу 1921 г. 15 % всех обеспеченных залогом долгов причиталось страховым компаниям, 25 % фермерским ипотечным банкам, 15 % другим сельскохозяйственным кредитным компаниям, 6 % правительственным сельскохозяйственным банкам и 39 % местным вкладчикам и коммерсантам, частным банкирам, другим фермерам и т. п. Процент задолженности фермерам-залогодержателям представляет ничтожную величину по сравнению с обеспеченной залогом задолженностью финансовому капиталу (Workers Monthly, сент. 1925 г.).

Банкротства. Наиболее откровенные из буржуазных экономистов и политиков открыто признают желательность уменьшения количества ферм. В частности, проф. Блэк, из Миннезотского университета, говорит, что „по крайней мере, в настоящее время было бы весьма желательно оставление еще нескольких сот тысяч ферм" (№ 4 „Nation", 20/X 1927 г.).

В течение 22 лет с 1905 по 1926 гг. количество банкротств возросло почти на 1.000 % — с 0,13 случаев на тысячу ферм до 1,22. За тот же период число случаев торговой несостоятельности осталось почти без изменений. В 1926/27 фискальном году произошло 6000 банкротств ферм, что составляет 12 % по отношению к общему числу банкротств за этот год в 50.000 (по данным Департамента юстиции, см. „Daily Worker" 3/I 1928 г.). Эта цифра фермерских банкротств превысила соответствующую цифру 1922 г. — года, явившегося худшим периодом кризиса ферм, и оказалась вдвое большей по сравнению с числом банкротств в 1921 г. Произведенное Департаментом земледелия обследование 69.000 фермеров-собственников и 26.000 фермеров арендаторов в 15 штатах среднего запада показало, что за время с января 1920 г. по март 1923 г. процент фермеров, лишившихся ферм вследствие банкротства, или удержавших их лишь благодаря „снисходительности кредиторов", был таков (%%):

Фермы	Собственников	Арендаторов	Вместе
Потерянные вследствие банкротства (в судебном порядке) .	3,83	6,78	4,74
Оставленные без судебной процедуры	4,28	7,75	5,34
Всего . . .	8,11	14,53	10,08
Удержанные по снисхождению кредиторов	14,40	20,54	16,28
Общее количество банкротств . . .	22,51	35,07	26,36

„Снисхождение кредиторов" по большей части есть не что иное, как способ, при помощи которого финансовый капитал экспроприирует фермеров, не лишая их в то же время владения фермами.

В статье, помещенной в „Workers Monthly" (сентябрь 1925 г.) О. Придин указывал на это явление. Он отмечал, что несостоятельных фермеров, занимающихся разведением свекловицы и сахарного тростника, а также и другими культурами, банкиры считают более выгодным не лишать права собственности на фермы. Эти „собственники", всецело зависящие от „снисходительности" кредиторов, в частности, занимающиеся производством сахара, не могут перейти к другим культурам, не могут они и оспаривать цены, но должны работать на своих кредиторов. Длительное „снисхождение" представляет при нынешних условиях самое обычное явление. Но как только появляется покупатель, „снисходительности" этой сразу же наступает конец.

Большая часть банковских крахов имела место на северо-западе, т.-е. именно там, где произошло наибольшее число фермерских банкротств. За 20 лет — с 1900 по 1919 гг. — 35 % всех банковских крахов имели место в десяти земледельческих штатах северо-запада и юга (Монтана, Северная и Южная Дакота, Миннезота, Небраска, Иова, Миссури, Оклагома, Техас и Георгия). За 6 лет, предшествовавших августу 1925 г., 67 % всех банковских крахов произошло в этих десяти штатах. Наиболее частые банкротства не всегда происходили в тех штатах, где всего сильнее была развита спекуляция землей. Бывший секретарь земледелия, Уоллес, в своем докладе 1923 г. оспаривает распространенное мнение, согласно которому большая часть банкротств являлась результатом плохого управления или жадности земельных спекулянтов:

„Убытки эти произошли не по вине фермеров. Почти все они случались с людьми, дела которых до наступления периода сильной дефляции находились в хорошем состоянии. Некоторые случаи явились следствием чрезмерного роста покупок земли в период высоких цен. Однако, главной причиной затруднений явилась дефляция в ценах на фермерские продукты и вздорожание производства предметов, являющихся для фермеров наиболее необходимыми" („I", 27/X 1927 и 9/IX 1927 г.).

Налоги. Основную массу уплачиваемых фермерами налогов составляют местные налоги на фермерское имущество. Федеральные подоходные налоги составляют лишь ничтожный процент общей суммы.

[1] „C", стр. 37. Смешанная задолженность на 1925 г. составляла 500 млн. долл.; хотя за 1910 и 1920 гг. нет достаточных данных, можно полагать, что смешанная задолженность тогда была, вероятно, меньше.

[2] „G", 6/IV 1927 г.; „E", июль, 1927 г.

В 1926 г. общая сумма налогов на фермы достигла цифры в 900 млн. долл., против 350 млн. долл. в 1914 г., т.-е. увеличилась на 150%. Это увеличение превышает в 2,5 раза рост валовой стоимости продукции, которая за тот же период увеличилась лишь на 60%. Даже секретарь Джардин признает, что 30% чистого дохода фермеров, за вычетом других расходов, идет на уплату налогов. И это по самому скромному расчету. Так, например, по вычислениям проф. Ф. П. Уивера (из колледжа штата Пенсильвании), фермеры уплачивают в виде налогов 37—40% своего чистого дохода против 12—14%, уплачиваемых городскими жителями (Daily Worker, 23/XI 1926 г.). Интересное сопоставление с промышленностью делает сенатор Каппер. Цитируя Бабсона, выдающегося буржуазного экономиста, он говорит, что на уплату налогов идет 86% чистых прибылей земледелия, тогда как транспортные предприятия платят 36%, банки 31% и фабрики 24% („H", 20/XI 1927 г.). Национальный совет по делам промышленности, весьма консервативная организация, составленная из представителей крупнейших трестов в стране, вычислил, что в 1924/25 г. на налоги должно пойти в среднем 27% чистого наличного дохода фермеров-собственников. Тот же совет признает, что одновременно с „сильнейшим уменьшением" дохода налоги непрерывно повышались, и считает, что в 1924/25 г. прямые налоги превысили среднюю цифру за пять довоенных лет на 236%, между тем как валовой доход увеличился лишь на 100% („B", стр. 112).

Аренда. По излюбленной теории американской буржуазии, земледелие является „лестницей успеха". Это означает, что средний фермер начинает работать в качестве простого наемного работника, затем превращается в арендатора и, наконец, становится собственником.

Количество земли, находящейся во владении арендаторов, увеличивается более быстрым темпом по сравнению с общим количеством фермерской земли: с 1900 по 1920 гг. земельная площадь арендаторов увеличилась на 330% при увеличении стоимости всей фермерской земли на 210%. Это верно не только относительно вновь заселенных районов, но также относительно всей страны. В Южно-Атлантическом округе площадь арендованной земли увеличилась на 460%, в штатах тихоокеанского побережья на 410%, северо-западных центральных штатов на 410% и т. д. („Nation", № 4, 26/X 1927 г.).

Экономисты из Департамента земледелия согласны с тем, что цифровые данные как по географическим делениям, так и по отдельным штатам, подтверждают общее положение, согласно которому „арендаторство возрастает в среде старых фермеров так же, как и в среде молодых, при чем в среде старых возрастает быстрее, нежели в среде молодых" („K", стр. 92). Цифры арендаторства меньше, чем они должны были бы быть, потому что, с одной стороны, многие из индустриальных рабочих являются одновременно собственниками ферм, служащих им для пополнения заработка, с другой стороны, к числу арендаторов относят на юге так называемых „кропперов" (croppers),[1] которые фактически являются лишь сельскохозяйственными рабочими.

[1] Так называются в Америке лица, производящие уборку урожая на чужой земле и получающие за это от хозяев известную часть снимаемого урожая; они имущественно совершение не обеспечены, получают содержание от хозяев и находятся в полной экономической от них зависимости.

Нижеприведенные цифры показывают, каково было процентное отношение числа фермеров-арендаторов к числу всех фермеров в 1910 и 1925 гг. Данные эти заимствованы из отчетов сельскохозяйственной переписи 1925 г. („I", 15/III, 1927, 10/VI, 1927 г. и „K", стр. 48).

	1925 г.	1920 г.	1910 г.
Север			
Центр. северо-запад	37,8	34,2	30,9
Центр. северо-восток	26,0	28,1	27,0
Средне-атлантич. побережье	15,8	20,4	22,3
Новая Англия	5,6	7,4	8,0
Юг			
Южно-атлант. побережье	Прибл. 44,3 (небольшое увеличение против 1920 г.)	46,8	45,9
Центр. юго-восток		49,7	50,7
Центр. юго-запад	59,4	52,9	52,8
Запад			
Горный район	22,2 (небольшое изменен. против 1920 г.)	15,4	10,7
Тихоокеанское побережье		20,1	17,2
Среднее по Соед. Штатам	38,6	38,1	37,0
Иова (центр. северо-запад)	44,7	41,7	37,8
Небраска „ „ „	46,4	42,9	38,1
Техас „ юго-запад	60,4	53,3	52,6
Монтана (горный район)	21,9	11,3	8,9

На северо-западе процент собственников за время с 1920 по 1925 гг. увеличился, но это увеличение об'ясняется, главным образом, тем, что городские рабочие приобретают фермы для получения побочного заработка или же совсем переселяются в деревню, „где дома стоят дешевле и где семья может заниматься фермерством, как способом пополнения других источников дохода" (Департамент земледелия, „I", 15/III, 1927 г.).

В Северо-западном центральном округе за последние два десятилетия наблюдается сильнейший рост арендаторства, при чем явление это имело место во всех штатах этого округа. „Основной причиной этого была потеря прав собственности. Многие из собственников превращались в арендаторов, другие же, покидая ферму, отдавали свою землю в аренду на любых условиях" („G", 1926 г., стр. 703). На севере 80% землевладельцев, отдававших свои фермы в аренду, сами не были фермерами, а 38% никогда и раньше не занимались фермерством (остальные состояли из бывших фермеров). Это указывает на то, что собственники состоят преимущественно из так называемых „отсутствующих" землевладельцев (absentee landlordism), как-то: банкиров, коммерсантов, бывших фермеров и т. п. Это вполне совпадает также и с другими признаками перехода права собственности на фермы к финансовому и торговому капиталу.

На западе, в Горном районе рост числа собственников наблюдается лишь в небольших округах, в крупных же округах замечается уменьшение этого числа, особенно там, где имело место увеличение числа арендаторов. Арендаторство возросло здесь за время с 1920 по 1925 гг. более, чем во всех других округах. Многие из тех, что в 1920 г. были собственниками, к 1925 г. превратились в арендаторов, несмотря на рост заселения этого округа, связанный с большим увеличением числа собственников мелких ферм.

В Тихоокеанском округе число собственников возросло, значительно компенсируя уменьшение числа арендаторов, так что здесь в 1925 г. процент арендаторства относительно мало изменился. Рост числа собственников обусловливается преимущественно заселением этих мест, в порядке вышеупомянутых покровительственных законов (homestead laws), а также значительным увеличением покупок мелких (с площадью менее 50 акров) фруктовых хозяйств и т. п.

На юге, в Южно-атлантическом округе количество арендуемых ферм уменьшилось на 50.000, число же собственников несколько возросло, что указывает на массовую экспроприацию арендаторов, которые превратились в фермерских рабочих или же вовсе оставили фермерство. В Центральном юго-восточном округе наблюдалось уменьшение числа собственников на ряду с незначительным увеличением числа арендаторов. Значительное увеличение числа собственников имело место в углепромышленных районах Южного Теннесси и Кентукки; такие же тенденции наблюдаются в соседней Виргинии и Сев. Каролине, где многие из углекопов занимались фермерством на земле, принадлежавшей компании.

В Центральном юго-восточном округе, где наблюдался относительно самый большой рост арендаторства, значительное уменьшение числа собственников совпадало и было географически тесно связано с большим ростом числа арендуемых ферм.

Если рассматривать всех кропперов, как рабочих,— а многие из экономистов Департамента земледелия рассматривают их именно так,— то процентное отношение числа фермеров к числу рабочих значительно изменится для всей страны в целом, особенно же для юга. В 1920 г. на юге насчитывалось 561.000 кропперов, что составляло 35% всех арендаторов юга. Кропперы юга составляют 23% всех арендаторов страны.

Таким образом, существовавшая до гражданской войны (северных штатов против южных) плантаторская система заменяется системой „кропперства“, и место бывших рабовладельцев занимают теперь „отсутствующие“ землевладельцы.

Железнодорожные тарифы. Расходы по железнодорожным перевозкам по 50 основным сельскохозяйственным продуктам, принимая соответствующую величину периода 1909—1913 гг. равной 100%, поднялись в 1919 г. до 130,8%, в 1920 г. до 147,4% и в 1921 г. до 177%. После этого они начали падать и в 1922 г. составляли 159%, в 1923 г. 157,9%, в 1924 г.— 157,7% и в 1925 г.— 157,5% („G“, 1926 г., стр. 1248). В частности, расходы по железнодорожным перевозкам пшеницы были следующие (принимая величину 1913/14 г. равной 100%).

	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1925 г.	1926 г.
Яровая пшеница (от Дакоты и Монтаны до Миннезоты)	127	164	160	149	149	148
Озимая пшеница (от Небраски и Колорадо до Канзас-Сити) . . .	129	166	162	152	152	152

Уоррен и Пирсон указывали на то, что начавшаяся в 1920 г. „сельскохозяйственная паника“ не была создана фермерами, а явилась результатом того, что „вслед за инфляцией и низкими железнодорожными тарифами наступила дефляция и высокие тарифы“ („D“, стр. 58). Достаточно сопоставить движение цен, дохода и т. д. с движением железнодорожных тарифов, чтобы понять одну из основных причин роста залогов, банкротств, арендаторства и т. п.,— короче говоря, роста экспроприации.

Обесценение машин, почвы, живого инвентаря и т. п. В тесной связи с указанными выше моментами находится и фактор обесценения машин, почвы, живого инвентаря и т. п. О том, насколько значительно действие этого фактора, можно судить по данным следующей таблицы: [1]

Продано	1920 г.	1921 г.	% уменьш. за время 1920/21 г.	1924 г.
Газовых тракторов (в тыс. долл.) .	161.896	52.540 [2]	67	73.855
Сеялок (в тыс. долл.)	21.612	5.870	73	8.659
Жатвенных машин	30.626	8.977	71	14.849
Всех машин (количество)	471.422	228.888 [2]	53	283.414

Относительно количества тракторов, проданных в 1921 г., не имеется никаких данных, но зато количество изготовленных тракторов очень сильно уменьшилось сравнительно с 1920 г. 1922 г. дает небольшое увеличение против 1921 г., поэтому цифры за 1922 г. больше, чем за 1921 г. Это относится также ко всем машинам. Уменьшение общей стоимости проданных машин в 1921 г. против 1920 г. фактически больше, чем это показывают вышеприведенные цифры, что об'ясняется падением цен, которое в расчет не принято. Национальный совет по делам промышленности признает, что столь сильное обесценение строений, машинного инвентаря и орудий „вероятно, отражает уже отмеченный факт, что в периоды депрессии необходимые траты (на пополнение инвентаря) откладываются до более благоприятного времени“.

Однако, вернее будет сказать, что большинству фермеров приходится отказаться от этих трат навсегда, ибо едва ли они смогут когда-либо экономически оправиться. Отказываясь от обновления своего инвентаря, они делают первый шаг по пути к банкротству и оставлению фермы.

До 1920 г. сельскохозяйственные машины и орудия продавались в достаточно больших количествах для увеличения земледельческого инвентаря, но что касается периода после 1920 г., то вышеприведенные цифры сами за себя говорят. Нынешние продажи „слишком незначительны для пополнения инвентаря“ („B“, стр. 267). Тот же совет признает, что после нынешней депрессии, строения и инвентарь „должны притти в очень плохое состояние“.

Обесценение имущества ферм сказывается, кроме того, в истощении почвы и уменьшении применения естественных и искусственных удобрителей. Нижеприведенная таблица показывает уменьшение производства, а следовательно, и применения удобрителей: [3]

---

[1] „B“, стр. 136; „G“, 1925 г., стр. 1364, 1365.
[2] Дана цифра 1922 г. вместо 1921 г.
[3] „G“, 1925 г., стр. стр. 1416, 1418, 1420, 1423.

Производство (в млн. англ. тонн)	1920 г.	1921 г.	1924 г.
Фосфор минер.	4,10	2.06	2,87
Суперфосфаты и концентр. фосфаты	2,52 [1]	1,98 [2]	2,46 [3]
Потребление (в млн. амер. тонн)			
Серная кислота	1,57 [1]	1,14	1,78
Коммерч. удобрители, продаваемые в хлопковой полосе.	5,22	3,10	4,63

Другой весьма важный признак обесценения имуществ наблюдается в уменьшении за время с 1919 по 1927 гг. имеющегося на фермах количества живого инвентаря и, как побочный результат этого, уменьшение источника естественного удобрения.

Ниже приводятся данные за указанный период времени на 1 января каждого года:

Количество живого инвентаря за 1910—1927 гг. (в млн.) [4]

Годы	Лошадей	Всего скота	Молочного скота	Овец	Свиней
1910	19,83	61,80	—	52,45	58,19
1920	19,77	66,65	31,36	35,03	59,35
1925	16,49	61,99	21,68	38,11	55,57
1926	15,84	59,15	26,15	39,86	52,06
1927	15,28	57,52	25,90	41,91	52,54

Фермерское население. 1920 год был последним годом благосостояния. Если молодые люди вовсе покидали ферму, а старые фермеры удалялись от дел, то это компенсировалось притоком на фермы нового населения из городов, так что, в общем, за этот год имелся прирост фермерского населения на 500.000 человек.

Уже в 1921 г. начался великий кризис, связанный с сильнейшим падением цен, и отлив населения с ферм принял широкие размеры. Начиная со следующего года и до 1926 г. включительно с ферм уходило ежегодно около 2 млн. человек. За пятилетие 1922—26 гг. фермы оставило в общей сложности около 10 млн. человек. В течение 5 лет—с 1 января 1920 г. до 1925 г.—чистый прирост фермерского населения (приходы и рождения минус уходы и смерти) составил 2.630.000 чел. За семилетний промежуток времени до 1 января 1927 г. чистая убыль равнялась 3.722.000 чел. Особенно заметно было массовое оставление ферм среди негритянского населения юга; сотни тысяч негров убегало от невыносимых условий страшного гнета, который царит там.

В 1926 г. наблюдалась самая большая убыль фермерского населения за все годы после 1920 г.—2.155.000 чел. оставило фермы и переселилось в города; 1.135 000 чел. вновь поселилось на фермы; итого получилась чистая убыль в 1.020.000 чел. Принимая же во внимание число смертей и рождений, чистая убыль фермерского населения составила в этом году 649.000 чел. По этому поводу сенатор Фрэзьер (Frazier) заметил, что „фермеры вынуждены уходить с ферм под угрозой голодной смерти“ („Congressional Record“, 5/VI 1927 г.). Единственное исследование

[1] 1919 г.
[2] 1922 г.
[3] 1923 г.
[4] Таблица составлена по данным „A“, стр. 750—51 и „Hoover's Annual Report“ за 1927 г. в „I“, 2, 3, 11, 27.

отлива населения с ферм в 1926 и 1927 гг. было произведено Бюро сельскохозяйственной экономики (Департамент труда, „Monthly Labour Review“, декабрь 1927 г., стр. 55, 56, 57). Всего было заполнено 2.745 опросных листов, из которых 2.307 принадлежало собственникам и 438—арендаторам. 37,8 % всех опрошенных арендаторов и собственников оставили ферму потому, что были вынуждены к этому высокими ценами, большими налогами и невозможностью заработать на жизнь; 25,2 % ушло по причинам физического нездоровья, старости и невозможности найти наемных рабочих; 12 % собственников и 5 % арендаторов оставили фермы из-за отсутствия школ, в которых могли бы обучаться их дети; 2,5 % оставили хозяйство, чтобы жить на доходы от своего имущества; наконец, 1,8 % оставили фермы, чтобы передать их своим сыновьям или зятьям и т. д. Эти бывшие фермеры работают теперь в городах. 26 % из них не указали, чем они занимаются; 50 % сообщили, что работают по найму и 23 % отнесены к рубрике „прочие занятия“, без указаний рода этих занятий. Среди тех, которые указали занятия (50 % из 2745), имеются следующие категории (в %%):

Рабочих неквалифиц. и квалифиц. (фабричных)	50
Рабочих муниципальных предприятий	12
Рабочих, обслуживающих автомобильные гаражи, и т. п.	5
Всего рабочих	67
Учителей и проповедников	4
Приказчиков	14
Агентов по продаже недвижимости	2
Всего служащих	20
Мелких торговцев	13
Итого	100

Условия жизни. Бывший секретарь земледелия Уоллес в своем докладе президенту 1923 г. указывал на то, что вызванные кризисом тяжелые экономические условия „сильно понизили уровень жизни фермеров. Они заставили отцов работать сверх меры; матерей приняться за непривычный для них фермерский труд; увеличили работу детей, вынужденных из-за этого оставить школу (дети старшего возраста во многих случаях должны были оставить школу навсегда). Переживаемые всеми членами семьи разочарования, тревоги и отчаяние, вместе с всевозможными лишениями, в конце концов разрушили не одну семью“. Хотя сами фермеры составляют 30 % населения, но дети их составляют 35 % всех детей страны. И вот, в силу условий, описанных Уоллесом, дети эти лишаются школы, развлечений и самых разнообразных благ культуры.

Произведенное Департаментом земледелия исследование бюджета у фермеров показало, что средняя фермерская семья расходует на обучение детей только $^1/_{40}$ своего годового бюджета, столько же на обстановку и лишь $^3/_{80}$ на поддержание здоровья. Даже нью-йоркский „Таймс“ вынужден признать что „весь уровень жизни производит впечатление низкого при сравнении с бюджетом горожанина“. Автор исследования находит, что этот убогий уровень жизни компенсируется такими „благами“, как воспитание премированного скота, выращивание отборных злаков или фруктов и т. п.

Нам нет необходимости вдаваться здесь в подробное рассмотрение условий труда фермерских рабочих. Как известно, условия эти самые отчаянные. В частности, труд негров ничем не отличается от кабального труда и условия его во многих отношениях хуже, чем были во времена рабовладельчества. Сами фермеры, как показало недавно произведенное исследование, работают также чрезвычайно тяжело и много. Во время сезона им приходится работать в среднем 14 часов в день, если не больше; и хотя принято думать, что в течение многих месяцев им приходится мало работать, средний фермер работает более 8 часов ежедневно в течение круглого года („I", 4/IX, 1926 г.).

Наемный труд. Возрастающее применение наемного труда и относительный рост применения труда семьи является показателем того, что земледелие принимает все более капиталистический характер. В 1919 г. на заработную плату было израсходовано на 100% больше, нежели в 1909 г. Это нельзя об'яснить одним лишь падением курса долларов, ибо заработная плата фермерских рабочих за тот же период времени поднялись лишь на 75%, а розничные цены на предметы продовольствия только на 70%. Увеличение расходов на наемную рабочую силу наблюдалось во всех географических округах и во всех штатах, кроме Алабамы и Миссисипи, где возросшее применение труда „кроперов" исключало необходимость в увеличении постоянной рабочей силы („A", стр. 746).

Фермерские рабочие составляют 40% (4.200.000) всего земледельческого населения, исчисляемого в 10.500.000 человек.

Следующая таблица показывает тенденцию к увеличению применения наемного труда и к уменьшению применения труда членов фермерской семьи.

Среднее количество работников на ферму составляло (на 1 июля каждого года):[1]

	Наемных рабочих				Членов семьи			
	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Сев.-атлант. округ	1,25	1,05	1,15	1,21	1,97	1,90	1,88	1,78
Центр. север.	0,79	0,79	0,73	0,74	2,06	2,02	1,89	1,87
Южно-атлант. округ	1,88	2,15	1,97	2,13	3,49	4,37	3,54	3,59
Центр. юг	1,49	1,37	1,58	1,44	3,46	3,85	3,62	3,41
Запад.	1 24	1,52	1,80	2,34	2,08	2,03	1,91	1,92
Соед. Штаты	1,20	1,21	1,25	1,30	2,52	2,75	2,63	2,45

Высокие цифры для юга об'ясняются, несомненно, тем, что негры и „неимущие белые" широко применяют на фермах труд своих жен и детей. Заработная плата фермерских рабочих с 1920 г. упала, и лишь за последнее время слегка поднялась. Ниже приводятся индексы средней заработной платы фермерского рабочего и общей заработной платы

[1] „E", сент. 1927 г., стр. 339.

по отношению к величинам 1900—1914 гг., принимаемым за 100: 1920—239% (222%); 1921—150% (203%); 1923—166% (214%); 1924—166% (218%); 1925—168% (223%); 1926—171% (229%). (Цифры в скобках относятся к общей заработной плате, вне скобок — к заработной плате фермерских рабочих.) Летом 1927 г. заработная плата фермерского рабочего упала на 2% по сравнению с летом 1926 г., тогда как общая заработная плата поднялась на 1%. Мы видим, что после сильного падения 1921 г. общая заработная плата, понизившаяся гораздо меньше, нежели заработная плата фермерских рабочих, немедленно стала снова подниматься и поднималась довольно быстрым темпом по сравнению с заработной платой фермерских рабочих. В июле 1927 г. последняя была все еще ниже общей заработной платы, составляя 172% довоенной величины, против общей заработной платы, равной 228% довоенной величины („F", окт. 1927 г., стр. 8; „E", июль 1927 г., стр. 247).

Сельскохозяйственные кооперативы. В 1925 г. в Соед. Штатах насчитывалось 10.800 кооперативов, с количеством членов в 2.700.000 человек и оборотом 2,4 мрд. долларов.

По отраслям производства кооперация была сильнее всего развита в зерновом хозяйстве, молочном хозяйстве, скотоводстве, плодоводстве и огородничестве. Следующая таблица показывает число кооперативов (взяты только 4 основные группы) и размер их оборотов за 10 лет по 1925 г. включительно. В скобках показано процентное отношение ко всему числу.[1]

	Число		Оборот (млн. долл.)	
	1915 г.	1925 г.	1915 г.	1925 г.
Молочные продукты	1.708 (31,5)	2.197 (20,3)	89,1 (14,0)	535 (22,3)
Зерновые хлеба	1.638 (30,2)	3.338 (30,9)	289,7 (45,6)	750 (31,2)
Фрукты и овощи	871 (16,0)	1.237 (11,4)	201,5 (31,7)	280 (11,7)
Живой инвентарь	96 (1,8)	1.770 (16,4)	5,6 (0,9)	230 (13,3)
Округа				
Центр. северо-запад	2.577 (47,5)	4.825 (44,7)	286,5 (45,1)	836,6 (34,9)
Центр. северо-восток	973 (17,9)	3.075 (28,5)	90,1 (14,2)	558,3 (23,3)
Тихоокеан. побережье	416 (7,7)	643 (5,9)	150,5 (23,7)	297,7 (12,4)

В течение этих десяти лет количество членов кооперативов по возделыванию зерновых хлебов увеличилось на 211%, а оборот их—на 159%; число членов молочных кооперативов возросло на 229%, оборот на 500%. Из всего оборота 1925 г. в 2,4 мрд. долл. 90% составлял оборот кооперативов производителей, а 70% приходилось на 13 штатов Центрального севера и Тихоокеанского побережья, при чем первое место по размеру оборота занимали Миннезота и Калифорния.

Преобладающее развитие кооперации в штатах Центрального севера (где сосредоточено 73,2% общего числа кооперативов, 55,6% общего

[1] „G", 1926 г., стр. 1246.

количества членов и 58,2% оборота всех кооперативов страны) об'ясняется только тем, что там фермеры пострадали от кризиса больше, чем где бы то ни было, а также тем, что сильнее всего развита кооперация в производстве молочных продуктов, зерновых хлебов и живого инвентаря, т.-е. как-раз таких продуктов, половина которых, если не более, производится в округах Центрального севера.

Развитие кооперации по производству зерновых хлебов представляет интересное явление. С 1920 г. было организовано 16 кооперативных об'единений по выработке пшеницы, но из них лишь 9 продолжало свою деятельность в 1925 г., остальные же семь закрылись. За 1926/27 г. эти девять кооперативных об'единений произвели пшеницы приблизительно на 17 млн. долл., тогда как общая стоимость урожая пшеницы в этом году равнялась 1 мрд. долл. Все зерновые об'единения в 1925 г. выработали хлеба на 750 млн. долл. из всей стоимости зерновой продукции в 3.917 млн. долл. Об'единения по производству пшеницы образуются теперь во многих штатах; в такой кооперации фермеры безнадежно пытаются найти выход из тупика.

Механизация. К числу новейших машин, которые начали применяться в земледелии, относится комбинированная жатвенная и молотильная машина („Combine") для пшеницы, распылитель для хлопка (с аэроплана), сортировальная машина для ягод, трактор и т. п.

В настоящее время эти машины не получили еще широкого применения, но в будущем они, несомненно, произведут революцию в технике земледелия. Комбинированная машина позволяет производить уборку полей, которая без этого является неэкономичной, и сберегает 125—185% стоимости работы обыкновенных машин. Пшеница, снимаемая такой машиной, получается более высокого качества, при чем пропадает не больше 1—2% или от $^1/_2$ до $^1/_4$ того, что пропадает при работе с обыкновенными машинами. Комбинированная машина дает экономию в среднем два бушеля на акр, сберегает много времени, требует для управления ею на 3—4 человека меньше, чем обыкновенная машина и т. д. При работе с этой машиной снятие одного бушеля пшеницы обходится в 4 цента, т.-е. на 19 центов дешевле, чем при работе по старому способу.

В одном лишь Канзасе в 1927 г. применялось 10.000 таких комбинированных машин, т.-е. на 25% больше, чем в 1926 г. Каждая машина заменяла 3 рабочих, так что только в этом штате для уборки урожая требовалось 30.000 рабочих вместо обычных 60.000. Одна лишь Аргентина превосходит Канзас в отношении применения механических методов в земледелии. Вычислено, что во всем западном поясе пшеницы комбинированные машины заменили собою 80.000—90.000 рабочих жнецов.

Таблица на стр. 179 показывает количество тракторов, применявшихся в 1920 г.[1]

За время с 1920 г. по 1925 г. количество применявшихся тракторов возросло на 100%, дойдя в 1925 г. до 506.000, а с этого года до 1927 г. увеличилось еще на 38% и достигло 700.000 (Джардин, „H", 9/X 1927 г.).

Сравнивая количество улучшенной земли с количеством применяемых машин, мы находим, что в 1920 г. на север, площадь улучшенной фер-

[1] „A", стр. 748.

Округа	Число ферм, применяющ. тракторы	% ко всему количеству ферм	Число тракторов	% ко всему количеству тракторов
Средне-Атлант. округ	13.240	3,6	14.140	$5^2/_3$
Центр сев.-восток	55.413	5,1	58.092	$23^1/_2$
Центр. сев.-запад	92.123	8,4	97.884	40
Центр. юго-запад	17.435	1,8	19.892	8
Тихоокеан. округ	17.507	7,5	19.557	9
Соед. Штаты	229.332	35,2	246.083	100

мерской земли которого составляла 58,04% улучшенной земли Соед. Штатов, приходилось 66,78% стоимости всех машин и орудий. Юг, с площадью улучшенной земли, в 31,22%, имел только 21,45% машин, а запад, с 10,74% улучшенной земли имел 11,27% машин. Эти данные, сопоставленные с данными о применении рабочей силы, удобрений и более коммерческим типом хозяйства, указывают на более интенсивную систему обработки и большее капиталистическое развитие севера по сравнению с другими районами.

Обширная полоса пшеницы и маиса северного района (Северо-восточный центральный округ) отличается более интенсивным применением машин, нежели все остальные округа, ибо при 17,4% площади улучшенной земли, на этот округ приходится 21,87% стоимости всех машин. Юг далеко отстает от других земледельческих районов страны, однако, и там наблюдается рост применения машин, особенно на „Новом юге" (Центральный юго-запад) („A", стр. 604).

Крупные фермы отличаются большим применением машин, нежели мелкие: это видно из того, что хотя мелкие фермы (меньше 100 акров) составляют 63,1% всех ферм, они применяют лишь 25,7% всех машин, тогда как крупные фермы (свыше 175 акров), составляя лишь 18% всех ферм, применяют 35% машин.

Заключение. Капиталистическое развитие земледелия. Уже и сейчас американское земледелие является в значительной степени капиталистическим, в том смысле, что американский фермер представляет собою предпринимателя, специализировавшегося на производстве одного-двух продуктов для сбыта их на городских рынках. Лишь около 20% фермерской продукции потребляется самими фермерами. Американский фермер есть не что иное, как коммерсант, готовый в любой момент оставить обрабатываемую им землю, чтобы перейти на другой, более доходный участок.

Б. Ф. Иоакум, железнодорожный и банковский магнат („Manufacturers Record", цитировано в „Daily Worker", 5/V 1927 г.), выразил то же самое положение в более сильной форме, заявив, что фермерство „принимает форму корпорирования," — что богатые жители городов „быстро превращаются в собственников ферм... Арендаторство очень недалеко ушло от крестьянского состояния". Характерный пример того направления, в котором развивается американское фермерство, представляет огромная ферма с площадью земли в 100.000 акров, занимающаяся производством

пшеницы и управляемая „Фермерской корпорацией Кэмбелля в Гардине, Монтана". На этой ферме совершенно отсутствует рабочий скот и имеется относительно небольшое количество рабочих. Вспашка, сеяние, жатва и молотьба производятся в гигантском масштабе машинами. Издержки производства, все уменьшаясь, дошли в 1926 г. до 8 долл. на акр (официально признанной нормой является 16,50 долл. на акр для производительной фермы). Широко применяется комбинированная машина, сократившая рабочее время с 3 часов до $^3/_4$ часа на акр, т.-е. на 75% („H", 2/I, 1927 г.).

В 1924 г. подало декларации о своих доходах 7.428 фермерских корпораций. Из 1.689 этих корпораций 42% занимались разведением скота и 56%—фруктовыми культурами, с применением наемного труда. Следует отметить, что с точки зрения участия постоянного и переменного капитала, скотоводство является наиболее экстенсивным, а плодоводство наиболее интенсивным типом фермерского хозяйства. Правда, из упомянутых 7.428 ферм к этим двум категориям относится меньше $^1/_4$; поэтому мы не можем судить о том, в какой мере в этих двух группах фактически сосредоточивается капитал фермерских корпораций, но несомненно, что они составляют там значительный процент („Workers Monthly", сент. 1925 г.).

Генри Форд проектирует создание показательной фермы с площадью во много тысяч акров, с целью „разрешения" проблемы фермерского хозяйства. В своих заключениях он основывается на том опыте, который дала ему собственная большая ферма в Дирборне (штат Мичиган). По его вычислениям, годовая работа фермы может быть выполнена в течение 20 рабочих дней, а в большинстве случаев даже в 15 дней. Распределяться это время должно следующим образом: 2 дня на вспахивание и боронение, 1 день на засевание, 5 на обработку в течение роста, 2 на жатву и молотьбу и 5 дней на окапывание, огораживание, распределение удобрений и т. п. Таких результатов, по мнению Форда, можно добиться при условии основательно продуманной организации, интенсивной специализации плюс машины, сберегающие рабочую силу. Поскольку же осуществление этого плана потребует больше машин и рабочей силы, чем это может быть доступно большинству индивидуальных фермеров, Форд предполагает, что работу эту будут производить сельскохозяйственные подрядчики (agricultural contractors), которые будут переходить с фермы на ферму с необходимыми машинами и рабочими. В своем автомобильном и тракторном предприятии Форду удалось добиться понижения издержек производства и, в связи с этим, удешевления цен, и он полагает поэтому, что то же самое можно осуществить и в фермерском хозяйстве.

Многие фермерские корпорации потерпели крах, но это подчеркивает лишь организационные трудности, особенно затруднения с капиталом, и показывает, что только крупные корпорации, имеющие за собою сильную финансовую поддержку, могут вести фермерское хозяйство, как чисто промышленное предприятие. Критики корпорационной системы фермерства указывают на банкротства и организационные трудности, однако, действительные причины их опасений обнаруживаются, тогда когда они начинают говорить о социальных последствиях вытеснения самостоятельных хозяев-фермеров фермерами, работающими по найму.

Источники

„A" — Abstract of the XIV Census of 1920, Washington, 192.
„B" — National Industrial Conference Board, „The Agricultural Problem", New-York, 1926.
„C" — Annals of the Academy of Political and Social Science, „The Agricultural Situation in the US", Jan. 1925, Philadelphia.
„D" — Warren and Pearson, „The Agricultural Situation — Economic Effect of Fluctuating Prices", New-York, 1924.
„E" — US Dept. of Agriculture, „Crops and Markets" (Monthly journal), Washington.
„F" — US Dept. of Agriculture, Bureau of Agricultural Economics, „The Agricultural Situation" (Monthly journal), Washington.
„G" — US Dept. of Agriculture, „Year Book ot Agriculture" (Annual reports), Washington.
„H" — „N. Y. Times" (dates mentioned in text). New-York.
„I" — US „Daily" („ „ „ „). Washington.
„J" — Lenin, „New Data on the Laws of Capitalist Development in Agriculture — Capitalism and Agriculture in America" (English translation in manuscript only).
„K" — Goldenweiser and Truesdell, „Farm Tenancy in the US" (Census Monograph IV), Washington, 1924.

И. Гинзбург

Мировой рынок искусственного шелка

За последние годы противоречия в капиталистических странах обострились: обострилась борьба за рынки сырья и сбыта, за сферы приложения капитала из-за несоответствия производственных возможностей платежеспособному спросу населения. Все эти противоречия,в свою очередь, толкают к гигантскому росту всевозможных видов об'единений монополистического характера, рационализации производства, а также к применению новых видов сырья, в особенности получаемых химическим путем из неорганических веществ. Попытка к разрешению проблемы дешевого сырья, равно как общие мероприятия по рационализации производства и снижению себестоимости,— связаны, в свою очередь, с той относительной стабилизацией, в которой теперь находится большинство капиталистических стран. Для ознакомления с одним из видов искусственного сырья, а также с процессом образования международных монополистических об'единений большой интерес представляет производство искусственного шелка. Под общим названием „искусственный шелк" фигурирует в одно и то же время химический и текстильный продукт. В зависимости от технического производства и основного сырья искусственный шелк делится на пять различных сортов. Базируясь на более дешевом сырье — целлюлозе, вискоза является с экономической точки зрения наиболее выгодным для производства. Вследствие этого искусственный шелк-вискоза еще до войны получил особенно широкое распространение преимущественно перед другими сортами, которые производятся из хлопка и его отбросов. Вся продукция искусственного шелка в Германии в 1913 г. составляла[1] 3.500 тыс. *кг*. Из них: нитрошелк — 9%, гланцштоф — 11% и вискоза — 79%. В 1925 г. производство вискозы достигает 86%.

Экономическая выгода при выработке шелка из древесной целлюлозы видна из следующего сопоставления. Один килограмм хлопка стоит от 0,80 до 1 марки, а 1 килограмм целлюлозы 0,22 — 0,28 марок. За вычетом разницы, состоящей в том, что из целлюлозы получается только 75%, в то время как хлопок дает 100% волокна, то стоимость сырья для искусственного шелка по первым двум методам составила 0,80—1 марки за *кг*, по последнему же методу лишь 0,29—0,37 марок за *кг*. Расчет этот, составленный в 1913 г., остается верным и для 1927 г., так как, несмотря на изменение цен, соотношение стоимости хлопка и целлюлозы осталось почти тем же. Благодаря высокому индексу, по сравнению с 1913 г. на хлопок, шерсть, шелк сырец, а также важному значению, которое придается капиталистическими странами в настоящее время — „время

[1] Conference économique international industrie de la soie artificielle. Женева, 1927 г.

разоружения" — столь важному химическому продукту — искусственный шелк в своем развитии принял колоссальные размеры.

Еще во время империалистической войны, когда химия была не так развита, как в данное время, на искусственный шелк пред'являло большой спрос военное ведомство,— на надобности воздухоплавания и артиллерии. Одно лишь О-во Vereinigte Glanzstoff обязано было по договору с Германским военным ведомством поставлять ему ежемесячно 42 тыс. *кг* до начала 1917 года, а с мая 1917 года по 92 тыс *кг* ежемесячно.[1]

Ни одна отрасль текстильного производства не развивалась с такой быстротой, как отрасль искусственного шелка. Интересно, между прочим, отметить, что даже в годы мирового экономического кризиса (1919, 1920 и 1921 гг.), когда текстильное производство во многом отстало от довоенного уровня, производство искусственного шелка в это время развивалось. Мировое производство искусственного шелка составляет:[2]

Годы	В тыс. *кг*	В %% к 1913 г.	Годы	В тыс. *кг*	В %% к 1913 г.
1913	11.000	100	1922	36.000	327
1914	12.000	109	1923	47.000	427
1916	15.000	136	1924	64.000	582
1919	20.000	182	1925	84.500	768
1920	25.000	227	1926	100.000	909
1921	30.000	272	1927	118.000	1.073

В то время как производство искусственного шелка за период 1913—25 гг. возросло на 668%, хлопчатобумажное и шерстяное повысилось всего на 20%, а естественный шелк на 42,5%.[3] В 1913 г. главными странами продуцентами искусственного шелка являлись Англия и Германия. На долю этих стран падало 59,1% всего мирового производства. В настоящее же время картина несколько изменилась. Сравнивая по странам в процентах производство искусственного шелка с общим мировым производством, видим следующее:

Производство искусственного шелка по странам в %% к общему мировому производству[4]

Страны	1913	1922	1923	1924	1925	1926	1927
С.-А. С. Ш.	6,36	30,99	33,67	26,56	27,49	32,34	30,11
Италия	1,36	8,45	10,53	12,50	16,37	13,93	12,88
Англия	27,27	19,69	16,85	17,19	14,04	12,09	13,24
Германия	31,82	14,09	13,68	16,41	14,04	14,43	14,46
Франция	13,64	8,45	7,37	9,37	9,36	8,43	8,03
Бельгия	11,82	8,45	7,37	6,25	5,85	5,0	5,24
Голландия	—	2,82	2,63	3,12½	4,67	5,0	6,02
Швейцария	1,36	2,01	3,16	3,12½	2,92	—	—
Австрия	6,37	2,01	1,58	1,56	1,75	—	—
Польша	—	1,00	1,16	1,33	1,17	—	—
Чехо-Словакия	—	0,71	0,74	0,94	0,94	—	—
Япония	—	0,28	0,42	0,94	0,81	3,23	4,02
Венгрия	—	0,85	0,84	0,40	0,35½	—	—
Испания	—	—	—	0,14	0,12	—	—
Швеция	—	—	—	0,10	0,08	—	—
СССР	—	—	—	0,06	0,03	—	—
Всего	100	—	—	—	—	—	—

[1] Die deutsche Kunstseiden und Kunstseidenfaserindustrie in den Kriegs und Nachkreigsjahren. 1925.

[2] По данным „Industrie de la soie artificielle", Gènéve, 1927.

[3] По данным (Societé des nations) Industrie de la soie naturelle, Gènéve, 1927 г.

[4] Производство естественного шелка в 1913 г. составляло 27.320 тыс. *кг*, а в. 1925 г. — 39.860 тыс. *кг* (Societé des Nations) Industrie de la soie artificielle. Gènéve, 1927 г.

Итак, таблица показывает, что а) первое место по производству искусственного шелка занимает в настоящее время С.-А. С. Ш., б) падение общей доли Англии (на 14,03%) и Германии (17,36%) и в) быстрый рост производства в Японии и в особенности в Италии.

Несмотря на то, что С.-А. С.Ш. занимают первое место по производству искусственного шелка, все же большой спрос на внутреннем рынке вызывает необходимость ежегодно повышать импорт его. В 1913 г. С.-А. С. Ш. импортировали 2.306 тыс. англ. фунт.[1] искусственного шелка, в 1921 г.—3.667 тыс. англ. фунт., в 1923 г.—3.906 тыс. англ. фунт., в 1925 г.—7.001 тыс. англ. фунт. и за 7 месяцев 1926 г.—5.603 тыс. англ. фунт. Экспорт же совершенно незначителен. Падение производства искусственного шелка в Англии и Германии имеет лишь относительный характер в общемировом производстве. В абсолютных цифрах, по сравнению с 1913 г., все европейские страны дают сравнительно быстрый рост, но, конечно, не в таком темпе, как С.-А. С. Ш. и Италия.

Производство искусственного шелка в главных производящих странах в абсолютных цифрах составляло (в тыс. *кг*):[2]

Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
С.-А. С. Ш. . .	700	11.000	16.000	17.000	23.500
Италия	150	3.000	5.000	8.000	14.000
Англия	3.000	7.000	8.000	11.000	12.000
Германия . . .	3.500	5.000	6.500	10.500	12.000
Франция . . .	1.500	3.000	3.500	6.000	8.000
Бельгия	1.300	3.000	3.500	4.000	5.000

Новые усовершенствования в производстве и расширении применения искусственного шелка, естественно, повлекут за собой дальнейший рост этой отрасли промышленности.

В 1913 г. искусственный шелк применялся, главным образом, в чулочном изделии. Около 40% всего искусственного шелка шло на чулки и носки, но в 1925 г. он находит применение и в других отраслях текстильного производства. Перемещение потребления искусственного шелка, по сравнению с 1913 г., произошло следующим образом (в %%):[3]

Изделия	1913 г.	1925 г.
Чулки, носки . . .	40	28
Хлопчатобум. . .	12	26
Льняные	—	13
Шелковые	10	16
Вязаные	5	5
Плюш	15	1
Стен. обивки . . .	5	—
Прочие	13	11
Всего . . .	100	100

[1] Industrie de la soie artificiellé (Societé des Nations), Génève, 1927 г.
[2] То же.
[3] Официальная английская статистика Министерства торговли опубликовала подробные данные о проценте примеси искусственного шелка к вывезенным из Англии изделиям из хлопка. Из опубликованной таблицы видно, что процент колеблется до 60%, при чем наиболее распространена примесь от 40% до 50%. Wirtschaftsdienst от 16/XII 1927 г.

Благодаря дешевизне искусственный шелк находит свое применение в изделиях широкого потребления (хлопчатобумажных и льняных изделиях). По данным Berl. Bers. Kur. от 9/XII 1927 г. промышленность шелка-вискоза уже вступила в конкуренцию с хлопчатобумажной. Одним из основных факторов, способствовавших широкому применению искусственного шелка (по сравнению с 1913 г.), является низкий индекс на искусственный шелк при одновременно повышенном индексе на хлопок, лен и естественный шелк. Мировые цены по годам на искусственный шелк и другие сырьевые текстильные вещества следующие (в германских марках за *кг*):[1]

	1913 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Искусств. шелк 90 дениер	14,0	18,0	17,75	13,50
Естеств. шелк 13/14 гр ж.	42,42	67,25	65,84	62,59
Шерсть A/AA (фабр. мыт.)	5,25	12,18	10,84	9,53
Хлопчатобум., амер. миддл. станд.	1,29	2,89	2,40	1,76

Производство искусственного шелка на ряду с другими служит излюбленной ареной международного капитала. Переплетение интересов международного капитала в этой области за последние годы приняло такой характер, что в конечном итоге все мировое производство искусственного шелка контролируется несколькими группами отдельных стран. В Германии акционерное общество Vereinigte Glanzstoff и Bemberg (красочный трест) контролируют 85% германской продукции. В Англии Courtaulds Lmtd. контролирует около 90% английской продукции. В Италии 60% всей продукции контролирует акц.общ. Snia Viscosa. В Бельгии всю почти продукцию контролирует акц. общ. Fübize. В Голландии всю продукцию контролируют два акционерных общества „Энкэ“ и „Брэда“. В Соединенных Штатах Северной Америки акционерное общество Viscose Corporation контролирует 65% всей продукции. Деятельность каждого из указанных акционерных обществ не замыкается в узкие рамки своей страны. Каждое общество имеет свои производственные отделения и в других странах. Например, германское акционерное общество Vereinigte Glanzstoff помимо имеющихся фабрик в Аахене, Штеттине, Обернбурге, Кельстербахе и Берлине владеет также фабриками в Австрии (Вена), Чехо-Словакии (Эльба); Японии (Цеце-Шо и Шига-Кен), Италии (Милан) и Швейцарии (Рейнфельд). Английское акционерное общество „Courtaulds Lmtd.“ имеет еще большое количество предприятий шелкового производства в других странах, чем германское Glanzstoff.

На ряду с монопольным влиянием отдельных концернов в своей стране наблюдается также общность интересов концернов различных стран. Так, американский концерн[2] Viscose Corporation принадлежит английскому концерну Courtaulds Lmtd., также тесная связь существует между голландским концерном „Enku“, предприятиями в Соед. Штатах и Канадой и между об'единенными германскими концернами Vereinigte Glanzstoff — Bemberg и американской группой Бемберг (Amer. Bemberg Corporat.). Сплетение интересов международного капитала в течение 1926 г. полу-

[1] Industrie de la soie artificielle (Société des Nations), Génève, 1927 г.
[2] Kartell Rundschau, март—апрель 1927 г.

чило дальнейшее развитие при посредстве „Farbenindustrie об'единившей „Vereinigte Glanzstoff с Köln-Rottweil". Последний, в свою очередь, поддерживал тесную связь со вторым по своему значению концерном искусственного шелка в Соед. Штатах—Rayon Corporat., с одной стороны, и при посредстве треста Нобеля с международным концерном Fubize и Britishe Celanes—с другой. В стороне от этих, в той или иной форме, связанных концернов до недавнего времени стоял только крупный итальянский концерн Snia Viscosa, наиболее сильный конкурент Vereinigte Glanzstoff и Courtaulds Lmtd. Сильная конкуренция итальянского концерна Snia Viscosa, производящего приблизительно 11% мировой продукции (в то время как германское общество Vereinigte Glanzstoff и английское Courtaulds Lmtd., 60%) об'ясняется, главным образом, дешевой рабочей силой, высокой рационализацией производства и низкой валютой. Snia Viscosa в состоянии конкурировать не только на европейском рынке, но даже на азиатском, несмотря на имеющиеся в Калькутте и Бомбее предприятия искусственного шелка английского акционерного общества.

На японском рынке в конце 1926 г. продавался искусственный шелк-вискоза производителями различных стран по следующей цене за 100 англ. фунт. (в иенах):[1]

	Дениер (размер нитки и соотв. число волокон и них)		
	120	150	250
Итальянский .	210	190	180
Германский . .	230	205	195
Английский . .	—	210	—
Японский . . .	250	220	205

Низкие цены на искусственный итальянский шелк и слабый спрос на внутреннем рынке Италии увеличивают ее экспортные возможности и связанную с этим конкурентоспособность.

В 1925 году потребление на душу населения выражалось (в *кг*): [2]

С.-А. С. Ш. . .	0,250	Бельгия . . .	0,268
Англия	0,315	Швейцария . .	0,516
Германия . . .	0,211	Австрия . . .	0,153
Франция . . .	0,210	Италия	0,149

Общее производство и потребление в том же году в тех же странах составляло (в тыс. *кг*): [3]

Страны	Произв.	Потребл.	Превалир. производ. над потр. и наоборот.
С.-А. С. Ш. . .	23.500	26.500	+3.000
Англия	12.000	14.000	+2.000
Германия . . .	12.000	13.750	+1.750
Франция . . .	8.000	8.250	+2.500
Бельгия	5.000	2.000	—3.000
Швейцария . .	2.500	2.000	— 500
Австрия . . .	1.500	1.000	— 500
Италия	14.000	6.000	—8.000

Таблица показывает, что главные производящие страны, как Англия С.-А. С. Ш., Германия и Франция не удовлетворяли полностью своим

[1] Wirtschaftsdienst, 25/VII 1927 г.
[2] Industrie de la soie artificielle, Génève, 1927 г.
[3] Societé des Nations. Industrie de la soie artificielle. Gènève, 1927 г.

производством потребления внутреннего рынка. На ряду с этим Италия ежегодно в состоянии вывозить 8 млн. *кг* искусственного шелка. Несмотря на выгодное положение Snia Viscosa пришлось потерять самостоятельность и обособленность. Под влиянием кризиса сбыта в первой половине 1926 г. концерн Snia Viscosa оказался вынужденным снизить свой основной капитал с 1 мрд. лир на 750 млн. лир. Для пополнения своего основного капитала им был выпущен на лондонском рынке облигационный заем на 1, 4 млн. фунт. стерл. Этим случаем воспользовались германские и английские концерны. Германские банки закупили акций Snia Viscosa на 90 млн. лир.[1] и английское общество Courtaulds Lmtd. 170 млн. лир. Результатом этих трансакций явилось состоявшееся недавно соглашение между Courtaulds Lmtd. в Лондоне, Vereinigte Glanzsfoff в Германии и Snia Viscosa в Италии о совместной деятельности. В то время как по английским источникам Courtaulds Lmtd. за Лондоном остается фактическое право контролировать всю продукцию указанных концернов, германская печать утверждает, что пока об'единение коснулось только условий продажи и уровня цен.

Подробности финансирования, а также размеров производства остаются пока невыясненными. Однако, несомненным остается тот факт, что вхождение итальянского Snia Viscosa в сферу непосредственного влияния международного картеля значительно изменит положение мирового рынка искусственного шелка. Во всяком случае, конкуренция в отношении дешевых сортов искусственного шелка может быть устранена, так как об'единенные концерны получают возможность установить устойчивый уровень цен. В Соед. Штатах Америки это об'единение вызвало опасение, что об'единенные концерны, благодаря усовершенствованным способам и концентрации производства, смогут понизить цены настолько, что фабрики Соед. Штатов не будут в состоянии выдержать конкуренцию. Верны ли эти опасения и направят ли об'единенные концерны свои усилия в другую сторону урегулирования производства и повышения цен — покажет ближайшее будущее. Круг проникновения международного капитала в отрасли искусственного шелка после состоявшегося об'единения можно считать настолько завершившимся, что следует ожидать заключения международной конвенции для урегулирования вопросов производства цен и сбыта. Как всякое мощное капиталистическое об'единение международного характера, такие картели, утрачивая национальное лицо, скрывают в себе сложнейшие противоречия интересов национальных капиталистических групп, в полной мере поддерживаемых правительствами их стран. Международные картели, как высшая форма проявления современной стадии империализма, скрывают в себе для капиталистической экономики огромную взрывчатую силу. Имея целью ближайшим образом увязать предложение и спрос, картели вынуждены проводить очень жесткую политику контингентирования продукции и раздела рынков, что само по себе построено на ущемлении интересов одних национальных групп в пользу сильнейших.

Возможность, однако, урегулирования производства цен и сбыта вряд ли осуществима. Искусственный шелк имеет еще значение и как химический продукт, и поэтому каждое капиталистическое государство

[1] Kartell Rundschau, апрель, 1927 г.

заинтересовано в развитии этой отрасли промышленности внутри страны, почти не считаясь в данном случае с выгодой для предпринимателей иметь предприятия в других странах. В капиталистических странах для ограждения национальной промышленности существует старый излюбленный способ — таможенная политика. Последняя особенно рьяно применяется в промышленности искусственного шелка. Начиная с середины 1925 года и по сей день, все страны пересмотрели и пересматривают таможенные тарифы.

Все страны ищут пути и средства к уменьшению существующей разницы в стоимости национального искусственного шелка и главных экспортирующих стран. Первой стала на путь протекционизма Англия. 1 июля 1925 г. она ввела пошлину на искусственный шелк в размере 15% ad valorem. Спустя некоторое время, когда 15% не дали желанных результатов и промышленность искусственного шелка слабо развивалась, английское правительство вводит новые пошлины—33⅓%[1] ad valorem. С.-А. С. Ш., несмотря на быстрый рост своей промышленности искусственного шелка, также последовали примеру Англии. Таможенный тариф в С.-А. С. Ш. в настоящее время существует 45% ad valorem. В целях еще большего предостережения С.-А. С. Ш. установили пониженные продажные цены на искусственный шелк. Германия, взимавшая пошлину 60 пфенн. за *кг*, увеличила до 1 марки. Австрия пересмотрела специальный тариф и увеличила на английский искусственный шелк с 10% ad valorem на 20%, а из других стран с 20% на 25%. Франция, Бельгия и Голландия также пересмотрели свои тарифы и соразмерно их увеличили.

При таком положении, когда каждая страна заинтересована в развитии своей национальной промышленности, говорить о международной конвенции по вопросам урегулирования производства, цен и сбыта пока не приходится. Протекционистская политика до 1927 г. не дала полностью своих результатов. Во многих странах производство искусственного шелка стоит ниже своих производственных способностей. Германия, например, по своим производственным способностям, в состоянии произвести 16 млн. *кг*[2], а фактически в 1926 г. произвела 12 млн., что составляет 75% загрузки. В Англии загрузка достигает 63—68% (низкая загрузка отчасти связана с забастовкой). Исключение составляют немногие страны и, в частности, Польша. Производство искусственного шелка в Польше стало развиваться сравнительно недавно, — с 1922 г. В 1922 г. Польша произвела 350 тыс. *кг* искусственного шелка, а в 1926 г.—1.500 тыс. *кг*. Рост производства за пятилетие достиг 428%. Производственные способности выросли за это же время всего на 300% (производственная способность компенсировалась введением на предприятиях по производству искусственного шелка трех смен). В последнее время Польшей обращено особое внимание на развитие этой отрасли промышленности. В Экономическую комиссию при Лиге Наций был представлен господином Гливицем доклад о значении развития искусственного шелка в Польше. В докладе указаны следующие соображения: „Существование в Польше прядилен искусственного шелка даст возможность: а) использовать имеющиеся в Польше в большом количестве сырьевые продукты (спирт, целлюлозу и т. д.), б) удовлетворить пред'являемые требования текстильной промышленности и

[1] Societé des Nations. Industrie de la soie artificielle.
[2] Там же.

в) способствовать активизированию торгового баланса страны, а также созданию новых ветвей в химической промышленности"[1]. Существующая конкуренция на искусственный шелк на мировом рынке, а также протекционистская политика в импортирующих странах толкали производителей к рационализации производства, к нажиму на рабочий класс и увеличению основного капитала.

В Германии в 1913 г. существовала средняя норма для рабочего по выработке искусственного шелка - вискоза при 10-часовом рабочем дне— 1 *кг*. В 1926 г. норма выработки при 8-часовом[2] рабочем дне повысилась до 2 *кг*. В Италии, в Америке и т. д. аналогичные достижения. Половой состав рабочих на предприятиях искусственного шелка по сравнению с 1913 г. также изменился. На фабрике производства вискоз в Берлине, принадлежащей акционерному обществу Vereinegte Glanzstoff, в 1913 г. работало ко всему составу рабочих 65—70% женщин, а в 1926 г.—93% женщин и 7% мужчин, при чем женщин в возрасте 16—23 лет. По данным Deutsche Bergwergs Zeitung от 14/X 1927 акционерный Vereinigte Glanzstoff разрешен в положительном смысле вопрос об открытии специальных школ для девушек 15—16-летнего возраста по подготовке будущих работниц. Все это станет ясным, если мы учтем существующую разницу в оплате труда мужчин и женщин в капиталистических странах. Основной капитал в главных концернах искусственного шелка и его рост по сравнению с 1913 г. выражается в следующих цифрах:[3]

Название концернов	1913 г.	1926 г.	В %% к 1913 г.
Германия	(В миллионах)		
Vereinigte Glanzstoff	18 зол. марок	60,9 зол. марок	338,3
Bemberg	16 „ „	28 „ „	175
Farbenindistrie	202 „ „	1.100 „ „	544,5
Италия			
Snia Viscosa	150 лир	1.500 лир	1,000
La soia de Chatillon Milano .	—	200 „	—
Англия			
Courtaulds Lmtd	12 фунт. стерл.	20 фунт. стерл.	166,6
British Celanes	—	6,68 „ „	—
Франция			
Soie artificielle	16 франк.	50 франк.	312,5
Голландия			
Enku	10 флор.	20 флор.	200
Бельгия			
Fübize	—	25,2 франк.	—
С.-А. С. Ш.			
The viscose corporation . . .	—	104 долл.	—
The pont Rayon C⁰	22,5 долл.	135 „	600

Таблица иллюстрирует колоссальнейший рост капитала в промышленности искусственного шелка, происшедший за послевоенные годы. Быстрая капитализация, сильная конкуренция, а также свойственные капиталистическому обществу законы кризисов содействовали разорению менее мощных производителей. Мелкие производители принуждены были либо

[1]) Societé des Nations. Industrie de la soie artificielle.
[2] Хотя данные о 8-часовом рабочем дне приведены в официальной работе экономкомиссии при Лиге Наций, но все же можно отнестись к ним с некоторым предубеждением.
[3] Wirtschaftsdienst, 9/XI и 16/XII 1927 г. Торг. бюлл. Берл. Торгпр., 2 мая 1927 г.

ликвидировать вовсе свои предприятия, либо отказаться от своей самостоятельной деятельности и вступить в соглашение с крупными трестами на условиях, диктуемых последними. 1926 год наглядно показал, что при некоторых затруднениях в сбыте искусственного шелка, такой крупный концерн, как Snia Viscosa принужден был несколько отказаться от самостоятельной деятельности и вступить в переговоры с английскими и германскими концернами. На ряду с разорением мелких производителей, концерны получили такие прибыли, которые ни одной отрасли текстильной промышленности неизвестны.[1] Для отдельных концернов искусственного шелка дивиденды составляют (в $^0/_0$):[2]

Название концерна	1925 г.	1926 г.
Vereinigte Glanzstoff	—	20
Farbenindustrie	—	13,5
Snia Viscosa	12,5	12,0
Soie de Chatillon Milano	20	—
Courtaulds Lmtd	25	22,5
Viscose corporation	—	22,5

Как видим, затруднения на мировом рынке искусственного шелка, имевшие место в 1926 г., и пониженные цены почти не отразились на размере полученных концернами дивидендов. При таких дивидендах, которые по своим размерам во многом превосходят получаемые концернами других отраслей текстильной промышленности, а также при той протекционистской политике, проводимой правительствами капиталистических стран, следует ожидать дальнейшую концентрацию капиталов и рост производства. Однако, положительная сторона роста этого производства влечет за собой оборотную отрицательную сторону, свойственную капиталистическому производству. Вопрос о рынках, который еще в 1926 году дал о себе почувствовать, при более расширенном производстве, безусловно приведет в конечном итоге к тому краеугольному камню, который известен в капиталистическом обществе под общим названием кризиса.

Развитие искусственного шелка в СССР имеет большое значение. В стране, где имеются неиссякаемое количество лесных массивов, а также все прочие виды сырья, потребные для производства искусственного шелка, заслуживает того, чтобы на эту отрасль промышленности обратили должное внимание. Внимание к себе эта отрасль промышленности заслуживает еще и потому, что развитие ее даст возможность несколько изжить товарный голод, сэкономить инвалюту (при замене хлопка 10% волокнистого искусственного шелка даст нам экономии до 15 млн. инвалюты), а также усилить обороноспособность нашего Союза. При построении пятилетнего перспективного плана необходимо будет на эту отрасль промышленности обратить больше внимания, чем обращалось до сих пор; на этот счет имеется и определенная директива партии. В резолюции по докладам тт. Рыкова и Кржижановского сказано: „В области новых производств должны быть развиты или построены заново — производство оборудования для металлургии, топливной и текстильной промышленности, авто, авио и тракторостроения, производство искусственного волокна и т. д.

[1] Дивиденды в хлопч.-бум. промышленности Германии в 1926 г. достигали максимум 12%, в шелковой—7–8%. Wirtschaftsdienst, № 50 от 16/XII 1927 г.

[2] Kartell Rundschau, №№ 4, 3, 1927 г. Берл. Торгпр. торг. бюлл. от 2 мая 1927 г.

А. Заорский

Электрификация Курского направления перевозок Донбасс — Москва или же электрификация сети железных дорог Донбасса[1]

Массовый вывоз угля из Донбасса порождает два транспортных вопроса: а) вопрос о наиболее дешевых перевозках этого угля; б) вопрос об интенсивности и наивыгоднейшем собирании этого угля по территории Донбасса для этих перевозок.

Решать эти вопросы отдельно один от другого значило бы решать половину задачи.

Намечены три мощных потока: северный, западный и южный, соответственно чему для решения первой половины задачи намечается три так называемых „сверхмагистрали": Донбасс — Москва — Ленинград, Донбасс — Криворожье и Донбасс — Мариуполь.

Для перевозок Донбасс — Москва, в свою очередь, предлагалось до сих пор три решения:

1) Перевозки по существующим четырем направлениям: Курскому, Льговскому, Елецкому и Воронежскому[2] с соответствующим усилением этих направлений.

2) Превращение Курского направления в сверхмагистраль.

3) Постройка новой сверхмагистрали Москва — Донбасс. Для этой последней предложены до сих пор два направления: а) Родаково или Луганск—Воронеж — Коломна — Москва (с использованием существующего участка Коломна — Москва М.-Казанской ж.-д.) и б) Лиман — Купянск — Елец — Коломна — Москва (с использованием того же участка Коломна — Москва и, кроме того, еще существующего одноколейного протяжения железных дорог Купянск — Михайлово в качестве второго пути для порожняка).

Таким образом, вопрос о наиболее дешевых перевозках угля решается в трех вариантах: а, б и в. Первый и третий из этих вариантов нашли сравнение в работе Успенского, Заорского, Костина и Суходольского, „Еще один вариант железнодорожной сверхмагистрали

---

[1] В порядке постановки вопроса. Ред.

[2] Основные вехи этих направлений следующие: 1) Донбасс — Харьков — Курск — Москва (двухколейное), 2) Донбасс — Харьков — Льгов — Брянск — Москва (до Харькова двухколейное), 3) Донбасс — Купянск — Елец — Кашира — Москва (до Купянска двухколейное) и 4) Донбасс — Миллерово — Воронеж — Москва (от Миллерово двухколейное).

Москва—Донбасс".[1] Сравнение дало результаты в пользу третьего варианта, давшего от 20 до 22 миллионов годовой экономии на эксплоатационных расходах и от 6 до 11 миллионов на полной себестоимости перевозок[2] по всей сети дорог, связанных с этим направлением.

Второй вариант—превращение Курского направления в сверхмагистраль, в частности, электрификация Курского направления—в упомянутой выше работе сравнению не подвергался. Это сравнение и составляет первую половину настоящей статьи.

Вторую половину составляет сравнение условий электрификации Курского направления с условиями электрификации сети железных дорог Донбасса.

Отметим принципы расчета, принятые сторонниками усиления Курского направления (см. „Тезисы к докладу Н. П. Садикова об усилении направления Москва—Лиман Московско-Курской ж. д.").

1) В основу проекта усиления Курского направления положен грузооборот, просчитанный на 1940 год и равный для угля 680 млн. пудов. Для прочих грузов принят рост перевозок с 1930 по 1940 гг. 6% сложных.

2) Сосредоточение на Курском направлении мощного грузопотока должно быть совмещено с интенсивным пассажирским движением, возрастающем в год на 7% сложных.

3) Для электрификации[3] строится Курская электроцентраль на штыбе[4] для участка Орел—Харьков.

4) Вес прицепной части поезда при электрификации[3] принимается при переоборудовании вагонов на американскую сцепку 3.800 тонн, а при русской сцепке—1.520 тонн.

5) Товарные поезда американской сцепки ведутся спаренным электровозом со сцепным весом 260 тонн (3А—3А+3А—3А), мощностью 4.000 лош. сил, а поезда русской сцепки—половинкой этого электровоза. Пассажирский электровоз эквивалентен паровозу серии М, мощностью 2.500 лош. сил.

6) Число пар поездов (в среднем по линии): угольных маршрутных—16, угольных легких—3—8, транзитных тяжелых—3, транзитных легких—2, местных—6, сборных—2, пассажирских сквозных—20 и пассажирских местных—4, т.-е. всего 56—61 пара. Факультатив принят в среднем в 17%.

7) Общая сумма строительной сметы слагается так:

		Млн. руб.
а)	Расходы на сеть	26,4
б)	„ на подстанции . .	32,0
в)	„ по Отделу связи .	4,3
г)	„ на подвиж. состав .	153,0
д)	„ на путевое переоборудование	73,0
	Итого . . .	288,7

[1] Статья эта имеется в портфеле редакции и может быть предоставлена желающим для ознакомления, но в силу технических трудностей издания не могла быть помещена в настоящем номере.

[2] Со включением процентов на вложенный капитал и амортизации.

[3] Паровая тяга особо мощными паровозами хотя и рассматривается авторами проекта в виде варианта, но предпочтение авторы отдают электрической.

[4] Здесь какое-то недоразумение, так как штыб только тогда дешев и выгоден, когда сжигается на месте добычи.

8) Полный (эксплоатационный + амортизационный, включительно 6% на капитал) годовой расход 110 млн. руб.

9) Годовой доход при ставке $\frac{1 \text{ коп.}}{300 \text{ пуд.-км}} = 0{,}217 \frac{\text{коп.}}{\text{т-км}}$ для угля, $1{,}85 \frac{\text{коп.}}{\text{т-км}}$ — для прочих грузов и $1{,}3 \frac{\text{коп.}}{\text{пасс. км}}$ — для пассажирского движения — 254 млн. руб.

10) Чистый годовой доход 254 — 110 = 144 млн. руб.

Коэфициент эксплоатации $\frac{110}{254} \cdot 100 = 43\%$.

Произведем параллельные подсчеты на следующих основаниях:

1) Грузооборот. Не имея картограммы грузопотоков Н. П. Садикова, воспользуемся своими из статьи „Еще один вариант железнодорожной сверхмагистрали", составленными для 1930 года, помножив цифры на:

$$(1+0{,}04)^5 \cdot (1+0{,}025)^5 = 1{,}38$$

(за первые пять лет возрастание 4%, а за следующие пять лет по 2,5% сложных, согласно „Классификации жел. дорог"). Получаются для Курского направления цифры, близкие к грузообороту, принятому Н. П. Садиковым. Цифры эти помещены в прилагаемой таблице.

2) Пассажирское движение будем рассматривать отдельно от товарного, освободив таким образом товарное движение от его осложняющего влияния.[1]

3) Постройку электростанции учтем в основном капитале, как это делает Н. П. Садиков, принимая его цифры без критики.

4) Также без критики примем его вес поезда 3.800 тонн (соответствующий полезной нагрузке поезда 2.670 тонн) при американской стяжке и 1.520 тонн (полезная нагрузка 1.170 тонн) при русской.

5) Товарный электровоз, сцепным весом 260 тонн и мощностью 4.000 HP, учтем в основном капитале. Пассажирский электровоз, мощностью 2.500 HP, эквивалентный паровозу серии „М", учтем, когда будем говорить о пассажирском движении.

6) Число пар поездов от 56 до 61 пары, из которых 24 пары пассажирских, а остальные—разнообразные, представляет собою практически трудно разрешимую задачу в отношении пропускной способности, так как нельзя прибегнуть к параллельному графику и крайне трудно выдержать непараллельный.

7) Затраты на переоборудование дороги при длине 920 верст = = 960 *км* принимаем без критики в сумме 288,7 млн. руб.

Себестоимость перевозок посчитаем по приему, изложенному в работе автора „Некоторые выводы о факторах, влияющих на себестоимость железнодорожных перевозок" по всей сети железных дорог, связанных с перевозками угля, и сопоставим с подобным же подсчетом себестоимости перевозок по той же сети при постройке специальной сверхмагистрали Лиман—Купянск—Елец—Коломна—Москва.

[1] Признано, что большое пассажирское движение на сверхмагистрали несовместимо с интенсивным товарным. Но мы об этом спорить не будем, а только лишь рассмотрим их отдельно одно от другого.

В результате такого подсчета и сравнения получаются следующие выводы:

1) Чистое недоразумение говорить о ставке $\frac{1}{300}\frac{\text{коп.}}{\text{пуд.-км}} = 0{,}203\ \frac{\text{коп.}}{\text{т-км}}$ на перевозки угля, как безубыточной, когда добавка 300.000 руб. на километр дороги Лиман — Курск — Москва ($\frac{288{,}7 \cdot 10^6}{960} = 300.000$ руб.) к первоначальной стоимости ее 180.000 $\frac{\text{руб.}}{\text{км}}$ при грузообороте $680 \cdot 10^6$ пудоверст на версту дает один только амортизационный расход (при проценте на капитал 6% и среднем амортизационном проценте 0,7%)

$$\frac{(180000 + 300000) \cdot 100 \cdot 0{,}067}{680 \cdot 10^6} = 0{,}00472 =$$

$$= \frac{1}{212}\frac{\text{коп.}}{\text{пуд.-км}} = 0{,}288\ \frac{\text{коп.}}{\text{т-км}}$$

и если даже на товарное движение наложить только одну добавочную стоимость 300.000 $\frac{\text{руб.}}{\text{км}}$, а первоначальное 180.000 $\frac{\text{руб.}}{\text{км}}$ отнести на пассажирское движение, то и тогда расход по процентам на капитал и амортизацию составит:

$$\frac{300000 \cdot 100 \cdot 0{,}067}{680 \cdot 10} = 0{,}00296 = \frac{1}{338}\frac{\text{коп.}}{\text{пуд.-км}} = 0{,}180\ \frac{\text{коп.}}{\text{т-км}}$$

Прибавляя к этому эксплоатационную себестоимость 0,144 $\frac{\text{коп.}}{\text{т-км}}$, получим полную себестоимость никак не менее $0{,}180 + 0{,}144 = 0{,}324\ \frac{\text{коп.}}{\text{т-км}} =$ $= \frac{1}{188}\frac{\text{коп.}}{\text{пуд.-км}}$, а при полном отнесении амортизационного расхода

$$0{,}288 + 0{,}144 = 0{,}432\ \frac{\text{коп.}}{\text{т-км}} = \frac{1}{140}\frac{\text{коп.}}{\text{пуд.-км}}$$

Вероятная же полная себестоимость перевозок на различных участках дороги будет от 0,390 до 0,551 $\frac{\text{коп.}}{\text{т-км}}$ (см. таблицу „Эксплоатационная и полная себестоимость жел.-дор. перевозок Донбасс — Москва при электрификации Курского направления“).

2) Сравнивая по рекомендованному Госпланом СССР методу общую себестоимость перевозок по всей сети железных дорог, связанных с данным направлением сверхмагистрали, получаем:

Себестоимость перевозок по всей сети жел. дор., связанных с следующими тремя направлениями	При электрификации Курского направления (млн. руб.)	При постр. специальн. сверхмагистрали Родаково — Воронеж — Коломна — Москва (млн. руб.)	При постр. специальн. сверхмагистрали Лиман—Купянск—Елец—Коломна—Москва (млн. руб.)
Полная в год	118,5	114,5	106,5
Эксплоат. в год	54,8	53,3	50,5

Таким образом, постройка специальной сверхмагистрали выгоднее, нежели электрификация Курского направления, так как дает следующие ежегодные сбережения:

	Родаково—Воронеж—Коломна—Москва (млн. руб.)	Лиман—Купянск—Елец—Коломна—Москва (млн. руб.)
а) по эксплоатационной себестоимости. . . .	1,5	4,3
б) по полной „	4,0	12,0

По единовременным затратам капитала сопоставление получается следующее:

а) Переоборудование Курского направления (см. „Тезисы к докладу Н. П. Садикова“) составит 288,7 млн. руб.

б) Постройка специальной сверхмагистрали Лиман — Купянск — Елец — Коломна — Москва (см. работу Успенского, Заорского Костина и Суходольского, „Еще один вариант железнодорожной сверхмагистрали Москва — Донбасс“) — 194,2 млн. руб.

Таким образом, специальная сверхмагистраль дает единовременной экономии на строительном капитале по сравнению с электрификацией Курского направления 96,5 млн. руб.

Исчисляя чистую доходность электрифицированной дороги в невероятную сумму 144 млн. руб. в год, Н. П. Садиков отыгрывается на доходности от пассажирского движения, принимая для него невероятный процент роста (7% сложных) и очень высокий пассажирский тариф 1,3 $\frac{\text{коп.}}{\text{пасс./км}}$ (в 1,5 раза больше довоенного), а также большую ставку для прочих грузов $\left(1{,}85\ \frac{\text{коп.}}{\text{тк-м}} = \frac{1}{33}\frac{\text{коп.}}{\text{пуд.-км}}\right)$.

Если пассажирское движение и будет таким доходным, то при специальной сверхмагистрали это движение, оставаясь на Курском направлении, свой доход приносить все равно будет. Поезда будут вести паровозы серии „М“, эквивалентные электровозу, и амортизационные расходы по электрической сети отпадут.

Итак, электрифицировать Курское направление значило бы дискредитировать электрификацию.

Между тем, для электрификации есть об'ект, находящийся в гораздо более выгодных условиях; это — сеть железных дорог Донбасса.

Приводим здесь перечень железных дорог Донбасса с указанием протяжения их, а на прилагаемой карте видно расположение их.

Перечень железных дорог Донбасса

Конечные пункты	Число путей	Длина (км)	Конечные пункты	Число путей	Длина (км)
Никитовка — Яма	1	65	Штеровка — Криндачевка . .	1	14
Славянск — Никитовка . . .	1	73	Щетово — Антрацит	1	9
Лиман — Славянск	1	22	Карчинская ветка	1	—
Никитовка — Иловайская . .	2	58	Дебальцево — Иловайское . .	1	94
Ясиноватая — Криничная . .	2	14	Чистяково — Бесчинская . .	1	25
Криничная — Хацепетовка . .	1	37	Дебальцево — Алмазная — Попасная	2	67
Ясиноватая — Сталино . . .	1	14			
Сталино — Еленовка	2	32	Попасная — Никитовка . . .	1	54

Конечные пункты	Число путей	Длина (км)
Ясиноватая — Ларино (Мушкетово)	1	35
Ясиноватая — Константиновка	1	53
Ясиноватая — Харцызск	1	27
Иловайская — Еленовка	1	54
Моспино — Макеевка	1	—
Никитовка — Горловка	1	33
Горловка — Дебальцево	2	
Дебальцево — Алчевская	2	39
Алчевская — Родаково	1	23
Дебальцево — Штеровка	2	52
Штеровка — Зверево	1	103
Попасная — Краматорская	1	85
Камышеваха — Ныркова	1	—
Алчевская — Овраги	1	—
Алчевская — Жилла	1	—
Алмазная — Сентяковка	1	—
Сентяковка — Орловка	1	—
Другие рудничные ветки	1	—
А всего вместе с рудничными ветками и необходимыми в Донбассе новыми дорогами не менее		1.500

Сеть эта до сих пор не приноровлена к вышеупомянутым трем направлениям выходов угля и нуждается в следующих дополнениях.

Для западного направления нужно развитие мощной распределительной станции (Ясиноватая или Авдеевка).

Для выхода на север через Лиман нужно продолжить ветку Лиман—Краматорская до Гришина для выхода гришинских пламенных углей, к чему имеются благоприятные топографические условия в виде долины р. Казенный Торец. В случае выхода на север через Родаково (или Луганск) нужна ветка Родаково (или Луганск) — Колпаково для антрацита.

Выхода на юг, достаточно удобного, пока еще нет. Для экспорта антрацита пришлось бы построить линию Колпаково — Мариуполь или усилить существующее направление Дебальцево — Мариуполь.

Таким образом, Донбасс получается окруженным кольцом железных дорог. Дороги внутри этого кольца имеют крутые уклоны и плохую провозоспособность.

В этом кольце намечается четыреугольник из электрических станций: Штеровка — Моспино — Гришино — электростанция Северного Донбасса (пункт последней еще окончательно не намечен). Эти электростанции имеют для питания своего угольный штыб, не требующий перевозок.

Таковы условия электрификации железных дорог Донбасса.

Сравним их с условиями электрификации Курского направления.

1) Для электрификации Курского направления предлагается постройка специальной электростанции в Курске, не имеющем промышленного района. Между тем, электростанции Донбасса строятся для промышленности, и амортизация их (вместе с $^0/_0{}^0/_0$ на капитал) на железные дороги ляжет только в незначительной доле.

2) Курскую электростанцию Н. П. Садиков предлагает питать штыбом, привозимым из Донбасса, при чем стоимость киловаттчаса Н. П. Садиков обещает 1,83 $\frac{\text{коп.}}{\text{квт. час}}$. Между тем, электростанции Донбасса строятся на самом штыбе, без перевозки его, так как перевозки штыба убивают всю выгоду его применения. Для станций Донбасса стоимость 1,83 $\frac{\text{коп.}}{\text{квт. час}}$ достижима, тогда как для Курской централи она недостижима.

3) По проекту электрификации Курского направления пять электростанций, имеющих питать Курское направление, посылают ток в специальную высоковольтную линию электропередачи I класса длиною свыше 1.000 *км*.

Между тем, сеть первоклассной электропередачи Донбасса проектируется для промышленности, и на железные дороги ляжет только добавочная медь.

Самая тысячеверстная 110-киловольтная линия Курского направления заменяется для Донбасса значительно более короткой. Действительно, если площадь Донбасса 20.000 *кв. км* будет электрифицирована с четырех электростанций Штеровка, Моспино, Гришино и Северо-Донбасская, образующих четыреугольник с периметром 400 *км*, то эта сеть будет иметь приблизительно ту же длину, ∞ 400 *км*.

Таким образом, если для Курского направления линия электропередачи I класса ложится на километр пути суммою 18.000 руб., то для сети железных дорог Донбасса она ляжет только суммой:

$$18000\,\frac{400\gamma}{1000} = 7200\gamma,$$

где γ грубо есть отношение железнодорожной мощности к промышленной мощности Донбасса, равное 0,1.

4) Считая второклассную 35-киловольтную сеть, умформерные подстанции и контактную сеть одинаковыми в обоих случаях, мы, тем не менее, на трансформаторных подстанциях имеем в Донбассе выигрыш, так как там эти подстанции в большинстве служат не только для железных дорог, но и для промышленности.

Грубо можно считать, что если сеть электропередач и подстанций при Курском направлении лягут на 1 километр линии суммою 51.600 руб., то в Донбассе они лягут суммою 51.600 минус 7.200 γ минус экономия на подстанциях = 51.600 минус 720 минус экономия на подстанциях = $= \infty$ 30.000 руб.

5) Добавочную мощность электростанций, потребную для тяги, определим приблизительно следующим образом.

Угля в 1940 году пойдет на север $16{,}4 \cdot 10^6$ *т*., на запад $16{,}4 \cdot 10^6$ *т*, на юг $8{,}2 \cdot 10^6 m$ и местных перевозок $8{,}2 \cdot 10^6 m$. Руды на заводы Донбасса $8{,}2 \cdot 10^6$ *т*. Прочих грузов $8{,}2 \cdot 10^6$ *т*. Итого $65{,}6 \cdot 10^6$ *т*. $\infty = 66 \cdot 10^6$ *т*. в год.

Считая среднее расстояние перевозок по сети Донбасса 50 *км*, имеем:

$$3{,}3 \cdot 10^9 \text{ тонно-километров.}$$

Принимая 30 киловатт-часов на тонно-километр, получим годовой расход энергии:

$$0{,}03 \cdot 3{,}3 \cdot 10^9 = 100 \cdot 10^6\ \frac{\text{квт. час}}{\text{год}}$$

А прибавляя $20^0/_0$ потерь в сети и $20^0/_0$ на резерв, получим добавочную установленную мощность электростанций:

$$\frac{1{,}4 \cdot 100 \cdot 10^6}{8760} = 16.000 \text{ квт.}$$

Оценивая установленный киловатт по 300 руб., имеем сумму затрат:

$$16000 \cdot 300 = 4{,}8 \text{ млн. руб.}$$

Эксплоатационная и полная себестоимость перевозок по сети жел. дор. Донбасс—Москва при электрификации Курского направления по грузообороту 1940 года

Участки дорог	Основной капитал S руб./км	Километры L	Густота движения (K) т-км/тыс. км	Количество тонно-километ. нетто тыс. т-км	Порожний пробег тары в километ. под тыс. тонн усл. тыс. т-км	% на капитал и восстановление имущества $0{,}067 \frac{S}{K}$ коп./т-км	Полная себестоим. перевозки одного тонно-километ. коп./т-км	Полная себестоим. всей перевозки руб.	Экспл. себестоим. перевозки одного тонно-километ. коп./т-км	Экспл. себестоим. всей перевозки руб.
Лиман — Харьков	180.000 + 300.000	186	12.440	2.305.182	188.175	0,25852	0,41024	9.457.000	0,15172	3.497.000
Харьков — Белгород	180.000 + 300.000	85	8.446	720.588	584.166	0,38078	0,55167	3.975.000	0,17089	1.289.000
Белгород — Курск	180.000 + 300.000	161	11.863	1.918.653	1.666.797	0,27109	0,42788	8.210.000	0,15629	3.008.000
Курск — Орел	180.000 + 300.000	155	11.884	1.841.697	1.558.092	0,27061	0,40538	7.466.000	0,13477	2.482.000
Орел — Горбачево	180.000 + 300.000	106	11.932	1.259.280	1.073.886	0,26953	0,40588	5.111.000	0,13635	1.717.000
Горбачево — Тула	180.000 + 300.000	81	12.142	965.448	832.524	0,26487	0,40222	3.883.000	0,13735	1.326.000
Тула — Москва	180.000 + 300.000	196	12.347	2.427.612	1.962.378	0,26047	0,30939	9.477.000	0,12992	3.154.000
	—	970	—	11.438.460	9.588.018	—	—	47.579.000	—	16.473.000
Камышеваха — Купянск	180.000	147	6.895	1.014.420	967.197	0,17507	0,59733	6.059.000	0,42226	4.283.000
Купянск — Белгород	94.000	158	4.012	631.389	603.405	0,15738	0,58170	3.673.000	0,42432	2.679.000
Харьков — Льгов	94.000	260	2.596	673.365	337.557	0,24278	0,60224	4.055.000	0,35946	2.420.000
Льгов — Брянск	94.000	208	2.508	521.202	206.382	0,25132	0,59621	3.107.000	0,34489	2.005.000
Брянск — Сухиничи	94.000	123	1.693	206.382	89.199	0,37271	0,71459	1.475.000	0,34188	706.000
Сухиничи — Тихон. Пустынь	94.000	98	1.593	138.171	68.211	0,39528	0,74429	1.028.000	0,34901	482.000
Тихонова Пустынь — Тула	94.000	152	349	52.470	139.920	1,83000	2,15487	1.131.000	0,32487	170.000
Сухиничи — Горбачево	94.000	142	252	36.729	3.498	2,56200	2,85414	1.048.000	0,29214	107.000
Харьков — Купянск	94.000	136	641	85.701	1.749	0,98515	1,27586	1.093.000	0,29071	249.000
Харьков — Басы	*180.000*	*187*	*1.018*	*192.390*	*367.290*	*1,18950*	*1,59828*	*3.075.000*	*0,40878*	*786.000*
Купянск — Валуйки	94.000	76	3.673	278.091	199.386	0,17507	0,55040	1.531.000	0,37533	1.044.000
Валуйки — Касторная	94.000	211	762	157.410	141.669	0,83570	1,23161	1.939.000	0,38876	623.000
Касторная — Елец	94.000	111	765	83.952	62.964	0,83570	1,21458	1.020.000	0,37888	318.000
Елец — Волово	94.000	133	220	27.984	8.745	2,95850	3,28623	920.000	0,32773	92.000
Волово — Горбачево	94.000	14	1.311	17.490	1.749	0,48007	0,78294	137.000	0,30287	53.000
Волово — Узловая	94.000	75	447	33.231	10.494	1,42130	1,75331	583.000	0,33201	110.000
Волово — Астапово	94.000	107	197	24.486	6.996	3,20250	3,52666	864.000	0,32416	79.000
Узловая — Тула	94.000	50	661	33.231	19.239	0,96075	1,32049	439.000	0,35974	120.000
Узловая — Кремлево	94.000	75	764	55.968	27.984	0,83570	1,18471	663.000	0,34901	195.000
Кремлево — Москва	94.000	248	2.778	685.608	432.003	0,21472	0,58003	3.977.000	0,36531	2.505.000
Кремлево — Ряжск	94.000	71	505	34.980	13.555	1,28100	1,61660	565.000	0,33560	117.000
Троекурово — Раненбург	94.000	23	2.106	48.972	29.733	0,30012	0,66201	324.000	0,36189	177.000
Раненбург — Богоявленск	94.000	23	2.352	54.219	34.980	0,51362	0,87336	474.000	0,35974	195.000
Раненбург — Астапово	94.000	36	2.473	8.920	34.980	2,56200	2,89831	259.000	0,33316	30.000
Троекурово — Астапово	94.000	31	533	16.441	13.992	1,20170	1,59688	263.000	0,39518	65.000
Елец — Астапово	94.000	112	582	64.013	54.919	1,09800	1,49318	956.000	0,39518	253.000
Елец — Грязи	94.000	114	333	36.729	6.471	1,92150	2,23151	820.000	0,31001	114.000
Касторная — Воронеж	94.000	95	449	41.626	4.303	1,42130	1,72344	717.000	0,30215	126.000
Воронеж — Отрожка	94.000	7	467	3.498	315	1,37250	1,67322	59.000	0,30072	11.000
Валуйки — Лиски	94.000	161	2.998	480.975	299.079	0,21106	0,57509	2.766.000	0,36403	1.751.000
Миллерово — Лиски	94.000	297	3.740	1.107.117	683.859	0,16836	0,53239	5.894.000	0,36403	4.030.000
Лиски — Отрожка	94.000	80	5.479	486.222	367.290	0,11529	0,49562	2.410.000	0,38033	1.849.000
Отрожка — Грязи	94.000	108	5.778	599.907	414.513	0,21594	0,57682	3.460.000	0,36088	2.165.000
Грязи — Козлов	94.000	64	5.674	363.792	243.111	0,21228	0,57631	2.097.000	0,35803	1.302.000
Козлов — Богоявленск	94.000	43	5.991	255.354	181.896	0,20130	0,56505	1.443.000	0,36375	929.000
Богоявленск-Ряжск	180.000	53	3.844	204.633	153.912	0,31476	0,68278	1.397.000	0,36802	753.000
Ряжск — Рязань	180.000	116	3.783	438.999	342.804	0,31903	0,69063	3.032.000	0,37160	1.631.000
Рязань — Коломна	180.000	84	5.394	452.991	341.055	0,22326	0,59128	2.678.000	0,36802	1.667.000
Коломна — Москва	180.000	115	5.084	587.664	397.023	0,23729	0,59674	3.507.000	0,35945	2.112.000
Всего	—	—	—	21.675.182	—	—	—	118.517.000	—	54.775.000

Эксплоатационная и полная себестоимость перевозок по сети железных дорог Москва — Донбасс при сверхмагистрали Родаково — Воронеж — Хорошевка — Коломна — Москва при грузообороте 1940 года

Участки дорог	Основной капитал $S \frac{руб.}{км}$	Километры L	Густота движения (R) $тыс. \frac{т\text{-}км}{км}$	Количество тонно-килом. нетто $тыс.\ т\text{-}км$	Порожний пробег тары в килом. под тыс. тонн $Усл.\ тыс.\ т\text{-}км$	$\%\%$ на капитал и восстановление имущества $0{,}067 \frac{S}{R} \frac{коп.}{т\text{-}км}$	Полная себестоим. перевозки одного тонно-килом. $\frac{коп}{т\text{-}км}$	Полная себестоим. всей перевозки $руб.$	Экспл. себестоим. перевозки одного тонно-килом. $\frac{коп.}{т\text{-}км}$	Экспл. себестоим. всей перевозки $руб.$
Роданово — Воронеж	270.000	389	15.194	5.917.829	5.649.672	0,11895	0,32991	19.524.000	0,21096	12.484.000
Воронеж — Астапово	270.000	208	14.636	3.045.621	2.874.307	0,12383	0,33479	10.196.000	0,21096	6.425.000
Астапово — Хорошевка	270.000	79	14.571	1.150.597	1.082.718	0,12444	0,33483	3.853.000	0,21039	2.421.000
Хорошевка — Коломна	270.000	172	15.357	2.638.506	2.388.294	0,11773	0,32411	8.552.000	0,20638	5.445.000
Коломна — Москва	270.000	115	17.668	2.036.256	1.704.016	0,10248	0,30543	6.219.000	0,20295	4.133.000
	—	963	—	14.788.809	13.699.007	—	—	48.344.000	—	30.908.000
Камышеваха — Купянск	180.000	161	1.000	161.100	127.152	1,20475	1,57706	2.541.000	0,37231	600.000
Купянск — Валуйки	94.000	76	1.000	75.749	5.824	0,63013	0,93171	706.000	0,30158	228.000
Валуйки — Касторная	94.000	209	98	20.568	4.250	6,40500	6,71944	1.382.000	0,31444	65.000
Касторнаь — Елец	94.000	111	279	30.922	11.281	2,26310	2,59541	803.000	0,33231	103.000
Купянск — Белгород	94.000	158	787	124.249	100.218	0,80093	1,18682	1.475.000	0,38589	479.000
Лиман — Харьков	180.000	187	5.343	997.805	573.182	0,22570	0,51228	5.112.000	0,28658	2.860.000
Харьков — Басы	180.000	187	1.016	178.923	190.641	1,18523	1,58114	2.829.000	0,39591	708.000
Харьков — Готня	94.000	130	2.508	326.468	161.258	0,25132	0,60291	1.968.000	0,35159	1.148.000
Готня — Льгов	94.000	130	2.409	313.666	147.791	0,26108	0,60982	1.913.000	0,34874	1.094.000
Харьков — Белгород	180.000	85	1.264	107.738	2.116	0,95465	1,23835	1.334.000	0,28370	306.000
Белгород — Курск	180.000	160	1.498	238.739	44.075	0,80825	1,11125	2.653.000	0,30300	723.000
Курск — Орел	180.000	154	1.493	229.189	28.509	0,80825	1,10368	2.529.000	0,29443	675.000
Орел — Горбачево	180.000	106	1.491	157.567	10.529	0,80825	1,09768	1.730.000	0,28943	456.000
Горбачево — Тула	180.000	81	1.801	144.887	20.743	0,61915	0,91643	1.328.000	0,29728	431.000
Тула — Москва	180.000	195	1.985	387.369	12.628	0,60695	0,89208	3.456.000	0,28513	1.105.000
Льгов — Брянск	94.000	208	2.278	474.066	207.257	0,27633	0,62148	2.946.000	0,34515	1.636.000
Брянск — Сухиничи	94.000	137	1.642	223.872	76.082	0,38430	0,71660	1.604.000	0,33230	744.000
Сухиничи — Тихонова Пустынь	94.000	89	1.565	137.909	67.861	0,40443	0,75602	1.043.000	0,35159	485.000
Тихонова Пустынь — Тула	94.000	152	423	62.090	25.395	1,53720	1,87951	1.167.000	0,34231	213.000
Сухиничи — Горбачево	94.000	142	323	44.197	4.180	2,02520	2,32891	1.029.000	0,30371	134.000
Валуйки — Лиски	94.000	161	1.051	169.023	14.219	0,60085	0,90318	1.527.000	0,30233	511.000
Воронеж — Касторная	94.000	95	557	52.925	32.007	1,13155	1,49601	792.000	0,36446	193.000
Грязи — Елец	94.000	114	333	37.429	15.741	1,92150	2,26666	848.000	0,34516	129.000
Елец — Астапово	94.000	112	143	14.692	4.827	4,00770	4,33916	638.000	0,33146	49.000
Астапово — Волово	94.000	117	197	23.089	6.909	3,20860	3,53590	816.000	0,32730	76.000
Елец — Волово	94.000	133	208	26.235	6.961	3,20860	3,53163	927.000	0,32303	85.000
Волово — Узловая	94.000	75	524	39.178	17.490	1,20170	1,54828	607.000	0,34658	136.000
Волово — Горбачево	94.000	62	403	24.346	8.395	1,60430	1,93660	471.000	0,33230	81.000
Узловая — Кремлево	94.000	75	1.006	74.682	101.792	1,63013	0,96888	724.000	0,33875	253.000
Узловая — Тула	94.000	50	892	44.390	30.870	0,71248	1,08761	483.000	0,37518	167.000
Кремлево — Москва	94.000	345	456	109.557	65.762	1,42130	1,78581	1.956.000	0,36451	399.000
Миллерово — Лиски	94.000	297	1.732	510.533	58.417	0,36600	0,70474	3.598.000	0,33874	1.729.000
Отрожка — Воронеж	94.000	7	1.482	11.019	1.714	0,42700	0,73786	81.000	0,31086	34.000
Отрожка — Лиски	94.000	89	1.937	171.297	68.561	0,32574	0,66519	1.139.000	0,33945	581.000
Отрожка — Грязи	180.000	108	1.937	208.446	79.055	0,62342	0,94858	1.977.000	0,32516	678.000
Грязи — Козлов	180.000	64	2.059	131.175	47.223	0,58743	0,90258	1.184.000	0,31515	413.000
Козлов — Богоявленск	180.000	43	2.599	110.537	34.280	0,46482	0,79712	881.000	0,33230	367.000
Богоявленск — Раненбург	180.000	23	1.839	43.095	19.414	0,65575	0,98946	426.000	0,33371	144.000
Раненбург — Астапово	94.000	36	811	29.138	19.291	0,78507	1,15677	337.000	0,37160	108.000
Астапово — Троекурово	94.000	31	93	2.536	1.749	7,68600	8,04974	204.000	0,36374	9.000
Раненбург — Троекурово	94.000	23	1.444	33.861	20.236	0,43737	0,81111	275.000	0,37374	127.000
Троекурово — Кремлево	94.000	61	1.534	92.714	54.919	0,41297	0,77671	720.000	0,36374	337.000
Богоявленск — Ряжск	180.000	53	795	41.976	6.401	1,53110	1,83054	768.000	0,29944	126.000
Ряжск — Кремлево	94.000	71	705	50.389	2.571	0,89487	1,19431	602.000	0,29944	151.000
Ряжск — Рязань	180.000	116	941	108.753	44.774	1,28710	1,61440	1.756.000	0,32730	356.000
Рязань — Коломна	180.000	84	2.509	211.402	120.331	0,48007	0,82810	1.751.000	0,34803	736.000
Харьков — Купянск	94.000	136	592	86.715	2.151	0,98637	1,28151	1.111.000	0,29514	256.000
Всего	—	—	—	21.740.822	—	—	—	114.491.000	—	53.332.000

Эксплоатационная и полная себестоимость перевозок по сети жел. дорог Москва — Донбасс при проектируемой сверхмагистрали Лиман — Купянск — Елец — Коломна — Москва при грузообороте 1940 года

Участки дорог	Основной капитал S $\frac{руб.}{км}$	Километры L	Густота движения (k) $\frac{т\text{-}км}{тыс.\ км}$	Количество тонно-килом. нетто тыс. т-км	Порожний пробег тары в килом. под тыс. тонн. Усл. тыс. т-км	% на капитал и восстановление имущества $0{,}067\ \frac{S}{R}\ \frac{коп.}{т\text{-}км}$	Полная себестоим. перевозки одного $\frac{коп.}{тонно\text{-}килом.\ т\text{-}км}$	Полная себестоим. всей перевозки руб.	Экспл. себестоим. перевозки одного $\frac{коп.}{тонно\text{-}килом.\ т\text{-}км}$	Экспл. себестоим. всей перевозки руб.
Лиман — Купянск	270.000	90	18.652	1.671.904	1.606.544	0,09699	0,30567	5.111.000	0,20868	3.489.000
Купянск — Валуйки	270.000	76	16.144	1.223.163	1.093.160	0,10858	0,31369	3.837.000	0,20511	2.509.000
Валуйки — Касторная	270.000	209	14.997	3.136.657	2.979.719	0,10126	0,30922	9.699.000	0,20796	6.523.000
Касторная — Елец	270.000	111	15.013	1.666.167	1.555.770	0,10126	0,30851	5.140.000	0,20725	3.453.000
Елец — Кремлево	270.000	156	14.390	2.242.008	2.287.342	0,09699	0,30567	6.853.000	0,20868	4.679.000
Кремлево — Коломна	270.000	172	15.357	2.638.489	2.388.277	0,10370	0,30881	8.148.000	0,20511	5.412.000
Коломна — Москва	270.000	115	17.701	2.040.034	1.659.000	0,10187	0,30341	6.190.000	0,20154	4.111.000
Купянск — Белгород	94.000	158	3.540	559.120	532.605	0,17812	0,58260	3.257.000	0,40448	2.262.000
Белгород — Готня	94.000	74	2.737	201.537	201.520	0,22997	0,64016	1.292.000	0,41019	827.000
Готня — Басы	94.000	75	1.016	75.907	76.204	0,62037	1,0356	782.000	0,41019	311.000
Лиман — Харьков	180.000	187	2.770	517.267	67.984	0,43432	0,66015	3.415.000	0,22583	1.168.000
Харьков — Готня	94.000	130	738	96.020	70.677	0,85400	1,23489	1.186.000	0,38089	366.000
Камышеваха — Купянск	180.000	161	328	52.820	17.507	3,67220	3,97805	2.101.000	0,30585	162.000
Купянск — Харьков	94.000	136	656	88.849	4.303	0,96075	1,26231	1.122.000	0,30156	268.000
Харьков — Белгород	180.000	85	1.262	107.738	2.116	0,95343	1,23784	1.334.000	0,28441	306.000
Белгород — Курск	180.000	160	1.491	238.739	45.614	0,80703	1,11074	2.652.000	0,30371	734.000
Курск — Орел	180.000	154	1.491	229.189	28.475	0,80825	1,10410	2.530.000	0,29585	678.000
Орел — Горбачево	180.000	106	1.508	159.299	10.529	0,80215	1.09086	1.738.000	0,28871	460.000
Горбачево — Тула	180.000	81	1.787	144.887	20.726	0,67710	0,97509	1.413.000	0,29799	434.000
Тула — Москва	180.000	195	1.983	387.281	12.820	0,60817	0,89401	3.462.000	0,28584	111.000
Готня — Льгов	94.000	130	2.426	315.782	148.997	0,25376	0,60391	1.907.000	0,35015	1.106.000
Льгов — Брянск	94.000	208	2.295	477.477	209.425	0,27450	0,61894	2.955.000	0,34444	1.645.000
Брянск — Сухиничи	94.000	137	1.573	214.917	84.652	0,40016	0,74104	1.593.000	0,34088	733.000
Сухиничи—Тихонова Пуст.	*94.000*	*89*	*1.524*	*135.005*	*64.520*	0,41297	0,76312	1.030.000	0,35015	473.000
Тула—Тихонова Пустынь	*94.000*	152	410	62.090	22.282	1,53720	1,87451	1.164.000	0,33731	209.000
Горбачево — Сухиничи	94.000	142	311	44.197	44.919	2,02520	2,32963	1.030.000	0,30443	135.000
Москва — Кремлево	94.000	248	459	113.598	64.398	1,37250	1,73409	1.970.000	0,36159	411.000
Тула — Узловая	94.000	50	885	44.390	30.852	0,71187	1,08776	483.000	0,37589	167.000
Узловая — Кремлево	94.000	75	1.000	74.682	29.401	0,63013	0,97101	725.000	0,34088	255.000
Кремлево — Ряжск	94.000	71	705	50.389	2.921	0,89487	1,19645	603.000	0,30158	152.000
Узловая — Волово	94.000	75	426	31.832	6.751	1,47620	1,79635	572.000	0,32015	102.000
Кремлево — Троекурово	94.000	61	1.524	92.714	51.744	0,41297	0,77742	743.000	0,36445	338.000
Троекурово — Раненбург	94.000	23	1.442	33.861	20.218	0,43676	0,80121	271.000	0,36445	123.000
Троекурово — Астапово	94.000	31	82	2.536	1.732	7,68600	8,05974	204.000	0,37374	9.000
Горбачево — Волово	94.000	62	377	23.332	9.252	1,61040	1,95128	455.000	0,34088	80.000
Волово — Елец	94.000	133	295	39.352	20.813	2,13500	2,49159	980.000	0,35659	140.000
Волово — Астапово	94.000	116	181	20.971	9.462	3,49530	3,84259	806.000	0,34729	73.000
Елец — Астапово	94.000	112	131	14.692	4.827	4,80680	5,14053	755.000	0,33373	49.000
Астапово — Раненбург	94.000	36	213	7.731	2.221	2,95850	3,28723	254.000	0,32873	25.000
Раненбург — Богоявленск	180.000	23	1.688	39.632	22.824	0,71370	1,06243	421.000	0,34873	138.000
Елец — Грязи	94.000	114	557	63.629	10.844	1,12850	1,44425	919.000	0,31515	200.000
Касторная — Воронеж	94.000	95	541	51.368	6.017	1,16510	1,47381	757.000	0,30871	159.000
Воронеж — Отрожка	94.000	7	459	3.428	525	1,37250	1,68551	58.000	0,31301	11.000
Валуйки — Лиски	94.000	161	1.229	198.074	17.490	0,51240	0,81825	1.621.000	0,30585	606.000
Миллерово — Лиски	94.000	297	1.688	500.809	179.133	0,37332	0,70991	3.555.000	0,33659	1.686.000
Лиски — Отрожка	94.000	89	1.688	149.522	67.896	0,37332	0,72061	1.077.000	0,34729	519.000
Отрожка — Грязи	180.000	108	1.803	194.314	73.126	0,66917	0,99362	1.931.000	0,32445	630.000
Грязи — Козлов	180.000	64	2.229	142.718	37.936	0,54000	0,85266	1.217.000	0,31159	445.000
Козлов — Богоявленск	180.000	43	2.442	104.240	53.135	0,49410	0,83483	870.000	0,34088	355.000
Богоявленск — Ряжск	180.000	53	787	41.976	6.401	1,53110	1,83054	768.000	0,29944	126.000
Ряжск — Рязань	180.000	116	951	110.572	44.722	1,26880	1,59681	1.766.000	0,32801	363.300
Рязань — Коломна	180.000	84	2.508	211.402	120.314	0,48129	0,82859	1.752.000	0,34730	734.000
Всего	—	—	—	21.097.767	16.130.520	—	—	106.474.000	—	50.462.000

Превратив перечисленные пять выводов в посылки, из посылок 1, 3, 4 и 5 и вышеприведенных сумм капитальных вложений 288,7 млн. руб. на электрификацию Курского направления и 194,2 млн. руб.[1] — на специальную сверхмагистраль, получаем следующий наглядный вывод.

На те деньги, которые будет стоить электрификация Курского направления, можно построить специальную сверхмагистраль, электрифицировать сеть железных дорог Донбасса и останется еще экономия:

$$(288{,}7 - 194{,}2 - 4{,}8) \cdot 10^6 - 1500 \cdot 30000^2 = 44{,}7 \text{ млн. руб.}$$

на которые можно построить и распределительную станцию для западного направления (9 млн. руб.), и ветку Лиман—Краматорская—Гришино для северного направления (Краматорская—Гришино 5 млн. руб.), и линию Колпаково—Мариуполь (30 млн. руб.), т.-е. решить вопрос о вывозе угля из Донбасса в целом.

Из посылки второй получается следующее заключение: в таблице себестоимостей перевозок по электрифицированному Курскому направлению мы приняли, что топливная слагаемая себестоимости 0,04941 $\frac{\text{коп.}}{\text{тонно-км}}$ при электрификации уменьшается на 0,02806 $\frac{\text{коп.}}{\text{тонно-км}}$. Но это уменьшение получится только, если принять без критики стоимость тока Н. П. Садикова 1,83 $\frac{\text{коп.}}{\text{квт. час}}$. Если же ток будет стоить дороже, то и уменьшение будет меньше. Мы приняли без критики стоимость тока 1,83 $\frac{\text{коп.}}{\text{квт. час}}$ (стоимость тока будущих станций Донбасса) и тем самым дали „фору" Курскому направлению и все-таки сравнения со специальной сверхмагистралью оно не выдержало даже в эксплоатационном отношении (см. три таблицы приложения (стр. 200—205) и сопоставление на стр. 196).

После того как была написана настоящая статья на основании „Тезисов Н. П. Садикова", появилась его же статья в №10 „Планового Хозяйства" —„Электрификация магистрали Москва—Курск—Донбасс",— подтвердившая все мои расчеты и догадки, явившиеся при рассмотрении его „Тезисов". Поправить придется только валовую доходность, исчисленную Н. П. Садиковым ранее в 254 млн. руб., на 240 млн. руб. и соответственно чистый доход со 144 млн. руб. на 130 млн. руб. в год, а также и цену на электроэнергию с 1,83 на 2,5 $\frac{\text{коп.}}{\text{квт. час}}$. Эти поправки еще усугубляют мои окончательные выводы.

Но в этой же статье Н.П. Садиков отмечает и еще очень важные обстоятельства, подтверждающие мои выводы. Эти обстоятельства следующие:

[1] Включительно новый подвижной состав.

[2] Н. П. Садиков считает для Курского направления освобождающийся инвентарь (главным образом, подвижной состав) в 105 млн. руб. Для дорог Донбасса мы можем считать, что электровозов потребуется на 60% менее, нежели паровозов (при коэфициенте сцепления для электровоза $\frac{1}{3{,}3}$, а для паровоза $\frac{1}{5{,}5}$) и общая стоимость их будет одинакова.

1) Сравнивая длину четырех существующих направлений Донбасс—Москва, он эти длины считает от разных пунктов Донбасса. Если подсчитать все длины от Дебальцева, то они будут (включая узловые пробеги):

Различные направления перевозок Донбасс—Москва	Пробеги	Строит. длины
Существующие направления		
Льговское	1.168	—
Курское	1.101	—
Елецкое	1.105	—
Воронежское	1.193	—
Проектируемые направления		
Дебальцево — Родаково — Воронеж — Коломна — Москва	1.068	870
Дебальцево — Лиман — Купянск — Коломна — Москва	1.078	828

2) Н. П. Садиков отмечает, что технические условия всех четырех первых существующих направлений одинаково неудовлетворительны (руководящий уклон $i_\phi = 8 - 9\%_{00}$)[1] и виртуал их одинаково плохой (стр. 215, № 10 „План. Хоз.").

3) Он отмечает, что смягчить уклоны Курского направления в лучшем случае можно лишь до $6\%_{00}$ и то только решившись на затраты, на 35% большие нежели электрификации (394 млн. руб., см. „Тезисы к докладу Н. П. Садикова").

4) Далее он отмечает на Курском направлении большое пассажирское движение (до 24 пар) и значительное движение „прочих грузов" и угля для местного потребления (до 18 пар) из 61 пары всех поездов. Таким образом, $^2/_3$ движения — это движение не сверхмагистрального характера.

5) Валовой доход от этих перевозок он считает по 1940 году 218,5 млн. руб. из 239,5 млн. руб. полного валового дохода:

Доход от пассажиров	67.500.000
„ „ перевозки багажа	17.000.000
„ „ „ пассаж. скорости	6.500.000
„ „ „ мал. скор., кроме угольных	107.500.000
„ „ дополнительных сборов	15.000.000
Разный доход	5.000.000
	218,5 млн. руб.[2]

Валовой доход от угольных перевозок лишь 21 млн. руб.

Этот последний доход не покрывает себестоимости перевозок, так как тариф $\frac{1}{300}\ \frac{\text{коп.}}{\text{пуд.-км}} = 0{,}203\ \frac{\text{коп.}}{\text{т-км}}$ для угля — исключительно льготный в убыток железной дороге и в пользу промышленности. Вся доходность базируется на пассажирском движении и „прочих грузах".

5) Электрификацию Курского направления Н. П. Садиков базирует на Донбассовском об'единении электростанций, Московском об'единении, Тульской будущей электроцентрали и Курской специальной электроцентрали. Цену тока он принимает 2,5 $\frac{\text{коп.}}{\text{квт. час}}$. Это себестоимость тока Шатуры „без учета процентов на капитал и амортизацию" (см. отчет о Шатурском строительстве). Себестоимость тока МОГЭСа больше.

[1] А на Курском направлении даже $i_\phi = 10{,}17\%_{00}$ (стр. 222).

[2] Если принять без критики цифры Н. П. Садикова.

Здесь уже выходит, что электростанции должны установить исключительно льготный тариф на энергию для железной дороги. Сеть электропередач, кроме контактной, Н. П. Садиков отдельно в смету не вводит, считая ее, очевидно, в стоимости тока.

Равным образом, он не вводит в смету ни затрат, ни специальную Курскую электроцентраль, ни добавочной железнодорожной мощности других электростанций.

7) Вместе с тем, он скидывает со счета стоимость избегаемых паровозов и готов скинуть даже стоимость путевых переустройств.

8) Вагоны, обращающиеся на сверхмагистрали, Н. П. Садиков предполагает уже переоборудованными на 50-тонную стяжку.

9) Срок постройки новой сверхмагистрали Н. П. Садиков определяет в 5 — 6 лет, в течение каковых, по его мнению, для того чтобы справиться с перевозками, придется усиливать другие дороги, в том числе Курское направление.

10) Н. П. Садиков, несмотря на предложение Госплана посчитать перевозки по всей сети, связанной с главным направлением, считает только перевозки по линии Лиман — Харьков — Курск — Москва.

Из отмеченных обстоятельств напрашиваются следующие выводы:

1) Желательна линия с меньшим пробегом, лучшими техническими условиями и лучшим виртуалом, нежели Курское направление.

2) Пассажирское, местное товарное движение и „прочие грузы", имеющие давать по Садикову такой колоссальный валовой доход Курскому направлению (218,5 млн. руб. в год), — должны быть освобождены от помех, которые будет доставлять им интенсивное угольное движение путем снятия этого последнего на специальную сверхмагистраль. Тогда пассажирские поезда будут вести паровозы серии „М", эквивалентные пассажирским электровозам, а облегченное от тяжелых поездов товарное движение (430 млн. пуд. = 7 млн. тонн) легко обслужат паровозы серии „Э". Вследствие сокращения длины поездов и устранения необходимости в отдельных станционных путях для транзитного движения отпадет необходимость в переустройстве станций и узлов. Вследствие применения паровозов с силою тяги 15 тонн не потребуется ожидать переоборудования вагонов на 50-тонную стяжку не только на Курском направлении, но и на специальной сверхмагистрали, так как там при уклоне $4^0/_{00}$ или даже $3^0/_{00}$ (последний уклон $3^0/_{00}$ есть основание предполагать на направлении Лиман — Купянск — Елец — Коломна — Москва) с товарным движением справляются те же паровозы серии „Э".

Наконец, останутся в экономии все расходы по электрификации.

Таким образом, из строительной сметы по Курскому направлению остается лишь статья 96: приобретение локомотивов пассажирских 20.800.000 руб., если стоимость паровозов серии „М" примем такою же, как и эквивалентных электровозов.

Эксплоатационные расходы по углю по Н. П. Садикову равны $\frac{1}{307}\frac{\text{коп.}}{\text{пуд/км}}$, что составит сумму $21.000.000 \times \frac{300}{307}$. 20.300.000 руб.

которая скинется со счета эксплоатационных расходов.

Скинется также амортизация $3{,}15^0/_0$ и процент $6^0/_0$ на капитал в сумме $(288{,}7 - 20{,}8) \times 10^6 \frac{(6+3.15)}{100}$ . . . . 24.600.000 руб.

Остается эксплоатац. расходов $(109{,}2 - 20{,}3 - 24{,}6) \cdot 10^6$ . . 64.323.000 руб.

Коэфициент эксплоатации, таким образом, получится до

$$\frac{68323000}{218500000} \cdot 100 = 31{,}3$$

т.-е. Курскому направлению отказ от угольных перевозок и электрификации дает крупный выигрыш.

3) Угольные перевозки, перенесенные на проектируемую сверхмагистраль Лиман—Купянск—Елец—Коломна—Москва, будут нести следующие эксплоатационные расходы при паровозах серии „Э" и при уклоне $i_\varphi = 3^0/_{00}$ (по нашему подсчету):

$$0{,}206 - 0{,}028 = 0{,}178 \frac{\text{коп.}}{\text{т-км}} = \frac{1}{343}\frac{\text{коп.}}{\text{пуд.-км}} < \frac{1}{307}\frac{\text{коп.}}{\text{пуд.-км}}$$

т.-е. меньше, чем Н. П. Садиков считает на Курском направлении, несмотря на его электрификацию. Поэтому тот исключительно льготный для промышленности тариф на уголь $\frac{1}{300}$ коп. пуд.-км [1] = $= 0{,}203 \frac{\text{коп.}}{\text{т-км}}$, который предполагается на Курском направлении, еще легче мог бы быть введен и здесь. [2]

4) Наконец, Н. П. Садикова беспокоит переходный период, пока строится сверхмагистраль, каковой период он определяет в 5 — 6 лет.

Но по „Карте пропускной способности ж. д. на зимний период 1914 — 15 гг.", изд. МПС 1915 г., четыре существующие направления могут пропускать по направлению к Москве, без всяких переустройств и усилений, в сутки по самому невыгодному участку:

Направления	Поездов	Тов. вагонов по 900 пуд.
Льговское	15	564
Курское	30	920
Елецкое	7	198
Воронежское	19	569
Итого . . .	71	2.251

Это составляет 2 млн. пуд. в сутки или 730 млн. пуд. в год = = 12 млн. тонн, т.-е. до 1940 года эти дороги пропустят грузооборот без всяких переустройств. Да и период постройки при условии работ по всему фронту может быть не 5—6 лет, а 2,5 года (три строительных сезона) и определяется лишь временем постройки моста через Дон. Во всяком случае, постройка новой дороги гораздо скорее выполнима нежели переустройство с электрификацией или смягчение уклонов Курского направления.

[1] Но, насколько известно, вожделения промышленности так далеко не простираются: она довольствуется тарифом $\frac{1}{200}\frac{\text{коп.}}{\text{п.-в.}}$ как pia desiderio.

[2] Ибо здесь, на сверхмагистрали Лиман — Купянск — Елец — Коломна — Москва, на покрытие процентов и амортизации по доле основного капитала, ложащейся на эти перевозки, имеется, как выше было выведено (стр. 197) 12,0 млн. руб., составляющие экономию на полной себестоимости перевозок по всей сети железных дорог, связанных с выходом донбасского угля на север, по сравнению с Курским направлением.

Н. Н. Колосовский

Районирование металлургии полиметаллических руд Кузнецко-Алтайского района [1]

Плановая разработка вопросов цветной металлургии значительно более трудна, чем проблем металлургии черного металла. В особенности это справедливо по отношению к разработке и металлургии полиметаллических руд, требующих сложных технических приемов предварительной обработки руды.

Прошлая история русской цветной металлургии знала лишь примеры заводов мелкого масштаба с полукустарными приемами переработки руды и изготовления металлов. Одновременно, мировая техника далеко шагнула вперед в период мировой войны.

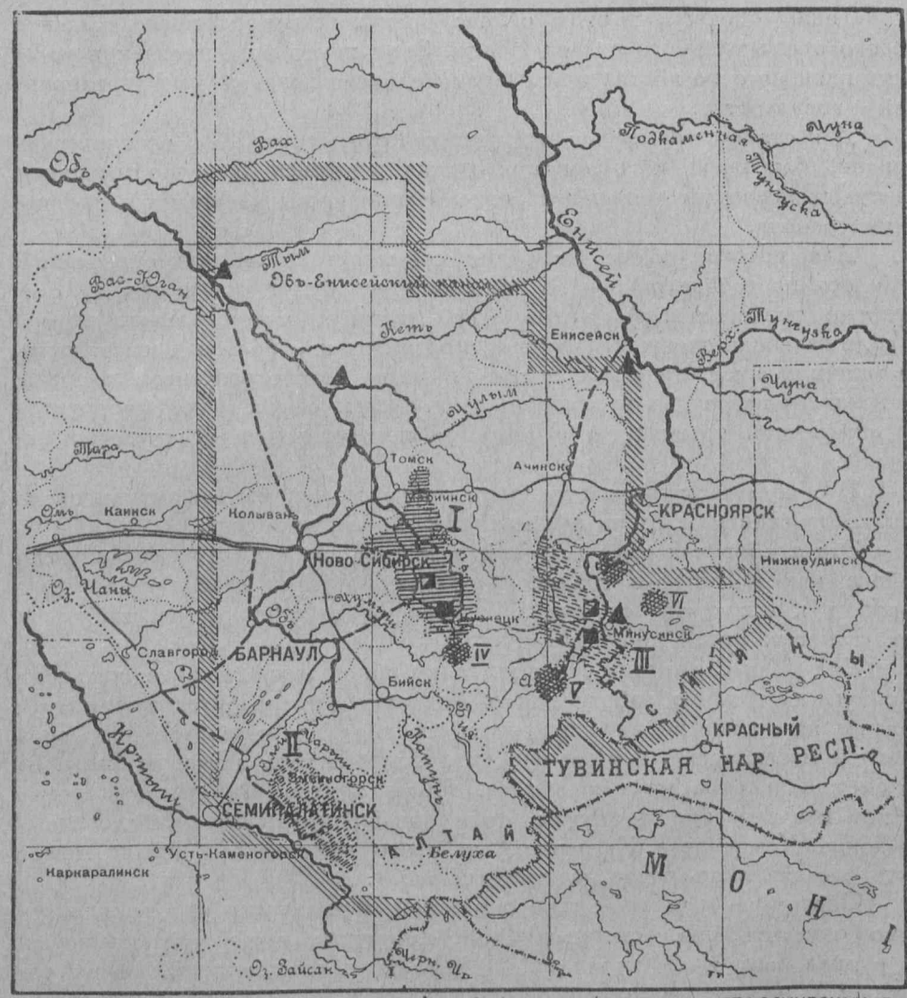
Таким образом, в плане развития цветной металлургии нельзя воспользоваться опытом, традициями, экономическими соотношениями прошлого. И масштабы и техника производства будут, очевидно, совершенно иные, а все экономические показатели должны претерпеть существеннейшие изменения как в количественном, так и в качественном отношениях. Поэтому одна из трудных сторон плана развития полиметаллической промышленности состоит в том, что приходится многие необходимые соотношения получать теоретическим путем, используя данные новейшей техники и предвосхищая неизбежные технические и экономические видоизменения заграничного опыта, которые должны последовать при применении его в наших условиях.

Значительные трудности представляет недостаточная исследованность полиметаллических месторождений СССР. По Алтаю, например, из 850 констатированных месторождений оказалось возможным принять к учету лишь 17, по которым имеем данные о промышленном их значении, т.-е. 2% от общего числа месторождений.

Еще более затрудняющим обстоятельством является то, что металлургия полиметаллов по своей природе есть комбинированное производство, соприкасающееся, с одной стороны, с основной химией (производство серной кислоты), а с другой — с энергетикой. Эти две отрасли народного хозяйства настолько глубоко связаны с современной основной промышленностью, что в условиях нашего обобществленного хозяйства не представляется возможным планировать цветную металлургию только

[1] Настоящая работа является изложением части работ по генеральному плану основной промышленности Кузнецко-Алтайского района, исполненных Сибирской группой комиссии генерального плана. Материалы, использованные в настоящей статье, составляют часть работ инж. И. Т. Гуштюка и Н. Н. Колосовского на тему „Общая схема разработки полиметаллических руд и организации металлургии цветных металлов в Кузнецко-Алтайском районе".

в поотраслевом понимании с обычными приемами коммерческого расчета эффективности. Требуется дополнительная проверка этих расчетов и всей



I - КУЗНЕЦКИЙ БАССЕЙН.
II - РАЙОН АЛТАЙСКИХ ПОЛИМЕТАЛЛИЧЕСКИХ РУД
III - РАЙОН МИНУСИНСКИХ МЕДНЫХ РУД.
IV, V, VI, VII - ЖЕЛЕЗОРУДНЫЕ РАЙОНЫ.
■ - ТЕЛЬБЕССКИЙ и МИНУСИНСКИЙ ЖЕЛЕЗОДЕЛ. ЗАВОДЫ.
▲ - ЛЕСООБРАБАТЫВАЮЩИЕ и ЛЕСОХИМИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ.
◪ - ЦЕНТРАЛЬНЫЕ КУЗНЕЦКИЙ и МИНУСИНСКИЙ ЗАВОДЫ ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ.

проектировки с сопоставлением всех соприкасающихся элементов основной промышленности в комбинированном виде.

В Кузнецко-Алтайском районе, который должен явиться в будущем основным центром металлургии полиметаллов, одновременно проектируется: а) развитие Кузнецкого каменноугольного бассейна до масштабов второго по размерам добычи угольного района Союза; б) развитие коксобензольной промышленности; в) развитие металлургии черного металла;

г) развитие машиностроения; д) постройка электрических станций большой мощности, не считая развития ряда других отраслей промышленности меньшего значения.

Таким образом, в этом районе практически предрешено создание нового промышленного центра Союза. Этот центр будет создан в условиях планового хозяйства при наличии единого хозяина всех предприятий — государства.

Для старых промышленных центров существует ряд исторических причин, благодаря которым приходится мириться с существованием взаимных несоответствий между отдельными промышленными предприятиями района.

Для нового района не будет существовать никаких оправданий, если при постройке районного комбината не будут осуществлены следующие требования: а) рациональный минимум материальных потерь в виде неиспользованных побочных продуктов и отбросов производства; б) минимум энергетических потерь в виде неиспользованной энергии; в) минимум встречных и повторных перевозок сырья и полуфабрикатов во внутреннем транспорте; г) минимум неиспользованных трудовых ресурсов.

В обобщенном виде это направление может быть формулировано как требование максимума эффекта при минимуме затрат.

Эти требования явно приводят к пониманию всей промышленности района как целостного грандиозного комбината и пред'являют новые запросы к искусству советских инженеров и экономистов, побуждая искать новых путей проектировки.

Учитывая сложность стоящих задач, приходится заранее квалифицировать настоящую работу, как работу сугубо предварительную. Исследование на первое время приходится ограничивать выяснением вопросов цветной металлургии, как таковой, и лишь отмечать моменты связи ее со смежными отраслями хозяйства. Но и внутри этой темы экономическое исследование по сумме наших знаний не может быть доведено до конца. Компановка Кузнецко-Алтайского комбината в целом может быть сделана лишь после дальнейших работ.

Обращаясь к частной теме о цветной металлургии района, необходимо отметить, что основными определяющими моментами являются: 1) рудная база и ее характер; 2) методы обогащения руд и их селекции; 3) энергетика процессов обогащения и металлургии; 4) энергетические ресурсы района; 5) транспорт; 6) вспомогательные материалы; 7) использование побочных продуктов; 8) локальная экономическая обстановка района.

Рудная база. Рудная база Алтая, на которой предполагается основать главнейшее в Союзе производство по получению цинка и свинца, отличается своеобразными особенностями. На Алтае и в Казакстане, как впрочем и в других полиметаллических провинциях СССР, мы не имеем открытых к настоящему времени мощных месторождений полиметаллических руд, достаточных каждое в отдельности для работы заводов современного масштаба, подобно тому, как мы имеем в железорудных районах. На Алтае и в Казакстане мы имеем, как правило, лишь мелкие и недолговечные месторождения, из которых каждое в отдельности может обеспечить работу лишь мелких заводов в течение 10—15,

максимум 20 лет. Но одновременно с этим мы имеем весьма большое общее число месторождений, позволяющее говорить о целых рудных провинциях.

При этих условиях нецелесообразно проектировать сооружение металлургических заводов на каждом из месторождений. Единственным способом достичь современного масштаба, техники и себестоимостей производства это — централизация металлургических процессов и обслуживание металлургических заводов с ряда рудников, а может быть, и со всей рудной провинции. В этих случаях металлургический завод может быть сделан независимым от благонадежности или долговечности отдельных рудников, а будет зависеть от благонадежности всей рудной провинции. Если вспомнить, что обследованность наших месторождений из рук вон плоха и что мы имеем сейчас, в сущности, лишь три месторождения, могущие считаться более или менее разведенными (Садонское на Кавказе, Риддерское на Алтае и Тетюхинское на Дальнем Востоке) при наличии 850 констатированных месторождений на Алтае, свыше 300 в Казакстане, 446 в Нерчинском районе, десятков на Кавказе и Дальнем Востоке,— то станет особо ясной необходимость осторожного подхода к постройке заводов на самих месторождениях.

Рудная база в названных выше районах оценивается в следующих цифрах запасов:

Таблица 1

Запасы полиметаллических руд по главным рудным районам СССР

Рудные районы	Всего запаса руды		Валовое количество металлов									
			Цинк		Свинец		Медь		Золото		Серебро	
	Тыс. тонн	%	Тыс. тонн	%	Тыс. тонн	%	Тыс. тонн	%	Тонн	%	Тонн	%
Алтай, включая концессию Лена-Гольдфильдс и район Салаира	9.940	54	1.180	60	470	42	155	81	80,5	83,4	1.070	30
Казакстан.	3.330	18	130	6	130	11	35	19	10	10	670	19,5
Нерчинский район.	3.000	17	300	15	300	27	—	—	9	6,6	1.200	35
Дальний Восток . .	1.474	8	265	14	111	16	—	—	—	—	412	12
Кавказ	555	3	114	5	39	4	—	—	—	—	110	3,5
Итого по остальным районам, кроме Алтая	8.460	46	810	40	645	58	35	19	16	16,6	2.390	70
Всего по СССР . .	18.400	100	19.900	100	1.115	100	190	100	96,5	100	3.460	100

Более детальные данные об Алтайских месторождениях дают следующую картину в отношении разведанности:

Таблица 2

Запасы полиметаллических руд Алтая

Наименование месторождений	Число месторожд., к которым относится запас / Глубина в метр. до которой исчисл. запас	Подготовл. и разведанные запасы руды: Тыс. тонн	Подготовл. и разведанные запасы руды: % от СССР	Вероятные запасы руды: Тыс. тонн	Вероятные запасы руды: % от СССР	Возможные и геологич. запасы: Тыс. тонн	Возможные и геологич. запасы: % от СССР	Всего запаса: Тыс. тонн	Всего запаса: % от СССР
1. Риддер	5 / 200	3280	48	—	—	820	9	4100	22
(В том числе сплошн. сульф.)		(950)						(950)	
2. Концесс. Гольдфильдс									
а) Зыряновские, Березовские рудники	5 / 200—300	620	9	150	6	150	4	920	6
б) Белоусовский, Таловский рудники .	2 / 250—200	1640	24	410	19	41	—	2460	13
в) Ряд других рудников (Змеиногорский, Сугатовский и друг.)	—	(860)	В подсчет не введены, так как означенные месторождения слабо освещены с промышленной точки зрения						
3. Салаирская группа .	3 / 200—250	—	—	—	55	2460[1]	13	2460	13
Итого по Алтаю . .	17 из 850 констатиров.[2]	5540	81	1790	80	2610	26	9940	54

Соответственное процентное содержание металлов

	Цинка	Свинца	Меди	Золота	Серебра
1) Группа Риддера . . .	13,6	7,9	0,73	0,0017	0,012
2) а. Зыряновские и Березовские	20,6	11,97	1,97	0,000457	0,425
3) б. Белоусовские и пр.	7,5	0,7	3,8	0,00015	0,004
4) Салаирские	10	0,8	0,5	0,0001	0,00365
5) Тетюхе (Дальний Восток)	18	12	—	—	0,028
6) Казакстан (Восточные степи)	4	4	1,1	0,0003	0,021
7) Садонская группа (Сев. Кавказ) . . .	20,6	7	—	—	0,020

[1] По позднейшим данным этот запас руд можно отнести к „действительным" запасам, т.-е. к подготовленным и разведанным рудам; вероятные же и возможные запасы составят не менее 50% от действительных.

[2] Содержание металлов в Алтайских месторождениях указано в табл. 3.

Таблица 3

Валовое содержание металлов в Алтайских рудах

(Проценты даны от общесоюзных цифр)

Месторождения	Цинк: Тыс. тонн	Цинк: %	Свинец: Тыс. тонн	Свинец: %	Медь: Тыс. тонн	Медь: %	Золото: Тонн	Золото: %	Серебро: Тонн	Серебро: %
1. Риддер	560	28	320	20,5	30	16	70	73	490	14
(В том числе в сплошн. сульфидной)	(300)	—	(115)	—	(14,5)	—	(14)	—	(52)	—
2. Концесс. Гольдфильдс										
а) Зыряновские, Березовские рудники . .	190	9,5	110	10	18	9,5	4,2	4,3	390	11,5
б) Белоусовские, Таловские рудники	185	9	17	15	94	49	3,7	3,8	98	2,5
в) Ряд других .	—	—	В подсчет не введены							
3. Салаирская группа	246	13,5	22	2	12	6,5	2,5	2,3	90-350	2
Итого по Алтаю .	1.180	60	470	42	155	81	80,5	83,4	1.070	30

Таким образом, в Алтайском районе мы имеем 54% всех запасов полиметаллических руд в СССР с валовым содержанием металлов: цинка — 60%, свинца — 42%, меди — 81%, золота — 83,4% и серебра — 2% от итогов по СССР.

В смысле разведанности это также наиболее подготовленный район, имеющий 81% запасов разведанных руд в СССР.

Государственные Риддерская и Салаирская группы имеют 35% от всего запаса полиметаллических руд в СССР и концессия Гольдфильс — 19%.

Особо благоприятно по содержанию золота Риддерское предприятие, благодаря чему при разработке его может быть получена дополнительная прибыль на золото, так сказать „сверхприбыль".

Географически довольно компактно расположены группа Риддера и группа концессионных районов, лежащие на юго-западных склонах Алтая по правобережью р. Иртыша. Более изолированно лежит Салаирская группа, расположенная по Салаирскому хребту в западных частях Кузнецкого бассейна, но зато эта группа расположена в сравнительно наилучших экономических условиях: в 11 *км* от железнодорожной ветви, ведущей к Гурьевскому заводу, и в 30 *км* от Кузбасса.

Масштабы добычи руд и выплавки металлов, если считать их по размерам более или менее разведанных месторождений Алтая определяются следующим образом:

Таблица 4

Возможная программа разработки Риддерских месторождений

Группа месторождений	Расчетные запасы (в тонн.) руды	Годовая программа максим. при услов. выработки запасов в 15—16 лет	Годовая программа I пятилетия	Годовая программа II пятилетия (в средн.)	Годовая программа III пятилетия
А. Запасы руды	4100				
Б. Добыча руды (тыс. тонн)	—	275	0—75	100	275
В. Обогащение руды (тыс. тонн)	—	275	0—75	100	275
Г. Получение концентрат.					
а) 45% цинковых тонн. .	—	69.000	35.000	47.000	69.000
%% выхода концентр. .	—	25	до 47[1]	47[1]	25
Проц. извлечение цинка	—	83	83	83	83
В них:					
Золота в *кг*	—	1.100	до 310	500	1.100
На тонну *г*	—	16	15—9	9,5	16
Серебра в *кг*	—	8.300	до 920	1.850	830
На тонну *г*	—	120	60—40	35	120
Проц. содержание свинца в цинковых	—	5,0	до 6	5—6	5,0
„ содержание меди. .	—	1,2	до 1,2	1,2	1,2
„ содержание железа .	—	6,0	до 5—6	5—6	5—6
б) 60 % свинцовых . . .	—	29.500	до 16.200	21.600	29.500
% выхода концентрат. .	—	10,8	до 21,6	21,6	10,8
Проц. извлечение свинца	—	81	70—81		81
В них:					
Золота в *кг*	—	3.250	до 990	1.300	3.250
На тонну *г*	—	110	85,5—60	63	110
Серебра в *кг*	—	15.500	до 3.350	4.500	15.500
На тонну *г*	—	520	300—210	220	520
Проц. содержание цинка в свинц. концентр. . .	—	13—14	13—14	13—14	13—14
Проц. содержание меди .	—	1,8	1,8	1,8	1,8

При условии учета данных табл. 4 полезное (извлекаемое) годовое количество металлов, цинка и свинца в концентратах табл. 4 определяется следующими величинами (предполагая общую утруску концентратов при перевозках в 1,5% и процент извлечения металлов, считая в 85%).

[1] Выход выше, так как в первые годы фабрика будет работать на сплошных сульфидах, имеющих среднее содержание цинка в 25%, а затем предприятие перейдет на обработку средней руды с 13,6% цинка.

Таблица 5

Риддерская группа рудников	Цинк	Свинец
Годовая программа I пятил. (тонн) . . .	0—13.000	0—9.000
„ „ II „ „ . . .	19.400 - 23.000	11.900—14.000
„ „ III „ „ . . .	26.800	16.400

Таблица 6

Возможная программа по Салаирским цинково-серебряным рудникам

	Годовая прогр. максимум	Годовая программа I пятил.	Годовая программа II пятил., сред.	Годовая программа III пятилет.
А. Запасы руды (развед.) 2.460 тысяч тонн				
Б. Добыча руды тонны	164.000	—	82.000	164.000
В. Обогащение руды тонны . . .	164.000	—	82.000	164.000
Г. Получение концентрат: цинковых 45% (тонн)	30.000	—	15.000	30.000
Выход концентр. %%	18,3	—	18,3	18,3
Извлечение цинка в %%	82	—	82	82
В них:				
Золота *кг*	120	—	70	120
Содержан. грамм/тонн	4	—	4	4
Серебра *кг*	4.500	—	2.250	4.500
Содержан. грамм/тонн	150	—	150	150
Процент содержание свинца . . .	3	—	3	3
„ „ меди	2	—	2	2
„ „ железа . . .	4	—	4	4

При условии учета данных таблиц 5 и 6 и предполагая общую утруску концентратов при перевозках в 1,5% и извлечение металла в 85%, получим следующее общее количество полезного (извлекаемого) металла из всех месторождений Алтая, поддающихся ныне промышленному учету (в тоннах):

Таблица 7

Месторождения	I пятилетие		II пятилетие		III пятилетие	
	Цинк	Свинец	Цинк	Свинец	Цинк	Свинец
Риддерская группа . . .	0—13000	0—9000	19400 23000 средн.	11900 14000 средн.	26200	16400
Концессия Лена—Гольдфильдс	—	—	10000	3000	16600	5500
Салаирская группа . . .	—	—	5500	—	11000	—
Итого по Алтаю . . .	0—13000	0—9000	ср. 31700	ср. 16000	53800	21900

Итак, средняя суточная производительность металлургических заводов на Алтае может быть задана примерно так: а) для II пятилетия—75—115 тонн цинка и 45—50 тонн свинца; б) для III пятилетия 165 тонн цинка и 65 тонн свинца.

Если принять во внимание только государственные рудники и исключить концессионные, то суточная производительность будет определена: а) для II пятилетия — 44—85 тонн цинка и 35—40 тонн свинца б) для III пятилетия — 115 тонн цинка и 50 тонн свинца.

Если принять во внимание американские нормы производительности заводов в 200, в 300 и более тонн цинка в сутки, то можно видеть, что весь Алтай с концессионными месторождениями и Салаиром не обеспечивает работу одного хорошего американского завода.

Экономическими основами для возможности централизовать металлургию является соотношение масс потребной руды, себестоимостей провоза и стоимостей энергии, а также возможность изготовления транспортабельных концентратов, по возможности стандартного типа.

Вопрос о получении концентратов из полиметаллических руд Алтая связан с процессами селективной флотации.

Обогащение. Достигнутые результаты лабораторной и заводской флотации сложнейших риддерских руд таковы, что не оставляют никаких сомнений в полном успехе этого дела, что подтверждается следующей таблицей:

Таблица 8

Результаты работы риддерской обогатительной фабрики (после ее обследования и установления процесса Механобром в III и IV кварталах 1927 г.)

1927 год	Продукт	Колич.	Содержан. (%%)		Извлечен. (%%)	
			Свинца	Цинка	Свинца	Цинка
С 10 по 20 ноября . . .	Руда	704	16,6	27,9	100	100
	Свинц. конц.	162	47,2	17,2	76,4	16,5
	Цинк. конц.[1]	282	4,7	45,0	19,0	75,4
С 20 по 30 ноября . . .	Руда	806	17,9	26,7	100	100
	Свинц. конц.	223	51,83	15,66	80	15
	Цинк. конц.[1]	371	6,39	45,29	15	78

С декабря месяца с. г. с установлением дополнительной аппаратуры, в том числе для перечисток цинковых концентратов,— можно ожидать дальнейшего повышения качества концентратов и извлечения металлов в концентратах.

Равно опыты обогащения Салаирских руд, произведенные в 1927 г. Механобром в полузаводском масштабе дают превосходные результаты, что изложено в следующей таблице:

[1] Железа в цинковом концентрате 5%.

Таблица 9

Результаты обогащения салаирской руды

Продукты	Выход (%%)	Содержание (%%)		Извлечение (%%)	
		Свинца	Цинка	Свинца	Цинка
Руда	100	2	10	100	100
Конц. свин. . . .	4	45	10	90	4
„ цинк. . . .	15	0,5	54	3,7	83
Хвосты	81	0,15	1,6	6,3	13

Примечания: 1) Железа в руде 3,5%, в цинк. концентрате — 4%.
2) При работе в большом масштабе можно ожидать еще лучших результатов.

Представляется совершенно возможным допустить следующие стандартные величины для концентрации металлов в обогащенных рудах. 1) Медные концентраты: содержание меди 25% при содержании цинка 5—8%. 2) Цинковые концентраты: содержание цинка 45% при содержании железа 5—7% и свинца 5—6%. 3) Свинцовые концентраты: содержание свинца 50—60% и цинка 14—7% (первые цифры для риддерских руд в ближайшие годы, вторые для прочих легко обогащаемых руд и для Риддера в более отдаленные годы, в связи с колоссально прогрессирующими успехами флотации).

Само собой разумеется, что дальнейшее изучение вопроса может дать новые цифры для процентного содержания металлов в стандартизированных концентратах.

Более тщательные подсчеты дадут в дальнейшем наивыгоднейшие соотношения между процентным содержанием металла в концентратах, стоимостью концентрации, процентами металлургического извлечения и стоимостью перевозок, но эти подсчеты явятся в результате уточнения вопроса, в стадии второго приближения. Ныне же указанные выше величины принимаются в расчет, как данности ориентировочного характера.

Идея стандартизации концентратов, будучи проведена в жизнь, влечет за собой такие многообещающие экономические последствия, что допустимо превращение вопроса в цель с приспособлением самой техники к требованиям экономики. Эволюционизирующая техника селективной флотации должна найти средства дать стандартный концентрат по достаточно дешевой цене с заранее заданными процентами извлечения.

Выхода металла можно принять опять-таки ориентировочно, учитывая недостаточное, особенно в первое время, совершенство металлургических операций, в следующих размерах:

1) На 1 тонну меди 4,5—5,00 тонны концентрата
2) „ „ „ цинка—2,64 „ „
3) „ „ „ свинца—1,85 „ „ (при 60% свинца)

Энергия для металлургии. Потребная энергия при металлургии может быть оценена следующими цифрами:

1) Для выплавки 1 тонны цинка по дистилляционному способу требуется для всех операций: обжига шамота, дистилляции, восстановления рафинировки и пр. — 5,0—5,7 тонн угля + 300 квтч. электроэнергии, что эквивалентно 5,2—5,9 тонн условного топлива (электроэнергия будет получаться от утилизации в котлах отходящих газов цинковых печей).

2) То же при электролитном способе — 4.000—4.500 квтч. + 0,8 тонн угля, или в переводе на уголь без потерь в трансформации и при передаче — 3,3—3,8 тонн условного топлива.

3) Для выплавки 1 тонны свинца тепловым способом требуется 0,8 тонн кокса + 0,8 тонн угля + 0,07 тонн дров + 480 квтч. электроэнергии, что эквивалентно 1,76 тонн условного топлива.

Таким образом, для интересующих нас случаев соотношение перевозимых масс рудных концентратов и топлива будет следующее (I случай):

Цинк — 2,64 : 5,5 = 1 : 2,08 при дистилляции
„ 2,64 : 3,5 = 1 : 1,32 при электролизе.
Свинец — 1,85 : 1,76 = 1 : 0,95

Таким образом, для цинка вопрос совершенно ясен: с точки зрения народнохозяйственной экономики необходимо вести концентрат к углю, а не обратно. Для свинца вопрос не решается столь определенно.

В приведенных расчетах не учтены еще следующие два обстоятельства: 1) дальнейшая судьба готового металла и направление его вывоза; 2) влияние перевозки серы, содержащейся в концентратах.

Для случаев перевозки металла и концентратов навстречу перевозкам угля сравнение весовых соотношений следует брать такое (II случай):

Цинк — 1,64 : 5,5 = 1 : 3,35 для дистилляции
„ 1,64 : 3,5 = 1 : 2,14 для электролиза.
Свинец — 0,85 : 1,76 = 1 : 2,07

Необходимо, далее, принять во внимание, что сера, содержащаяся в концентратах не есть балласт, а транспортабельная форма серной кислоты.

Сера, содержащаяся в концентратах, может дать практически следующее количество серной кислоты:

а) Из 100 тонн цинкового концентрата можно получить 61—81 тонну, в среднем 71 тонну моногидрата серной кислоты, иначе говоря полезное содержание серы в концентрате составляет 23,7%.

б) Из 100 тонн свинцового концентрата можно получить 37,8—52,2 тонны моногидрата, иначе говоря полезное содержание серы в концентрате составляет в среднем 15%.

Следовательно для случаев, когда серная кислота не может быть потреблена на месте, а должна перевозиться навстречу углю, весовые соотношения перевозимых масс будут (III случай):

$$\text{Цинк } \left(2{,}64 - \frac{23{,}7 \times 2{,}64}{100}\right) : 5{,}5 = 1 : 2{,}25 \text{ для дистилляции}$$

$$\text{„ } \left(2{,}64 - \frac{15{,}0 \times 2{,}64}{100}\right) : 3{,}5 = 1 : 1{,}56 \text{ для электролиза}^{1}$$

$$\text{Свинец } \left(1{,}85 - \frac{15 \times 1{,}85}{100}\right) : 1{,}76 = 1 : 1{,}12$$

[1] Для электролиза учтено потребление серной кислоты на месте для процесса в размере 8 тонн серы на 100 тонн концентрата: в виде серной кислоты на начальных ступенях работы и в виде сульфатного цинка от сульфатизирующего обжига — в дальнейшем, когда вполне овладеем процессом.

Далее, если учесть случай, когда должны перевозиться и готовый металл и сера, то сравнение соотношений весовых масс следует брать такое (IV случай):

$$\text{Цинк } \left(1{,}64 - \frac{23{,}7 \times 2{,}64}{100}\right) : 5{,}5 = 1 : 5{,}5 \text{ для дистилляции}$$

$$\text{„ } \left(1{,}64 - \frac{15 \times 2{,}64}{100}\right) : 3{,}5 = 1 : 2{,}82 \text{ для электролиза}$$

$$\text{Свинец } \left(0{,}85 - \frac{15 \times 1{,}85}{100}\right) : 1{,}76 = 1 : 1{,}12.$$

Итак, для случаев II, III, IV соотношение весовых масс определенно говорит за необходимость перевозить концентрат к источникам энергии, а не обратно. Следует, кроме того, учесть то обстоятельство, что в формулах III и IV расчет сделан на серу, на самом деле противопоставлять нужно перевозку серы в концентратах против перевозки серной кислоты, что дает увеличение веса в 3 раза, считая на моногидрат. Этого в формулах не принято.

Остается определить теперь те предельные расстояния перевозок концентратов, какие являются выгодными. Они зависят от соотношения перевозимых масс, себестоимости провоза и стоимостей энергии.

Стоимость провоза. На стоимостях провоза следует остановиться особо. Существующие железнодорожные тарифы дают следующие ставки на перевозку руды и цветных металлов.

Руда (схема 28 класса): от 1 до 267 *км* по 0,72 коп. за тонно-километр; свыше 267 *км* к плате за 267 *км* в 192,2 коп. прибавлять по 0,57 коп. за тонно-километр.

Металл (схема 18 класса): от 1 до 267 *км* по 2,86 коп. за тонно-километр; от 268 до 534 коп. к плате за 267 *км* в 763,6 коп. прибавлять по 2,29 коп. за тонно-километр; от 585 до 800 *км* к плате за 534 *км* в 1375,0 коп. прибавлять по 1,72 коп. за тонно-километр; от 1066 *км* к плате за 800 *км* в 1832,5 коп. прибавлять по 1,15 коп. за тонно-километр, свыше 1066 *км* к плате за 1066 *км* в 2138,4 коп. прибавлять по 0,57 коп. за тонно-километр.

В виду того, что могут быть сомнения в правильности применения к определению мест расположения заводов действующих тарифов, приведем некоторые соображения о себестоимости перевозок.

По расчетам проф. Е. М. Михальцева, сделанным для Комиссии генплана Госплана СССР, средняя себестоимость перевозок определяется так (в довоенных копейках за 1 тонно-километр):

	Экспл.	Оплата капит.	Аморт.	Всего
Магистраль с большим грузооборотом . . .	0,312	0,106	0,032	0,450
Средняя магистраль	0,613	0,412	0,110	1,195
Под'ездные пути	1,510	0,954	0,250	2,714

В червонном исчислении при коэфициенте 1,6 средняя себестоимость выражается так:

	Экспл.	Оплата капит.	Аморт.	Всего
Магистраль с большим грузооборотом . . .	0,500	0,170	0,151	0,721
Средняя магистраль	1,070	0,660	0,176	1,906
Под'ездные пути	2,420	1,525	0,400	4,345

При определении места заводов эти средние величины себестоимости не могут приниматься безоговорочно в силу следующих соображений.

При перевозках грузов следует различать грузы сезонные и грузы регулярные, следующие в маршрутных поездах и единичные отправки, грузы дальнего следования и грузы с коротким пробегом.

Себестоимость перевозок грузов этих разных категорий для железных дорог будет различная. Это и находит себе отражение при построении тарифов. В качестве низшего предела действительной себестоимости для железных дорог перевозки рудных концентратов является оплата расходов, прямо зависящих от движения плюс оплата капитала, зависящего от движения. Первая величина равняется, примерно, 50% от всей суммы эксплоатационных расходов, вторая составляет, примерно, 61% отчислений на оплату капитала.

Приняв эти цифры, получим следующие таблицы, дающие низший предел себестоимостей перевозок для грузов массовых, маршрутных, с дальними пробегами:

Таблица 10

I. В довоенных копейках за тонно-километр

Разряд дорог	Экспл.	Оплата капит.	Аморт.	Всего	
				за тонно-км	за пудо-версту
Магистраль с большим грузооборотом	0,156	0,065	0,020	0,241	1/237
Средняя магистраль	0,336	0,251	0,067	0,654	1/87
Под'ездные пути	0,755	0,581	0,152	1,488	1/38

II. В червонном исчислении за тонно-километр (коэф. 1,6)

Разряд дорог	Экспл.	Оплата капит.	Аморт.	Всего	
				за тонно-км	за пудо-версту
Магистраль с большим грузооборотом	0,250	0,103	0,031	0,384	1/189
Средняя магистраль	0,535	0,400	0,107	1,042	1/55
Под'ездные пути	1,210	0,930	0,244	2,384	1/24

Таким образом, существующий ныне тариф на руду лежит близко к пределам между себестоимостью по расходам, зависящим от движения для дорог с большим движением и средней дороги. Если считать, что руды Алтая могут двигаться по Алтайской ж. д. на расстоянии 655 *км* (дорога со средним движением) и дальше по Сибирской дороге (дорога с большим грузооборотом), то существующий тариф следует считать

близким к истинной себестоимости перевозок руды, учитывая ее особенности. В силу этого, расчеты возможно проводить на основах действующего тарифа, но желательны сравнения и для других случаев возможных исчислений себестоимости.

Предельная дальность перевозок концентратов. Возвращаясь к вопросу о предельных расстояниях перевозок концентратов, сделаем те выводы, которые вытекают из сопоставления приведенных выше величин соотношений между потребной энергией и ее стоимостью, величиной перевозимых масс и стоимостью перевозок.

То, что надо перевозить концентраты к энергии, а не обратно, это видно из весовых эквивалентов и справедливо для цинка во всех случаях, для свинца исключением будет лишь случай (I), когда перевозка металлического свинца не учитывается и не учитывается сера концентратов.

Предельная дальность перевозок определится из равенства: $T = Э \times M$, где T — стоимость провоза на расстоянии L; Э — разность стоимости энергии в пункте добычи руды в некотором пункте A; M — энергетический эквивалент на 1 тонну концентратов.

Отсюда можно определить расстояние L, если заданы все прочие величины.

Таким образом, например, если в пункте A стоимость энергии меньше на 0,50 коп. за киловатт-час, то предельное расстояние перевозок цинкового концентрата исчисляется:

а) По действующему тарифу — в 2142 *км* при дистилляции
в 1211 *км* „ электролизе
в 6687 *км* „ дистилляции с учетом содержания серы и при перевозке металла в том же направлении,
в 3037 *км* то же при электролизе

	Маг. бол. груз. *км*	Средн. магистр. *км*
б) При полной средней себестоимости те же величины будут	1745	661
	1010	386
	5060	1930
	2460	930
в) По зависящей от движения себестоимости те же величины будут:	3260	1210
	1900	764
	9500	3820
	4600	1850

Эти данные необычайно раздвигают пределы для возможности сконцентрирования в небольшом числе мест заводов по металлургии цинка.

Теоретически мыслима, например, комбинация с перевозкой почти всех концентратов в Союзе, включая и Дальне-Восточные месторождения на Днепровскую гидроустановку, где стоимость энергии предполагается в 0,5 коп. за киловатт-час, если бы не было других центров дешевой энергии в Союзе, более близко расположенных.

Эти данные также об'ясняют жизнестойкость американских предприятий по цветной металлургии, расположенных на газовых полях, каменноугольных копях и вблизи гидроустановок с дешевой энергией.

Для алтайских полиметаллических месторождений вышеприведенные расчеты дают следующие наводящие указания.

Вывоз алтайских концентратов может быть произведен или по р. Иртышу или через Алтайскую железную дорогу на Новосибирск и далее по Сибирской жел. дороге.

Потребителями металлического цинка могут быть: европейские промышленные районы, Урал, в будущем Кузбасс (напр., цинкование кровельного железа).

Таким образом, и иртышское водное и новосибирское железнодорожное сообщение при перевозках концентратов будут их вести в том же направлении, что и вывоз металлического цинка к потребителю. Потребителями серы из концентратов или серной кислоты будет являться Кузбасс с его химией по переработке коксобензольных производных и древесно-химическая промышленность рр. Томи, Чулыма, Тыми. Таким образом, Новосибирское ж.-д. направление будет совпадать с необходимым для перевозки серы. В силу этого, казалось бы, приходится применять формулы для случая IV (см. стр. 221).

Что касается энергетики, то конкурирующими центрами дешевой энергии, расположенными по возможным путям следования концентратов, будут: Экибастусс (уголь), Кузбасс (уголь, газ, электроэнергия) и гидроэнергия алтайских рек Убы и Ульбы. При этом в Кузбассе на кузнецком топливе могут быть варианты расположения завода и в г. Новосибирске и в самом Кузбассе, напр., в районе Кольчугина.

Пример Риддера. Прежде чем оценивать энергетические преимущества этих разных вариантов, произведем сравнение показателей транспортных для случая перевозки цинковых концентратов на примере Риддера в предположении, что существует железная дорога под'ездного типа от Риддера до Алтайской ж. д.

I случай

Таблица 11

Перевозка до Кольчугина концентратов металлического цинка в Москву и потребление серы в Кузбассе

Участки ж.-д. пути	Протяж. км	Весов. эквив. концентр. на тонну металл. цинка	Трансп. матер. показат.	Себест. коп./тонн.	Ценност. трансп. показат. по себестоим.
Риддерск. ж. д.	290	2.64—1.00—0.63	292,9	2.384	670
Алтайская до Новосибирска.	654	1,01	660,5	1.042	690
Новосибирск - Кольчугино (существ.)	346	1.01 + 2.00	1041,5	0.384	401
То же по новому направлению сверхмагистр. типа .	(285)	3.01	(797,9)	0.384	(306)
Всего . . .	1290	ср. 1,545	1994,9	ср. 0,88	1761
	(1229)	ср. 1,425	(1751,3)	ср. 0,95	(1666)

II случай

Таблица 12

Перевозка до Новосибирска концентратов с переработкой их в Новосибирске [1]

Участки ж.-д. пути	Протяжение в км	Весовой эквивалент	Транспортн. материальн. показат.	Себестоим. коп. 1 тонны	Ценностн. трансп. показ. по эксплоат. себестоим.
Риддерская ж. д.	290	1.01	292,9	2,384	670
Алтайская „ „	654	1.01	660,5	1,042	690
Новосибирск.— Кольчуг. (существ.)	346	3 × 0,63 × 0,5	326,9	0,384	850
То же уголь	346	5,5 (3,5) [2]	1919,0	0,384	500 (316)
То же по новому направлен.	(285)	3 × 0,63 × 0,5	(1211,0) (269,3)	0,384	700
То же уголь	(285)	5,5 (3,5)	(1567,5) (997,5)	0,384	(407) (382)
Всего . . .	—	—	3190 (2491,0) (2790,2) (2220,2)	—	2710 (2526) 2467 (2442)

III случай

Таблица 13

Переработка концентратов на самом Риддере [3]

Участки ж.-д. пути	Протяжение в км	Весовой эквивалент	Транспортн. материальн. показат.	Себестоим. коп./тонн	Ценностн. трансп. показ. по эквив. себестоим.
Риддерская ж. д.	290	0,40 × 3	348,0	2.384	830
Алтайская „ „	654	1,20	784,8	1.042	820
Новосибирск.— Кольчуг. (существ.)	346	1,20	415,2	0.384	160
Риддерская ж. д.	290	0,80	232,0	2.384	550
Алтайская „ „.	654	0,80	523,2	1.042	550
Новосибирск. Кольчуг.. .	346	0,80	276,8	0.384	106
Всего . . .	—	—	2.580,0	—	3.016
В частности:					
для серн. кислоты . . .	—	—	1.548,0	—	1.810
для угля	—	—	1.032,0	—	1.206

Разобранные три случая позволяют сделать следующие выводы, исходя из соображений транспортного характера.

1. Минимум перевозок будет для случая I, т.-е. для металлургии внутри самого Кузбасса—1.995 тонно-километров; далее идет случай II для электролиза 2.491 тонно-километров и стоит случай III — электролиз на самом Риддере 2.580 тонно-километров; на последнем месте будет случай II для

[1] Металлический цинк следует в направлении на Москву; серная кислота везется в Кузбасс в размере 50%; топливо подвозится из Кузбасса.

[2] В скобках указан случай электролиза.

[3] Металлический цинк следует в направлении на Новосибирск—Москву; серная кислота везется в Кузбасс; дополнительное топливо везется из Кузбасса.

дистилляции в Новосибирске—3.199 тонно-*км*—Риддерский случай III может перейти на первое место лишь в случае организации на месте потребления всей серной кислоты.

По ценностным транспортным показателям положение будет:

Наивыгоднейшим будет вариант Кузбасский	17 р. 61 к.
Далее идет Новосибирский электролитный	25 „ 26 „
Затем Новосибирский дистилляционный	27 „ 10 „
И, наконец, Риддерский электролитный	30 „ 16 „

Энергетика района. Дальнейшие уточнения в вопросе о выборе центров для металлургии Алтая могут быть внесены лишь после рассмотрения конкретных условий энергоснабжения в конкурирующих центрах. Разберем условия энергоснабжения каждого из названных нами пунктов: Кузбасса (уголь, газы), Экибастусса (уголь), Алтая (гидроэнергия).

Кузбасс. Энергия Кузбасса может быть использована либо в самом Кузбассе, либо в г. Новосибирске. Разберем новосибирский электролитный вариант. По поручению Сибирского бюро Госплана инженером Н. Н. Вашковым сделаны расчеты стоимости энергии для случая электролиза цинка в г. Новосибирске. Результаты следующие:

Рост произв. цинкового завода (тонн)	16.000	33.000	40.000 т.	45.000	50.000
Потребная мощн. квт.	11.050	22.900	28.800 „	31.200	32.700

Местная нагрузка доходит до 10.000 квт.; работа по электролизу 8.000 часов в год.

Полная потребность в мощности станции 64.000 квт.

Для производительности в 33.000 тонн требуется установить 48.000 квт.

Полная стоимость 1 квтч. для цинкового завода при одновременной отдаче на местные нужды:

1) Завод, производительностью 35.000 тонн цинка в год и 8.000 квт. местной нагрузке, дает стоимость тока — 1.41 черв. коп. за квтч.

2) Завод, производительностью 50.000 тонн цинка и 10.000 квтч. местной нагрузки — 1.35 коп. за квтч.

Эти расчеты сделаны в предположении современных цен на сооружение станций, какие не являются нормальными. При более благоприятных условиях предельная величина стоимости тока определится для полной мощности завода в 1.245 коп. за квтч. для цинкового завода.

Расположение завода в Новосибирске благоприятно потому, что его мощность может быть догружена до полной не только за счет Алтайских заводов, но и за счет нерчинских концентратов, так как Новосибирск расположен на пути следования концентратов от Нерчинского района в центр Союза. Кроме того, в Новосибирске может быть расположена химическая промышленность, потребляющая серную кислоту, и, наконец, из Новосибирска серной кислотой удобно по воде снабжать целлюлозные заводы на системе р. Оби сплавом по реке. Одновременно с этим нельзя не упомянуть о том, что Новосибирск в будущем явится крупным центром обрабатывающей промышленности, чему благоприятствует его географическое положение на скрещении Сибирской сверхмагистрали, начале дороги на Среднюю Азию (Туркестано-Сибирская), ж. д. на восток и водного пути на север. Появление здесь мощной электростанции с дешевой энергией ускорит процесс развития местной промышленности.

В вышеприведенных расчетах стоимость электроэнергии принималась стоимостью угля франко—Новосибирск. В виду того что в транспортных показателях, приведенных выше, стоимость транспорта угля уже была учтена, внесем соответствующие поправки в приведенные выше цифры себестоимости тока для электролитного завода.

Тогда будем иметь расчетную расценку для 36.000-тонного завода в 1,27 коп. за квтч., или кругло 1,3 коп., и для завода в 50.000 тонн — 1,17 коп., с возможностью уменьшения ее до 1,07 коп.

Принимая эти цифры, будем иметь расчетную энергетическую слагаемую для 1 тонны цинка:

а) Электроэнергия	4.500×1.3 (1.1)=58 р. 50 к. (49 р. 50 к.)
б) Каменный уголь	0.8×6 р. 70 (6 р. 10 к.)=5 р. 36 к. (4 р. 48 к.)
Всего	63 р. 86 к. (53 р. 98 к.)

В дальнейшем понадобятся не только эти условные величины энергетической слагаемой для 1 тонны цинка, но и реальные величины, поэтому вычисляем также и их:

а) Электроэнергия	4.500×1.45 (1.25 к.)=65 р. 00 к. (56 р. 25 к.)
б) Каменный уголь	0.8×8 р. 70 к. (8 р. 10 к.)=6 р. 96 к. (6 р. 48 к.)
Всего	71 р. 96 к. (62 р. 73 к.)

Внутри Кузбасса могут конкурировать три способа: 1) дистилляционный на угле, 2) то же на газах, 3) электролитический.

1. Стоимость одной тонны угля по плану развития Кузбасса будет равна (по работам И. И. Федоровича):

Таблица 14

Статьи калькуляц.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
Рабоч. сила	3,05	3,35	3,31	3,15	3,00	2,91	2,89	2,58	2,50
Начисление 15% . . .	0,46	0,50	0,50	0,47	0,45	0,43	0,49	0,39	0,38
Материалы	1,16	1,20	1,10	1,10	1,04	1,04	1,00	0,92	0,90
Топливо	0,85	0,40	0,40	0,40	0,40	0,35	0,34	0,28	0,25
Общие расходы . . .	0,82	0,96	0,96	0,92	0,88	0,84	0,81	0,75	0,74
Амортизация	0,67	0,61	0,73	0,73	0,73	0,73	0,73	0,73	0,73
Себестоим. 1 тонны в рублях	7,02	7,02	7,00	6,80	6,50	6,30	6,20	5,65	5,50
Сред. прод. цена в руб. за 1 тонну	7,63	7,63	7,63	7,00	6,70	6,70	6,50	6,25	6,10

Если принять приведенные выше величины для расхода топлива, то энергетическая слагающая стоимости 1 тонны цинка будет при дистилляции в Кузбассе:

5,7 тонн угля×6 р. 70 к.=38 р. 20 к. в 1930/31 г.
5,5 тонн угля×6 р. 10 к.=33 р. 50 к. в 1940/41 г.

Электроэнергию в 300 квтч. считаем по 3,5—3,0 коп. за квтч., а всего на 1 тонну: 300×0,035=10 р. 50 к. в 1930/31 г. и 300×0,03=9 р. 00 к. в 1940/41 г.

Всего энергетическая слагаемая будет: 48 р. 70 к. в 1930/31 г. и 42 р. 50 к. в 1940/41 г.

2. Согласно общему плану развития коксования в Кузнецком бассейне, предполагается три центра коксования: а) Кемеровский с масштабом коксования к 1940/41 г. в 330.000 тонн кокса; б) Кольчугинский с выжегом 410.000 тонн кокса и Кузнецкий заводской с выжегом 820.000 тонн кокса. Продажная цена отходящих газов от коксовых печей предположена в размерах 1 куб. метра газа—0,38—0,35 к. При коксовании на 1 тонну кокса по американским данным, подтверждаемым И. И. Федоровичем для кузнецких углей, получается около 125 куб. метров газа, возможного к использованию. Таким образом, в Кузбассе к 1940/41 г. мы будем иметь избыточного газа:

а) в Кемерове . . . . . 125×330.000=41.250.000 куб. метров
б) в Кольчугине . . . . . 125×410.000=51.300.000 „ „

При программе дистилляционного завода в Кузбассе в 36.000 тонн цинка потребуется газа: 36000×4500 *(куб. м)* =162.000.000 *(куб. м)*.

При заводе в 50.000 тонн потребуется газа 50000×4500=225.000.000 *куб. м.*

Таким образом, коксового газа нехватит ни в Кемерове, ни в Кольчугине на мощность цинкового завода даже в 36.000 тонн. Для обеспечения завода мощностью в 36.000 тонн требовалось бы создать в одном из пунктов коксование в масштабе 1.300.000 тонн кокса в одном пункте, а для завода в 50.000 тонн — в масштабе 1.800.000 тонн кокса. Совершенно очевидно, что такую программу коксования развернуть трудно (работы И. И. Федоровича). Максимальная программа коксования, которую можно было бы сосредоточить в одном пункте (Кольчугино), будет следующая—410+700=1.110 тыс. кокса. Это будет в том случае, если все снабжение уральских заводов будет итти в виде кокса, а не в виде угля, что вряд ли осуществимо по условиям уральского металлургического хозяйства. Поэтому максимальная производительность цинкового завода на газах определится по пределу возможного коксования (410 тыс. тонн), т.-е. производительность цинкового завода может быть $\frac{51.300.000}{4.500}$=11.400 тонн цинка. Энергетическая слагаемая при дистилляции на газах будет составлять на 1 тонну цинка:

а) стоимость каменного угля . . . . 1,6 т.×6 р. 70 к. (6 р. 10 к.)=10 р. 70 (9 р. 80 к.
б) стоимость газа . . . . . 4.500×0,38 (0,35)=17 р. 10 к. (15 р. 80 к.)
в) стоимость электроэнергии . . . . 300×0,035 р. (0,03)=10 р. 50 к. (9 р. 00 к.)

Итого . . . . . от 38 р. 30 к. к 1930/31 г. до 34 р. 70 к. к 1940/41 г.

3. При электролитическом способе с расположением завода внутри самого Кузбасса можно рассчитывать на электростанцию, работающую либо на газах, либо на угле.

При работе электростанции на газах будем иметь следующую себестоимость электроэнергии для электролитного завода.

Топливная слагающая стоимости тока будет равна (считая, что 1 *куб. м* газа в 4.000 калорий дает в газомоторной установке 1 квтч.) 0,38 коп. для 1930/31 г. и 0,35 коп. для 1940/41 г. Полная себестоимость энергии будет равна 1,7 коп. за квтч. в 1930/31 и 1,4 коп. в 1940/41 г.

Отсюда энергетическая слагаемая для этого случая на 1 тонну цинка будет:

а) Электроэнергия . . . . 4500×1,7 коп.=76 р. 50 к. в 1930/31 г. и 63 р. 00 к. в 1940/41 г.
б) Каменный уголь . . . 0,8×6 р. 70 к.= 5 р. 36 к. в 1930/31 г. и 4 р. 48 к. в 1949/41 г.

Итого энергетическая слагающая . . . . 81 р. 86 к. в 1930/31 г. 67 р. 48 к. в 1940/41 г.

Предельная отдача электростанции на газах определится мощностью Кольчугинской коксовой установки, т.-е. 51.300.000 квтч., между тем как для электролиза 36.000 тонн цинка требуется 36.000×4.500= =162.000.000 квтч., иначе говоря мощность газовой электростанции также не будет достаточна.

При работе электрической станции не на газах, а на угле, стоимость энергии будет: топливная слагающая при цене угля 6 р. 70 коп. в 1930/31 г. и 6 р. 10 коп. в 1940/41 г. будет соответственно 0,48 коп. и 0,44 коп.

Стоимость тока для завода 36.000 тонн—1,76 коп. за квтч. для завода—50.000 тонн—1,47 коп.; принимаем округленно для I случая 1,8 коп. и для II—1,5 коп. за киловатт-час.

Отсюда энергетическая слагаемая на 1 тонну цинка будет:

а) Электроэнергия: 4.5000×1.8 (1,5 к.) = 81 р. 00 к. (67 р. 50 к.)
б) Каменный уголь: 0,8×6 р. 70 к. (6 р. 10 к.)=5 р. 36 к. (4 р. 48 к.)

Всего . . . 86 р. 36 к. для 1930/31 г. и 71 р. 98 к. для 1940/41 „

Итоги сравнительных расчетов энергетических показателей для цинка в районе Кузбасса таковы:

Таблица 15

Даты	Электролиз в г. Новосибирске	Дистилляц. в Кузбассе на угле	То же на газах	Электр. в Кузбассе на газах	То же на угле	Примечание
1930/31 г.	63 р. 86 к.[1] (71 р. 96 к.)	48 р. 70 к.	38 р. 30 к.	81 р. 86 к.	86 р. 36 к.	1 Без учета трансп. угля; 1 В скобках даны реальн. величины
1940/41 г.	53 р. 98 к. (62 р. 73 к.)[2]	42 р. 50 к.	34 р. 70 к.	67 р. 48 к.	71 р. 98 к.	

Итак, наименьшие величины энергетический показатель имеет:

1) Для дистилляции на газах.
2) То же на угле.
3) Для электролиза в г. Новосибирске.

} в Кузбассе

Но газа от коксования в Кузбассе нехватает для завода на полную производительность и может хватить лишь в случае снабжения Урала на полную потребность коксом, а не углем. Следовательно, конкурируют дистилляция на угле и электролиз в г. Новосибирске.

Алтай. Разберем теперь энергетические условия Алтая. По данным инж. Н. А. Копылова общая примерная мощность крупных рек Алтая (без Саян) оценивается в 2 млн. лош. сил. В смысле возможного использования реки Алтая разбиваются на три группы: южную, юго-запад-

ную и центральную. К южной группе относятся реки Алкабек, Кальджир, Курчум, Нарым. Эти реки не имеют шансов в ближайшее время на использование для гидроэлектрических установок за отсутствием солидного потребителя, но часть их вод может в будущем послужить для орошения Зайсанской котловины.

К юго-западной группе относятся реки: Бухтарма, Ульба, Уба с их системами и быстрины р. Иртыша между устьем р. Бухтармы и г. Усть-каменогорском. Использование этих рек возможно при вариантах гидроэлектролиза полиметаллических руд этого района Алтая. Энергия рек центрального района Алтая (рр. Чарыш, Ануй, Песчаная, Катунь и ее притоки — Коксу, Аргут, Кадрин, Сумульта, Урусул и Чуя, наконец, Бия и составляющие ее реки Чулышман и Башкаус) пока не имеет выявленного потребителя.

Из юго-западной группы рек обследованы для целей гидроустановок Ульба и Уба.

В отношении р. Ульбы работы производились Управлением Риддерского треста. Обследования р. Убы производились Главэлектро. На Риддере в настоящее время строится станция на р. Харьюзовке, мощностью 3.000 квт. с напором 58 метров. Предположено установить 3 аггрегата по 1.000 квт. каждый. Действующая Быструшинская станция имеет 1 установленный аггрегат в 225 квт; с будущего года будут действововать Быструшинская и частично Харьюзовская установки. По окончании всех предположенных работ и при паровом резерве Риддерское предприятие будет обеспечено энергией для работ рудников, обогатительной фабрики, свинцового завода, вспомогательных предприятий и электролитного опытного завода. Разработанный проект установки на р. Ульбе большой электростанции для полного обеспечения предприятия — вплоть до металлургических процессов по цинку — имеет весьма мало шансов на осуществление в настоящее время в виду необычайной сложности сооружений. Летом 1926 года были произведены Главэлектро исследования р. Убы, при чем намечены были установки в районе Больших Порогов. Эскизные подсчеты дали следующие результаты: мощность установки по реке Убе Главэлектро намечена в 50.000 квт.; средний напор принят в 91,8 метра; стоимость сооружения ориентировочно определяется в 35.000.000 рублей; стоимость энергии при годовой отдаче в 300 млн. квтч. определена в 0,8—0,88 коп. за квтч. на шинах низкого напряжения у цинкового завода при цене в 0,65 – 0,72 коп. на шинах электростанции.

В действительности, расчет следует производить не на отдачу в 300 млн. квтч., а на следующую величину, являющуюся более или менее обеспеченной:

1) Потребление центрального цинкового завода на р. Иртыше с расчетом на концентраты Алтайских рудников, включая концессионные, но без Салаира, везти концантраты которого будет явно нерентабельно:

Максимальная мощность завода, примерно, к 1940 г. (43.000 тонн) потребление максимально . . . . . 194.000.000 квтч.

Средняя мощность, примерно, к 1935/36 г. — 30.000 квт.,

Потребление . . . . . 135.000.000 квтч.

2) Прочие потребители { макс. . . . . 15.000.000 „ / средн. . . . . 10.000.000 „

Итого от 210 до 145 млн. квтч.

Таким образом, при постройке станции на полную мощность в 50.000 квтч. и при отдаче в 200—150 млн. квчт., стоимость тока будет фактически равна не 0,8—0,88 коп., а для 200 млн. квтч. — от 1,2 до 1,3 коп. за квтч; для 150 млн. квтч. от 1,6 до 1,8 коп. за квтч.

В дальнейшем поведем расчет следующих случаев, учитывающих возможность понижения цены энергии за счет снижения мощности установки и уменьшения капитальных вложений: для 1940/41 г. берем стоимость 0,9 коп. за квтч. и для 1935/36 г.—1,2 коп. квтч. Следует заметить, что даже эти расчеты производятся при наиболее благоприятных возможных условиях.

Энергетическая слагаемая на 1 тонну цинка будет:

а) Электроэнергия: 4.500 × 1,2(0,9) = 54 р. 00 к. (40 р. 50 к.)

б) Каменный уголь: 0,8 к. × 6 р. 40 к. (6 р. 10 к.) = 5 р. 12 к. (4 р. 48 к.)[1]

Всего 59 р. 62 к. для 1935/36 г.
44 р. 98 к. для 1940/41 г.

Таким образом, для 1940/41 г. энергетический показатель будет выше, чем для Кузбасса на угле и на газах (42 р. 50 к. и 34 р. 70 к.) и ниже, чем для электролиза в Новосибирске (53 р. 98 к.). Это для условного способа подсчета. Реальная величина показателя будет 65 р. 30 к. (51 р. 80 к.), т.-е. выше, чем реальная величина энергетического показателя для электролиза в г. Новосибирске.

Экибастусс. В предыдущих расчетах транспортных и энергетических показателей не был дан Экибастусс. Экибастусский уголь по калорийности (5.800—6.000 калорий) хуже кузнецкого, который имеет 7.000—7.200 калорий. По содержанию серы экибастусский в среднем имеет 1%, кузнецкий меньше 0,5%; золы в экибастусском — 18,25%, в кузнецком редко 8—10%. Железные дороги считают расход экибастусского угля в 1,3 раза более, чем кузнецкого. Экибастусские копи в настоящее время бездействуют и потребуют времени (около 1½—2 лет) и средств на пуск в ход (около 2.750.000 руб.). Рентабельность восстановления Экибастусских копей сомнительна, так как в первое время потребление Риддера не превысит 100.000 тонн, а предельная минимальная добыча для рентабельности восстановления не менее 150.000 тонн. Организация цинкового завода на самих копях крайне затруднительна в виду недостатка пресной воды. Поэтому завод придется строить около р. Иртыша и перебросить Воскресенскую ж. д. на трассу Южно-Сиба на Павлодар, с постройкой ж.-д. переправы через р. Иртыш у Павлодара. Концентрат с Алтая придется возить по железной дороге зимой (осуществимо лишь в будущем при постройке ж. д. Кулунда—Рубцовка) и летом по р. Иртышу.

Транспортные показатели придется исчислять для известного однообразия для случая перевозки серной кислоты до г. Новосибирска.

Исчисления ведутся как и прежде для примера Риддерского концентрата.

Транспортно-материальные и транспортные ценностные показатели для случая центрального завода близ Павлодара будут:

[1] Цена угля принята франко—рудник Кузбасс, учитывая, что транспортировка угля уже вошла в транспортные показатели; реальная цена угля будет 14 р. 80 к.—14 р. 20 к. за тонну.

Таблица 16

Участки перевозок	Протяжение в *км*	Весовой эквивалент концентр. на 1 тонну цинка	Трансп. матер. показат.	Себестоим. в коп. за тонну	Ценностн. транспортн. показат.
I случай. Зимняя перевозка					
Риддер—Рубцовка . . .	290	2,64—1,00—0,63	2,929	2,384	670
Рубцовка—Кулунда—Павлодар	382	1,01	386	1,042	403
Павлодар—Кулунда—Татарская (серн. кислота).	556	3×0,63	1,050	1,042	1,085
Татарская — Кольчугино (серн. кислота)	774	3×0,63	1,463	0,384	550
Всего . . .	2.002	1,580	3,192	0,847	2,708
Подвозка 7,5 тонн топлива от Экибастусса до Павлодара	125	7,50	937	2,384	2,230
II случай. Летняя перевозка					
Риддер—Усткамен. . .	130	1,01	131	2,384	312
Усткамен.—Павлодар .	710	1,01	716	0,600	430
Павлодар — Омск (серн. кислот.)	590	1,89	1,100	0,600	666
Омск—Кольчугино (то же)	932	1,89	1,760	0,384	674
Всего . . .	2.362	1,58	3,717	0,560	2,082
Подвозка топлива из Экибастусса до Павлодара 7,5 тонны	125	7,50	937	2,384	2,230
Итого . . .	2487	1,87	4,654	0,926	4,312[1]

Итак, по транспортно-материальным показателям экибастусский вариант стоит на последнем месте, давая в среднем $\frac{4129+4654}{2} = 4.391$ тонно-*км* против 1.995 тонно-километров для кузбасского варианта. По ценностным транспортным показателям экибастусский вариант также занимает последнее место, давая цифру в среднем $\frac{49\text{ р. }38\text{ к.}+43\text{ р. }12\text{ к.}}{2} = 46$ р. 25 к. против 17 р. 61 к. для Кузбасса.

[1] Кроме того, не учтены перегрузки с воды на жел. дорогу и стоимость передачи экибастусского угля с помощью парома через р. Иртыш к месту завода у г. Павлодара.

Энергетический показатель будет для случая дистилляции в Павлодаре:

Электроэнергия 300 квтч. × 0,035 = 10 р. 50 к.
Каменный уголь 7,50 × 8 р. 54 к. = 64 р. 15 к.
Итого . . . 74 р. 65 к.

Эти энергетические и транспортные показатели должны в первые годы быть выше, так как железной дороги от Рубцовки на Кулунду не будет еще существовать и перевозку концентратов можно будет осуществлять лишь летом во время навигации (6 месяцев), следовательно, придется учесть необходимость увеличения оборотных средств и причислить % на этот излишний оборотный капитал к транспортным расходам.

Сводя все транспортные ценностные показатели и энергетические показатели на 1 тонну цинка в одну таблицу, будем иметь для разных вариантов места расположения центрального завода по металлургии цинка:

Таблица 17

Сводная таблица транспортных и энергетических показателей

Варианты заводов	Новосибирск. электролитн	Кузбасс дистилл. на газ.	То же на угле	Электр. в Кузбассе на газах	То же на угле	Электролиз на гидроэнергии р. Убы[2]	Экибастусс на угле
Энергетические показатели							
а) К 1930/31 г.[1]	63 р. 86 к.	38 р. 30 к.	48 р. 70 к.	81 р. 86 к.	86 р. 36 к.	59 р. 12 к.	74 р. 65 к.
	(71 „ 96“)					(65 „ 30 „)	
б) К 1940/41 „	53 „ 98„	34 „ 70 „	42 „ 50 „	67 „ 48 „	71 „ 98 „	44 „ 98 „	—
	(62 „ 73„)					(51 „ 80 „)	
Транспортн. показатели	25 „ 26„	17 „ 61 „	17 „ 61 „	17 „ 61 „	17 „ 61 „	30 „ 16 „	46 „ 25 „
Сумма от . .	89 „ 12„	55 „ 91 „	66 „ 31 „	99 „ 47 „	103 „ 97 „	89 „ 28 „	120 „ 90 „
до . .	79 „ 24„	52 „ 31 „	60 „ 11 „	85 „ 09 „	89 „ 59 „	75 „ 14 „	—

Таким образом, наивыгоднейшие цифры дает Кузбасский дистилляционный вариант на газах (до 52 р. 31 к.). Далее, идет вариант кузбасский на угле (до 60 р. 11 к.) и, наконец, два электролитных варианта, убинский (75 р. 14 к.) и новосибирский (79 р. 24 к.).

Во всех вышеприведенных расчетах не принят во внимание целый ряд местных локальных обстоятельств: вопрос о снабжении вспомогательным сырьем и его транспорт, масштабы завода, жилищное строительство, разница в стоимости производства строительных операций и т. д. Все это—круг вопросов, не умещающийся в границы метода, принятого нами для предварительных расчетов.

Выводы. Предварительный анализ вопросов районирования заводов дает основания сделать следующие заключения.

[1] Цифры этих граф в скобках указывают реальные величины для энергетических показателей.

[2] В графе по р. Убе даны цифры, относящиеся не к 1930/31 г., а к 1935/36 г.

1. Рудная база Алтая обеспечивает среднюю суточную производительность металлургических заводов на Алтае для второго пятилетия в 75—115 тонн цинка и 45—50 тонн свинца; для третьего пятилетия в 165 тонн цинка и 65 тонн свинца; при исключении концессионных рудников соответственные цифры будут: 40—85 тонн цинка и 35—40 тонн свинца для II пятилетия и 115 тонн цинка и 50 тонн свинца для III пятилетия. Если не будет новых открытий руды, то сумма всех рудников Алтая не обеспечивает работы одного американского завода с производительностью в сутки 200—300 тонн по цинку.

2. Современные наши достижения по обогащению и селективной флотации сложнейших Риддерских и Салаирских руд позволяют утверждать, что идея стандартизации концентратов может быть разрешена для Алтайских руд и мы в состоянии получать транспортабельные высокопроцентные концентраты.

3. Металлургия свинца и цинка относится к категории энергоемких производств, в силу чего весовые соотношения для перевозимых масс топлива и концентратов, в случае работы на угле, определенно складываются в пользу перевозки цинковых концентратов к углю, а не обратно. Эти соотношения усиливаются, если принять во внимание для алтайских случаев перевозку металла в том же направлении к потребителю и перевозку содержащейся в концентратах серы по направлению к ее потребителю. Для свинца соотношение дает мало определенное решение для случая недоучета перевозки металла и серы к потребителю и дает определенное решение в пользу расположения завода на угле, если перевозку металла надо производить в том же направлении и учитывать серу.

4. Предельные дальности перевозок для концентратов при учете себестоимостей перевозок по расходам, зависящим от движения, так же как и по действующим тарифам, получаются громадными и позволяют свободно выбирать наивыгоднейший и наидешевейший центр производства металла.

5. Наиболее выгодными энергетическими центрами являются Кузбасс, его уголь, газы и электричество и гидроэнергия Алтая. Экибастусс является худшим, в виду более плохих качеств его углей, небольшого диапазона возможной работы, а следовательно, высокой себестоимости угля.

6. Дополнительным плюсом Кузнецкого бассейна является наличие здесь крупного потребления серной кислоты.

7. Наиболее выгодными возможными вариантами переработки риддерских руд по транспортным показателям и энергетическим показателям являются: 1) кузбасский дистилляционный завод на газах; 2) кузбасский дистилляционный на угле; 3) два электролитных варианта на р. Убе и в г. Новосибирске с электростанцией на кузнецком угле.

8. По аналогии можно с достаточной достоверностью этот же вывод сделать для других рудников Юго-Западного Алтая, в том числе и для концессионных,—и совершенно бесспорно можно утверждать, что для Салаира наилучшим местом переработки руд будет Кузбасс.

9. Таким образом, можно считать доказанным полную экономическую возможность сооружения центрального завода по одному из упомянутых вариантов для переработки всех руд Алтая.

Весьма показательно сравнить этот анализ с выводами Oliver Ralston'а, который он дает в своем труде „Elektrolytic deposition and hidrometallurgy of zinc".

В главе XII об экономике гидрометаллургии цинка Ralston отмечает в качестве руководящих фактов следующее:

„Выплавка цинка никогда не была в С.-А. С. Ш. в руках монополии, поэтому подвергалась суровейшим условиям конкуренции и условиям хронического перепроизводства. Это снижало прибыли до исчезающих величин за немногими исключениями наиболее богатых месторождений и наиболее оборудованных предприятий. Прибыль в 5 центов на фунт являлась почти предельной и то только для тех металлургических предприятий, которые были расположены на угле или на газовых месторождениях и были приспособлены для производства серной кислоты и извлечения свинца и серебра из отбросов цинкоплавильного производства".

Далее читаем: „Определение строительных стоимостей для предприятий по электролизу цинка не дает большой разницы по сравнению с установками тепловыми. Установка производительностью в 200 тонн цинка в день может иметь стоимость теперь около 5.000.000 долларов для каждого метода. Меньшие предприятия могут стоить больше на тонну цинка и весьма сомнительно, чтобы установки производительностью в 25 тонн цинка в день могли стоить меньше, чем 750.000 долларов.

Стоимость производства при обоих процессах (электролитическом и тепловом), вероятно, будет в пользу электролитического метода для крупных установок и в пользу теплового для мелких установок".

Сопоставляя наш анализ и данные Ralston'а предполагаем следующую гипотезу для всех дальнейших расчетов.

Для переработки всех Алтайских руд должен быть сооружен единый центр в Кузбассе для работы дистилляционным или электролитным способом. При этом заводе организуется производство по выработке свинца и использованию отбросов свинца и цинка и по производству серной кислоты. Местом для завода избирается Белово-Бабанаковский район, где создается новый коксовальный центр для Кольчугинского района (работа И. И. Федоровича). В этот центр свозятся для переработки все остатки от коксового производства, подлежащие химической переработке и создается центральный завод по химической переработке коксобензольного сырья; в этом же районе сосредоточиваются другие химические заводы, требующие потребления серной кислоты (работа проф. М. Н. Соболева), кроме заводов по переработке древесины, которые располагаются по системе р. Томи и Оби (работа В. П. Князева); серная кислота для последних заводов может доставляться по воде. Подвозка концентратов будет совершаться по существующим железным дорогам через Новосибирск, Юргу, а затем по новым железным дорогам через Новосибирск—Кольчугино и Барнаул—Белово (или Кузнецк). Таким образом, в этом районе создается комбинат: цинк — свинец — коксование — газы — химия. Все отдельные составные части этого комбината должны развиваться постепенно, с соответствующим развитием остальных компонентов до масштаба в 120 тонн цинка в сутки (36.000 тонн в год) с возможностью расширения до 180 тонн в сутки (54.000 тонн в год).

В качестве вариантов изучаются случаи: 1) электролиза в г. Новосибирске с размещением здесь центра химической промышленности и со

сплавом серной кислоты по р. Оби вниз для снабжения лесохимии; 2) гидроэлектролиза на энергии р. Убы при обязательном параллельном изучении развития химической промышленности в этом районе для использования серной кислоты и при изучении методов снабжения серной кислотой химической промышленности Кузбасса (на продуктах коксования) и лесохимии системы р. Оби.

В настоящее время Советом Труда и Обороны утвержден проект постройки дистилляционного цинкового завода на 4,5 тыс. тонн годовой производительности (15 тонн в сутки) в Кузбассе и предложено расширить до 2,5 тыс. тонн в год (7,5 тонн в сутки) производительность риддерской однотонной опытной по электролизу цинка установки.

Нужно отметить, что при предстоящей высокой механизации Риддера имеющиеся, заканчиваемые постройкой и намечаемые к постройке на нем электростанции (не считая Ульбинской), покроют полностью лишь потребность в энергии рудников, обогатительной фабрики и свинцового завода; для цинкового же электролитного 7,5-тонного завода можно будет подавать гидроэнергию сравнительно регулярно лишь в летние месяцы, т.-е. этот завод уже в силу одного этого обстоятельства при таких условиях вообще нельзя будет рационально использовать. Был бы смысл строить его, даже хотя бы только как опытный, лишь в том случае, если бы было предрешено, что и большой электролитный будет строиться в Риддере же; но последнее как-раз, по нашему мнению, нельзя обосновать с точки зрения экономической целесообразности.

В подтверждение несомненной напряженности силового хозяйства Риддера и при осуществлении всех намечаемых электростанций (исключая Ульбинскую) даже при программе всего на 180 тыс. тонн руды в год,— приведем результативные цифры силового баланса Риддерского комбината, представленного в Гипромез в декабре 1927 г. (см. табл. 18).

Мы выдвигаем для обсуждения вопрос о целесообразности постройки первой заводской единицы по электролизу цинка на основе энергии Кузбасса в Новосибирске, где придется в ближайшее время значительно расширить электростанции, или в самом Кузбассе на основе электроэнергии от избыточных коксовальных газов.

Пути дальнейшей работы. Представляемые в настоящее время промышленные планы и проекты в огромном большинстве случаев замыкаются внутри отдельных отраслей промышленности. Планы промышленности СССР в целом и планы промышленности районов являются более или менее механической суммой отдельных отраслевых планов. Несомненно, что господствующая в настоящее время форма организации нашей промышленности по отраслям (так называемые „тресты“) и аналогичная отраслевая организация аппарата ВСНХ в значительной мере об'ясняют то, что представляемые планы составляются без учета всех тех выгод, которые вытекают из факта существования единого хозяина всей национальной промышленности и транспорта — государства.

Последняя организационная предпосылка дает возможность в самой широкой мере использовать начала районного комбинирования промышленности со всесторонним использованием побочных продуктов производства и так называемых отбросов производства, со специализацией производств по предприятиям района и введением начал массовых производств,

Таблица 18

Силовой баланс по Риддерскому комбинату

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	Следующие годы
	А. Потребители электроэнергии					
I. Рудники	сплошных сульфидов				Средней руды	
Добыча в тоннах	30.000	50.000	75.000	100.000	180.000	275.000
На все потребности рудников (квт.)	355	435	515	600	1.045	1.500
II. Обогатительная фабрика	400	615	750	875	1.050	1.440
III. Свинцовый завод . . .	330	330	330	435	455	650
IV. Вспомогательные цеха .	80	130	130	165	190	265
V. Водопроводная линия	—	—	40	40	60	100
VI. Электрическ. освещ.	30	30	30	50	75	100
Всего (квт.) . .	1.195	1.540	1.795	2.165	2.875	4.055
Всего квт. с учетом коэфициента одновремен. 0,8	960	1.240	1.440	1.740	2.300	3.250
	Б. Источники электроэнергии					
А. Гидростанции						
Харьюзовская						
летом	1.000	2.400	2.400	2.400	2.400	2.400
зимою	—	600	600	600	600	600
Быструшинская						
летом	200	200	400	600	600	600
зимою	30 [1]	200	200	200	200	200
Нижн. Харьюзовская[2]						
летом	—	—	—	200	400	600
зимою	—	—	—	200	300	300
Итого: летом	1.200	2.600	2.800	3.200	3.400	3.600
зимою . . .	30	800	800	1.000	1.100	1.100
Б. Паростанции						
Паротурбинная станция.	775	775	775	775	775	775
Всего: летом . .	1.975	3.375	3.575	3.975	4.175	4.375
зимою . .	805	1.575	1.575	1.775	1.875	1.875
Всего[3] с учетом потерь в сети и проч.:						
летом	1.775	3.030	3.215	3.575	3.755	3.935
зимою	725	1.415	1.415	1.595	1.685	1.685
Излишек энергии летом	815	1.790	1.775	1.835	1.455	685
(Из них гидроэлектроэнергии)	40	1.015	1.000	1.160	680	—
Излишек зимой	—	175	—	—	—	—
Недостаток энергии . .	235	—	25	145	615	1.565[4]

[1] Считая работу станции только на воде Быструхи; при перепуске же воды Громотухи мощность следует считать равной 200 квт.

[2] Для создания необходимого резерва с целью обеспечения суммарной рабочей мощности, приведенной здесь, необходима дополнительно установка на
Харьюзовской гидростанции — аггрегата на 1.000 квт.
Паротурбинной станции — „ „ 500 квт.

[3] По имеющимся расчетам, Нижняя Харьюзовская станция может давать до 900 квт. в летнее время; в данной же таблице принята, начиная с 1932/33 г., мощность ее, равная 600 квт. с учетом резерва.

[4] Отсюда вывод: при программах максимум (на 180 или 275 тыс. тонн) необходима постройка новых силовых станций.

полным использованием внутреннего транспортного аппарата и комбинированным использованием производимой внутри района энергии.

Современная техника и практика знают многообразные способы использования принципов комбинирования как в применении к отдельным замкнутым промышленным „отраслевым“ хозяйствам, так и в применении к сочетанию различных производств и территориальным комбинатам. Теория экономического районирования хозяйства СССР, принимаемая Госпланом, предполагает, что в конечном счете все хозяйство СССР возможно и выгодно организовать в виде системы производственных комбинатов-районов, сочетающихся в обширный комбинат комбинатов СССР.

В Кузнецко-Алтайском районе установка генерального плана направлена явно на создание нового промышленного центра Союза.

Проектировка по Кузнецко-Алтайскому району по основным производствам является в следующих масштабах:

Электричество	от 100 до 175	тыс. установленных киловатт
Уголь (Кузнецкий, Минусинский)	10—11	млн. тонн в год
Кокс	2,5	„ „ „
Чугун (Тельбесский и Минусинский)	1150	тыс. тонн в год
Цинк	165	„ „ „
Свинец	65	„ „ „
Серная кислота	75	„ „ „
Целлюлоза	20	„ „ „
Древесная масса	50	„ „ „
Бумага	60	„ „ „

Таким образом, задачей конкретной проектировки плана по Кузнецко-Алтайскому району является отыскание оптимумов развертывания производств, уже ныне достаточно четко обозначившихся.

В 1921 г. был разработан проект создания предприятия по переработке полиметаллов Риддерского рудника.

В этом проекте не был разработан вопрос об использовании серной кислоты — побочного продукта при металлургии полиметаллов. Затем в проекте была сделана ставка на использование гидроэнергии р. Ульбы, оказавшейся при детальном обследовании малопригодной для нужных масштабов электроснабжения. Далее, была не проработана часть экономики транспорта. Наконец, не было сделано экономических выводов о транспортных последствиях, вытекающих из новых способов обогащения руд с проистекающими отсюда выводами концентрации заводов по переработке всех руд Алтая.

Таким образом, самая интересная часть Кузнецко-Алтайского хозяйства, по самой природе производства наиболее ответственная в смысле комбинирования, была запроектирована явно дефективно с современной точки зрения.

В силу этих обстоятельств сибирская группа Комиссии генплана вынуждена была начать изучение всего вопроса о полиметаллической промышленности Алтая и Казакстана, несмотря на то, что строительство Риддера частично уже началось. Уже в первой стадии этой работе выяснилось, что полиметаллическую промышленность Восточно-Казакской степи надо рассматривать отдельно от Алтая и проектировать отдельные центры ее металлургии, а по Алтаю и Салаиру выяснилось очень много соображений за ее концентрацию.

Методика работ, примененная для исследования, изложена в настоящей статье. Она сводится к изучению вопросов районирования по методу транспортно-энергетических показателей. Попутно установлен расчетный масштаб центрального завода — 120 тонн по цинку в сутки.

Таким образом, меняется при изучении лишь м е с т о завода. В дальнейшем вопрос следует подвергнуть изучению по другой переменной: начать диференцировать по м а с ш т а б у завода. При этом можно будет сравнить выгодность концентрации на отдельных этапах развития производств и тем закончить исследование вопроса, исходя из частного подхода к проектировке с точки зрения цветной металлургии.

Завершающим этапом работы будет одновременный расчет всего Кузнецко-Алтайского комплекса основной промышленности и транспорта и отыскание оптимумов с учетом всех тех идей районного строительства, которые выше были изложены.

С. А. Кукель

План мобилизации на случай войны электроснабжающей промышленности в С.-А. С. Ш.

В июне 1927 г. военный министр (Secretary of War) С.-А. С. Ш. Д. Ф. Дэвис (Dwight F. Davis) выступил на 50-годичном собрании Национальной ассоциации электрического освещения N.E.L.A (The National Electric Light Association), об'единяющей производителей электрической энергии в С.-А. С. Ш. и производителей электрооборудования сильного и слабого тока, с предложением принять разработанный Военным министерством совместно с президиумом названной ассоциации план мобилизации электроснабжающей промышленности С.-А. С. Ш. на случай необходимости организовать „Национальную оборону", т.-е. на случай войны. Со свойственным министрам буржуазных стран лицемерием, мистер Дэвис оговорил, что авторы проекта молятся о том, чтобы их проект никогда не понадобился. При этом он, конечно, забыл прибавить, что исполнение молитвы зависит исключительно от самих С.-А. С. Ш., ибо невероятно, чтобы какое то ни было государство вздумало нападать на эту хорошо защищенную страну. Как бы там ни было, но под флагом „защиты отечества" был принят, повидимому без больших разговоров, чрезвычайно интересный проект, некоторые данные о котором появились в литературе. В журнале „Электрикал Ворлд" (Electrical World) в № от 11 июня 1927 г. была помещена в кратком изложении речь министра Дэвиса на собрании N.E.L.A., а в № от 4 февраля текущего 1928 г. напечатана статья военного инженера майора Э. С. Кэльтон под заглавием „Энергетика в деле национальной обороны", дающая несколько более подробное изложение основной идеи и мотивировки плана мобилизации электроснабжающей промышленности. Ниже мы излагаем это дело в том виде, как оно представлено в вышеуказанных статьях.

Нехватка электроэнергии в С.-А. С. Ш. во время последней войны

Военное министерство С.-А. С. Ш. было вынуждено заняться вопросами электроснабжения страны во время прошлой войны

В ряде районов Соед. Штатов потребности военной промышленности в электроэнергии не могли быть покрыты наличной мощностью электростанций. Прежде всего, недостаток в мощности проявился в районе Ниагарского водопада и дошел до 90.000 лош. сил. Положение в этом районе было настолько острое, что правительство Соед. Штатов было вынуждено покупать электроэнергию в Канаде в обмен на уголь, в то время как каждый поезд с углем, переходивший границу, вызывал, по словам майора Кэльтона, возмущение населения Соед. Штатов, не имевшего достаточно

топлива для отопления своих жилищ. В некоторых районах правительство было вынуждено покупать оптом всю вырабатываемую в районе электроэнергию и самому ее распределять между потребителями. Незадолго до перемирия энергетическая секция Управления военной промышленностью внесла в Конгресс и торопила проведением закон об ассигновании 200 млн. долл. субсидии электроснабжающим обществам для увеличения мощности в размере, соответствующем потребности специально военной промышленности. Несмотря на то, что, как заявляет Кэльтон, сами общества шли на все 100% навстречу правительству, форсировали выполнение своих строительных программ, быстро устраивали соединения между собою линиями электропередач, использовали всякую блокстанцию, как бы она ни была неэкономична, несмотря также на расширение выработки в некоторых районах на 50—75%, все же недостаток мощности в 7 районах, находившихся под наблюдением энергетической секции, дошел до 236.000 лош. сил. Путем исключения из числа потребителей некоторых второстепенных промышленных предприятий удавалось сбалансировать электроэнергию, но без резервов и настолько ненадежно, что только перемирие, как говорит Кэльтон, предупредило надвигавшийся кризис электроснабжения в 1919 г.

Во время прошлой войны Военное министерство С.-А. С. Ш. в вопросах энергоснабжения было застигнуто врасплох и к следующей войне оно желает быть и в этом отношении вполне подготовленным.

Кэльтон справедливо отмечает, что электроснабжающая промышленность С.-А. С. Ш. со времени окончания войны сделала огромнейшие успехи, но в не меньшей степени выросли и потребности в энергии. С одной стороны, степень электрификации промышленности по мощности первичных двигателей, составлявшая в 1914 г. 39,6% и поднявшаяся в 1919 г. до 55,3%, уже в 1925 г. дошла до 73%, при чем потребление электроэнергии населением тоже значительно увеличивается; с другой стороны — потребность армии в техническом снабжении и расход такового в будущей войне станут несравненно больше, чем в прежней. Если в прежней войне один аэроплан приходился на 5.000 американских солдат во Франции, то можно ожидать, что в следующий раз понадобится один аэроплан на 50 солдат и вместо 200-фунтовых бомб на каждом аэроплане будут бомбы весом в несколько тысяч фунтов. Необычайное увеличение механизации армии чрезвычайно увеличит потребность в электроэнергии со стороны промышленности в случае ее милитаризации. Кэльтон отмечает, что оборудование для крупных электростанций требует для своего изготовления значительного срока и что разместить заказы на такое оборудование во время войны будет очень трудно, так как соответствующие заводы будут завалены военными заказами. Между тем, при нынешней системе об'единения мощных электроснабжающих систем, резервы становятся все меньшими и меньшими, и потому электроснабжающая промышленность в будущей войне не будет иметь и тех возможностей быстрого увеличения своей выработки, которые она имела в прошлую войну. Поэтому недостаточный резерв в мощности электроснабжающих систем угрожает, по выражению Кэльтона, „национальной безопасности".

Заметим кстати, что для С.-А. С. Ш. вопрос о „безопасности" не является очень серьезным вопросом. Для СССР же этот вопрос несомненно имеет очень большое значение, и тем, кто очень боится, как бы

где-нибудь не перестроили в мощности электростанций, следовало бы задуматься над словами Кэльтона относительно важности для обороны иметь на электростанциях достаточный резерв, установленный еще в мирное время.

Подготовительные мероприятия правительства С.-А. С. Ш. по мобилизации электроснабжающей промышленности

В 1920 г. закон о национальной обороне, принятый Конгрессом, возложил на помощника военного министра наблюдение за снабжением армии всем необходимым и обеспечение достаточной мобилизации и организации промышленности для военных надобностей. В число отраслей промышленности, подлежащих изучению с точки зрения подготовки к мобилизации, была включена и электроснабжающая промышленность. С 1921 г. корпус военных инженеров организовал надзор за наличием силовых установок в стране. Он собрал достаточно полные сведения по всем центральным электростанциям, мощностью в 5.000 квт. и выше, об их мощности, характеристике оборудования, линиях электропередач, соединениях между системами, предположениях о расширении и усовершенствовании как при нормальных условиях, так и в случаях потребности в максимально возможно срочном расширении. И Дэвис и Кэльтон отмечали, что электроснабжающая промышленность предоставляла корпусу военных инженеров необходимые сведения, даже составляющие коммерческую тайну, с большой предупредительностью, и в результате, как выразился Дэвис, военное министерство теперь имеет достаточную инфомацию для быстрой и успешной деятельности того лица, которое в случае войны будет поставлено во главе организации, руководящей мобилизацией электроснабжающей промышленности. „Мы,— говорил Дэвис, обращаясь к собранию промышленников,— знаем теперь, в каких местах имеются избытки мощности и мы можем указать те пункты, где вероятна нехватка мощности. Мы предполагаем так распределить наши нагрузки, чтобы наши требования на энергию не превзошли наших возможностей".

Но это очевидно оказалось недостаточным, и в дальнейшей части своей речи министр сообщает, что в течение последних 6 месяцев Военное министерство совместно с Президиумом ассоциации выработало план мобилизации электроснабжающей промышленности, базирующийся на следующих пяти основных положениях.

1. Правительство не будет реквизировать какую бы то ни было станцию или систему электроснабжения без крайней необходимости обеспечить успешность ведения войны.

2. Не будет устанавливаться никакого добавочного контроля за электроснабжением районов, где имеется достаточно энергии для нынешних и будущих потребностей как военных, так и гражданских.

3. Там, где уже существует или где угрожает появлением недостаток мощности для существенно важных потребностей, правительство реквизирует всю выработку станций, расположенных в районе и будет распределять энергию между потребителями, руководствуясь высшими национальными интересами, игнорируя существующие между станциями и потребителями договорные отношения.

4. В тех местностях, где предыдущий метод окажется недостаточным для получения необходимой мощности, правительство возьмет на себя эксплоатацию станций или систем электроснабжения.

5. Существующая организация всех реквизированных электроснабжающих обществ будет сохранена правительством с целью использования полностью опыта и умения его персонала.

Реквизированную выработку электростанций предполагается оплачивать по твердому тарифу, установленному электронадзором, существующим в данном штате, и в случае отсутствия утвержденного тарифа, по цене, которую оплачивал частный потребитель до реквизиции. Если правительство реквизирует станции, то оно берет на себя ведение всего дела соответствующего общества, принимает на себя все платежи, включая налоги, кроме специальных военных налогов, несет все расходы, связанные с работой предприятий и обращает в свою пользу все доходы; однако, владельцу выдается компенсация в размере чистого дохода, который владелец имел в среднем за последние три операционных года.

При этом предусматривают случаи отступления от этого правила, если почему-либо три предыдущих года не являются показательными для нормальной доходности предприятия. И в речи военного министра и в статье Кэльтона несколько раз подчеркивается желание правительства использовать во всех случаях весь персонал.

Дэвис и в порядке изложения своих основных принципов и в различных частях своей речи стремился в возможно более мягких тонах изобразить картину будущего государственного регулирования электроснабжающей промышленности во время войны и подчеркивал намеки на выгодность для предприятий даже самого крайнего случая реквизиции. Это было для него очень важно, так как и в речах на юбилейном собрании и в статьях, посвященных собранию в специальной печати, и в приветствиях говорилось очень много о недопустимости вмешательства государственной власти в работу электроснабжающих предприятий и всякое вмешательство правительства заранее об'являлось попыткой „ввести социализм".

Даже самый план мобилизации носит скромное название „план координирования потребления энергии в военное время", ничего не говорящее о государственном регулировании.

Организационная схема этого регулирования, несомненно, представляет большой интерес и заключается в следующем.

Президент республики избирает для выполнения плана исполнителя, которому присваивается звание „чрезвычайного директора энергетики"[1] (The emergency power direktor), который будет ответствен за рациональное использование энергетических возможностей страны. Под его руководством работает исполнительный комитет, большинство членов которого будет назначено директором из числа лиц, предложенных национальной Ассоциацией N.E.L.A.

Этот комитет является, как говорит Дэвис, посредником для координирования работы Военного министерства и электроснабжающей промышленности. Но, кроме комитета, у директора будут иметься исполнительные ячейки в каждом из 11 энергетических районов, на которые разбита страна уже теперь. Во главе этих ячеек будет районный дирек-

[1] Эта идея не нова. В Германии во время последней войны тоже был такой директор, в лице известного профессора Деттмар, регулировавший все электроснабжение страны.

тор энергетики, который ответствен за рациональное использование существующих источников электрической и механической энергии, за соединение существующих систем и развитие новых источников энергии применительно к интересам военной промышленности. Кроме того, в круг его обязанностей входит инспектирование предприятий для проверки, соблюдается ли установленная в определенном порядке очередность удовлетворения потребителей электроэнергии.

Это все, что пока опубликовано. Повидимому, среди руководителей американского электрохозяйства проект вызвал некоторую тревогу. Действительно, 8 июня 1927 г. проект был принят при „оживленных рукоплесканиях", как говорится в официальном отчете, а 4 февраля 1928 г. появляется статья военного инженера, повидимому официозная, на $^3/_4$ посвященная обоснованию необходимости исключительных мероприятий на случай войны в целях „государственной обороны". Излагая в конце статьи в самом сжатом виде сущность плана, Кэльтон считает нужным „напомнить", что мероприятия, которые могут быть необходимы во время войны, „очень далеки от призыва ввести регулирование со стороны правительства и в мирное время". Он тщательно отмежевывается от лиц, признающих необходимость такого регулирования и говорит, что „в мирное время должны управлять экономические, политические и социальные идеи нации, тогда как во время войны некоторые права и привилегии должны уступить перед великой ответственностью нации в деле отражения нападения неприятеля".

Ф. Г. Дубовиков

К проблеме районирования Поволожья

1. Еще до постановления правительства о районировании Нижнего Поволожья и ЦЧО в Госплан Союза поступил ряд проектов районирования из Нижнего Поволожья и других приволжских городов. По Нижнему Поволожью имеется в настоящее время четыре варианта районирования: 1) прежний проект Госплана Союза, 2) проект Саратовского ГИКа, 3) проект Сталинградского ГИКа, 4) проект Астраханского и Калмыцкого ГИКов. Три из этих четырех проектов являются конкурентными между собою, и согласование их между собою невозможно, так как с принятием одного из них другие или отпадают или требуют коренной переработки, равносильной новому построению. Кроме того, в Госплан поступили предварительные проектировки от сопредельных Нижнему Поволожью или вышележащих территорий, интересы которых так или иначе затрагиваются с проведением границ Нижне-Волжской области: а) проект Оренбургского ГИКа, б) записка об организации Средне-Волжской области Самарской Плановой Комиссии, в) проект Татарского госплана, г) проект Вятско-Ветлужского края по докладу краевого совещания в г. Вятке и имеется также в виду д) проектировка (неизвестная в деталях) Верхне-Волжской области Нижегородского ГИКа.

2. Проблема районирования всей Приволжской полосы, по существу, является целостной проблемой. Откуда бы ни начинать районирование, с юга или с севера, проведение границ одной области в значительной мере предрешает вопрос и о районировании всей остальной приволжской полосы. В зависимости, например, от того, по какой параллели будет проведена северная граница Нижнего Поволожья, в общих чертах уже решается вопрос об образовании двух или трех областей в Поволожьи. Точно так же этот фактор в известной степени предрешает вопрос и о центрах областей. По этим мотивам, касаясь вопроса о Нижне-Волжской области, необходимо учесть все условия, взвесить все материалы и доказательства, приводимые местными органами в защиту выдвигаемых ими не только контрпроектов основному проекту Госплана, но и произвести обзор проектных соображений других волжских областей.

3. Методология госплановского районирования была воспринята в практическом применении местными плановыми органами не всегда одинаково. Несмотря на совершенно определенную задачу районирования, как выделения пространственно ограниченных территорий на основе естественно-географических, исторических и экономических признаков, образующих такой хозяйственный комплекс, который дает все основные предпосылки для наибольшей эффективности производства при наименьшей затрате сил и средств,— несмотря на правильность понимания этой общей задачи, практические построения районов, повидимому, под влиянием особенностей и разнообразия местных условий преломлялись, иногда очень своеобразно, и руководящие идеи районирования в разных случаях получали разное толкование. Множественность признаков районообразования породила различные уклоны: и то, что считалось

главнейшим фактором районообразования в одном случае, отрицалось, в другом, и, наоборот. Это еще раз подчеркивает, что при районировании одной области следует продумать план районирования и смежных с ней территорий.

4. В основу Саратовского проекта образования Нижне-Волжской области,[1] по мнению авторов этого проекта, положены принципы экономической общности задач намеченной территории, принцип укрупненности и, наконец, увязка границ со смежными областями. По этому проекту в Н. Поволожье включаются: Саратовская губ., Самарская (без Мелекесского уезда), Сызранский уезд, Ульяновской губ., часть Пензенской губ. (часть Городищенского, Пензенского, вместе с г. Пензой, и Чембарского уездов), Оренбургская губ. (без Орского уезда), АССР немцев Поволожья, Сталинградская и Астраханская губ, и Калмыцкая автономная область с центром области в Саратове.

Площадь района в этих границах составит свыше 460 тыс. *кв. км*, а население около $8^1/_2$ млн. жителей. Район характеризуется, как аграрно-индустриальный с преобладающей ролью сельского хозяйства. Специализация в сельскохозяйственном отношении определяется преобладанием в хозяйстве зерновых культур и в особенности твердых сортов пшеницы. Эта зона высокой товарности земледельческого хозяйства с ориентацией на экспорт. Проблема борьбы с засухой мерами широкого развития ирригационных сооружений и организации комбинированного поливного и сухого земледелия с проведением ряда агрокультурных мероприятий (селекция, пропашной клин и др.) требует единства плана, единства методов борьбы с природой и выработки типов устойчивого и вполне рентабельного хозяйства во всей засушливой зоне.

Северо-западная граница области по саратовскому проекту проектируется лишь в связи с выпрямлением границ, так как хозяйственное положение этой территории и его перспективы резко отличны от степной зоны: это район уже лесостепной и частью лесной с преобладанием в полеводстве серых хлебов (ржи и овса) и картофеля в составе пропашных. Южная зона намеченной области — полупустынная, рассекаемая Волго-Ахтубинской поймой с возможностями интенсивного хозяйства (садово-огородные и технические культуры) так же, как и прикаспийская полоса, отличается от северной и связана с ней, главным образом, общностью водной магистрали и частично общностью задач в сфере ирригационного хозяйства.

Промышленность области, основанная на природных ресурсах, имеет общесоюзное значение. Соляная промышленность и рыбопромышленность имеют колоссальное значение в экономике края, но для районирования наличие этих отраслей промышленности не может иметь решающего значения, в виду их концентрации на окраине области. Проектом Саратовского ГИКа признается возможность невключения в границы Нижнего Поволожья и выделения в виде самостоятельной области прикаспийской зоны, в виду особенностей ее хозяйства, если бы это оказалось допустимым по численности населения.

Развитие промышленности по переработке с.-х. сырья, преобладающей по размерам продукции в области (56% всего производства), общая задача для всей области. Отрасли промышленности, основанные на выгоднейших транспортных связях (лес, металлургия, машиностроение) и работающих на дешевом топливе, имеют перспективу развития в приволжских городах с преимущественной концентрацией в Сталинграде.

[1] См. печатаемую в этом же номере статью Л. Гаврилова. Ред.

Направление путей сообщения, в соответствии с основной установкой сельского хозяйства на зерновую продукцию, должно ориентироваться на юго-запад: Саратов—Миллерово, Уральск—Оренбург, Безенчук—Пугачов — Ершов намечаются, как дороги первой очереди.

Колонизационный фонд области, по данным Колонизационной экспедиции, не считая Волго-Ахтубинской поймы, исчисляется в 2.027 тыс. гектаров, емкостью на 57 тыс. хозяйств или свыше 300 тыс. душ сельского населения. Наибольшее заселение предполагается в Заволжской полосе в Пугачевском, Новоузенском и Бузулукском уездах.

В отношении административного устройства АССР немцев Поволожья входит в состав области на договорных условиях; Калмыцкая область, Оренбургский район и Астраханская губ., имеющие свои бытовые и хозяйственные особенности, выделяются в самостоятельные округа.

5. Основной методологической предпосылкой Сталинградского проекта[1] является образование мелких территориальных единиц-округов (и укрупненных районо-волостей) на принципе однородности и особенностей хозяйственной специализации каждой из них. Из округов составляется область, как комплекс, при тесном сотрудничестве отдельных отраслей труда, при чем промышленность будет иметь ведущую роль.

Сталинградский проект по первому варианту во многом совпадает с прежним проектом Госплана. Границы области корректируются в следующем направлении: на западе в состав области включается Морозовский район и часть Сальского округа Северо-Кавказского края по мотивам сходства естественно-исторических (засушливый характер) и экономических признаков. Этот район сходен по плотности населения, проценту пшеницы в пропорции культур и типу организации скотоводства. Северная граница области спрямляется путем отрезки и передачи в район ЦЧО 2—3 волостей Урюпинского уезда, тяготеющих к Борисоглебску, и передачи в Средне-Волжскую область всего Кузнецкого уезда, в хозяйственном отношении резко отличающегося от Нижнего Поволожья (ржано-овсяно-просовцев. район). Граница с Самарской губ. дальше идет по Пугачевскому уезду. Восточная граница отодвигается дальше на восток против сетки Госплана. Признается желательным включение в состав области всего пространства низинной впадины между Ергенями и отрогами Урала (Мугоджарские горы), вследствие сходства хозяйственных признаков (посевы пшеницы, коневодство) с южной прикаспийской полосой, но по соображениям национально-политического характера в границы области по первоначальному проекту включался только Урдинский район Букеевской орды, находящийся в сфере тяготения к Астраханской железной дороге.

Позднее, однако, при обсуждении проекта в Секции районирования Госплана Союза представители Сталингр. губ. отказались от включения в Нижне-Каспийский район Саратовск. губ. и АССР немцев, Поволожья, но взамен этого в состав вновь проектируемой области включили Букеевский, часть Уральского, Джамбейтинский и Гурьевский уезды Уральской губернии и часть других уездов Западного Казакстана, включая и весь Эмбенский нефтеносный район.

В отличие от Саратовского варианта, Сталинградский проект кладет в основу организации сельского хозяйства не экспортно-зерновую ориентировку, которая, по мнению составителей проектов, хотя и будет иметь место, но крайнее увлечение этим направлением было бы ошибочно. По докладу сталинградских представителей выдвигается особый тип хозяйства, в котором земледелие должно иметь комплексный

[1] См. печатаемую в этом же номере статью Н. Л. Олепушкина Ред.

характер. Идея организации сплошных массивов поливного хозяйства (по проекту Чаплыгина) с преобладанием зерновых культур отвергается. Ирригация должна комбинироваться весьма тесно и в малых площадях, включительно до отдельного хозяйства, с сухим земледелием. Поливные участки отводятся под зерно в небольшом размере (неполивная пшеница лучше сопротивляется явлению „мглы"). Сеяные травы и особо значительные площади отводятся под садово-огородные культуры, Волго-Ахтубинская пойма используется не только под фруктово-овощное хозяйство, но получают широкое развитие технические культуры: хлопок, клещевина, кунжут и кенаф. В северо-западной части области сельское хозяйство имеет особый характер: рожь, овес — в поле, в скотоводстве — овцеводство и частью молочный скот. В центральной и южной частях области скотоводство будет иметь ярко выраженное мясное товарное значение.

В связи с таким направлением сельского хозяйства в сторону его быстрой интенсификации приобретает важное значение вопрос о рынках сбыта. В довоенное время первое место в числе потребителей хлебных грузов Нижнего Поволжья занимало ЦПО, второе ЦЧО. В эти два района отправлялось около 60% всей хлебной отправки. Экспортное значение волжского грузопотока хлебов было невелико. Преимущественное направление экспорта было на северные балтийские порты. В связи с понижением площади посевов и превалирующего значения в хозяйстве потребительских культур отправление хлебных грузов в настоящее время упало до 25% довоенной отправки, вместе с тем, упала и доля пшеничных продуктов до 20% отправок всех хлебных грузов.

Задача будущего развития сельского хозяйства — поднять вывоз из области до размеров довоенного, с изменением структуры этого вывоза в отношении продукции более интенсивных культур. Садово-огородный уклон в хозяйстве должен иметь базой своего развития как широко развитый внутриобластной рынок при росте городов, развертывании промышленности и строительстве путей сообщения, так и вывоз за пределы района. Сбыт продуктов скотоводства на долгие годы обеспечивается внутри страны: скот и мясные продукты направляются в центр, животные продукты — кожа, шерсть и проч. — оседают для переработки внутри области и вывозятся за пределы области Развитие консервного дела при наличии всех данных (мясо, рыба, соль, овощи) приобретает широкий размах.

Транспортное переустройство согласуется с колонизацией края и в основном ориентируется за земли Казакстана. По проекту Сталинграда выдвигается на первый план Волго-Дон-Азовская магистраль и Южно-Сибирская магистраль. Саратов-Миллеровское направление, по мнению составителей проекта, как дорога имеющая местное значение в крае, отрицается. Южно-Сибирская магистраль, помимо разрешения проблемы колонизации, даст новые потоки пшеницы к портам и усилит значение Сталинграда, как распределителя продукции (пшеница, эмбенская нефть). В качестве подлежащей разрешению в ближайшее пятилетие выдвигается линия Сталинград — Уральск.

Основная установка в развитии промышленности области опирается на Сталинград. В ближайшей перспективе намечается переоборудование завода „Красный Октябрь" и „Баррикады", постройка тракторного завода (начата), судостроительной верфи, реконструкция лесообрабатывающей промышленности, постройка электроцентралей.

Областной центр области — Сталинград, как промышленный и пролетарский пункт.

6. Астраханским ГИКом совместно с Калмоблисполкомом выдвинут новый проект образования Волго-Каспийского края, в состав которого должны войти: Астраханская губерния, Калмыцкая автономная область, часть Уральской губернии Казакстана (примерно, в полосе между Лбищенском и Гурьевом) и Ленинский и Черноярский уезды, Сталинградской губернии. Площадь этой территории определяется в 412,9 тыс. *кв. км* с 1.406,5 тыс. жителей. Составители проекта признают незаконченность его в отношении территориального об'единения всей прикаспийской промысловой зоны без включения морского побережья ниже Гурьева, района Эмбы и Адаевского уезда. Эти территории ими покуда „условно исключаются" из намеченного проекта. Основные возражения Астраханского проекта, направленные против Госплановского и Сталинградского проектов Нижнего Поволожья, сводятся к следующему:

1) Хозяйственный уклад Астраханской губернии и Калмобласти, как и всей остальной прикаспийской полосы резко отличается от более северных территорий Сталинградской и Саратовской губерний.

2) При организации Нижне-Волжской области недостаточно обеспечивается руководство и организация рыбных промыслов.

3) Центр Нижнего Поволжья не может руководить работой Астраханского порта и рыбных промыслов.

Идея организации Волго-Каспийского края основывается на единстве освоения всей полупустынной прикаспийской зоны путем поднятия хозяйственного уровня преобладающего здесь скотоводческого населения, единстве хозяйственного плана рыбных промыслов и рыбной промышленности и наилучшем обеспечении интересов калмыцкой и киргизской народностей.

Несмотря на неприемлемость Волго-Каспийского проекта в целом, в проекте заслуживает серьезного внимания поставленная проблема возможного по общности экономических интересов включения в сферу Нижне-Волжского районирования южной части Уральской губернии вместе с эмбенскими промыслами.

7. Проект Южно-Уральской области с центром в городе Оренбурге исходит из критики всех проектировок районирования, при которых Оренбургская губерния или расчленяется или инкорпорируется в состав какой-либо из смежных областей. В отношении Западной области Казакстана указывается неоднородность национального состава территории (Оренбургская губ.—85% русских, Кустанайский уезд — 63% русских) и удаленность Казакстанских районов от центра (Алма-Ата).

В отношении Средне-Волжской области в проекте отмечается особое значение Оренбургского района, имеющего мало связи со Средним Поволожьем. В перспективе будущего, с развитием сети жел. дор. Орск — Троицк, Оренбург — Уфа — Кунгур, Оренбург — Уральск, Оренбург—Казань и с проведением Волго-Донского канала направление грузовых потоков пойдет мимо Самары.

В состав Южно-Уральской области по Оренбургскому проекту должны входить: Уральский, Илекский уезды Уральской губ. Северная часть Актюбинской губ., Кустанайский округ — из Казакстана, Троицкий округ — Уралобласти, Зилаирский кантон и одна из волостей Белебеевского кантона Башреспублики, Сорочинский район Самарской губ. и современная Оренбургская губ. Площадь области 317,3 тыс. *кв. км*, население—2.030 тыс. жителей. Состав по национальностям—75,6% русских, 12,8% — казаков-киргизов, 7,6%—татар и башкир и 4%—прочих народностей.

Все эти территории включаются в состав области на основе сходства естественно-исторических и экономических признаков. Район определяется как сельскохозяйственный с преобладанием полеводства на

севере и со значительным животноводческим уклоном на юге. В 1926 году из общей посевной площади в 1.904 тыс. *га* 62,8% находилось под яровой пшеницей, что определяет район как пшеничное ядро, 11,4% находилось под овсом, 11,2% — под просом и 8,9% — под рожью. Район дает товарных излишков 590 тыс. тонн, в том числе до $^3/_4$ составляет пшеница.

Колонизационный фонд проектируемой области определяется на 300 тыс. душ населения. В перспективе ближайшего пятилетия район предполагает довести излишек хлебной продукции к вывозу до 1,16 млн. тонн. Кроме того, район дает большое количество к вывозу животных продуктов. По исчислениям на 1926 г. товарный выход продуктов животноводства и вывоз определяются: мясо — 55 тыс. тонн, ордовой шерсти — 253 тонны, крупных кож — 432 тыс. штук, мелких кож — 70 тыс. плюс некоторое количество верблюжьей шерсти, щетины, волоса и др.

Промышленность края имеет слабое развитие и перспективы ее развития ограничены природными ресурсами (имеет известное значение золотопромышленность, разработки хромистого железняка, медных и никкелевых руд и соли) и возможностями расширения производств по переработке сел.-хоз. сырья: мукомольная промышленность, обработка животных продуктов и др.

Проектировка Южно-Уральской области несомненно отличается большой однородностью в смысле естественно-исторических предпосылок и специализации района.

8. Средне-Волжская область частично изменяется в отношении госпланновского проекта. Основной исходной точкой зрения в проектировке Самарской комиссии[1] является „построение единого плана практических мероприятий и единообразного воздействия на хозяйственную среду". Мысли составителей проекта не ограничиваются доказательствами от прошлого и современного положения, но обращаются к будущему, имея в виду возможное развитие края в соответствии с об'емом производительных сил. В состав Средне-Волжской области намечаются следующие территории: губернии — Самарская, Пензенская, Ульяновская и Оренбургская, республики — Чувашская, Татарская и Башкирская, с возможной прирезкой Кузнецкого уезда, Саратовской губ. и незначительной части Нижегородской. С присоединением к Среднему Поволожью Башреспублики и Оренбургской губ. площадь области возрастает до 481 тыс. *кв. км* (превышает Украинскую республику), население же увеличивается до 12,5 млн. душ (9,7% населения всего Союза).

В новом варианте область на $^2/_3$ захватывает район новой колонизации заволжских степей и имеет достаточные основания для организации сельского хозяйства в новых формах. В районах старой колонизации с трехпольной системой полеводства (Пензенская, Ульяновская и Татреспублика) требуется проведение иных мероприятий по поднятию и реконструкции земледелия, чем в степной полосе.

Преобладающее в области сельское хозяйство с широкими перспективами как в отношении интенсификации, так и в отыскании типов и форм хозяйства, достаточно устойчивого в борьбе с повторяющимися и резкими для Заволжья засухами и борьбе с оскудением в районах, аграрно-перенаселенных, в основном определяет специализацию этого района.

Промышленность в Среднем Поволожьи имеет второстепенное значение в производстве, составляя по размеру продукции 24% общей продукции (сельского хозяйства и промышленности). Возможная индустриализация области диктуется в целях, подсобных при разрешении

[1] См. печатаемую в этом же номере статью К. Шатова. Ред.

проблемы аграрного перенаселения и ликвидации (оскудения в северо-западной части области) и в целях, стимулирующих интенсификацию сельского хозяйства (развитие производств по переработке сел.-хоз. сырья). Устремления планового порядка местных органов идут дальше этого, выдвигая строительство Волгостроя по использованию гидроэнергии Самарской Луки и строительство других электроцентралей на базе сжигания сланцев. Центром области намечается Самара.

9. Проект образования Волжско-Камской области выдвигается СНК Татреспублики. В основание намечаемого состава области кладется единство национально-бытовых условий. „Размеры и конфигурации области определяются общей мощностью фокуса — центра экономического тяготения и его влияния на окружающую территорию". Исходя из этого, в проекте намечается образование Волжско-Камской экономической области (края) с центром в городе Казани в составе Татреспублики и Чувашской республики и Марийской и Вотской автономных областей. Площадь области составляет 140,8 тыс. *кв. км*, население — 4.726 тыс. жителей. Под это об'единение национальных автономий в проекте подводится экономический базис. Высокая плотность населения сближает Чувашскую республику с Татреспубликой, Марийская, Вотская область и Чувашреспублика характеризуются как лесистые области, Татреспублика являет тип района переходного от лесной зоны к лесостепи и степи.

Процент использования пашни (в пределах 57—67%) и обеспеченность посевов на душу населения также близки. Ряд других показателей, характеризующих уровень сельского хозяйства, равно и системы земледелия с преобладанием трехполья, как бы определяют возможности об'единения национальных областей и республик и на хозяйственно-экономической основе.

Статистический подход к проблеме районирования, который ярко выражен в проекте Волжско-Камской области, может послужить и орудием опровержения, так как ряд статистических показателей неопровержимо указывает на определенную однородность как в естественно-историческом отношении, так и в хозяйственном смысле перечисленных национальных областей, с сопредельными губерниями. Так, например, в отношении лесистости Марийская и Вотская области составляют один массив с соседней Вятской губернией (%% лесистости каждой из них 64, 43 и 47). То же и в отношении плотности населения. Марийская — 20,5, Вотская — 24,6, Вятская — 21,2, тогда как Татарская — 37,8, Чувашская — 48,9. По площади посева Марийская и Чувашская (0,60 и 0,94 на душу) ближе к Вятской и Ульяновской (0,88 и 0,95) и даже Пензенской (0,86), чем к Татреспублике (1,07).

Система парового трехполья характерна для всей Вятской области вместе с двумя автономными областями, Татреспублики, Чувашской и губерний Пензенской и Ульяновской. Точно так же и в пропорции культур рожь во всех перечисленных областях и республиках занимает первое место в пределах от 43% до 49%, овес от 15% до 39%, и по остальным культурам резкое различие имеют лишь Ульяновская и Пензенская губернии, где просо занимает 14—16% общей площади посева. Примерно такого же порядка сходства и различия в совершенно различных комбинациях представляют и показатели животноводческого хозяйства отдельных областей.

При районировании Волжско-Камской области в границах и составе Татарского проекта Вятская губерния, не включаемая ни в какую область, остается в виде самостоятельной единицы.

10. Проектировка Вятско-Ветлужского края по последнему варианту областного совещания в Вятке (в феврале 1928 г.)

близко совпадает с прежним проектом Госплана. По этому последнему варианту основным ядром края считается об'единение Вятской губернии, Марийской и Вотской областей с присоединением Краснобаковского и Ветлужского уездов Нижегородской губернии. Кроме того, проектируется присоединение лесного массива из области Коми в зоне тяготения притоков реки Вятки, Вохомского и Опаринского районов Северо-Двинской губернии и бассейна р. Керженца (без г. Семенова) из Нижегородской губернии.

Считая вопрос о позднейших вариантах прирезок не вполне обоснованным и требующим дополнительной проработки, необходимо отметить, что Вятско-Ветлужский край в проектировке Госплана представляет в достаточной мере целостную в экономическом отношении область с далеко не использованными в полной мере природными ресурсами (лес, фосфориты, железные руды бывшего Вятского горного округа), с перспективой реконструкции сельского хозяйства в сторону поднятия его уровня путем развития технических культур, повышения техники земледелия и развития продуктивного скотоводства.

В области промышленности возможно создание комбинатов лесообрабатывающей, металлургической промышленности и разработка ископаемых, а также развитие тех отраслей, которые имеют уже корни своего роста в настоящее время: кожевенная, пищевая. Кроме того, край дает все основания для широкого развития и кустарной промышленности, имеющей весьма значительный удельный вес и в настоящее время.

Л. Гаврилов

О составе Нижне-Волжской области[1]

Общие предпосылки. Намеченные в свое время, по проекту Александрова, Госпланом экономические районы были необходимым и важным шагом вперед по пути перехода от старых границ губерний, являвшихся пережитком прошлого, к новому районированию страны по производственному принципу, по признаку хозяйственной законченности и общности выделяемого района с отчетливой его специализацией и наличием всех политических, организационных и экономических предпосылок, обеспечивающих развитие производительных сил каждого района республики.

Однако, вполне очевидно, что эта сетка не могла предусмотреть еще в 1921 году всех тех особенностей в развитии отдельных районов, которые выявились в последующие годы завершения восстановительных процессов и особенно отчетливо выступили на сцену в последнее время перехода от периода восстановления к эпохе переустройства, реконструкции народного хозяйства и широкого развертывания социалистического строительства.

Накопившийся опыт за последние 6—7 лет по районированию ряда областей, наметившиеся, в общих чертах, пути хозяйственного развития отдельных районов по работам перспективного пятилетнего и первых абрисов генплана, определившаяся политическая, организационная обстановка и современные центральные задачи хозяйственного строительства,— дают все основания и требуют ряда поправок к первоначально намеченной сетке районирования приволжских губерний.

Сама действительность доказала в последние годы нежизненность сетки Госплана по районированию Нижнего Поволжья и заставила ряд наркоматов в интересах удобства хозяйственного регулирования и строительства ориентировать все расчеты и работу по собственным ведомственным районам. Необходимость пересмотра сетки Госплана поволжских областей признавали некоторые и отдельные плановые работники.

Ряд проектов пересмотра схемы районирования всей Волги, в связи с решением правительства осуществить создание области в текущем году в Нижнем Поволжье, поступивших в Госплан с мест, доказывают, что и места не удовлетворены первоначально намеченной сеткой Госплана.

Отсюда первый вывод, что сетку районирования Волги следует коренным образом пересмотреть.

Волга как на своеобразной оси нанизала города, значительно развившиеся в силу удобного их географического положения и связанные дешевым и удобным водным путем. Являясь губернским центром, ныне почти каждый из них пытается в силу своеобразной инерции при разрешении вопроса о целесообразном районировании Волги, прежде всего, исходить из презумпции такого территориального построения, которое

---

[1] В порядке обсуждения. Ред.

обеспечивало бы за ним право областного центра, т.-е. создается положение, при котором не область и ее границы предопределяют центр, а наоборот к городу, претендующему на положение центра области, пытаются приспособить формирование области.

Отсюда, второй вывод — центральным вопросом при районировании является такая правильная наметка границ области, которая обеспечивала бы наибольшую однородность района, определение же центра должно явиться вопросом второочередного порядка, в зависимости от состава области, а не наоборот.

Общие принципы, на которые должно опираться правильно проводимое выделение области, довольно ярко сформулированы в следующих тезисах:

1. „В основу районирования должен быть положен экономический принцип. В виде района должна быть выделена экономически законченная территория страны, которая благодаря комбинациям природных особенностей, культурных накоплений прошлого времени и населения с его подготовкой для производственной деятельности представляла бы одно из звеньев общей цепи народного хозяйства". [1]

2. „В основу выделения района должен быть положен производственный принцип". [2]

3. „Первым этапом в выделении экономического района является определение основной специализации района, на основании которой устанавливаются приблизительные очертания района, который должен содержать в своих пределах наибольшее количество ресурсов, необходимых для выбранной специализации". [3]

Если к этому добавить, что одновременно всякая область должна быть финансово дееспособной, а следовательно, и достаточно крупной (по числу населения, если это позволяет территория), что создание, „карликовых" областей не выдержит дорогостоящих областных аппаратов и идет в разрез с задачей режима экономии и сокращения накладных расходов и что границы области должны быть увязаны с перспективами районирования соседних территорий, то вполне ясен третий вывод: область должна быть экономически законченной однородной территорией страны, с отчетливо выраженной специализацией в системе всего хозяйства республики, с общностью хозяйственных задач и являться достаточно крупной, а не карликовой единицей.

В чем же недостатки прежней сетки Госплана по районированию Нижней Волги? Ответ на этот вопрос надо искать в рассмотрении всей сетки Волги.

По проекту Госплана в 1921 г. приволжские губернии и автономии должны были быть разбиты на три области:Нижнее Поволжье (5.418 тыс. населения), Среднее Поволжье (10.658 тыс. населения) и выше Вятско-Ветлужская область (3.410 тыс. населения).

Такое построение сетки давало в итоге ряд несообразностей: во-первых, карликовую, маломощную область в лице Вятско-Ветлужского края и, во-вторых, две области, представляющие каждая экономическую мозаику, где налицо искусственное сочетание совершенно разнородного севера Среднего Поволжья (полоса лесов, серых хлебов) с югом Средне-

[1] Тезисы Комиссии по районированию под председательством М. И. Калинина. „Районирование СССР 1917—1925 гг." Изд. „План. Хоз."

[2] IV тезис работы Госплана „Основные принципы методологии экономического районирования".

[3] Там же.

Волжской области (полоса степей, пшеничная зона) и неменьшую пестроту в НВО, где север области (степная полоса, зона пшеничная) увязан с южной частью полупустынного характера, являющейся, в основном, ареной нагульного скотоводства.

Подобная схема районирования создавала на Волге своеобразный искусственно построенный клин в виде Средне-Волжской области, разрывавший в северной части сплошной лесной, а в южной сплошной зерново-пшеничный массивы. Нарушая производственную однородность, затушевывая специализацию каждого района, приводя к созданию областей, как конгломерата хозяйственных разностей, естественно, что эта схема не достигает цели, так как не об'единяет, а раз'единяет, расчленяет экономически законченные районы однотипного хозяйства и тем самым принижает, даже в значительной мере сводит на-нет народнохозяйственные выгоды от районирования.

Все это, ни в какой мере не отвечая основным принципам районирования, — естественно, требует поисков решения этого вопроса иным путем, с помощью иной конфигурации и состава областей, способных увязать в единое целое территории, расположенные по Волжской водной магистрали.

Состав НВО по проекту Саратовского ГИКа. Исходя из наиболее полного соответствия организуемой области условию экономической законченности, производственной общности и специализации района, разрешая также одновременно задачу создания достаточно мощной области, содержащей в своих пределах „наибольшее количество ресурсов, необходимых для выбранной специализации", Саратовский Губисполком в итоге длительной и углубленной проработки вопроса намечает состав Нижне-Волжской области из следующих существующих ныне административно-хозяйственных образований (последовательно с юга на северо-восток): 1) Калмыцкая автономная область, 2) Астраханская губерния, 3) Сталинградская губерния, 4) Саратовская губерния, 5) Немреспублика, 6) Самарская губерния (без Мелекесского уезда), 7) часть Пензенской губ. (Пензенский, Чембарский и Городищенский уезды), 8) южная часть Ульяновской губ. (Сызранский уезд) и 9) Оренбургская губ. (без Орского уезда).

Намечаемая Нижне-Волжская область в приведенных границах по территории (486,1 тыс. *кв. м*) стоит на восьмом месте, впереди ее идут последовательно: Сибирский край, Якутия, Казакская АССР. Дальневосточный край, Уральская область, Северо-Восточная и Северо-Западная области), а по населению (9.656,6 тыс. чел.) на третьем месте (после ЦПО и ЦЧО). Следует оговориться, что по размерам населения эта область приближается, с Северо-Кавказскому краю (8.113,5 тыс. чел.) и к Сибкраю (8.506,3 тыс. чел.) и стоит несколько ниже проектирующейся по сетке Госплана Средне-Волжской области.

Численность городского и сельского населения в намечаемой области следующая:

	Тыс. чел.	% %
Сельское население	8.177,8	84,6
Городское „	1.478,2	15,4

На одного городского жителя приходится сельских 5,5. Следовательно, область по удельному весу городского населения находится на восьмом месте из 19 районов Союза, т.-е. представляет собой район средней урбанизации.

В отношении удельного веса цензовой промышленности основного массива области в промышленности РСФСР по стоимости валовой продукции (в тыс. черв. руб.) Нижнее Поволжье стоит на пя-

том месте (после ЦПО, СЗО, Северо-Кавказского края и Уральской области). Ее роль определяется в 5,1% от всей республиканской промпродукции цензовой промышленности.

По кустарной и мелкой промышленности этот район дает 12,3% валовой продукции РСФСР, уступая место ЦПО и стоя близко к ЦЧО.

В сельскохозяйственном отношении намечаемая сбласть по посевной площади имеет занять одно из первых мест в РСФСР, наравне с Северо-Кавказским краем, а по посевам пшеницы стоит на уровне Сибкрая.

Все эти данные указывают, что определение области в указанных административных границах приводит к созданию довольно мощного, территориально-хозяйственного образования в РСФСР, стоящего по ряду признаков в числе крупных областей Европейской части республики.

Хозяйственная и политическая целесообразность проекта. Намечаемый состав Нижне-Волжской области в хозяйственном отношении представляет производственно-целостный район, вполне определенный по своему значению в экономической жизни Союза в качестве крупного производителя с.-х. продуктов.

Производственный облик НВО придает ей ярко выраженные черты области рыночного зернового земледелия засушливой полосы, в основном с однородными почвенными и климатическими условиями, где культура пшеницы является преобладающей и сконцентрирована в довольно однородное компактное пшеничное ядро. Давно сложившаяся характеристика Поволжья, как „житницы России", остается несомненно правильной как в настоящее время, так и на будущее с той лишь разницей, что перераспределение функций межрайонного обмена, в связи с ростом запашек в Западной Сибири и перспективами строительства новых путей сообщения в Поволжье — определенно ставит перед последним задачу расширения экспорта высокоценных зерновых культур. Этот процесс замены одних рынков другими не нарушает, однако, товарной физиономии области, как в основном зерновой и пшеничной производящей полосы. Некоторые сдвиги в пропорции культур, заключающиеся в росте пропашных специальных культур и травосеянии, при одновременных перспективах роста урожайности в силу мероприятий по приданию устойчивости и большей товарности крестьянскому хозяйству (селекция, тракторизация, агротехнические меры), особенно на базе производственного кооперирования, являются лишь гармоническим дополнением и не снижают превалирующей роли высокотоварного и экспортного зерна в продукции сельского хозяйства.

Единство задач края в части сельского хозяйства заключается:

а) в необходимости целой системы однотипных мероприятий (тракторизация, машинизация деревни, развитие с.-х. индустрии, улучшенная агротехника, организация территории и др.), связанных с реконструкцией сельского хозяйства;

б) в единстве задач борьбы с засухой и недостатком влаги как путем агротехнических мер и реорганизации хозяйств в засухоустойчивые (77 млн. фонд), так и путем гидротехнических сооружений;

в) в единстве колонизационных задач и дальнейшем освоении пустующих и пахотноспособных земель;

г) в однородности заданий опытного дела в силу однородных природных условий и состава культур;

д) в общих для всей территории крайне актуальных задач улучшения посевного материала и правильной организации дела семеноводства (селекционное дело, создание фундаментального государственного сортового семфонда, семеноводческая кооперация);

е) в единстве мероприятий по улучшению земель (мелиорирование, пескоукрепление, борьба с солонцами);

ж) в общности мер, направленных к укреплению и развитию садоогородничества и бахчеводства (сорторазведение, организация орошения, переработка и др.);

з) в общих для края задачах в области улучшения скотоводства, организации сбыта рынков для его продукции и кормовой базы.

Если учесть, что, занимая всего 2,4% территории на 19% населения РСФСР, Нижне Волжская область в очерченных границах использует 50% всего республиканского фонда на борьбу с засухой; сосредоточивает до 30% всего государственного фундаментального сортсемфонда пшениц; охватывает в размере 21,5% тракторное хозяйство РСФСР; имеет уже выявленного и подготовленного колонизационного фонда свыше 2 млн. *га*, довольно равномерно размещенного по области и в перспективе реконструкции крестьянских хозяйств гидротехническим методом охватывает весь центральный зерновой массив области (Немреспублика, Саратовская, Самарская, Сталинградская губ.) на территории порядка 1.500 тыс. *га* (ирригация Заволжья), то эти показательные цифровые иллюстрации еще ярче указывают на производственную однородность области.

Вся эта совокупность задач может быть решена, а мероприятия могут дать наибольшие результаты лишь при условии перевода распыленных крестьянских хозяйств в формы, полностью или частично обобществляющих труд и инвентарь, в формы крупных хозяйств путем их производственного кооперирования.

Разрешение важнейших задач производственного кооперирования и тем самым социалистического преобразования деревни при наличии одинаковых мер стоящих перед областью в части технической реконструкции сельского хозяйства, при наличии однотипности социальных условий и уклада населения всей зерновой производящей полосы, и исключительная необходимость тем самым единства с.-х. политики в этом районе в целом, как гарантии наиболее успешного разрешения стоящих перед ним задач социалистического строительства, вкладывают глубокий политический и организационный смысл в образование НВО в намечаемом составе.

Если новая область является компактным экономическим образованием и характерна, как сельскохозяйственная область с единством условий, задач и перспектив ее с.-х. развития, то и промышленные черты, присущие этому краю, вполне гармонирует с общим хозяйственным обликом области, подтверждая ее общность.

В направлении промышленного состояния края и перспектив его развития общность вытекает:

1) из явно выраженного сельскохозяйственного характера крупной цензовой (55% валовой продукции падает на переработку местного с.-х. сырья) и мелкой кустарной промышленности (69%), опирающейся на с.-х. сырье и географически размещенной почти на всей территории области (мукомольная, шерстеобрабатывающая, кожевенно-меховая, обработка твердых материалов животного происхождения и др.);

2) из перспектив роста новых групп и отраслей промышленности, перерабатывающей с.-х. сырье, в связи с включением новых, расширением, реконструирующих сельское хозяйство специальных культур (масличные, кукуруза, свекла и др.) и усилением переработки продуктов животноводства;

3) из взаимосвязанности отдельных территориально-локализованных отраслей промышленности с сельским хозяйством, дающим им емкий

рынок сбыта (тракторостроение, двигателестроение для орошения садово-огородных районов), связи отдельных отраслей между собой (маслобойная с консервной, канато-веревочная с рыбной, дубильно-экстрактная с кожевенной и т. п.) и увязки промышленности с народным хозяйством края в целом;

4) из значительного развития лесопильной промышленности, размещенной на водной оси (Самара, Саратов, Сталинград, Астрахань) и питающей южные безлесные районы пиломатериалами.

Эта взаимосвязь отраслей промышленности, с одной стороны, а с другой — значительный удельный вес и роль промышленности, опирающейся на собственное с.-х. сырье, а также широкое территориальное ее размещение по всей области и в промышленном отношении увязывают НВО единством ряда задач:

а) задача правильного регулирования делом обеспечения промышленности с.-х. сырьем (зерно, кожа, шерсть, технические культуры) диктует необходимость единства и согласованность политики по хлебно-сырьевым заготовкам, что является особенно больным местом ныне, при наличии расщепленного руководства между губерниями (разрыва порайонных цен внутри производящей полосы, конкуренция в пограничных районах и т. п.);

б) задача концентрации государственного товарного мукомолья, маслобойной, кожевенной промышленности является достаточно назревшей ныне, и наиболее полное и выгодное разрешение ее мыслимо при условии такого районирования области, которое охватило бы в своих границах эти общие для намечаемой области отрасли цензовой промышленности;

в) наконец, задача развития ряда отраслей крупной промышленности, подводящих под сельское хозяйство этого района новую техническую базу (с.-х. машиностроение, тракторостроение, двигателестроение) в целях его укрупнения и переустройства в коллективные формы, при одновременном развитии с.-х. индустриализации, является также общей для всей намеченной новой области.

Уже одни эти перечисленные основные задачи, не касаясь ряда других (развитие деревообработки, новых отраслей промышленности, закрепляющих спрос на новое с.-х. сырье в итоге реконструкции сельского хозяйства и др.) указывают насколько крепко переплетены и увязаны экономические интересы, характеризующие как законченность области в промышленном ее разрезе, так и увязанность промышленности с сельским хозяйством, что обеспечивает ведущую роль промышленности в сельском хозяйстве, являющейся в массе своей потребителем с.-х. сырья, предъявляющей к этому сырью стандартные требования, организующей через рынок сельское хозяйство (контрактация, цены), закрепляющей в нем обеспеченным спросом развитие новых культур и отраслей и вооружающей его всем необходимым для продвижения вперед по пути технического его процесса и перехода на новые формы обобществленного хозяйства.

Энергетическая база НВО, бедной наличием собственных энергоресурсов, в силу удобства транспортных связей обеспечена нефтетопливом, оседающим и ныне из всего волжского транзита на 50% в пределах намечаемой области. В дальнейшем этот вид топлива должен будет замещаться донтопливом, особенно с проведением Саратово—Миллеровской жел. дор., являющейся в направлении на юго-запад хлебоэкспортной, а в направлении на северо-восток имеющей сыграть роль углевозной магистрали. Перспективы развертывания Эмбенского нефтеносного района с проведением нефтепровода (по трассе на Сызрань или Саратов) еще тверже укрепляют энергетическую базу НВО.

Более сложные энергетические проблемы: использование гидроэнергии (Устинский канал Самарской Луки), разработка главного сланцевого поля (на границах Самарской и Саратовской губерний) в случае их реализации и создания на этих источниках мощности электроцентралей также в свою очередь с совершенной очевидностью увязывают единством энергетического хозяйства центральный массив района (Саратовская, Самарская губ.).

Отличительной особенностью выделяемого Нижне-Волжского района является его прорезанность в направлении с севера на юг мощной артерией — рекой Волгой.

Волжский водный путь, создающий для края исключительно благоприятные условия в отношении переброски массовых грузов и связывающий его с отдаленными рынками сырья и топлива и рынками сбыта, оказал могучее влияние на значительное развитие ряда отраслей промышленности. Он способствовал также развитию в районах, прилегающих к Волге, бахчеводства, садоводства и огородничества товарного типа; продукты этих отраслей сельского хозяйства подвозятся Волжским путем к потребляющим городским центрам края, а также идут далеко за его пределы. Наконец, на Волге создался ряд крупных перевальных пунктов и базисных складов для ряда грузов как местного происхождения, так и привозных. Грузовые потоки сверху в виде леса, дров, алебастра, извести и потоки снизу — нефть, рыба, соль, — все это оседает, главным образом, в районе Нижнего Поволжья и, или немедленно перегружается на рельсы и отправляется в различные, часто отдаленные районы, или задерживается в пристанских пунктах края, иногда перерабатывается здесь, и затем, с пристанских складов, по мере требования рынка, также отправляется за пределы края.

Водные отправки грузов в пределах лишь течения Волги от Астрахани до Самарской губернии в предвоенное пятилетие достигали в среднем в год 6.967 тыс. тонн, а прибытие грузов — 5.231 тыс. тонн.

Все это указывает на особое значение для Нижнего Поволжья вопросов водного транспорта. Создание удобных портовых устройств, облегчение условий транзитного хода, погрузочно-разгрузочные работы и их механизация, — все эти вопросы общи для всего выделяемого края.

Вместе с Волжским путем, связывающим все крупнейшие городские центры края, Нижнее Поволжье является в транспортном отношении районом, достаточно увязанным и рельсовыми путями.

Заволжский район обслуживается: а) сетью Рязано-Уральской жел. дороги, которая прорезывает его с севера на юг жел.-дор. участками — Ершов — Пугачевск и Урбах — Астрахань, а с запада на восток и юго-восток участками — Покровск — Урбах и Красный Кут — Александров-Гай; б) сетью Ташкентской жел. дор. в участке Самара — Оренбург; в) сетью Самаро-Златоустовской жел. дор. в направлении Сызрань — Самара — Бугуруслан и далее на Уфу с веткой Кротовка — Сургут и небольшим участком направления Ульяновск — Бугульма — Чишмы.

Разомкнутость южных и северных рельсовых путей Заволжья устраняется с намеченным НКПСом и в пятилетке Госплана в одну из ближайших очередей сооружением жел.-дор. участка Пугачевск — Безенчук. Железнодорожная связь Заволжья будет еще более облегчена при сооружении жел.-дор. линии Уральск — Оренбург (постройка включена в пятилетний план).

Правобережье Волги связано с Заволжьем железной дорогой, мостом у Сызрани и паровыми паромами у Саратова, где также намечена и включена в пятилетний план НКПС постройка моста.

Правобережье Волги обслуживается рельсовыми путями: а) Рязано-Уральской ж. д. в направлениях Саратов – Ртищево и далее на Тамбов, Аткарск — Вольск, Аткарск — Баланда, Таволжанка — Ртищево — Пенза, Камышин — Балашов и далее на Тамбов; б) Сызрано-Вяземской ж. д. в направлениях Сызрань — Кузнецк — Пенза и далее на Моршанск и Ряжск и Сызрань — Рузаевка; в) Юго-Восточными жел. дор. в направлениях: Сталинград — Поворино и далее на Грязи и Сталинград — Лихая; г) отрезками Северо-Кавказской (часть Сталинградской губ. на юге прорезывается ж.-д. линией Сталинград — Тихорецкая) и Московско-Казанской (часть Пензенской губ., прорезываемая ж.-д. линией Пенза — Рузаевка и далее на Нижний Новгород) железнодорожных линий.

Обращает на себя внимание недостаточная увязанность железнодорожными путями с остальной частью области лишь южной части Сталинградской губернии, из которой все пути направлены за пределы края. Проведение Саратово-Миллеровской ж. д. создаст достаточную железнодорожную связь с областью и этой части.

При достаточной в общем связанности края рельсовыми путями направление их в Правобережной части одностороннее — на северо-восток. Это направление обусловлено приспособлением края к вывозу за его пределы продуктов сельского хозяйства в потребляющие районы страны. Географически близко расположенный к южным экспортным портам край пока не имеет с ними достаточных транспортных связей, что затрудняет развитие зернового экспорта заволжских пшениц, обладающих высокими хлебопекарными качествами и устойчивым спросом на заграничных рынках.

Помимо общегосударственной задачи форсирования нашего зернэкспорта, для Поволжских и Приуральских степей выход хлеба на экспорт существенно жизненен еще и потому, что дальнейший рост запашек в Западной Сибири, овладение ее рынком центральной потребляющей полосы внедрение дешевого сибирского хлеба, с проведением Семиреченской, дороги, на туркестанские рынки заставляют искать выхода хлебу Поволжья и Приуралья, создавая в перспективе угрозу с.-х. депрессии и наоборот, открывая, с южными транспортными выходами широкие перспективы развития степного Поволжского и Приуральского массива, перспективы здоровой пшеничной экспансии и продуктивного освоения всего района.

Разрешение задачи расширения зерноэкспорта из НВО намечено путем сооружения Саратово — Миллеровской ж. д. и Волго-Донского канала.

Саратово-Миллеровская ж. д. с линиями Пугачевск — Безенчук и Уральск Оренбург создает сплошную ось ж. д. путей на юго-восток, увязывающих всю территорию Нижнего Поволжья, и вокруг этого нового направления путей сообщения будут складываться и новые формы реорганизуемого крестьянского населения.

Бюджет намечаемой нами области будет выше, нежели ЦЧО и примерно равен Уральской области. Так, доход по местному бюджету (по данным 1925/26 г.) в НВО на душу составляет 7,5 руб., в ЦЧО 4,3 руб., в Уральской—7,7 руб.,в Сибири—5,4 руб. Отсюда очевидно, что бюджет области будет в среднем отнюдь не ниже других областей, близких по экономике к Нижне-Волжской области и в границах нашего проекта лишь выиграет, так как при организации Средне-Волжской области по сетке 1922 г. доход этой области на одну душу по тем же данным составит всего лишь 6 руб. против 7,5 руб. по НВО.

Таким образом экономическая законченность области, увязанность ее общностью задач, отчетливо выраженная специализация — очевидны. Несколько отличная от основного ядра области (Оренбургская, Саратовская, Самарская, Немреспублика, Сталинградская губ.) южная часть НВО (Астраханская губ., Калмобласть), характерная экстенсивным животноводством, рыбной и соляной промышленностью, тем не менее увязывается транспортным, торговым и культурным тяготением ко всей области. Не представляя собой об'екта для самостоятельной области, о чем скажем ниже, этот район при правильной организации управления (создание областных управлений рыбной, соляной промышленностью и пескоукреплением в Астрахани) обретет от увязки его с НВО в целом все предпосылки бюджетно-экономического порядка для его развития. Включение же его в область, если учесть, что экономические связи покоются также и на внутриобластном товарообороте (хлеб и лес с севера, рыба и соль на север), создает из НВО одновременно и хозяйственный комбинат в системе областного хозяйства и область с отчетливой специализацией в системе республиканского хозяйства, что одно другому не противоречит.

В то же время создание такой области обеспечивает ее жизненность еще и потому, что она является достаточно крупной и мощной областью, способной тем самым с наименьшими накладными расходами по администрированию и управлению руководить однородным хозяйственным массивом. Единство действия и организующего начала гарантируют на этом хозяйственном и политическом плацдарме возможность точнее и углубленнее осуществить плановое начало и успешнее развернуть социалистическое строительство.

В итоге такого районирования Волга должна иметь две области— Верхнюю (Волжско-Камский край) с основной специализацией в сфере лесного хозяйства и НВО с основной специализацией в сфере высоко рыночного зернового производства и особенно экспортной пшеницы.

Волжско-Каспийский край

Последние решения правительства поставили на очередь вопрос об осуществлении срочного образования двух новых областей: Центрально-Черноземной и Нижне-Волжской. В соответствии с этим решением госпланы РСФСР и СССР, а также губернские и плановые комиссии заинтересованных территорией проводят ныне срочную проработку вопроса о границах новых областей, их возможном окружном делении, областных и окружных центрах и т. п. Но уже в процессе этой предварительной проработки вопроса совершенно отчетливо выяснилось, что образование Центрально-Черноземной области может быть осуществлено без особых трений и затруднений, выделение же области Нижнего Поволжья осложнено наличием целого ряда взаимно исключающих проектов районирования всей Волги.

Кроме основного варианта разделения Волги на три области: Вятско-Ветлужскую, Средне-Волжскую и Нижне-Волжскую, в настоящее время уже выдвинуто несколько новых вариантов районирования всего Поволжья и в частности — Саратовский проект, устраняющий Средне-Волжскую область и Сталинградский проект — сохраняющий деление Волги на три основных народнохозяйственных зоны.

Задачей данного обзора является сжатое изложение основных положений Сталинградского проекта и попутная оценка Саратовского предложения, являющегося в этом случае конкурентным.

Строя свой проект районирования, Сталинградская плановая комиссия исходила из следующих основных методологических предпосылок: 1) районирование должно быть осуществлено по принципу экономического единства; 2) районирование должно иметь характер производственного, „где все отдельные элементы приведены во взаимную связь не только единством места, но и взаимной обусловленностью самих производственных процессов“ (Доклад Госплана III сессии ВЦИК); 3) районирование должно обособить функционально специализированные зоны, имеющие свои особые перспективы и планы развития и 4) „проектируемые районы, законченные в смысле производства, являются разомкнутыми в смысле обмена“ (Доклад Госплана III сессии ВЦИК).

Руководствуясь этими четырьмя основными районнобразующими методологическими принципами, Сталинградский Губплан, прежде всего, остановился на вопросе о том, какое количество основных народнохозяйственных зон надлежало бы выделить на территории всего Поволжья.

Уже самый беглый анализ естественно исторических и производственно-экономических особенностей Поволжья отчетливо намечает здесь три основных зоны.

Наиболее северную с довольно суровым климатом (средняя годовая температура от 0,5° до + 3°), с подзолистыми и суглинистыми небогатыми почвами и большой лесистостью (в среднем 55%).

Сельское хозяйство этой зоны имеет полупотребительский застойный характер. В полеводстве преобладают озимая рожь (45,8%) и овес (33,3%), а перед войной наблюдалась некоторая тяга к интенсификации, что и нашло свое отражение в приросте процента льна в посевах (5% в 1916 г.).

Животноводство этой зоны характеризуется большим числом коров и явно выраженными тенденциями к развитию молочного хозяйства и маслоделия. Промышленность развита слабо. Более заметное место в общесоюзной экономике занимает лишь связанная с обилием лесов спичечная промышленность с 16% и меховая промышленность с 19% от валовой продукции этих отраслей СССР.

Зону Среднего Поволжья, расположенную по южной окраине лесостепи и в северной части степной Средней Волги. В климатическом и почвенном отношениях эта зона является переходной от лесного севера, с достаточным увлажением и подзолами, к чисто степному резко-засушливому югу, с его каштановыми и бурыми почвами.

Средняя годовая температура колеблется здесь в пределах от + 3° до + 5°, при чем январь характеризуют температуры в — 12° или — 15°, июль же имеет в среднем до + 20° и даже + 22°. Количество осадков колеблется в пределах от 480 *мм* до 350 *мм* в среднем за год. Земледелие в этой зоне довольно часто страдает от засух. В почвенном отношении зона характеризуется переходными разностями от подзолов к черноземам и типичными черноземами, хотя сплошной полосы тучных черноземов здесь и не образуется (Просолов).

Особенности в организации сельского хозяйства зоны отчетливо выявляются многими основными показателями. Так, в отношении пропорции угодий здесь характерно наличие высокого процента пашни (от 54% до 61%), ограниченной площади выгонов (от 3% до 8%) и значительно пониженного процента лесистости (от 16% до 8%). В полеводстве преобладают: озимая рожь (от 40 до 30%) и яровая пшеница (от 60% до 30%), кроме того заметную роль играют посевы подсолнуха (от 4 % до 12%) и картофеля (от 3% до 7%).

Животноводство зоны характеризуется умеренным количеством рабочего скота (14—20 голов на 100 *га* посева), значительными размерами молодняка крупного рогатого скота на 100 коров (от 65 до 160 голов), что указывает на слабо молочное и мясное направление этой отрасли и, наконец, развитым овцеводством (350 — 525 голов на 100 коров).

Промышленность зоны характеризуется преобладанием предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье (до 80%). Расположено основное ядро промышленных предприятий у Волги, которая является поставщиком и сырья и топлива — нефти.

Третья зона Поволжья занимает самую южную его часть и примыкает к Каспийскому морю. В климатическом отношении эта последняя зона характеризуется наличием средней годовой температуры от + 5° до + 9°, при температурах января от — 12° до — 8° и июля от 22° до 25°. Количество осадков колеблется здесь в пределах 375 *мм* до 200 и менее *мм*. Это край резкого превыщения испарений над увлажением, длительных сухих юго-восточных ветров (до 9 мес.), „мглы“ и резкой засушливости, при которой даже ирригационные сооружения не дают полной устойчивости сельскому хозяйству.

В почвенном отношении Волжско-Каспийская зона характеризуется наличием каштановых, светло-каштановых и бурых почв, сильно обедненных гумусом. Вся полоса бурых почв здесь сильно солонцевата, что затрудняет их использование в полеводстве и делает пригодными только в качестве абсолютных пастбищ. Количество таких неудобных земель в этой зоне громадно (от 10% до 30% и более).

Отмеченная естественно-историческая обстановка обусловила развитие в рассматриваемой зоне преимущественно мясного экстенсивного нагульного животноводства. Чисто животноводческий характер местного сельского хозяйства достаточно отчетливо выявляется наличием здесь скота в переводе на крупный в размерах свыше 250 голов на 100 душ населения.

В полеводстве преобладают зерновые зоны (от 85% до 97%), но они имеют почти исключительно потребительский характер. По азонально расположенной и легко орошаемой Волго-Ахтубе разместилось трудоинтенсивное садово-огородное хозяйство, а в приволжской сухой степи на супесчаных почвах широко развилось высоко товарное бахчеводство.

Вся эта зона характеризуется наличием богатейших рыбных и соляных промыслов, на которых занято частью местное, а частью пришлое неселение. Промысла тесно увязаны со всей системой местного хозяйства, так как, с одной стороны, дополняют друг друга (соль и рыба), а с другой — дают заработок части местного населения из особо засушливой зоны, что является как бы страховкой на случай частых здесь неурожаев.

Промышленность рассматриваемой зоны, обусловленная здесь и, особенно, в районе Сталинграда, крайне удачным соединением леса, металла, угля и нефти, получила мощное развитие. Характерно, что это промышленность перерабатывает преимущественно не сельскохозяйственное сырье, а привозной лес и металл, создавая средства производства.

Таким образом, в Поволжьи отчетливо намечаются три основных зоны:

а) Лесная с трехпольным полеводством, молочным крупно-рогатым животноводством и промышленностью по переработке леса.

б) Степная черноземная с переходным к трехполью залежно-пестропольным и зерновым типом полеводства, экстенсивным мясным или слабо молочным и овцеводческим животноводством и промышленностью по переработке преимущественно сельскохозяйственного сырья (мукомолье). Эта зона больших избытков товарного зерна.

в) Степно-полупустынная, крайне засушливая Волго-Каспийская низменность с нагульным экстенсивным животноводством, потребительским зерновым полеводством, товарными садоводством, огородничеством и бахчеводством. Это район мощных соляных и рыбных промыслов, район промышленности, перерабатывающей дерево и металл и создающей средства производства.

Рассматривая в свете имеющегося обширного материала все основные положения Саратовского проекта и сличая их с проектом создания Волго-Каспийской области, не трудно дать сравнительную экономическую характеристику проектируемой Саратовским ГИКом Нижне Волжской области и Волжско-Каспийского края, проектируемого Сталинградом. Для целей указанного анализа мы воспользуемся контрольными цифрами, которые позволяют дать полную характеристику хозяйства каждой интересующей нас губернии, а соединенные в пообластные группы четко определяют народнохозяйственный тип областей.

Саратовский проект частично использовал для этой цели материалы, опубликованные в работе Г. А. Студенского, что нельзя признать правильным, так как указанная работа относится к губерниям в их дореволюционных границах, в настоящее время резко измененных.

Обращаясь к материалам контрольных цифр и сопоставляя их по области: Средне-Волжской (губернии Пензенская, Ульяновская, Самарская,

Саратовская и Немреспублика) и Волжско-Каспийской (губернии Сталинградская, Астраханская и Калмобласть) очень легко выявить резкое организационно-хозяйственное и функциональное различие двух названных „хозяйственных комбинатов".

Начнем наш анализ с сопоставления удельного веса растениеводства и животноводства в валовой продукции сельского хозяйства. По данным контрольных цифр для двух сравниваемых областей мы имеем:

	Средне-Волжская обл. (В %% от итога сельского хозяйства)		Волжско-Касп. край (В %% от итога сельского хозяйства)	
	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Валовая продукция растениеводства[1]	71,4	68,9	64,1	63,6
Валовая продукция полеводства	28,6	31,1	35,9	36,4

Уже только это сопоставление характеризует Волжско-Каспийский край, как район менее растениеводческий и более животноводческий, чем Средне-Волжская область.

Еще отчетливей отмеченное различие организационно-хозяйственных типов указанных областей отмечает сопоставление товарных частей их сельского хозяйства.

	Средне-Волжская обл. (В %% от итога сельского хозяйства)		Волжско-Касп. край (В %% от итога сельского хозяйства)	
	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Товарная часть растениеводства без внутрикрестьянского оборота	58	60	42	36
То же животноводства . . .	26	27	26	33

И из этого сопоставления совершенно очевидно, что Средне-Волжская область является, по преимуществу, растениеводческой, а Волжско-Каспийская, в большей мере, животноводческой (как мы выше указывали экстенсивно-животноводческой).

По характеру организации растениеводства обе области различны еще более резко, что и отмечает нижеследующая таблица:

Наименование	Средне-Волжская (В %% от растениеводства)		Волжско-Каспийская (В %% от растениеводства)	
	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Зерновые	65,9	68,8	38,7	32,5
Технические	6,3	5,5	2,2	1,9
Бахчи и огороды	11,5	10,2	20,2	20,5
Сады и виноградники . .	2,2	2,7	6,3	6,8

Отчетливо и выпукло данная таблица характеризует Среднюю Волгу как район преимущественно зерновых и технических культур, с слабее развитым бахчеводством и огородничеством и малым удельным весом садоводства.

Совершенно иную организационно хозяйственную структуру имеет растениеводство Волжско-Каспийского края, где роль зерновых и технических принижена, но доминируют сады, бахчи и огороды.

Следствием этого коренного различия в организации растениеводства является и резкое несходство обеих областей в построении товарной части их сельского хозяйства, что и отмечают нижеследующие показатели, выраженные в %%:

[1] В червонных рублях.

	Средне-Волжская (В %% от итога растениеводства)		Волжско-Каспийская (В %% от итога растениеводства)	
	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Товарная часть зерновых . .	62,4	73,5	34,1	37,7
То же — технических, сада, огорода, бахчей	32,1	22,0	60,8	53,8

Построение товарной части растениеводства в обеих областях, очевидно, диаметрально противоположно. Средняя Волга преимущественно отчуждает зерно, это район массовых зерновых товарных излишков. Волжско-Каспийский край имеет слабую товарность зерновых и широко отчуждает продукцию сада, огорода, бахчей.

Таким образом, совершенно ясно, что оба района по организации растениеводства резко отличны: один — отчетливо-зерновой, другой — бахчеводственный, садоводческий и огороднический.

Обращаясь к организации животноводства, мы выявляем также весьма резкие отличия между двумя рассматриваемыми областями.

	Средне-Волжская (В %% от всей продукции животноводства)		Волжско-Каспийская (В %% от всей продукции животноводства)	
	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Мясо	15,0	22,0	19,6	25,9
Молоко	41,8	46,5	24,6	33 4
Кожа, шерсть	43,2	31,5	55,8	40,7

Как показывает таблица, Волжско-Каспийский край является районом отчетливо выраженного мясного скотоводства с сильно развитым овцеводством. Средне-Волжская область характеризуется уже достаточно выявленным переходом к молочному направлению в крупно-рогатом животноводстве и угасанием овцеводства, которое еще удерживается в связи с трехпольем и обилием соломистых кормов.

Если от сельского хозяйства перейти к промышленности, то и здесь мы должны будем отметить наличие отчетливо выраженного различия в экономической природе двух рассматриваемых областей.

Основа этого различия в том, что промышленность Средне-Волжской области тесно увязана с ее исключительно сельскохозяйственным значением и основана на переработке сельскохозяйственного сырья; промышленность же Волжско-Каспийского края в своей основе металлургическая и лесообрабатывающая или обслуживает широко развитую промысловую деятельность. Это коренное различие в типах промышленности обеих областей очень выпукло отражают нижеследующие показатели (в %%):

	Средне-Волжская обл.		Волжск.-Касп. край	
	1925/26	1926/27	1925/26	1926/27
Валовая продукция промышленности (без переработки рыбы).[1]	100	100	100	100
В том числе переработка с.-х. сырья (без переработки рыбы)	54,1	53,6	26,0	24,7

Превалирующее значение переработки сельскохозяйственного сырья в Среднем Поволожьи и очень скромное значение этого вида промышленности в Волжско-Каспийском крае достаточно выпукло отражено при-

[1] Переработка рыбы, как вид промышленности, связанной с промыслами, но не с сельским хозяйством в более узком смысле слова, нами исключена из таблицы в целях выявления удельного веса промышленности, перерабатывающей только сельскохозяйственное сырье.

веденными показателями и, следовательно, совершенно невозможно утверждать, что обе области аналогичны по характеру промышленности и по перспективам ее развития.

Но различия по промышленности у обеих областей имеют не только качественный, но и количественный характер, так как Средне-Волжская область, несомненно, менее промышлена, чем Волжско-Каспийский край. Эта последняя особенность достаточно четко вскрывается нижеследующим сравнением средне-волжских — Саратовской губ. и Немреспублики — с волжско-каспийскими — Сталинградской и Астраханской — губерниями:

Показатели	Средне-Волжская обл.				Волжско-Каспийский край			
	Сарат. губ.		Немреспубл.		Сталингр. губ.		Астраханск. губ.	
	1925/26	Полуг. 1926/27	1925/26	Полуг. 1926/27	1925/26	Полуг. 1926/27	1925/26	Полуг. 1926/27
Число рабоч на 1 предприятие	64	77	80	53	173	216	180	145
Валовая продукция на 1 предпр. (в тыс. руб.).	359	274	408	268	1.006	659	502	293
Валовая продукция на 1 душу населения .	35	25	20	28	53	35	48	31

Сопоставление рядов данной таблицы с достаточной определенностью устанавливает, что промышленность Средне-Волжской области и по среднему количеству рабочих на 1 предприятие и по размерам средней валовой продукции значительно слабее промышленности Волжско-Каспийского края.

Совершенно ту же характеристику двух областей дает такой обычно принятый показатель, как размер валовой продукции на 1 душу населения.

Наконец, есть и еще одно очень существенное отличие в экономике Среднего Поволжья и Волжско-Каспийского края — это наличие в последнем мощно развитых промыслов, которые вовсе отсутствуют в первом.

Народнохозяйственное значение промыслов Волжско-Каспийского края выходит далеко за областные пределы, так как в довоенное время улов рыбы составлял около 40% общереспубликанского улова, а соледобыча давала около 25% общереспубликанской продукции. В настоящее время улов рыбы дает около 70% всей добычи РСФСР, а продукция соляной промышленности области составляет 25% всей добычи республики.

Крайне характерно, кроме того, что около рыбных промыслов возникла и своя особая вполне локальная промышленность по переработке рыбы, при чем от 90% до 95% всего улова обычно поступает на переработку. Солепромысла пока еще не знают такого вида промышленности, но уже поставленная на очередь задача химизации страны с неизбежностью приведет к организации и в этой отрасли химических промышленных предприятий, перерабатывающих богатейшие запасы соли и магнезии Волжско-Каспийского края.

Суммируя отмеченные характерные особенности экономической природы двух рассматриваемых областей, мы имеем все основания дать им такие обобщающие характеристики:

1) Средне-Волжская область — земледельческо-товарно-зерновая-малоскотоводческая — переходная к молочному направлению с промышленностью, перерабатывающей местное сельскохозяйственное сырье.

2) Волжско-Каспийский край — промыслово-промышленно-животноводческий, с развитием интенсивных культур в азональной Волго-Ахтубинской пойме и промышленностью, перерабатывающей или продукцию местных промыслов или привозное сырье (лес и металл).

Как показывают эти характеристики, обе области резко отличны по своей хозяйственной природе и перспективам дальнейшего развития. Это не один, а два совершенно различных „хозяйственных комбината“ и потому слияние их в одно народнохозяйственное целое совершенно недопустимо.

Не делаем ли мы, однако, ошибки, давая именно эти характеристики двум сопоставляемым областям? Материалы контрольных цифр позволяют и в этом отношении проверить наш вывод, делая его совершенно об'ективным. Так, по валовой продукции всего своего хозяйства обе области характеризуются следующими показателями:

Валовая продукция

Наименование	Средне-Волжская		Волго Каспийская	
	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
	в %% от итога		в %% от итога	
Сельское хозяйство	74,6	71,8	52,7	48,6
Промышленность цензовая (без переработки рыбы)	25,3	28,0	25,0	32,3
Промысла (с учетом переработки рыбы)[1]	0,1	0,2	22,3	19,1
Итого . . .	100,0	100,0	100,0	100,0

И еще более ярко те же особенности в организации хозяйства Средне-Волжской и Волжско Каспийской областей подчеркивают материалы о сложении всей товарной массы их хозяйства.

Товарная масса

Наименование	Средне-Волжская		Волго-Каспийская	
	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
	в %% от итога		в %% от итога	
Товарная масса сельского хозяйства	41,8	41,7	20,3	20,7
Товарная масса цензовой промышленности	58,2	58,3	46,0	50,0
Товарная часть промыслов . .	—	—	31,7	29,3
Итого . . .	100,0	100,0	100,0	100,0

Совокупность показателей обеих таблиц устанавливает промыслово-промышленный характер Волжско-Каспийского края и сельскохозяйственную (еще уже зерновую) специализацию Средне-Волжской области.

[1] Переработка рыбы отнесена к промыслам, так как только таким образом возможно дать полное представление о всей промысловой деятельности населения. Отнесение переработки рыбы к промышленности приводит к тому, что деятельность основного заготовителя рыбы—трестов—проходит по пищевкусовой промышленности и, таким образом, оказывается из'ятой из данных о промыслах, а это сильно снижает удельный вес последних.

Характерно, кроме того, что те же таблицы, отмечая значительный удельный вес сельского хозяйства в валовой продукции обеих областей, одновременно выявляют разную товарность этого сектора народного хозяйства. В Средне-Волжской области сельское хозяйство имеет не только превалирующее положение, но и высокотоварно, тогда как в Волжско-Каспийском крае оно малотоварно и имеет в большей своей части потребительский характер. Это организационно-хозяйственное различие также весьма существенно.

Итак, по характеру естественно-исторических условий и типу организации хозяйства обе рассмотренные области резко различны и потому не могут быть об'единены в один административно-хозяйственный комплекс.

Мешает такому об'единению и резкое различие в дальнейших судьбах их хозяйственного развития, т.-е. в тех перспективных и генеральных плановых предположениях, которые здесь должны найти свое осуществление.

Для Средней Волги, с ее зерновым высокотоварным хозяйством, Саратовский проект дает некоторые перспективы дальнейшего развития. Выдвигая идею товарно-экспортного пшеничного хозяйства и подчеркивая необходимость пшеничной „экспансии“, Саратовский проект мыслит осуществление этого плана путем ирригации засушливого Заволжья и распашкой под зерновые культуры новых еще незанятых земель. Но осуществление этого плана уже в ближайшем будущем наталкивается на затруднение, так как в связи с постройкой Туркестано-Сибирской железной дороги волжский хлеб будет вытеснен из Туркестана, а с проведением Сибирской сверхмагистрали возможно ожидать его вытеснения и с рынков центральной полосы Союза Чтобы предотвратить этот грядущий кризис зернового товарного хозяйства Нижней Волги, Саратовский проект выдвигает идею Саратово-Миллеровской железной дороги, а также соединения Оренбурга с Уральском и Пугачева (б. Николаева) с Безенчуком. Этой системой железнодорожных путей, по мнению Саратова, создается связь всего хлебного Заволжья с портами Черного моря и, таким образом, является возможность обратить экспансию зернового хозяйства этой зоны исключительно на удовлетворение экспортных потребностей нашей страны.

В отношении животноводства перспективные планы Саратовского проекта довольно туманны и в общем, очевидно, склоняются к развитию молочного направления в крупно-рогатом скотоводстве.

Рассматривая всю совокупность этих плановых предположений, прежде всего, необходимо отметить, что даже в отношении товарно-зернового Среднего Поволжья они являются крайне спорными. Так, установка на зерновую „экспансию“ и, в частности, на обширные площади пшеничных посевов является, быть может, заманчивой с точки зрения экспортных возможностей, но мало оправданной со стороны создания в этой зоне засухоустойчивого хозяйства. Весь опыт прошлого уже с очевидностью доказал, что зерновая экспансия и была, в значительной мере, причиной весьма частых неурожаев в зоне Среднего и Нижнего Поволжья. Посевы зерновых и только зерновых, к тому же крайне экстенсивные, при каждой засухе подвергались и подвергаются гибели, а это ведет к неурожаям и разорению хозяйства. Отсюда был сделан совершенно правильный вывод о необходимости иной организации хозяйства, с большим уклоном в сторону животноводства, с посевом кормовых трав и пропашных культур, с большим разнообразием посевных культур вообще. На этой, ведь, основе и стала осуществляться реорганизация крестьянских хозяйств в засушливой зоне, принявшая организационную форму 10—12-польного

севооборота с 20—30% посевов пшеницы. Современное же крестьянское хозяйство типичного зернового Заволжья (как-раз захваченное пшеничной „экспансией") имеет 70 и 80% посевов пшеницы, и, следовательно, для него переход к более совершенным формам производства будет означать уменьшение зерновой и пшеничной экспансии, замену ее более разносторонним зерново-животноводческим типом хозяйства.

Так будет развертываться в перспективе переустройство хозяйства зернового Среднего Поволжья по типу „сухого земледелия".

Но еще резче те же тенденции проявятся в хозяйствах, которые будут организованы на основах полной ирригации. Здесь посевы зерновых, несомненно, не будут достаточно рентабельными и потому значительная доля орошаемого клина пойдет под посевы не пшеницы, а кормовых трав (опыт засушливых штатов Америки говорит об этом), за счет которых и получит широкое развитие молочно-свиноводческое направление в животноводстве.

Таким образом, в целом дальнейшее прочное развитие устойчивого хозяйства в засушливой полосе Среднего Поволжья может и должно ориентироваться не на пшеничную экспансию, а на организацию более трудоемкого и разностороннего хозяйства, и с этой точки зрения Саратовский проект является неудовлетворительным даже для зоны товарно-зернового хозяйства.

Кроме того, есть все основания ожидать, что и самая постройка Саратово-Миллеровской железной дороги не создаст благоприятных условий для экспорта заволжской пшеницы, так как расходы по оплате железнодорожных тарифов обусловят заготовительные цены, мало благоприятные для экспорта зерна и, в частности, пшеницы. На ряду с этим подсчеты целого ряда работников Госплана СССР заставляют думать, что вся задача экспорта заволжской пшеницы вполне успешно разрешается только прорытием Волго-Донского канала, так как пониженные тарифы водных перевозок позволят уплачивать за зерно более высокие цены.

Очень мало давая даже Средне-Волжскому товарно-зерновому району, перспективные предположения Саратова вовсе ничего не дают Волжско-Каспийскому краю. Для этого края, где зерновое хозяйство, как мы отметили, малотоварно и откуда избытки хлеба направлялись большей частью на юг в Астрахань, Баку и Закавказье, конкуренция сибирского хлеба особого значения не имеет. Но если бы такая конкуренция и выявила свои отрицательные результаты для данной зоны, то выход найти не трудно, так как Сталинградская губ. уже связана двумя железнодорожными линиями с портами (Сталинград—Лихая и Сталинград—Новороссийск) и для указанной цели вовсе не нуждается в Саратово-Миллеровской железной дороге.

Иначе совершенно стоит вопрос о Волго-Донском канале, который позволяет нашему Заволжью, пользуясь дешевым водным путем, направлять зерновые и овощно-фруктовые грузы к портам и густонаселенным районам страны. С другой стороны, канал связывает Волжско-Каспийский край с донецким углем и тем увеличивает перспективы развития здесь крупной промышленности.

Но о Волго-Донском канале проект Саратова почти молчит и это крайне характерная его особенность.

Далее, в транспортном отношении Волжско-Каспийский край нуждается в осуществлении таких дорог как Аральск — Сталинград, Александров — Гай—Чарджуй, Сталинград—Владимировка, Астрахань—Элиста—Дивное.

Но все эти дороги нашего края, призванные оживить и вызвать к хозяйственной жизни громадную окраину, оставлены Саратовским проектом

вне поля зрения. Ту же картину мы имеем и в промышленности. Особо подчеркнув значение мукомолья и небольших заводов по ремонту сельскохозяйственных машин, Саратовский проект не уделяет должного внимания мощной лесопильной и металлургической промышленности Сталинграда и промысловой промышленности Астрахани. Таким образом, и здесь проявилась тенденция игнорировать особые промышленные интересы Волжско-Каспийского края, кровно заинтересованного не столько в мукомольи, сколько в лесообработке, металлургии, консервном деле, бэконном производстве, судостроении, тракторостроении, рыбообработке и т. п. О всем этом в Саратовском проекте нет почти ни слова.

Наконец, промысла и их дальнейшее развитие едва-едва отмечены Саратовом в том смысле, что многого здесь не сделаешь, так как эти отрасли имеют достаточно полное количественное освоение. Таким образом, и здесь, в этом основном вопросе хозяйства Волжско-Каспийского края, Саратовский проект совершенно игнорирует наши особые интересы и плановые перспективы. Нам же думается, что и в вопросе о дальнейшем освоении промыслов области последнее слово еще не сказано. Упорядочение рыбных промыслов, а главное, рационализация переработки громадных уловов рыбы, на ряду с утилизацией отходов и отбросов, обещает несомненно большой народнохозяйственный эффект. А использование залежей соли и магнезии для нужд химической промышленности — дело, которое уже сегодня требует значительного к себе внимания.

Но если Волжско-Каспийский край экономически вполне обоснован, если он является определенно выявленным комбинатом соли, рыбы, мяса, овощей и фруктов, т.-е. громадного консервного дела, и в то же время железа, леса, нефти и угля, т.-е. металлообработки и лесообработки, то спрашивается — возможно ли вообще его образование и в каких территориальных границах оно мыслимо?

Отвечая на этот вопрос, прежде всего, необходимо устранить одно возражение, которое не имеет экономического характера. Говорят, мы должны создавать области-гиганты с громадными территориями и большой массой населения, так как только такие комбинаты успешно справятся с своими народнохозяйственными задачами. Но выдвигая это положение, совершенно забывают, что при резко снижающейся заселенности наших даже сравнительно близких окраин, невозможно всегда и всюду создавать многонаселенные области. В результате, в центре мы видим небольшие территориально, но густонаселенные области (Центрально-Промышленную, Центрально-Черноземную), а на периферии, ближе к границам страны, разместились территориально громадные, но мало населенные области (Дальневосточная, Северная). Создавать здесь, на окраинах, крупные по количеству населения области — это значит игнорировать функциональные особенности громадных территорий и об'единять в одно целое экономически чуждые друг другу единицы. При таких условиях специализация областей совершенно игнорируется и теряется возможность составления плановых перспектив, увязанных с функциональными особенностями каждой области. Кроме того, об'единенные без достаточных экономических оснований и производственно не связанные между собой части разнородных областей развиваются неравномерно, так как одни из них, и притом наиболее сильные, своими заданиями перекрывают все другие части области — конгламерата. Указанный процесс, несомненно, имеет место во всех случаях, где в состав областных образований вошли экономически и производственно разнородные части.

Из сказанного совершенно очевидно, что не размеры территории или количество населения должны быть положены в основу производственного районирования, а специализация функций областей. Отчетливо

выявленная производственная и экономическая обособленность — вот та основа, на которой должно строиться областное деление, размеры же территории в этом случае будут производной от этого основания. В одних случаях выделенная по этому принципу область будет многолюдна, но мала территориально, в других — напротив — велика территориально, но малолюдна. Однако, областное об'единение должно всегда иметь свое экономическое лицо, свою производственную функцию. Исходя из этих соображений, вопрос о размерах территории и населенности области мы не считаем основным и решающим.

Но выдвигаемый нами проект Волжско-Каспийского края, об'единяя Сталинградскую и Астраханскую губернии, Калмобласть, Западный Казакстан, Балашовский, Камышинский и Новоузенский уезды Саратовской губ., часть Сальского округа и Морозовский район, дает территориально громадную область в 517 тыс. *кв. км* с населением более 4 млн. душ.

Есть, однако, основание думать, что вхождение Западного Казакстана в область будет несколько замедлено и на первых порах придется создавать областное об'единение без него. В этом случае мы будем иметь область с территорией в 270 тыс. *кв. км* и населением до 3 млн. душ. Для окраинной и малонаселенной области, имеющей свои ярко выраженные функциональные особенности, и эти размеры надо считать вполне достаточными.

Заканчивая наш беглый очерк Волжско-Каспийского края и экономических оснований, повелительно требующих его образования, необходимо хотя бы в общих чертах определить его бюджетные возможности. По данным, опубликованным в заседании Госплана СССР, Астраханская губерния имела в 1926/27 г. бюджетных поступлений 25 руб. на душу населения, Калмобласть 16 руб. и Сталинградская губ.— около 9 руб. В 1925/26 г. бюджетные поступления Сталинградской губ. были выше и выражались в 12 руб. на душу населения. Если взять бюджетные возможности всего Волжско-Каспийского края, то по данным 1926/27 г. они выразятся в 10 руб. 32 коп. на душу населения, в то время как Средне-Волжская область имела лишь 8 р. 75 к. на душу. Указанные относительные бюджетные величины отчетливо устанавливают, что в финансовом отношении Волжско-Каспийская область явится вполне устойчивым образованием.

Что касается центра Волжско-Каспийского края, то несомненно им должен быть Сталинград, с его мощной промышленностью, многотысячными кадрами пролетариата и обширным железнодорожным узлом, обеспечивающим связи с Новороссийском, Ростовом и Москвой. Однако, краевое управление районными промыслами необходимо сосредоточить в Астрахани, являющейся центром этой крайне важной народнохозяйственной отрасли.

Итак, подытоживая всю совокупность наших соображений, необходимо признать, что совершенно особый в естественно-историческом и производственном отношениях Волжско-Каспийский край должен быть выделен в самостоятельную область, с центром в гор. Сталинграде.

Разрешая вопрос о районировании Нижней Волги по этому варианту, мы выделяем край, имеющий большие потенциальные возможности к дальнейшему развитию, и ставим во главе его тот город молодого и творческого класса, который упорной борьбой на фронте гражданской войны и социалистического строительства уже доказал свои организационные и творческие способности.

К. Шатов

Средне-Волжская область

При пересмотре в Госплане Союза сетки районов настойчиво выдвигается Саратовским Губисполкомом и Губпланом идея создания одного экономического района, охватывающего и Среднюю и Нижнюю Волгу без Тат- и Чувреспублики. Колеблется, таким образом, основной устой прежнего понимания районирования этого края. Возникает с новой силой вопрос, существуют ли в действительности грани между Средним и Нижним Поволжьем, насколько глубоко прощупываются они в условиях природы, сложившейся экономики, наконец, в целевых заданиях обоих отрезков Поволжья.

Ответом убеждающего порядка может быть только положительное построение образов двух областей. В этом направлении многое уже сделано и госпланами, союзным и республиканским, и местными плановыми органами. Возможно только, что незыблемость сетки, охранявшаяся до последнего времени, отводила исследование от раскрытия противоречий между Средней и Нижней Волгой в полной мере их яркости.

Носитель идеи Средне-Волжской области — Самара, ее естественный формирующий центр. Самара не отказывается от старой сетки и не может отойти от нее, жизненно ощущая непримиримость противоречий, рождаемых природой и экономикой среднего и нижнего течения Волги.

Самара продолжает понимать районирование, как увязку в областную сетку всех территорий края, а не как выбор из них наиболее эффективных в хозяйственном смысле. Поэтому в Средне-Волжский район на ряду с мощными единицами огромной будущности включены и территории, несильные экономически, с почти законченным циклом развития.

Первоначальная сетка намечала Средне-Волжскую область в составе губерний: Самарской, Пензенской, Ульяновской, Татреспублики, Чувреспублики. Образование Казакстана и Уральской области оставило вне районов — Оренбургскую губернию и Башреспублику. Весь этот край — естественное продолжение Заволжья, повторение его природных признаков и экономических особенностей. Но проектировать присоединение Башкирии и Оренбурга к Средне-Волжскому району побуждало не стремление к расширению пределов, а гораздо более важные причины. Задача Средне-Волжской области понимается Самарой, как организация новых форм сельского хозяйства с небывалым еще об'емом товарности. На территориях старой колонизации, — Ульяновской, Пензенской губерний, Татреспублики, — такие цели не достижимы. Пределы развития в них товарности весьма ограничены. Экономическая сущность, специализация, целевое назначение Средне-Волжского района выявляются с полной мощью лишь с перенесением центра его тяжести за Волгу в те степные просторы, где нет малоземелья, нет аграрного перенаселения, где возможен размах в новых начинаниях, где развитие сельского хозяйства способно в короткие сроки дать внушительные результаты.

Область, захватывающая обширные пространства за Волгой, имеет все преимущества по сравнению с районом, спроектированным перво-

начально почти в одинаковом весе из территорий с трехпольем и малоземельем, и районов новой колонизации с характерным для них земельным простором и паро-переложно-пестропольной системой. В новом укрупненном варианте с Башреспубликой и Оренбургской губернией, Средне-Волжская область уже не на половину, а на две трети в широких степях Заволжья и имеет все возможности осуществить свое целевое задание.

Углубление в Заволжье увеличивает территорию области до 481 тыс. *кв. км*, делая ее более Украины, и сосредоточивает в ней 12.500 тыс. населения. По отношению к Европейской части Союза область имеет весьма гармоничную величину, занимая 10% территории и охватывая 9,7% населения. Из всех предложенных до сих пор проектов районирования Поволжья Средняя Волга, выдвигаемая Самарой, концентрирует наибольший человеческий массив.

Та природа, среди которой открывается поле для производственного труда этого массива, представляет условия достаточно единые, чтобы в результате возможна была общность экономических целей.

Климат Средне-Волжской области представляет большую однородность:

Города	Средняя температура в градусах по Ц. за январь	за июль	Осадки в миллиметрах за год
Казань	— 13,7	+ 20,7	395
Ульяновск	— 13,2	+ 21,0	439
Пенза	— 11,9	+ 20,5	476
Самара	— 13,3	+ 21,7	377
Уфа	— 13,9	+ 20,9	477
Оренбург	— 15,4	+ 21,6	385

Летняя температура, важная для сельского хозяйства, по всей области одинакова. Достаточно отметить, что в Саратове температура июля + 23,7, в Сталинграде + 23,6, в Астрахани + 25,1, чтобы убедиться в существовании естественной грани климата между Средней и Нижней Волгой. Столь же ясно видна эта грань в распределении осадков. Среднее Поволжье всюду выше того минимума в 350 *мм*, который позволяет надежно, при прочих благоприятных метереологических условиях рассчитывать на урожай главных культур края. В Нижнем Поволжьи только Саратов имеет 357, Сталинград — 309, Новоузенск уже 230, Астрахань 160 *мм* осадков. Следовательно, земледелие в этом районе существует в условиях, совершенно отличных чем в Средней Волге.

В почвенном отношении в Средне-Волжском районе можно проследить две зоны — лесостепь и степь. Сухой степи — лишь маленький клочок на юге Пугачевского уезда. На правом берегу Волги и севере области — обыкновенные черноземы с различными переходными типами. В степи каштановые почвы, весьма отличающиеся от чернозема, но дающие при благоприятных метереологических условиях отличные урожаи и позволяющие снимать сборы пшеницы, максимально возможные для этой культуры. На всем протяжении области почва плодородна. Исключение — лишь небольшие солончаки на юге Пугачевского уезда.

Нижне-Волжская область по своим почвам резко разнится от Средне-Волжской. Здесь также определенная природная грань. В Саратовской губернии имеются на правом берегу тучные черноземы. Новоузенский уезд целиком представляет сухую степь. Дальше к югу плодородные каштановые почвы сменяются бурыми, перемежающимися огромными пространствами песка, превращающего край в бесплодную пустыню.

Территории с лесистостью около 30% окаймляют Средне-Волжскую область с запада, севера и востока, — это Ульяновская губерния, Татреспублика, Башреспублика. Середина области — степь с присущей ей редкостью лесных пространств, к юго-востоку в Оренбургской губернии сводящихся к 2,9%. В Нижнем Поволжьи только Саратовская губерния имеет около 15% лесов, остальное пространство можно считать совершенно безлесным.

Такова в кратких чертах природа двух смежных областей. Единообразие естественно-исторических условий открывает путь к возникновению однородной экономики края. Но хозяйственная деятельность строится в зависимости и от иных кроме природы факторов. Слагаясь во времени и волею человека в одном и том же естественно-историческом районе, хозяйство может иметь отличные между собой формы. Средне-Волжская область при полном единстве природных условий представляет собой район разновременного заселения. В территории старой колонизации культура насчитывает века, в степных пространствах земледелие распространилось не более полувека назад. Отражение этих фактов сказывается и на густоте населения и на уровне освоения земли посевом.

Плотность населения по переписи 1926 г. выражается в таких цифрах:

	Жителей на 1 *кв. км* Всех	Сельских
Самарская	23,5	20,4
Ульяновская	40,6	35,7
Пензенская	47,8	43,3
Оренбургская	12,3	9,8
Татреспублика	37,8	33,7
Башреспублика	17,2	15,7
Чувреспублика	48,9	46,4

Степь заселена слабо, и чем дальше к востоку, тем реже становится население. Но все-таки в Средней Волге нет резких скачков, имеющихся в Нижней, где население с 31,8 человека в Саратовской падает в Калмыцкой области до 1,9 чел. на 1 *кв. км*.

Степень освоения земли под посевы в Средне-Волжской области показывает в общем те же колебания, что и плотность населения:

	Вся посевная площадь 1926 г. в тыс. *га*		в %%
Самарская	10.303	2.207	21,4
Ульяновская	3.864	1.065	27,6
Пензенская	4.565	1.600	35,0
Оренбургская	5.564	619	11,1
Татреспублика	6.697	2.286	34,1
Башреспублика	15.775	2.038	12,9
Чувреспублика	1.830	468	25,6

Посевная площадь области 10.285 тыс. *га* или 26,6% всей территории. В Нижне-Волжской области посевы 1926 г. составили 5.497 тыс. *га* — 17,7%. Различны и перспективы двух областей на ближайшее пятилетие. В Средне-Волжской посевная площадь дойдет до 12 млн. *га*, из них под пшеницей 3 млн. В Нижне-Волжской нельзя рассчитывать на площадь более 6 млн. *га*, в том числе с пшеничным клином менее 2 млн.

Ожидаемый в Средней Волге рост посевов является не более, как восстановлением довоенной площади и должен наступать без каких-либо чрезвычайных мероприятий и затрат. Но на этом уровне рост, конечно, не остановится, — освоение земли будет продолжаться неудержимо. Генеральные планы, охватывающие 15 лет, открывают перспективы прироста посевной площади почти на 6 млн *га*, рисуя возможность иметь к 1941 г. под посевами 16 млн. *га*. В Нижне-Волжской области рост посевов свыше

6 млн. обусловливается проведением дорогостоящей ирригации и медленным отвоеванием от пустыни на юге культурных оазисов.

Скотоводство в Средней Волге восстановилось быстрее, чем посевная площадь, и по продуктовому скоту уже превышает довоенные цифры. Продукты животноводства сейчас усиленно вывозятся за пределы области. В переводе на взрослый скот Средне-Волжский район имеет 6.200 тыс. голов. На 100 гектаров посева это — 60 голов, на 100 *га* всей земли — 16 голов. Нижняя Волга располагает 3.045 тыс. голов, что на 100 *га* посева дает 55 голов, на 100 *га* всей земли — 9 голов.

Еще более чем природные особенности и перечисленные экономические признаки, резкую грань между Средним и Нижним Поволжьем кладет их отношение к возможности иметь свои энергетические ресурсы. Скудость энергетики всего Поволжья известна. Необходимость прибегать к дорогому привозному топливу понижает потенцию и промышленности и сельского хозяйства.

В настоящее время с полной уверенностью можно говорить о том, что Средне-Волжскую область в вопросе энергетики ждет лучшее будущее, чем ее соседку с юга.

Горючие сланцы имеются в изобилии в Саратовской и Ульяновской губерниях. Главные их залегания с запасами в сотни миллионов тонн по исследованиям геологической экспедиции „Битум-сланца", тянутся по Общему Сырту на юго-востоке Самарской губернии. Немедленному использованию сланцев, как топлива, препятствует несовершенство методов его сжигания. Едва ли могут быть сомнения, что современная техника сумеет в ближайшее время одолеть это препятствие.

Идея использования водной силы Волги на Самарской Луке для устройства могучей электрической станции насчитывает ряд лет. Судьба Волгостроя схожа с судьбой Днепростроя. Проект Волгостроя долго числился несбыточным и лишь при советской власти он признан выполнимым и ставится на очередь. Трудности осуществления такого грандиозного замысла велики, но они не отодвигают его осуществления до столь далекого будущего, чтобы его нельзя было принимать в соображение при районировании.

Энергетические возможности Волгостроя, определяемые в 2,8 млн. квт., должны совершенно преобразить край. Высоковольтная передача распределит энергию по всем уголкам области и избытки ее перекинет в соседние районы. Проект Волгостроя, как техническая идея, разработан. Сделаны даже подсчеты стоимости постройки линий передач в дальние города, например, Пензу. Увязывается использование энергии Волгостроя с осуществлением ирригации сухой степи, спроектированной профессором Чаплыгиным. Еще нетронут вопрос об электрификации за счет Волгостроя железных дорог всей Средне-Волжской области. Но и сейчас уже можно предвидеть, насколько облегчится при готовой дешевой энергии постройка новых железных дорог, нужных области.

В транспортном отношении Среднее Поволжье представляет единицу, совершенно независимую от Нижнего Поволжья. Их связывает Волжская магистраль, но главная масса грузов Средней Волги идет не вниз, а вверх по течению. Средоточие всех железнодорожных линий области—Самара—вместе с тем и крупнейший перевалочный пункт с воды на рельсы и обратно на всей Волге. Значение Самары тут можно сравнивать лишь с Сталинградом, Саратов же играет второстепенную роль. Транспортную активность Самары поднимает и то, что через нее идет единственный рельсовый путь в Среднюю Азию.

Трудно ожидать, чтобы даже в далеком будущем сеть новых железных дорог и каналов лишила Самару теперешнего ее веса в грузо-

обороте. Волго-Донской канал только прибавит количество грузов, проходящих через Самару. Новые рельсовые пути для переброски грузов Сибири и Средней Азии мимо Самары проектируются в явный обход должного использования Волжской магистрали и потому имеют немного шансов осуществиться. Расширение посевов, под'ем местной промышленности создадут новые массы грузов, для которых потребуется более густая сеть железнодорожных путей внутри области большею частью короткого протяжения.

Промышленность Средне-Волжской области базируется почти исключительно на переработке сельскохозяйственного сырья. В дальнейшем это положение сохранится до тех пор, пока дешевая энергия сланцев или Волгостроя не позволит создавать новые отрасли промышленности уже на привозном сырье.

Цензовая промышленность области по данным 1925/26 г. представляется в следующем виде:

Число рабочих	Число предприятий	Валовой продукции	Основной капитал
45.128	500	229.496 тыс. руб.	83.732 тыс. руб.

Эти цифры выше, чем соответствующие Нижне-Волжской области, которая в том же году имела 40.200 рабочих, 414 предприятий и валовой продукции на 208.326 тыс. руб. Таким образом, Средне-Волжская область имеет не меньший, чем Нижняя, а больший кадр пролетариата, необходимого для правильной организации хозяйственного строительства в областном масштабе.

К проблеме индустриализации Средняя Волга подходит через развертывание своего сельского хозяйства, через осуществление своих энергетических планов. Здесь опять глубокое отличие от Нижней Волги, где индустриальные задачи должны быть выдвинуты на первый план, так как сельское хозяйство слишком медленно и относительно в малых пределах может быть поднято выше.

Сельскохозяйственные задания настоящего момента — усиление зерновой продукции, расширенное производство пшеницы, создание новых количеств товарных излишков, — должны быть целиком адресованы не Нижнему, а Верхнему Поволжью. У него колоссальные запасы еще неиспользованных земель и трудовых сил, а также и климатические условия, позволяющие обходиться сухим земледелием без грандиозных оросительных систем. В общей сумме у Средней Волги все, что нужно для самой высокой товарности производства хлебных культур, в том числе и пшеницы, а равно продуктов животноводства.

Средоточие производства пшеницы и сейчас в Средней Волге, где в 1926 году было посеяно этой культуры 1.980 тыс. *га*, а не в Нижней, имевшей лишь 1.310 тыс. *га*. Но дело, конечно, не в этих цифрах, а в возможностях их роста, столь широких в Среднем Поволжьи и столь ограниченных в Нижнем.

Весь ряд территорий, входящих в Средне-Волжский район, тесно связан между собой общностью климата, почвы, но самое ценное ядро, несущее в себе зародыш будущего гигантского роста экономики, лежит в самой средине области в степных пространствах, на которых раскинулись Самарская и Оренбургская губернии и Башкирская республика. В этом ядре из 38,5 млн. *га* запроектированных для всей области сосредоточивается 31,6 млн. *га*, или 82%. Это и есть то типичное степное Заволжье, которое способно оправдать самые смелые ожидания по части создания новых форм сельского хозяйства с невиданным еще уровнем товарности.

Подавление этого ядра сухой степью на юге, требующей иного сельскохозяйственного подхода, или тучными черноземами Саратовской губернии с их трехпольем даст самые отрицательные результаты. Гораздо легче можно согласиться на освобождение основного ядра области от той оболочки, которая покрывает его в виде территорий старой колонизации, не способных прямо принять участие в достижении целевых заданий Средне-Волжского района.

Самара никогда не отказывалась от включения в состав Средне-Волжской области территорий переходного типа с трехпольем, поскольку такое вхождение диктовалось необходимостью во всей полноте осуществить районирование Союза. Но в то же время Самаре нет оснований возражать, если в порядке пересмотра сетки найдено будет целесообразным часть этих территорий передать в другие экономические районы. Но тем сильнее Самара будет отстаивать основное ядро Средне-Волжской области, составляющее ее сущность.

При всех возможных отходах к другим районам Средне-Волжская область будет располагать крупной территорией и достаточным количеством трудовых сил. Некоторая разгрузка области от населения будет даже полезна, так как тогда повысится товарность сельского хозяйства области.

Соединить Среднюю Волгу с Нижней в одну область — это значит стереть естественные грани между ними и заставить противоречивую экономику уживаться в одном районе. Это значит, вместе с тем, закрыть Заволжью многие пути к мощному завоеванию сельскохозяйственной культуры. Это значит, наконец, умалить и сузить первоначальный размах районирования, стремившегося призвать к новой жизни все без исключения клеточки строящей социализм советской страны.

Н. Тоцкий

О районировании Нижнего Поволжья

Решение вопроса о границах Нижнего Поволжья не может иметь места вне общей схемы районирования Союза. Такого рода схема была разработана Госпланом в 1921 г. и несколько изменена Комиссией ВЦИК, под председательством М. И. Калинина, проект которой был утвержден президиумом ВЦИК 13 февраля 1922 г.

Принять, как догмат, не терпящий никаких поправок, эту сетку районов в настоящий момент не представляется возможным. Эта невозможность об'ясняется не тем, что сетка Госплана составлена методологически неправильно или же принципы, положенные в основу районирования, не выдержали теоретической критики или испытания опытом жизни, как думают некоторые лица, делающие поспешные и необоснованные выводы. Наоборот, можно с уверенностью сказать, что и принципы, и метод госплановского районирования вполне заслуженно приобрели широкое распространение и признание и притом не только у нас, но и за границей.

Если, тем не менее, сейчас на очереди дня стоит вопрос о пересмотре сетки Госплана, то это связано, главным образом, с тем, что, составляя ее в 1921 г., Госплан при установлении границ руководствовался по преимуществу мнением экспертов как в отношении данностей того или иного района, так и относительно тех перспективных производственных заданий, которые должны составить основное содержание будущей деятельности районов. За истекшие семь лет (впервые сетка районов в президиуме Госплана была заслушана 21 апреля 1921 года по докладу П. С. Осадчего) сделано очень много как в сфере познания существующего положения вещей, так и в области проектировок генеральных линий развития отдельных районов Союза. Эти более полные и точные, чем экспертиза, методы познания Союза дают нам основание критически отнестись к сетке 1921 года и внести в нее ряд коррективов, связанных с указанными работами. Что речь может итти только о коррективах, а вовсе не об отказе от прежней сетки, лучшим доказательством служат проекты районирования и критические замечания мест, в изобилии поступающие в Госплан, в связи с решением XV с'езда ВКП(б) о завершении районирования: эти местные работы либо всецело продолжают стоять на прежней сетке, либо вносят в нее (порою весьма существенные) частные коррективы. Следует при этом отметить, что чтение отзывов мест о сетке Госплана в большинстве случаев представляет исключительный интерес. Оно дает обильный материал, доказывающий, с одной стороны, жизненность и правильность идеи и принципов госплановского районирования, а с другой — что семя это упало на добрую почву. Местные плановые организации дают сплошь и рядом глубоко продуманные проектировки, свидетельствующие о проделанной ими значительной работе в деле теоретического и практического овладения территорией Союза.

Суммируя всю совокупность работ по районированию и перспективным построениям планов хозяйственного развития отдельных районов,

можно при решении вопроса о границах Нижнего Поволжья несколько ограничить себя и сделать определенное суждение и до пересмотра всей сетки Госплана. Если взять бассейн Волги и временно оставить в стороне вопрос о внутреннем разделении этого бассейна на районы, то внешние границы совокупности поволжских районов очерчиваются довольно точно со всех сторон света.

Поволжские районы имеют на юге естественную границу в виде побережья Каспийского моря; на западе они отграничиваются Южно-Горнопромышленным районом с его специализацией в области тяжелой индустрии; Центрально-Черноземной областью — с ее „оскудением“ и установкой на интенсификацию сельского хозяйства, специализировавшейся в свое время на производстве „серых“ хлебов и, наконец, Центрально-Промышленной областью, дающей высоко развитый тип района легкой индустрии. С севера районы Поволжья соприкасаются с громадным Северо-Восточным районом лесного хозяйства и с водными путями, обращенными к Белому морю и Ледовитому океану; и, наконец, с востока границы Поволжья отграничиваются Уралом с его горнозаводской основной специализацией. Таким образом, определение внешних границ районов Поволжья не представляет значительных трудностей и со всех сторон встречает ясную демаркационную линию в виде иных производственных заданий соприкасающихся районов. Это позволяет нам подойти к решению вопроса о районах Поволжья внутри него самого без предварительного пересмотра всей сетки Союза и сосредоточить наше главное внимание на тех широтных линиях, которые должны наметить внутреннее разделение Поволжья на отдельные экономические районы.

Если итти с юга на север, от побережья Каспийского моря до верховьев р. Вятки, не трудно видеть, что вся эта огромная территория, вытянутая в меридиональном направлении от 45° до 60° сев. широты, довольно резко разделяется на три основных части, которые можно назвать: Волго-Каспийской — южную; Средне-Волжской — центральную и Волжско-Камской — северную.

Южная, занимающая, грубо говоря, Арало-Каспийскую низменность от Мугоджар до Ергеней и от Общего Сырта и южных отрогов Урала до побережья Каспийского моря, — представляет собою обширную впадину, спускающуюся на юге до 25 *м* ниже уровня моря, которую можно в общем охарактеризовать, как район полупустыни (и даже пустыни) с осадками, не превышающими 300—325 *м* в год, с испарением, превышающим увлажнение, с бурыми и светлобурыми пустынными почвами, с типичной растительностью степной полупустыни, с очень редкой плотностью населения, ведущего кочевой образ жизни и занимающегося скотоводством. Факторами „азонального“ порядка является здесь река Волга (до некоторой степени и р. Урал), образующая Волго-Ахтубинское „займище“, которое представляет собой громадной мощности транспортную артерию, затем, здесь же следует отметить некоторые природные богатства (рыба, соль, эмбинская нефть), имеющие большое значение как для края, так и для всего Союза.

Средний район, простирающийся приблизительно на север от 50° до 55° сев. широты, имеет уже иной природный и экономический облик. Это типическая степь с годовыми осадками от 300—325 до 400 и выше *м*, т.-е. зона, в общем, недостаточного увлажнения с решающим значением весенних осадков, зона каштановых почв и черноземов, с населением, достигающим средней плотности и ведущим на земельном просторе экстенсивное сельское хозяйство, характеризующееся в области полеводства высокими процентами посевов пшеницы.

Природными богатствами этот район отличаться не может. Некоторую роль сейчас в нем играет группа ископаемых строительного характера; в будущем могут приобрести значение горючие сланцы.

Наконец, северная часть Поволжья (грубо от 55° до 60°), расположенная от р. Камы до р. Унжи, представляет собой, в свою очередь, типичную лесную зону, которая на юге узкой лесостепной полоской переходит в только что описанную зону типической степи. Если на этой переходной полосе (Татарская и Чувашская республики), в силу их старого заселения, мы находим высокую плотность населения, перешедшую грани, допускаемые господствующим здесь отсталым земледелием, то в коренной лесной зоне мы вновь встречаемся со средней плотностью населения, занятого лесными промыслами и лишь отчасти (как, например, на Вятской „плешине“) довольно интенсивными формами полеводства (лен, картофель, травосеяние) и животноводства. Притоки Волги образуют здесь естественные сплавные и водные пути к ее низовьям и служат одним из стимулов для развития лесного хозяйства. Залежи фосфоритов и глинистых сферосидеритов, кроме того, дают области дополнительные к лесу данные для развития промышленности.

В соответствии с описанными природными данными и сложившимися навыками населения, а отчасти и в связи с накопленными капитальными ценностями, довольно резко отличаются друг от друга и производственные перспективы каждого из указанных трех районов.

Волго-Каспийский край главной основой своего сельского хозяйства имеет — и еще на долгое время будет иметь — экстенсивное кочевое скотоводство (Калмобласть и Букеевская орда). Задачей будущего по отношению к кочевому скотоводству является укрепление и расширение его кормовой базы с постепенным переходом части населения на оседлое земледелие. Помимо ведущейся уже теперь работы по укреплению лесов и разведению на них кормовых трав,—предстоит в будущем создать здесь оазисное лиманное орошение, где должны быть сосредоточены призимовочные базы для снабжения продовольствием населения и кормами скота. В более северном и северо-западном направлении, помимо скотоводства, должно постепенно развиваться земледелие, повидимому, комплексного типа. Оба экстенсивно-скотоводческих крыла Волго-Каспийского края примыкают к Волго-Ахтубинской пойме с ее аллювиальными почвами и с весьма богатыми возможностями интенсивного земледелия (огородно-овощное и садовое хозяйство) вплоть до посева даже таких ценных культур, как хлопок. Наличность Волго-Ахтубинской поймы позволяет далее связать ее хозяйство как с хозяйством кочевого скотоводства, так и с рыбными и соляными промыслами края, в один большой мясо-рыбно-овощный консервный комбинат, в котором Сталинградский район будет участвовать производством подсолнечного масла и жести. Само собою разумеется, что этими заданиями консервного производства далеко не могут быть исчерпаны товарные ресурсы рыбы и соли, имеющие союзный рынок. Современные транспортные условия в то же время позволяют овладеть Эмбинскими нефтепромыслами только со стороны моря. Даже в том случае, если в ближайшем будущем будет проведен нефтепровод к Волге, все же на Астрахани и Сталинграде будет лежать забота снабжения Эмбинского района продовольствием, лесом и металлическим оборудованием. В свою очередь Эмба будет подавать нефть в Сталинград для перегонки ее в рыночные продукты.

Не вдаваясь в другие детали того связного комбинированного хозяйства, которое будет представлять собой Волго-Каспийский край, остановимся еще в двух словах на сталинградской металлообрабатываю-

щей и лесопильной промышленности. Надо сказать, что за исключением пищевкусовой промышленности и промышленности по добыче и обработке минерального сырья (цемент, асфальт, глина и пр.), вся промышленность Среднего и Нижнего плеса Волги базируется на „нелокальных“ ресурсах; она основана на тех исключительно выгодых транспортных условиях, которые дает р. Волга. Однако, Сталинград, как пункт, выдавшийся дальше всех других на запад и расположенный, таким образом, ближе всего к Донецкому каменноугольному бассейну, дает особо выгодное сочетание транспортных условий для развития здесь промышленности, связанной с подачей руды и леса с Урала и Вятки (через Каму и Волгу) и угля с Донецкого бассейна (Сталинград—Лихая). Это выгодное транспортное положение приобретает еще большее значение с проведением Волго-Донского канала благодаря удешевлению подачи угля из Донбасса. Кроме того, металлическая промышленность Сталинграда получит еще новый стимул устройством в Сарептском затоне судостроительного завода для обслуживания низовья Волги и Волго-Дон-Азовского соединения.

Таким образом, указание на „чужеродность“ промышленности Сталинграда Волго-Каспийскому краю нам представляется мало убедительным: она столь же „чужеродная“, если считать самую Волгу „чужеродным“ явлением и для всякой иной комбинации районов Поволжья, ибо при отсутствии сырьевой „локальности“ промышленности Сталинграда в то же время и по рынку имеет нелокальное значение.

Средне-Волжский район имеет как в настоящем, так и в будущем, совсем иной производственный облик. Природные условия этого района на ряду с низкой плотностью населения его основного Заволжского массива (Самарская и Саратовская губернии и Республика немцев Поволжья) позволяют превратить этот район в громадную полеводческую „фабрику“ высокосортной пшеницы. Все возрастающий наплыв в Европейскую часть Союза сибирской пшеницы, ухудшающий рыночные условия для пшеницы европейских районов Союза, а также настоятельная потребность Союза в развитии экспорта, побуждают ориентировать производство пшеницы этого района на экспорт. Если принять при этом во внимание, что проведение Волго-Дон-Азовского водного соединения резко снизит транспортные расходы по экспорту пшеницы и как бы придвинет весь тот район к Ростовскому порту, то в дополнение к сказанному можно определить производственное назначение Средне-Волжского района, как производство зерновых, главным образом, пшеницы, с ориентацией на экспорт через Черное море.

Это назначение области определяет собой и будущий ее транспортный скелет и судьбу ее доминирующих отраслей промышленности, а также и ее сельскохозяйственную политику.

В частности, в отношении сельского хозяйства будущей области для развития ее полевого хозяйства предстоит разрешить не только проблемы сухого земледелия или ирригации Заволжья, но и разработать тот оптимальный организационно-производственный тип сельского хозяйства, который содержал бы в себе и гарантию против губительного влияния периодических засух и в то же время без громадных затрат на искусственные сооружения позволил бы широко развернуть товарное земледелие.

Наконец, та производственная комбинация, которую представляет собой Волжско-Камский край, позволяет организовать его в целом, как район с твердой специализацией в сфере развития лесного хозяйства как для снабжения дефицитных по лесу среднего и южного района Поволжья, Сев. Кавказа и части Украины, так и для местной его обработки (механической и химической). Такая установка определяет собой транс-

портные и промышленные задачи будущего экономического строительства этого края. На ряду с лесным хозяйством этот край должен также сыграть крупную роль в снабжении других районов минеральными удобрениями (фосфоритами), а также в продукции своего интенсифицирующегося сельского хозяйства (лен, клевер, масло) и в некоторых отраслях промышленности (кожевенной, древесно-угольной, металлургии и пр.).

В этой основной специализации Волжско-Камского края только Татреспублика (и до некоторой степени Чувашская) не находят себе места. Находясь в переходной полосе лесостепи и имея довольно ясно выраженные признаки аграрного перенаселения, Татреспублика потребует иной системы мероприятий и иных производственных заданий. Однако, это своеобразие Татреспублики сохранится и при всякой иной сетке районов: при любой системе районирования можно встретиться с переходными и нейтральными зонами.

Таким образом, рассмотрение современного состояния и перспектив отдельных частей Поволжья приводит нас к убеждению в целесообразности образования здесь трех районированных областей, из коих: южная будет иметь промыслово-промышленно-скотоводческую специализацию; средняя — товарно-полеводческую, по преимуществу экспортно-пшеничную и, наконец, северная — лесную.

Экономически законченный комплекс каждого района при условии оформления его в достаточно мощную по своим финансовым и материальным ресурсам область, наделенную достаточными полномочиями в в сфере хозяйственного и культурного строительства, — дает громадные преимущества в деле развертывания его хозяйства. В этой возможности расширения и улучшения продукции района путем однотипных или комбинированных мероприятий крупного масштаба, требующих относительно меньшей затраты сил и средств,— заключается самая сущность той идеи реорганизации территории Союза, которая носит название госплановского районирования. Подходя с точки зрения этого принципа к предстоящему районированию Поволжья, следует признать, что намеченные в 1921 г. границы Нижне-Волжский, Средне-Волжской и Вятско-Ветлужской областей требуют некоторых исправлений. А именно: границы Вятско-Ветлужской области следует отодвинуть на юг (примерно, до южной границы Татреспублики и Чувреспублики), а может быть (что следует еще проработать) и несколько на запад со включением бассейна р. Унжи, образовав, таким образом, Волжско-Камский край; южную границу Средне-Волжской области также целесообразно отодвинуть на юг и включить в нее Саратовскую губ., Республику немцев Поволжья и Уральский у., Уральской губ.; наконец, остающаяся часть Нижне-Волжской области требует своего расширения на восток со включением в ее состав остающейся части Уральской губ. и Эмбинского нефтеносного района, что преобразует эту область в Волго-Каспийский край (по первой схеме районов Госплана восстанавливается, таким образом, в основных чертах Урало-Эмбинский район).

В этих необходимых, на наш взгляд, исправлениях и заключается вся сила аргументации отзывов мест на прежнюю сетку Госплана по районам Поволжья и в то же время ценность представленных ими проектов. Все остальное, что содержится в этих проектах, едва ли может быть признано правильным. Так, идея Саратовского Губплана образовать единую область от Тамбовской губернии до Оренбурга и от Чувашской республики до Астрахани, кроме идеи областнического „империализма“ (укрупнения) ничем другим не обоснована. При основной установке этого проекта на экспортную пшеницу вся южная часть проектируемой области остается вне поля зрения (и надо полагать в будущем — вне сферы вни-

мания) Саратовского проекта. Идея Волжско-Камского края в проектировке Татреспублики может быть приемлема только в своей отрицательной части, т.-е. в доказательстве разнородности природных и экономических условий и производственных заданий Тат- и Чувреспублики, с одной стороны, и Самарской губ.— с другой. Однако, как только Татреспублика к своей переходной полосе начинает причислять Марийскую и Вотскую автономные области — почти все аргументы ее против сетки Госплана обращаются против собственного ее проекта, ибо отрыв этих автономных областей от родственного им массива Вятской губ. не имеет под собой других оснований, кроме экономического их тяготения к городу Казани. Самый же главный недостаток проекта Татреспублики заключается в том, что он, замкнувшись в узкую идеологию тяготения к гор. Казани окружающей территории и защиты интересов национальных автономий (которых никто не предполагает нарушать), не доглядел основной хозяйственной цели всей обширной территории, лежащей между рр. Унжой и Камой.

В заключение следует отметить, что намеченная выше сетка районов Поволжья может себя оправдать лишь в указанных выше основных массивах. В частности, Волго-Каспийский край не мыслится нами как без Сталинградской губернии (проект Астраханского ГИКа и Калмобласти), так и без Уральской губернии и Эмбинского района. В том и другом случае получаются карликовые образования, противоречащие духу и задачам областного районирования. Если бы по соображениям административно-политического и в частности национального порядка проект Сталинградского ГИКа о расширении на восток явился бы неприемлемым,— тем самым был бы упразднен и весь Волго-Каспийский край, т.-е.— другими словами — возник бы вопрос либо о возврате к сетке 1921 года, либо о присоединении остающихся частей Нижнего Поволжья отчасти к Северному Кавказу, а отчасти к Среднему Поволжью в намеченных выше границах.

От редакции. В виду решения XV с'езда ВКП (б) о завершении районирования и, в частности, в виду предстоящего районирования, в первую очередь ЦЧО и Нижнего Поволжья, Редакция сочла необходимым предоставить страницы „Планового Хозяйства“ широкому обсуждению вопроса о составе и границах районов Поволжья. С своей стороны Редакция полагает, что, по совокупности всех обстоятельств, в отношении Нижнего Поволжья целесообразнее всего сохранить его в границах и составе сетки Госплана 1921 года.

Я. Розенфельд

Некоторые итоги и ближайшие перспективы промышленности Ленинградской области

Особое положение Ленинградской области и ее промышленности в Союзе, происходящие сдвиги в соотношении между темпами роста отдельных отраслей, а также намечающиеся сдвиги в географическом размещении промышленности,— придают особое значение выявляющимся в промышленности Ленинградского района, по данным промфинплана, процессам. На основании этих процессов можно отчасти судить о тенденциях развития промышленности Ленинградской области в ближайшем будущем.

Не останавливаясь поэтому на всех сторонах промфинплана области, мы выделим из него только те черты, которые характеризуют ленинградскую промышленность и определяют ее особенности.

Для характеристики промышленности области следует, прежде всего, вкратце напомнить о следующих общих показателях, которые выделяют Ленинградский район по высокой степени его индустриализованности из всех районов Союза:

1) Ленинградская область, составляющая по переписи 1926 г. всего 4,3% от населения Союза, а в отношении городского населения 8,3%, по выпуску валовой продукции цензовой фабрично-заводской промышленности (по данным 1926/27 г.) охватывает 11,8%, а по числу рабочих—10,9%.

2) Доля городского населения во всем населении Ленинградской области составляет по последней переписи 34,5% против 25,6% в наиболее индустриализованном районе Союза — в ЦПО.[1]

3) Доля промышленной продукции в совокупной продукции области составляет 65,9% (по предварительным данным за 1926/27 г.) против 63,8% в ЦПО.[2]

Выпуск на душу населения по Ленинградской области составляет 215,8 р. против 78,5 р. по всему Союзу, несколько уступая только ЦПО, показывающей выпуск на душу населения в 266,7 р.

4) По проценту фабрично-заводских рабочих ко всему населению Ленинградская область показывает 4,27% против 1,68% в среднем для СССР и 4,90% для ЦПО. Процентное отношение фабрично-заводских рабочих ко всему населению в Ленинградской области в 2,5 раза выше, чем в среднем по Союзу, а по выпуску на душу населения — в $2^{3}/_{4}$ раза выше среднего по Союзу.

5) Сопоставление размера основного капитала на 1 рабочего в промышленности ВСНХ по Союзу и в Ленинградской области показывает (по данным 1925/26 г.), что в то время как средняя цифра по Союзу дает 2.466,3 руб. на 1 рабочего, по Ленинградской области она поднимается до 2.555,4 руб. на 1 рабочего (на 3,6% более), что свидетель-

---

[1] „Итоги десятилетия советской власти в цифрах", изд. ЦСУ.

[2] „Контрольные цифры Госплана на 1927/28 г.", стр. 413.

ствует о высокой степени вооруженности ленинградского рабочего основным капиталом.

б) Еще более показательным представляется сопоставление Ленинградской области с другими районами в отношении производительности труда. Выработка на 1 рабочего (в черв. руб.) по отпускным ценам 1926/27 г., составляющая в среднем по всему Союзу 4.706 руб.,[1] в Ленинградской области достигает 5.015 руб.,[2] т.-е. больше чем во всех остальных промышленных районах Союза: в ЦПО—4.737 р., на Урале—2.812 руб.

Но этих общих показателей, конечно, недостаточно для установления удельного веса промышленности Ленинградской области в Союзе. Приведенные в начале статьи суммарные цифры, характеризующие всю промышленность области и ее удельный вес во всей промышленности Союза, ни в какой мере еще не отражают физиономии ленинградской промышленности. Для этого следует принять в расчет только те отрасли, которые имеют место в ленинградской промышленности. Удельный вес главнейших отраслей промышленности Ленинградской области в промышленности Союза представится тогда в следующем виде:

Удельный вес промышленности ВСНХ в Ленинградской области по отраслям в соответствующих отраслях по всему Союзу

Отрасли	Основной капитал на I/X 1925 г.	Валовой выпуск в 1925/26 г.	Число рабочих в 1925/26 г.
Всего	12,5	15,2	9,7
В том числе:			
Металлическая	20,1	12,5	9,4
Электротехническая . .	50,3	44,3	49,6
Химическая	24,4	28,6	28,4
Текстильная	7,3	12,2	7,4
Кожевенная	26,9	31,4	23,0
Пищевкусовая	5,1	12,0	15,9
Деревообрабат.	23,2	18,9	17,2
Бумажная	30,7	41,2	22,4
Минеральная	16,1	21,5	17,2

Из приведенных данных усматривается, что на долю ленинградской промышленности приходится: а) по электрической промышленности—$^1/_2$ основного капитала и рабочей силы и почти $^1/_2$ выпуска Союза; б) по химической промышленности—на Ленинградскую область приходится $^1/_4$ основного капитала и почти $^1/_3$ выпуска и рабочих; в) по бумажной промышленности—$^1/_3$ основного капитала и почти $^1/_2$ выпуска при $^1/_4$ всех занятых в бумажной промышленности рабочих; г) по металлической промышленности на долю Ленинградской области приходится $^1/_5$ основного капитала и 12,5% выпуска продукции и 10% рабочих, что свидетельствует о том, что в Ленинграде расположены металлические предприятия с весьма высоким техническим строением капитала.

Основной облик ленинградской промышленности еще более выясняется из рассмотрения удельного веса промышленности области по отдельным производствам, наиболее показательным для ленинградской промышленности. Здесь устанавливается преобладающее положение большего ряда производств. Так, по данным 1925/26 г. в натуральном выражении по турбиностроению на долю промышленности ВСНХ в Ленинградской области приходятся все 100%

[1] На основании данных „Итогов десятилетия советской власти в цифрах".

[2] На основании данных Ленинградского областного статистического отдела, „Бюллетень" № 17.

союзного производства (по линии ВСНХ), по водяным турбинам—69,2%, по турбогенераторам—50%, по табачному—100%, по трансформаторам—55,6%, по радиоаппаратуре—79,7%, по аккумуляторам—87,4% и т. д.

При столь высоком удельном весе ленинградской промышленности по ряду производств орудий производства и продуктов потребления направление плана ленинградской промышленности вырисовывается само собою.

Сдвиги, намечающиеся в размещении промышленности по Союзу, в связи с вовлечением в индустриальную жизнь новых районов и усилением индустриального строительства в тех районах, которые расположены ближе к источникам сырья, неизбежно должны будут повлечь за собой изменение удельного веса промышленности Ленинградской области по некоторым отраслям. Нужно думать, однако, что особенно резких изменений в характере ленинградской промышленности в ближайшее время едва ли возможно ожидать, так что основа, на которой зиждится промышленность этого района, вероятно, останется непоколебленной.

Исходя при построении плана из указанных основных предпосылок, обладающих достаточной устойчивостью, ленинградская промышленность должна была в то же время учесть, что строящиеся в разных районах новые фабрики и заводы не вступают еще в нынешнем году в действие. Поэтому на промышленности Ленинградской области, находящейся в благоприятных условиях в отношении возможности развертывания по состоянию своего основного капитала и по благоприятному географическому положению, в отношении импортного сырья, лежит обязанность давать стране не только ту квалифицированную продукцию, к которой она в наибольшей мере приспособлена, но и менее квалифицированную, в которой рынок испытывает особую нужду.

В силу давления со стороны рынка в промфинплане на 1927/28 г. не удалось провести достаточно строго выдержанной линии проектирования производства под углом зрения экономико-географических особенностей области. Задача перспективного пятилетнего плана — провести ревизию всех производств области с точки зрения экономически рационального районирования их. В задачи перспективного плана входит также повысить индустриальный уровень отдельных округов области. До сих пор, как известно, промышленность Ленинградской области является в основном промышленностью гор. Ленинграда и его пригородов.

На Ленинград приходится 85,8%, а на Ленинградский округ—6,7%, всего 92,5% всей продукции области. Промышленными гнездами значительно меньшего масштаба являются: Боровичский округ (2,3%), Новгородский округ (2,2%) и отчасти Псковский и Череповецкий (по 1%). Процент промышленности, приходящийся на другие округа, совершенно ничтожен.

В силу этого, отмеченные выше показатели индустриализации характеризуют именно гор. Ленинград. По гор. Ленинграду показатели индустриализации дают 727,2 руб. по выпуску на душу населения и 12,26 по %% рабочих, т.-е. превышают в 8 раз соответствующие средние показатели по Союзу и в 3 раза по ЦПО. Из отдельных округов области выше средней по Союзу являются округа — Ленинградский и Боровичский, для всех же остальных округов характерно, что их степень индустриализованности ниже средней по Союзу, в особенности в этом отношении отсталым является Великолуцкий округ, где выпуск на душу составляет 6,1 р., т.-е. в 12 раз меньше, чем по всему Союзу.

Распределение промышленности Ленинградской области по отдельным отраслям представляется также настолько прочно установившимся, что и оно должно быть отнесено к факторам „постоянным". Распределение промышленности характеризуется распределением основного капитала.

Основной капитал промышленности Ленинградской области за вычетом износа, который составляет около 37 %, оценивается по подсчетам Ленинградского областного СНХ на 1/X 1926 г. в 557,3 млн. руб. (со включением Электротока размер основного капитала повышается до 614 млн. руб.), а на 1/X 1927 г. (ориентировочно) в 614,1 млн. руб. (а со включением Электротока — 775,4 млн. руб.). При чем между отдельными отраслями промышленности он распределяется следующим образом:

Распределение основного капитала Ленинградской промышленности по отраслям

Отрасли	На 1/X 1926 г.		На 1/X 1927 г.[1]	
	В млн. руб.	В %%% к итогу	В млн. руб.	В %%% к итогу
Металлопромышленная	232,4	41,7	246,9	40,2
Электротехническая	42,2	7,6	47,3	7,7
Текстильная	125,5	22,5	129,8	21,2
Пищевая	24,4	4,4	26,1	4,2
Химическая	45,5	8,2	50,4	8,2
Кожевенная	22,8	4,1	24,3	4,0
Деревообрабатывающая	18,5	3,3	24,8	4,0
Силикатная	23,1	4,1	28,4	4,6
Бумажная	15,7	2,8	28,0	4,6
Швейная	2,3	0,4	2,7	0,4
Полиграфическая	5,0	0,9	5,3	0,9
Итого . . .	557,3	100	614,1	100

Таким образом, в качестве предпосылки плана следует учесть, что около $^1/_2$ всего основного капитала области (49,3 %) сосредоточено в металлической и электротехнической промышленности и свыше $^1/_5$ (22,5 %) — в текстильной. В этих же отраслях сосредоточено наибольшее количество рабочих, а именно (по данным 1926/27 г.): в металло- и электротехнической промышленности — 28,7 %, в текстильной — 27,9 %. Эти же отрасли имеют наибольшее значение по выпуску — металлическая — 18,4 %, электротехническая — 6,5, текстильная — 28,3 %. Далее следуют: химическая (по выпуску — 13,7 %, по числу рабочих — 10,3 %), кожевенная (по выпуску — 7,8, по числу рабочих, — 5,5 %), пищевкусовая (7,8 % по выпуску и 4,6 % по числу рабочих), лесобумажная (6,2 % по выпуску и 6,7 % по числу рабочих) и силикатная (3,7 % по выпуску и 10 % по числу рабочих).

Приведенные данные подтверждают, что основными отраслями для Ленинградской области попрежнему являются металлическая, электротехническая и текстильная. Остальные отрасли играют меньшую роль, но являются необходимым дополнением для главнейших отраслей, образуя то индустриальное окружение, без которого не может существовать никакой крупный промышленный центр. При составлении плана промышленности области надлежало по этому обратить особое внимание, кроме основных отраслей, на все прочие, которые либо находятся с главнейшими отраслями в тесной производственной и снабженческой связи, либо питают население Ленинградской области необходимыми предметами потребления.

[1] Ориентировочно.

Заслуживают в то же время внимания наметившиеся сдвиги в относительной роли основного капитала по отраслям. Приведенная таблица свидетельствует о возрастании удельного веса отраслей, базирующихся на местном сырье (лесобумажная группа, силикатная), темп прироста основного капитала которых опережает таковой отраслей тяжелой индустрии, так как реконструкция последних требует гораздо более крупных капитальных вложений.

Это обстоятельство также должно было найти свое отражение в плане.

Кроме отмеченных предпосылок плана, приобревших для промышленности Ленинградской области достаточно устойчивый характер, необходимо остановиться на некоторых особенностях восстановительного процесса ленинградской промышленности. Этот процесс носил в Ленинградской промышленности несколько отличный характер, по сравнению с тем, как он проходил в Союзе в целом. Глубина промышленного падения в годы гражданской войны была особенно значительна в Ленинградской области. В то время как валовая продукция цензовой промышленности по всему СССР составляла в 1921/22 г. 23,8 % по отношению к 1913 г., в Ленинградской области она едва достигла 18,4 %. В дальнейшем темп продвижения промышленности области к довоенному уровню представляется более быстрым, чем в Союзе в целом, но все же она только в 1926/27 г. достигает довоенного размера валовой продукции (99,5 % по отношению к 1913 г.), в то время как валовая продукция цензовой промышленности Союза в целом перешагнула в 1926/27 г. уровень 1913 г. на 5 %.

Восстановительный процесс цензовой промышленности по СССР и по Ленинградской области

Годы	В %%% к 1913 г.		В %%% к 1921/22 г.	
	В СССР	В Лен. обл.	В СССР	В Лен. обл.
1921/22	23,8	18,4	100,0	100,0
1922/23	33,3	26,7	139,5	145,3
1923/24	40,5	32,6	169,8	177,0
1924/25	62,0	59,5	259,8	323,1
1925/26	89,5	85,4	375,5	464,1
1926/27	105,2	99,5	441,2	540,7

Аналогичная картина наблюдается и по движению рабочей силы: приток рабочей силы происходит в Ленинградской промышленности быстрее, чем по СССР, но вследствие более глубокого падения ее численности до 1921/22 г. (34,1 % от 1913 г. против 42 % для всего Союза), соотношение с довоенным уровнем менее благоприятно для Ленинградской области, чем по всему Союзу: в 1926/27 г. в ленинградской промышленности — 93,1 % к 1913 и 273,1 % к 1921/22 г. против 94,7 % и 225,3 % для всего Союза.

А так как достижение уровня 1913 г. еще не свидетельствует о полном исчерпании резервов основного капитала, то не подлежит сомнению, что таковые резервы в Ленинградской области имеются, как они имеются, впрочем, и во всем Союзе. Если же обратиться к отдельным отраслям, то на ряду с значительным превышением уровня

1913 г. в одних отраслях (электротехническая, текстильная, кожобувная, табачная, бумажная и др.), мы имеем еще большое отставание по ряду других — по металлической (70,1%), химической (70,3%), пищевой (65,2%) и полиграфической (45,1%). Следует при этот отметить, что, отставание указанных четырех отраслей характерно для всего Союза, при чем по пищевой оно об'ясняется хроническим недостатком сырья, а по полиграфической недостаточной емкостью рынка.

Причины же недостаточного использования производственных возможностей основных отраслей — металлической и химической — весьма многосложны. Следует тут же отметить, что ближайшее рассмотрение этих причин показывает, что понятие о „резервах" основного капитала значительно сложнее, чем обычно принято думать на основании сопоставления нагрузки с довоенным уровнем. Дело в том, что то, что обычно принято называть „восстановительным" процессом, приходится понимать в применении к технико-экономическим процессам в промышленности в достаточной мере условно. Восстанавливаясь в отношении к довоенному уровню в ценностном выражении, промышленность одновременно переходит к организации новых производств, к коренной ломке ассортимента в старых производствах и введению значительных изменений в технологические процессы и весь производственный уклад предприятий. Все это ведет к образованию ряда „узких" мест, которых, может быть, не было бы, если бы промышленность действительно только „восстанавливала" бы довоенное производство.

В отношении организации новых производств „на ходу" в процессе так называемого восстановительного периода и перестройки промышленности, особенно металлической и химической, на новый лад, ленинградская промышленность едва ли имеет себе равную во всем Союзе. Тяжелой индустрии, работавшей преимущественно для военных целей, пришлось на ходу перестраиваться и приспособляться к изменившимся условиям, перейдя исключительно к изготовлению орудий производства, средств транспорта и связи, легкая же индустрия, будучи по преимуществу приспособлена для обслуживания нужд столичного населения, должна была приспособить свой ассортимент для малосостоятельных слоев городского населения и, в частности, для крестьянского рынка.

Учитывая указанную реорганизацию ленинградской промышленности, следует установить, что незагруженная до размеров 1913 г. производительность не может быть рассматриваема, как резерв, находящийся в готовности. На пути к использованию незагруженной мощности основного капитала стоит ряд технико-производственных факторов, на которых мы не можем здесь подробно останавливаться.

В то же время следует учесть и другое свойство высококвалифицированной ленинградской промышленности: ее способность сравнительно быстро усваивать новые методы производства и результаты капитальных вложений, что выражается в повышении производительности. Исчисление эффективности капитальных работ и рационализации применительно к отдельным конкретным мероприятиям при многообразности рационализаторских мероприятий и раздробленности осуществления отдельных капитальных работ не представляется возможным. В совокупности же они дают безусловное повышение производительности, что обнаруживается из сопоставления роста валового выпуска на 1927/28 г. на 30% с ростом рабочей силы на 12,2%.

После всего сказанного мы можем перейти к основным показателям запроектированного плана промышленности Ленинградской области на 1927/28 г., которые сводятся к следующему.

57 трестов, об'единяющих 365 производственных предприятий, с общим числом постоянных рабочих в 232,4 тыс. чел., дают валовую продукцию (в неизменных ценах на 1/X 1926 г.) в сумме 1.421 млн. руб., т.-е. 13,2% запроектированной продукции по всему Союзу. Рост валовой продукции по сравнению с 1926/27 г. намечен в 30% при росте числа рабочих в 12%.

Сводный промфинплан охватывает промышленность, подведомственную ВСНХ, расположенную в Ленинградской области, и представляет около 85% всей цензовой промышленности области. Вся цензовая промышленность области, по данным 1926/27 г., исчисляется в 1.368 млн. р. по валовому выпуску и 271,1 тыс. чел. рабочих. В том числе на долю, промышленности, подведомственной ВСНХ, приходится 1.144 млн. руб. или 83,6%, и 230,6 тыс. чел. рабочих, или 85%. Вся государственная промышленность в области составляет 92,2% от всей цензовой промышленности по выпуску и 93,3% по числу рабочих. Кооперативная промышленность составляет 6% по выпуску и 5% по числу рабочих. Частная же (вместе с концессионной) промышленность составляет всего 1,8%.

Осуществление намеченного плана, хотя и сведенного с безусловным напряжением и, возможно, с некоторым переучетом перспектив в отношении некоторых трестов, для которых лимитом является сырье, в целом не вызывает сомнений.

В этом убеждают результаты работы ленинградской промышленности в течение первого квартала, показавшего выполнение годового задания по валовому выпуску в размере 23,6% (без Судотреста), что при сдержанном развертывании тяжелой индустрии в первом квартале и затруднениях, испытанных в этом же квартале некоторыми трестами легкой индустрии, должно быть признано весьма удовлетворительным.

Особенно показательной является выяснившаяся в связи с приказом ВСНХ об увеличении производства предметов широкого потребления возможность дальнейшего развертывания — сверх плана — по некоторым трестам. Так, по кожевенно-обувной промышленности по плану намечено производство 7,5 млн. пар обуви. С опубликованием же названного приказа ВСНХ оказалось возможным увеличить производство еще на 2 миллиона пар. По спичечной промышленности намечается увеличение выпуска еще на 50 тыс. ящиков для экспорта.

Переходя к рассмотрению того, по каким основным группам имело месте наибольшее развертывание, следует констатировать, что валовая продукция, возросши в целом на 328 млн. руб., или на 30%, распределяет свой рост по основным подразделениям следующим образом: по группе „А" — на 123,9 млн. руб., или на 32,3%, а по группе „Б" — на 204,1 млн. руб., или на 28,8%.

Здесь обращает на себя внимание соотношение между темпами роста по обоим подразделениям по плану промышленности Ленинградской области и по данным плана по всему Союзу.

Темп роста по гр. гр. „А" и „Б" по плану Ленинградской области по сравнению с планом Союза

	По плану Ленинградск. области		По плану Союза	
	1926/27 г.	1927/28 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
	(в %%)			
Группа „А"	+21,2	+32,3	+26,4	+20
Группа „Б"	+22,6	+28,8	+13,9	+25
То же без швейной промышленности	+20,4	+25,5	+13,9	+20,7

Если принять во внимание, что удельный вес промышленности, относимой к гр. „А“, в Союзе в целом выше, чем в Ленинградской области (39,6% по Союзу и 35,7% в области, что об'ясняется тем, что в Ленинградской области нет горной и горнозаводской промышленности), то соотношение между темпами роста групп „А“ и „Б“, определившееся по плану области, представляется весьма показательным. Здесь сказался основной характер Ленинградской промышленности и ее роль в производстве орудий и средств производства. Такое явное превышение темпа роста группы „А“ над группой „Б“ имело место, несмотря на одновременный сильный рост местной (особенно городской и окружной) промышленности.

Развертывание отраслей промышленности, относимых к группе „Б“, по плану на 1927/28 г. на 28,8% совершается за счет значительного увеличения производства предметов широкого потребления (изделий швейной промышленности, жировой, пищевой, кожевенной и других).

В то же время и план Ленинградской области обнаруживает те сдвиги в темпах роста союзной, республиканской и местной промышленности, которые проявились в плане Союза.

Темп роста валовой продукции (по ценам на 1/X 1926 г.) союзной, республиканской и местной промышленности по плану на 1927/28 г. по сравнению с 1926/27 г.

	По Ленингр. области	По всему Союзу
Союзная промышленность	+19,5	+25,0
Республиканская промышленность	+20,8	+26,0
Местная промышленность	+37,5	+41,3
В том числе:		
Областная	+25,3	
ГСНХ	+54,0	
Окружная	+36,7	

Эти данные свидетельствуют о том, что 1) темп роста союзной промышленности Ленинградской области, как и по всему СССР, ниже, чем темп роста республиканской и местной промышленности; 2) темп роста как союзной, так и республиканской и местной промышленности Ленинградской области значительно выше соответствующего темпа по всему Союзу в целом, и что 3) отставание в темпе роста союзной промышленности от местной в СССР в целом значительнее, чем в промышленности Ленинградской области.

Расхождение в темпах роста групп „А“ и „Б“ в СССР и в Ленинградской области, естественно, сказалось и в сдвигах удельного веса указанных групп в промышленности.

Удельный вес групп „А“ и „Б“ в промышленности Ленинградской области и промышленности всего Союза (по валовому выпуску по ценам на 1/X 1926 г.)

	По Ленинградской области		По всему Союзу	
	1926/27 г.	1927/28 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Группа „А“	35,2	35,7	40,4	39,6
Группа „Б“	64,8	64,32	59,6	60,4
Всего	100	100	100	100

В то время как удельный вес группы „А“ в промышленности всего Союза обнаруживает снижение против прошлого года на 1,8%, он в промышленности Ленинградской области повышается против прошлого года на 1,4%.

План на 1927/28 г. обнаруживает в то же время происходящие в ленинградской промышленности сдвиги по отдельным отраслям, отмеченные уже выше. Это с достаточной наглядностью выявляется из следующей таблицы.

Валовая продукция по плану на 1927/28 г. по сравнению с 1926/27 г. по отраслям

№№ по порядку	Отрасли промышленности	Группы	Валовая продукция в ценах на 1/X 1926 г. (в тыс. рублей)				
			1926/27 г.		1927/28 г.		
			Абсолют.	В %% к итогу	Абсолют.	%% от 1926/27 г.	В %% к итогу
1	Металлопромышленность	А	199.373,9	18,4	246.282,7	123,5	17,4
2	Электротехническая промышленность	А	71.185,1	6,5	99.980,0	140,5	7,0
3	Химическая промышленность	А+Б	149.323,5	13,7	204.896,0	137,2	14,4
	В том числе:						
	Группа А		14.113,3	1,3	27.451,2	194,5	1,9
	Группа Б		135.210,2	12,4	177.444,8	131,2	12,5
4	Текстильная	Б	309.201,6	28,3	381.816,7	123,5	26,9
5	Швейная	Б	34.175,0	3,1	65.607,0	192,0	4,6
6	Кожевенная	Б	85.424,8	7,8	109.315,0	128,0	7,7
7	Пищевкусовая	Б	85.666,7	7,8	103.003,0	120,2	7,3
8	Деревообделочная	А	34.009,7	3,1	53.188,3	156,4	3,1
9	Бумажная	Б	34.148,8	3,1	43.888,4	128,5	3,1
10	Силикатная	А+Б	40.828,4	3,7	45.334,8	111,0	3,2
	В том числе:						
	Группа А		31.408,8	2,8	35.395,1	112,7	2,5
	Группа Б		9.419,6	0,9	9.939,7	105,5	0,7
11	Полиграфическая	А+Б	10.493,7	0,9	15.793,5	150,5	1,1
	В том числе:						
	Группа А		1.252,0	0,1	1.225,0	97,8	0,1
	Группа Б		9.241,7	0,8	14.568,5	157,6	1,0
12	Электроснабжение	А	26.280,0	2,4	34.760,0	132,3	2,4
13	Окружные комбинаты	А+Б	12.843,7	1,2	17.049,4	132,7	1,2
	В том числе:						
	Группа А		6.393,4	0,6	9.591,4	150,0	0,7
	Группа Б		6.450,3	0,6	7.458,0	115,6	0,5
	Всего	А+Б	1.092.954,9	100	1.420.923,1	130,0	100

При значительном удельном весе металлической и текстильной промышленности в промышленности области (на их долю приходится по плану на 1927/28 г. 44,3% валовой продукции и 50,4% рабочих) относительное значение их по сравнению с 1926/27 г. снижается (44,3% против 46,7% в 1926/27 г.).

Указанное снижение удельного веса об'ясняется в отношении названных отраслей тем, что при крупных размерах капитальных вложений, требующихся для упомянутых отраслей, темп роста их ниже среднего для всей ленинградской промышленности. Так, при среднем для всей промышленности области темпе роста во валовому выпуску на 30%, темп роста металлопромышленности и текстильнвй промышленности намечен планом всего в 23,5% для каждой.

Для того, чтобы судить о том, в какой мере план на 1927/28 г. идет в направлении развертывания тех производств, которые намечены для ленинградской промышленности перспективным планом, необходимо вкратце остановиться на производствах в натуральном выражении.

По металлопромышленности, на долю которой приходится (по данным 1925/26 г.) $^1/_5$ основного капитала Союза в указанной отрасли обращает на себя внимание намеченное планом сильное развертывание всех видов машиностроения при одновременном почти стабильном развитии металлургии. Для машиностроения же характерна устойчивость взятого курса на повышение мощности турбин, котлов, дизелей и на намечающуюся специализацию в типах текстильных машин и станков и в развертывании тракторостроения и коммерческого судостроения.

Для электротехнической промышленности, на которую приходится $^1/_2$ основного капитала Союза в этой отрасли, характерно то, что в связи с широким развитием электрификации и радиофикации СССР, эта отрасль проходит под знаком сильного развертывания продукции в области сильных и слабых токов, на базе проводимой строгой специализации заводов и организации работы на началах массового производства.

Для текстильной промышленности Ленинграда характерна, как известно, диспропорция между основными производствами — бумагопрядением и ткачеством — в пользу первого. Эта диспропорция не изжита, конечно, и планом на 1927/28 г. Наоборот, вместе с намеченной более полной нагрузкой существующего оборудования, разрыв между основными производствами продолжается: производство хлопчатобумажной пряжи, идущей частично на фабрики ЦПО, намечено в 25%, суровых и отделанных тканей — на 16,6% и на 16,7%. Вопрос о дальнейшем направлении ленинградской текстильной промышленности должен быть предметом тщательной проработки перспективного плана.

Из других отраслей остановимся только на кожевенной и бумажной промышленности. Ленинградская кожевенная промышленность держит твердо курс на развитие обувного производства, и кожевенное является для него базой основного для Кожтреста производства — обувного. Соотношение кожевенного и обувного производства составляет по плану 36,5% — по коже и 48,2% — по обуви.

Для бумажной промышленности Ленинграда характерна значительная перестройка ассортимента с доведением доли газетной бумаги в производстве до 30% против ничтожной доли этого производства в Ленбумтресте в 1926/27 г. Затем, впервые в производстве Ленбумтреста фигурирует выпуск целлюлозы и более чем вдвое увеличивается выпуск древесной массы.

Отметим еще, что планом на 1927/28 г. на ряду с намеченным развитием ряда производств, направленных к ослаблению нашей зависимости от импорта, предполагается значительное развитие экспорта — рост на 81%.

Изменение ассортимента, прошедшее почти по всем трестам, не дает возможности судить о том, в какой мере реальными являются подсчеты промфинплана в отношении себестоимости и цен. Снижение себестоимости в целом по всей промышленности (исключая некоторые союзные тресты, неподчиненные Ленинградскому областному СНХ, как заводы ГЭТа, „Красный Треугольних", „Красный Выборжец" и несколько других) исчислено планом в 4% против снижения в 2,4%, ориентировочно исчисленного для 1926/27 г. Снижение же отпускных цен намечено в 4,65%. Соотношение между снижением себестоимости и цен получилось, как видим, обратное тому, какое намечено правительством, предусмотревшим снижение себестоимости на 6%, а цен на 5%. Однако, в виду условности подсчета, указанные заводы не являются особенно показательными, особенно если учесть, что по крупнейшей для Ленинграда отрасли — текстильной — намечено даже повышение себестоимости на $^1/_2$% в связи с изменением стандарта в сторону повышения плотности тканей. Если элиминировать влияние Ленинградтекстиля, понижение себестоимости выразится в 5,4%, т.-е. будет близким к директиве правительства. Следует в то же время отметить, что в легкой промышленности, относящейся, кроме текстильной, к местной, темпы снижения как себестоимости, так и цен, получаются более благоприятными.

Снижение себестоимости и цен по плану на 1927/28 т.

	Себестоимость	Цена
	В %%	
По всей промышленности, подчиненной ЛОСНХ (включая неподчиненный трест Слабого тока)	4,0	4,65
В том числе:		
По промышленности союзного значения	1,7	2,44
„ „ республиканского значения	2,3	2,7
„ „ областного значения	7,1	6,0
„ „ ленинградск. окружной (городской)	6,2	6,9
„ „ прочей окружной	8,5	7,5

Несоответствие между намеченными темпами снижения себестоимости цен, с одной стороны, и переход к менее рентабельному ассортименту, с другой, отразились на рентабельности промышленности. Прибыль от реализации запроектирована по промышленности, подведомственной ЛОСНХ, в размере 64,4 млн. руб., или в 7,86% от суммы реализации против 61,8 млн. руб. в 1926/27 г., или 9,59%.

Как и следовало ожидать, местная промышленность оказывается более рентабельной, но и она понижает норму прибыльности по сравнению с 1926/27 г. Исключение представляет только окружная промышленность, на долю которой приходится, однако, всего 2,2 млн. руб. прибыли, но которая повышает норму прибыли с 9,1% до 12%.

В заключение остановимся на плане капитальных работ и финансовой части плана.

Капитальные работы намечены по плану на 129,6 млн. руб. против 97,8 млн. руб. в 1926/27 г., т.-е. с превышением на 32% (прирост капитальных работ без электротока составит всего 12,5%), при чем по своему назначению они на 78,4% направлены на расширение и реконструкцию

существующих заводов. Удельный вес затрат на капитальный ремонт и на новое строительство понижается с 15,4% до 10,7% по капитальному ремонту и с 15,2% до 10,9% по новому строительству. И в направлении капитальных работ обнаруживается своеобразие плана ленинградской промышленности. Сопоставление с характером капитальных работ в промышленности всего Союза показывает, что в ленинградской промышленности капитальные работы имеют своим назначением существующие заводы в размере 89,1%; по Союзу — в размере 74%. Затраты на новое строительство в Ленинградской области предназначены на продолжение начатых работ, главным образом по Сясьскому комбинату. Наибольший удельный вес в общей стоимости капитальных работ падает на металлопромышленность (15,2%), текстильную (11,6%), бумажную (11,2%) и электроснабжение (35,5).

А. Гайстер. Расслоение советской деревни. Вступительная статья Л. Н. Крицмана. Изд. Комм. академии, 1928 г., стр. 140. Цена 1 р. 75 коп.

Проблема расслоения является политически чрезвычайно актуальной и требует к себе пристального внимания. На последнее, пожалуй, пожаловаться нельзя. Мы имеем целый ворох литературных материалов, посвященных расслоению. Тем не менее, потребность в материалах по расслоению возрастает. Причина такого обстоятельства кроется в том, что мы имеем до сих пор настолько суррогатный материал, что серьезный экономико-политический анализ проблемы наталкивается на непреодолимое препятствие. Расслоение это — вопрос об образовании классов в деревне, между тем, в обильных материалах, имеющихся у нас, есть все, что угодно, кроме классов. Группировка по ним заменяется группировкой крестьянства по признакам экономической мощности (посевность, лошадность, доход и т. д.), что, конечно, не выявляет социальных различий. Таким образом, изучение классовых образований заменяется гаданием на тему, со сколькими десятинами посева или со сколькими лошадьми хозяйства можно отнести к середняцким, кулацким и т. д., занятие мало производительное и допускающее самые грубейшие искажения, порой явно тенденциозные.[1] Характерно то, что осторожные авторы, публикуя материалы о расслоении, предпосылают им такую массу оговорок, которые буквально сводят на-нет самый анализ материалов.

Происходят эти злоключения вследствие отсутствия разработанной методологии классовой группировки деревни и отсталости нашей статистики, не освободившейся до сих пор от старых наслоений. Это обстоятельство очень ярко выявлено в вводной статье тов. Крицмана к рецензируемой работе. Даже лучшие в данный момент статистические материалы — крестьянские бюджеты (лучшие в силу своей детальности, затрудняющей искажения и позволяющей взаимопроверку сведений в силу добровольности отбора хозяйств), носят на себе тяжелое бремя архаичности экономических понятий, которыми пользуется с.-х. статистика и системы отбора, приводящей к недостаточной репрезентативности бюджетов. Различные группы крестьянства занимаются, помимо сельского хозяйства, в других отраслях хозяйства или же работают не в собственном сельском хозяйстве. С точки зрения общественного разделения труда это — такое же основное занятие, как и свое сельское хозяйство. Статистика же разделяет крестьянские занятия на сельскохозяйственные и „промысла". „Промышленниками" являются те из крестьян, которые занимаются: „1) не собственным сельским хозяйством, 2) собственным, но не сельским хозяйством, 3) не сельским хозяйством и притом не собственным". Мы вполне согласны с тов. Крицманом в том, что „в современных условиях деление крестьян на занимающихся собственным сельским хозяйством и „промышленников" имеет такой же смысл, какой имело бы в современной зоологии деление животных на черных кошек и на, ска-

[1] Достаточно указать на оппозиционные упражнения с массовыми материалами посевной группировки в контр-тезисах по работе в деревне к XV с'езду ВКП(б), когда все хозяйства, имеющие свыше 6 дес. посева, огульно зачислялись в кулаки.

жем, „тварей". Под категорию „тварей" тогда подошли бы 1) кошки, но только не черные, 2) черные, но не кошки, 3) не кошки и притом не черные" (стр. XI). Крепостной период глядит на нас из этой статистической классификации.

Аналогичная картина с понятием наемного труда. Наемными рабочими наша статистика считает, на ряду с пролетариями, и хозяев, „нанимающихся" со своим рабочим скотом и инвентарем в бедняцкие хозяйства, т.-е. в одну группу соединяются противоположные явления. Прав тов. Крицман, когда говорит далее, что „вся русская статистика, по существу дела, интересовалась только „средним" крестьянином, т.-е. крестьянином, независимо от имеющихся в среде крестьянства классовых различий, т.-е. крестьянством не как совокупностью формирующихся классов капиталистического общества и выделяющей их мелкобуржуазной массы, а как классом, сословием крепостного общества" (стр. XIII). Практическим следствием такого понимания крестьянства явилось то, что бюджеты дают преувеличенные данные о среднем крестьянине, ряд групп крестьянства (батраки, кустари, сезонные рабочие в промышленности и на транспорте, владельцы торг.-пром. заведений и крестьяне, нанимающие двух или больше сроковых рабочих) совсем не представлены, и все это делает бюджеты не репрезентативными. Такие капитальные недочеты присущи многим материалам с.-х. статистики. „Разрешение статистической проблемы становится предпосылкой экономического и политического анализа" (стр. III), а это требует не только сил, но и времени.

Тов. Гайстеру пришлось поэтому работать в невероятно тяжелых условиях. Ему не удалось избежать больших и малых условностей, несомненно отрицательно повлиявших на результаты его исследования.

Книга тов. Гайстера, конечно, далека от совершенства и не дает достаточно удовлетворительных материалов о расслоении деревни. Когда впервые данные его работы опубликованы были в „Контрольных цифрах" Госплана, была сделана оговорка о том, что „мы вынуждены либо закрывать глаза на происходящие в деревне процессы, либо пользоваться суррогатами научного исследования" (стр. 348) и что работа тов. Гайстера „страдает неизбежными в этой области дефектами".[1] Но там же далее указывалось и на то, что работа страдает „дефектами в меньшей степени, чем другие работы".[2] Подчеркивая правильность этого указания, мы должны сказать, что работа тов. Гайстера резко выделяется из ряда всех работ по тому же вопросу и делает попытку перейти от гадания к постановке проблемы по существу.

Работа тов. Гайстера состоит из восьми глав: вступление, итоги аграрной революции, доход крестьянских хозяйств, социально-производственная структура различных групп крестьянских хозяйств, аренда и сдача земли, наем и сдача скота и инвентаря, наем и продажа рабочей силы, соотношение классов и групп в деревне.

Рассматривая процесс расслоения, необходимо, прежде всего, установить, по какой линии идут экономические различия между отдельными группами крестьянства, являющиеся базой для образования антагонистических классовых групп. В наших статистических работах до сих пор монопольное положение занимала разбивка хозяйств на экономические группы по посевной площади. В главе „Итоги аграрной революции" и последующих главах тов. Гайстер убедительными примерами доказывает всю беспочвенность посевной группировки. Если в дореволюционное время

[1] „Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 г.", стр. 350.
[2] Там же.

при концентрации земли в крупных хозяйствах она и имела смысл, то для послеоктябрьского периода признак посевности потерял почти всякое значение. Всеобщий передел земли в результате разгрома помещичьих и кулацких хозяйств сравнял высшие и низшие группы крестьянства по землепользованию. Национализация земли исключает возможности резкой диференциации по размерам посева. Но аграрная революция имела и другое следствие. Одновременно с перераспределением земель шло перераспределение и средств производства; но и „перераспределение скота и инвентаря,— замечает тов. Гайстер,— обещавшее создать базу для под'ема образовавшихся мелких хозяйств, шло в условиях гражданской войны, отвлекавшей в армию огромные массы лошадей значительно сократившегося коневодства и тем сокращавшейся абсолютной массы перераспределяемых лошадей" (стр. 10). „Мертвый инвентарь за годы гражданской войны не только претерпел передел между богатыми и бедняцко-середняцкими слоями. Значительная часть его, использованная за годы войны, выбыла из строя, не будучи своевременно ремонтирована" (стр. 14). Эти „издержки революции" не дали возможности снабдить огромные группы хозяйств, получивших землю для производства, необходимыми средствами производства помимо земли" (стр. 12). Однако, мелкие хозяйства осваивали землю, и при несоответствии между имеющейся землей и средствами производства, после нэпа, в условиях товарных отношений между различными группами крестьянства развиваются противоречия, идущие по линии зависимости хозяйств, не обладающих средствами производства, от имеющих последние в избытке.[1] Эти же последние при уравнительном землепользовании расширяют свое производство не столько путем увеличения посевной площади, сколько интенсификацией, сдачей скота и инвентаря и т. п. Тов. Гайстер правильно поэтому отказался от посевной группировки и группирует хозяйства по общей стоимости средств производства, развивая на пять групп: мельчайшие со стоимостью средств производства до 200 руб., мелкие — со средствами производства от 201 до 500 руб., средние — со средствами производства от 501 до 800 руб., выше-средние — от 801 до 1.400 руб. и крупные со средствами производства свыше 1.400 руб. В стоимость средств производства входит стоимость всего скота и птицы, стоимость хозяйственных построек, инвентаря и запасов. Дефективность бюджетных данных не позволила разделить запасы на запасы производственного и потребительского значения. С этой погрешностью надо считаться в дальнейшем. Пользуясь такой группировкой, тов. Гайстер разработал 1242 крестьянских бюджета следующих районов: Сев. Кавказ, Украина (степь и лесостепь), Новосибирский округ, Смоленская губ., Тамбовская губ.

Прослеживая доход хозяйства по группам,[2] тов. Гайстер констатирует наличие „в хозяйствах различной мощности социально разнородных источников дохода"[3] (стр. 24). Тогда как у мель-

[1] Тов. Дубровский в отзыве на рецензируемую книгу („Правда" от 10/II 1928 г.) считает это положение тов. Гайстера ошибочным. Сам же тов. Дубровский, указав на неправильность положения, говорит, что Октябрьская революция, освободив бедноту от зависимости от кулачества, „не могла целиком уничтожить эту зависимость, последняя частично сохраняется — это бесспорно", и далее, что „произошло частичное (разрядка наша.— А. П.) наделение скотом и инвентарем бедноты". Вот при полном переделе земли и частичном снабжении средствами производства и происходит зависимость производителей, о которой говорит тов. Гайстер. Не наша вина, а наша беда, что эту зависимость мы не изжили еще и, конечно, поскольку страна не в силах была дать образовавшейся огромной массе мелких хозяйств средств производства, зависимость, естественно, должна была в той или иной степени развиваться.

[2] Дефективность статистики заставила пользоваться данными об условно чистом доходе, что является весьма условным статистическим понятием.

[3] Курсив наш. А. П.

чайших хозяйств выступает значение заработной платы среди источников дохода, у средних и крупных решающим является доход от своего сельского хозяйства. Вместе с тем, предпринимательство высших групп сказывается в вырастающем значении дохода от сдачи скота и инвентаря, дающем в крупные хозяйства поступления различных размеров... „Средние группы хозяйств характеризуются наименьшим распространением социально-противоречивых отношений“ (стр. 24).

Анализ дохода одновременно выявил и то, что „при различии отдельных источников дохода у всех групп... все они связаны с сельским хозяйством не только работой в этой отрасли народного хозяйства, но и ведением в больших или в меньших размерах своего сельского хозяйства“ (стр. 25). Эти различия делают необходимым разбор способа производства хозяйств и значения концентрации в них средств производства. Этому и посвящена IV глава рецензируемой работы, дающая в основном такие итоги. Мелкие хозяйства, составляющие первую группу, в большей части не имеют рабочего скота и с.-х. машин и орудий, большей частью, имея в то же время посевы. Низкий потребительский уровень, не восполняемый продукцией своего сельского хозяйства, заставляет продавать свою рабочую силу. „Это та группа крестьянства, о которой в резолюции II конгресса Коминтерна тов. Ленин писал, что они являются „полупролетариями или парцеллярными крестьянами, т.-е. теми, кто снискивает себе средства к жизни частью наемной работой в сельскохозяйственных и промышленных капиталистических предприятиях, частью трудясь на собственном или арендуемом клочке земли, дающем лишь некоторую долю продуктов питания для его семьи“ (стр. 39).

Средние хозяйства имеют основным источником дохода свое сельское хозяйство. Бюджетный анализ среднего хозяйства вполне подтверждает слова Ленина о нем: „Мелкое крестьянство, т.-е. мелкие земледельцы, владеющие на праве собственности или аренды такими небольшими участками земли, что, покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму рабочей силы“ (стр. 44).

Отнесенные к четвертой группе вышесредние хозяйства имеют целый ряд существенных отличий от предыдущей группы. Здесь до половины — двухлошадников, располагающих значительным количеством с.-х. инвентаря, имеющих усовершенствованный инвентарь. „Это та группа хозяйств, о которых Ленин писал, как о „среднем“ крестьянстве, обращающем в благоприятные годы „известный излишек в капитал“ (стр. 47).

Наконец, крупные хозяйства, составляющие пятую группу. Это хозяйства с явно выраженным предпринимательским лицом. Концентрация больших масс средств производства (почти $^1/_4$ их стоимости составляет инвентарь), крупная аренда земли, сдача в наем скота и инвентаря, наем рабочих,— вот их характерные черты. „Перед нами хозяйства, выступающие не только в качестве более или менее крупных товаропроизводителей, но и в качестве эксплоататоров как батраков, так и бедняцко-середняцких слоев деревни“ (стр. 52).

Анализ способа производства групп хозяйств различной мощности, таким образом, вскрывает по каким элементам идет социальное перемещение производителей в советской деревне. Это — аренда земли, сдача — наем скота и инвентаря, сдача — наем рабочей силы.

В главах V, VI и VII тов. Гайстером дана обстоятельная качественная характеристика и выяснена распространенность этих явлений.

Выявление тов. Гайстером элементов зависимости мы, однако, считаем недостаточным. Так, например, необходимо было выявить одну старинную форму зависимости — ростовщичество. Насколько оно распространено, сказать a priori трудно, но в нашей деревне такая зависимость существует.

В главе VIII книги тов. Гайстер выявляет соотношение классов и групп в деревне.

Для выяснения соотношения классов, группировка по стоимости средств производства недостаточна, надо определить понятия самих классов, обратиться к группировке хозяйств не по размерам производительных сил, а по характеру производственных отношений. Тов. Гайстер поэтому, правильно отмечая, что „выделение хозяйств одних и тех же размеров еще не означало выделения классово-однородных групп“ (стр. 105), пользуется для определения классовой структуры деревни группировкой хозяйств по социальным типам, взяв такие признаки: наем — продажа рабочей силы, сдача — наем скота и инвентаря и аренда свыше двух десятин земли. Хозяйства разбиваются на следующие пять групп:

А. Пролетарские и полупролетарские хозяйства.

I. Пролетарские хозяйства с продажей рабочей силы свыше 50 дней.

II. Полупролетарские хозяйства с продажей рабочей силы от 20 до 50 дней или наймом скота свыше 20 дней, или инвентаря свыше 10 дней.

Б. Самостоятельные производители (середняки).

III. Середняцкие хозяйства с отпуском рабочих или наймом их до 20 дней, наймом или сдачей скота до 20 дней, инвентаря — до 10 дней.

IV. Хозяйства с элементами предпринимательства — при найме рабочей силы от 20 до 50 дней или сдаче скота свыше 20 дней, или инвентаря свыше 10 дней, аренде пашни свыше 2 дес. или сенокоса свыше 5 дес.

В. Мелко-капиталистические хозяйства.

V. Мелко-капиталистические и полукапиталические (кулацкие) хозяйства с наймом рабочей силы свыше 50 дней. В определении именно таких признаков тов. Гайстер пользовался „средними величинами, которые получались при разработке материалов по мощности хозяйств“ (стр. 106). Данная группировка, конечно, далека еще от разбивки деревни на классы и поэтому от достижения цели выявления классовой структуры деревни. Сам автор и тов. Крицман в сводной статье отмечают всю условность такой группировки. В частности, бросается в глаза неясность физиономии IV группы. Это — группа самостоятельных производителей, но с предпринимательским уклоном. Получается ни то, ни се. Между тем, при определении классовой физиономии нужна полная ясность в социальной природе хозяйства.

Этот недостаток указывался уже в „Контрольных цифрах“. Там говорилось „о принятом здесь (в работе тов. Гайстера. А. П.) несовсем удобном терминологическом разделении хозяйства на „предпринимательские и мелко-капиталистические“.[1]

При низком качестве материалов, затем, вполне могли произойти и ошибки в определении средних величин.

При всех недостатках однако, надо присоединиться к мысли тов. Гайстера о том, что „первое приближение, нащупывающее их (соотношения классовых групп. А. П.), однако, на основе прямых классовых признаков“ (стр. 106) эта группировка дает, что отличает ее выгодно от всех других, до сих пор применявшихся.

---

1 „Контрольные цифры“, стр. 350, подстр. примечание.

Пользуясь указанной группировкой, тов. Гайстер определяет соотношение классов и групп в деревне в 4 районах СССР: Украина (степь и лесостепь), Урал, Сев. Кавказ, Новосибирский округ Сибкрая. Для этого тов. Гайстер экстраполировал полученные соотношение по бюджетным материалам на массовые данные динамической переписи крестьянских хозяйств 1925 г. Результаты, полученные тов. Гайстером при этой экстраполяции, неправильно отображают социальную структуру деревни. Экстраполяция вообще один из самых несовершенных статистических приемов, тем более он не годится для изучения классовой структуры деревни, да еще „при недостаточно четких социальных формах крестьянского хозяйства советской деревни“ (стр. 105).

Затем, экстраполяция, если более или менее и надежна, то лишь при сравнительно большом числе имеющихся выборочных данных. Этого у тов. Гайстера тоже не было — он располагал всего 1021 бюджетом. Это — во-первых. Во-вторых, как признает и сам автор, бюджеты дают преувеличенное представление о крестьянских хозяйствах, вследствие чего мы получаем „более высокие показатели, повышающие общий уровень хозяйств, и увеличиваем удельный вес верхних групп“ (стр. 109). Между тем, при экстраполяции, как указывалось в „Контр. цифрах“, „молчаливо допускается, что бюджетные материалы касаются отдельных социальных групп крестьянских хозяйств в той пропорции, в какой эти группы имеются в действительности“. [1]

Наконец, районы избранные тов. Гайстером, [2] — районы наиболее экстенсивного хозяйства, наибольшей товарности, где наиболее высока степень расслоения.

При отмеченном преувеличении удельного веса и значения крупных хозяйств, работа тов. Гайстера все же характеризует облик деревни как середняцкий. Середняк, как центральная фигура деревни вырисовывается довольно ярко. Удельный вес середняцких хозяйств на Украине 56,1%, Сев. Кавказе — 58,6%, Урале — 68% и Новосибирском округе 59,1%. Естественно, что в других районах удельный вес середняка еще выше. Середняк экономически наиболее мощная группа крестьянства: на Украине в его руках 47% с.-х. машин, 49,2% голов рабочего скота, 49,2% посевов, 50,8% всех запасов; на Сев. Кавказе он имеет 34% с.-х. машин, 43,2% скота, 39,8% посевов, 36,9% запасов; на Урале ему принадлежит 38,3% с.-х. машин, 50,8% скота, 43,6% посевов, 46,7% запасов; в Новосибирском округе картина еще более внушительная: у середняка 51,6% с.-х. машин, 56,8% рабочего скота, 54,2% посевов, 55,8% запасов.

Несомненно, что аграрная политика партии и правительства способствует под'ему бедняцких и середняцких групп деревни, ограничивает предпринимательские аппетиты кулачества и задерживает темп расслоения. К недостаткам книги тов. Гайстера надо отнести то, что он не осветил этот вопрос, ограничившись лишь кой-где беглыми заметками.

Мы рекомендуем читателю работу тов. Гайстера, как ценное исследование.

Ал. Попов

---

[1] „Контрольные цифры“, стр. 352. Там же есть замечание: „С этой оговоркой, подчеркивающей, что используемая нами разработка (тов. Гайстера. А. П.) неизбежно преувеличивает значение крестьянской верхушки, мы приводим соответствующие данные“. Между прочим, тов. Дубровский в своей рецензии, „мимоходом“ касаясь „Контрольных цифр“, почему то умалчивает о тех оговорках, которые предпосланы опубликованию данных тов. Гайстера.

[2] Мы не говорим здесь о том, что районный разрез при изучении расслоения абсолютно необходим, так как нельзя познать вопрос без учета специфических особенностей сельского хозяйства того или иного района, связей его со всем народным хозяйством района и т. п.

И. Верменичев, А. Гайстер, Г. Раевич. 710 хозяйств Самарской губернии. Издание ЦСУ СССР, 1928 г.

В книге изложены результаты разработки материалов, собранных названными выше товарищами в одной из волостей Самарской губернии. Многосторонность собранного материала, последовательная маркситская обработка его, выделяет эту книгу из множества других, посвященных нашей деревне. Особенно подробные сведения собраны авторами по вопросу о социальных отношениях деревни.

В книге дана следующая характеристика социального состава деревни: хозяйства высшей группы составляют 8,2% (что этот процент отнюдь не преуменьшен, показывает то, что сеющих свыше 16 *га* в волости 1,5%, даже свыше 10 *га* только 6%, с 3 и больше головами рабочего скота 5,3%). Пролетарских и полупролетарских хозяйств 10,3%, бедняцких хозяйств 22,4% и середняков 59,3%. Не только число хозяйств высшей группы, но и их удельный вес не столь значителен, как это изображала оппозиция.

Этот ответ о социальном составе деревни тем более ценен, что он дается на основании группировки качественно стоящей безусловно выше всех, до сих пор применявшихся.

Помимо вопроса о социальном составе деревни, в книге дается подробный разбор производственных отношений крестьянских хозяйств. Вскрывается несвязанность наличия наемных рабочих в хозяйстве с фактом отсутствия работников мужчин, делается совершенно правильный, хотя для некоторых, быть может, и неожиданный, вывод о том, что „недостаток работников, понятие весьма относительное, если в высших группах он ведет к росту найма, то в низших группах он часто лишь ускоряет пролетаризацию хозяйств“. Выясняется большое значение поденного найма (при чем для данной губернии он все же меньше, чем для других). Различное социальное значение отпуска хозяйством служащих и производственных рабочих, значение раздельного рассмотрения этих видов отпуска рабочих разобрано тов. Кричманом в его предисловии.

Детальный анализ производственных отношений между крестьянскими хозяйствами позволил авторам нарисовать полную картину отношений на почве сдачи и найма средств производства ставших очень широко распространенным явлением (нанимают скот и интентарь 80,4% хозяйств, сдают 47,3%).

Авторы вскрывают различное значение этих отношений для различных социальных групп.

Подробно разработаны авторами отношения аренды и сдачи земли. Большой интерес представляет подчеркиваемая авторами „распыленность случаев аренды и сдачи и незначительные размеры пашни, приходящиеся на 1 заключаемую сделку“, так как это характеризует трудности собирания земли, создающиеся для предпринимательских хозяйств в наших условиях. Однако, несмотря на эти трудности более крупная аренда (свыше 2 *га*) сосредоточивается в высшей группе и носит предпринимательский характер.

По каждому из этих типов отношений дается состав контрагентов, характеристика условий, на которых они совершаются, технико-производственная форма применения в хозяйстве материальных носителей этих отношений (нанятых рабочих, инвентаря, арендованной земли и т. д.).

В волости 16% кооперированных хозяйств, не считая входящих в потребительскую кооперацию. В уезде, в целом, 20%. В степени кооперированности и в постановке работы самой кооперации волость является отсталой. Приводимый авторами материал о кооперации представляет

поэтому больший интерес для характеристики начальных этапов кооперирования и отрицательных моментов в работе кооперации.

В волости широко распространенны случаи супряги совместного владения инвентарем. Но разбирая их авторы пишут: „Производственная кооперация в ее широко обобществленных формах не представляет непосредственного развития и продолжения тех ее примитивных форм, какие в нашем районе получили очень широкое распространение, а требует также и особых предпосылок для своего развертывания“ (5).

Авторы вскрывают ряд наблюдаемых в волости лжекооперативных форм, нередко вырастающих из всяких родственных и т. п. об'единений зажиточного крестьянства. „Семейная кооперация переросла в капиталистическую кооперацию и капиталистическое предпринимательство скрылось под внешней, удобной для данного момента оболочкой „артели“,— пишут авторы по поводу одного наиболее яркого лжеколхоза. Такие „артели“ не только не содействуют действительной коллективизации крестьянских хозяйств, а наоборот, служат „агитационным средством против артельных принципов вообще“.

На процессе коллективизации „сказывается отсутствие примерного колхоза, вследствие чего у крестьянина нет никакого реального представления, как можно поставить хозяйство на коллективных началах“.

В книге переданы настроения крестьян. „Нам повсюду приходилось встречать прекрасное отношение к советской власти“, основной массы крестьянства. Недовольство вызывается не политикой власти в целом, а отдельными, хотя и многочисленными недостатками ее проведения.

Авторами приводится ряд экспертных показаний местных работников об отношениях между группами крестьян.

В книге поставлен ряд интересных статистико-методологических вопросов. Предлагается ряд изменений в традиционных способах собирания материалов. Много нового вносится авторами в их разработку. Особенно важно отметить примененный авторами метод балловой оценки роли отдельных социальных отношений в общем характере хозяйства. Он вызван громадной сложностью последних в пореволюционной деревне и невозможностью характеризовать классовую физиономию как мелко-капиталистического, так и полупролетарского хозяйства, без учета совокупности этих отношений. Этот метод начинает сейчас применяться в ряде мест нашего Союза (Саратов и др.). В число показателей классового характера хозяйств включена аренда земли.

В предисловии Л. Крицмана к книге дан ряд интересных критических замечаний как о методе разработки, так и о самом материале книги.

С удовлетворением можно отметить, что, наконец, ЦСУ издана первая выдержанная марксистская работа по с.-х. статистике.

Алин

„Экономический Бюллетень“ Кон'юнктурного института НКФ

№№ 11—12 „Экономического Бюллетеня“ Кон'юнктурного института за 1927 год посвящены годовому обзору кон'юнктуры народного хозяйства СССР за 1926/27 г. Основной тон всему обзору дается вводной статьей А. Вайнштейна, „Итоги и основные экономические процессы народного хозяйства СССР в 1926/27 хоз. году“. Это подтверждается не только содержанием самой статьи, но и примечанием к ней редакции бюллетеня, указывающей на то, что „помещенные в номере работы в основном согласованы между собой“ (стр. 1). Отсюда понятно, что изучение и оценку годового обзора, даваемого Кон'юнктурным институтом, надо начинать со статьи А. Вайнштейна.

Какую же оценку дает А. Вайнштейн хозяйственному положению Союза за истекший год? По его мнению, наше народное хозяйство приходит „за последние три года почти регулярно к нарушениям равновесия, по временам смягчающимся“... (стр. 13). Основная причина этого постоянного нарушения равновесия заключается, по мнению А. Вайнштейна, „в коллизии между желаемым темпом накопления в обобществленном секторе и желаемым темпом под'ема благосостояния трудящихся города“, при одновременном стремлении к преодолению „лежащих на пути к достижениям этой цели препятствий всеми имеющимися в распоряжении государства средствами экономического и внеэкономического воздействия“ (стр. 13). Такой суровый и отрицательный приговор произносит А. Вайнштейн, подводя итог всем тем усилиям, которые в течение последних лет приложены были партией, правительством и трудящимися для укрепления материальной мощи Советского Союза. Хозяйственные затруднения 1926/27 г. он склонен расценивать не только, как кон'юнктурные явления, но и как начало более глубоких отрицательных для всего народного хозяйства последствий. Так, говоря о неполной нагрузке в настоящий момент некоторых электростанций, он расценивает указанное явление, „как форму перекапитализации народного хозяйства“ (стр. 15). Он утверждает, что источником для капитального строительства (стр. 15) и „для поднятия реального благосостояния городского пролетариата (повышение заработной платы, снижение промцен) послужила отчасти эмиссия“ (стр. 13), а это угрожает, по его мнению, в ближайшем будущем реальным уменьшением доходов городского населения, а также снижением капитального строительства. Параллельно он указывает на медленное снижение покупательной силы рубля, приводящее, якобы, к попытке приостановить этот процесс внеэкономическими методами, что должно „в своем логическом развитии привести к методу хозяйствования периода военного коммунизма со всеми его характерными чертам“ (стр. 15). „Следствием этого может явиться падение производительных сил деревни и резкое снижение отчуждаемой части сельскохозяйственных продуктов“ (там же).

Таков ассортимент кон'юнктурных пророчеств, который преподносится А. Вайнштейном всеобщему вниманию для того, чтобы в конце концов убедить читателя в необходимости предлагаемого им же „конкретного“ рецепта от всех этих зол: это — „некоторое ослабление темпа роста нашего хозяйства и строительства на ближайшие год—два“ (стр. 15). Совет — не вытекающий, по нашему мнению, из реальной кон'юнктуры как внутри Союза, так и за его пределами. Как ослабить темп роста народного хозяйства, когда сам автор признает, что современное „потребление стоит у нас на очень низком уровне“ (стр. 13), когда он же указывает на низкий уровень сельскохозяйственного производства и его товарности (стр. 2 и 4), на развертывание промышленного производства частично за счет „пуска в действие изношенных и устаревших аггрегатов и прочего оборудования“ (стр. 8), на наличие безработицы и т. д. Лекарство, предлагаемое А. Вайнштейном, это, конечно, — не путь серьезного врачевания хозяйственных недугов, а наркотическое средство, притупляющее жизненные процессы, ослабляющее внимание и волю к скорейшему под'ему производительных сил, к увеличению благосостояния трудящихся и к укреплению хозяйственной и политической мощи нашего Союза.

Диспропорция между действительностью и отображением ее в статье А. Вайнштейна настолько велика, что неподготовленного читателя она может ввести в серьезное заблуждение о состоянии нашего народного хозяйства. С одной стороны, по Вайнштейну выходит, что в усло-

виях текущего производства у нас нет достаточных ресурсов ни для удовлетворения потребления, ни для расширенного воспроизводства, а с другой стороны, он утверждает, что и то и другое у нас в значительной мере осуществляется за счет эмиссии. На материалистическом языке это означает расходование части оборотного или основного капитала народного хозяйства, отрицание возможности дальнейшего реального роста народного хозяйства вообще, на что и намекает А. Вайнштейн на странице 15 в своих мрачных предсказаниях. Откуда же в таком случае могут взяться ресурсы для „полного насыщения рынка товарами", да еще на протяжении одного — двух лет, не рекомендуя абсолютно снизить народное потребление? Ответа в тексте на этот вопрос мы у автора статьи не найдем, так как он предпочитает больше пугать читателя угрозой вероятных последствий от принятого на XIV и XV с'ездах ВКП направления экономической политики и не расшифровывает поподробнее своего конкретного рецепта, как произвести одновременно ослабление темпа народного хозяйства и усилить процессы накопления. Но если попытаться сделать соответствующий вывод из всех завуалированных рассуждений на эту тему А. Вайнштейна, то логически можно было бы притти к таким выводам: надо понизить относительный уровень заработной платы и уровень потребления рабочих, приостановить развитие обобществленного сектора народного хозяйства и расширить сферу свободного действия частного капитала (см. стр. 7) как внутри страны, так, может быть, и во внешних торговых сношениях (иначе трудно понять, ни с того, ни с сего, вклеенную в текст сентенцию автора о том, что „народный доход нации может быть реально увеличен путем обмена, использующего выгоды международного разделения труда" — получается впечатление, что он хочет подчеркнуть непригодность для этого существующей формы внешней торговли СССР).

Вот эта невысказанная автором, затаенная скорбь по хозяйственным формам, более близким к частно-капиталистическому, буржуазному строю, тоскливая тяга назад и была причиной, быть может, невольного сгущения красок при оценке как текущего хозяйственного положения Союза, так и перспектив. Отсюда односторонность подбора материала и всего построения оценки кон'юнктуры истекшего года. Автор „не заметил", что его вывод о сокращении оборотного и основного капитала народного хозяйства (при одновременном уклоне к перекапитализации?) опровергается им же самим приводимыми фактами о продолжающемся росте производства и о накоплении значительных амортизированных натуральных запасов в крестьянском хозяйстве при продолжающемся, хотя бы и недостаточном еще росте в стране потребления? Очевидно, дело обстоит совсем не так плохо, как это пытается нарисовать А. Вайнштейн, стремящийся чисто кон'юнктурным хозяйственным затруднениям 1926/27 г. придать глубокий органический характер. Что он был неправ, это блестяще доказывается итогами первого полугодия 1927/28 г.: затруднения рассосались в течение нескольких месяцев почти без остатка, мы имеем новый огромный под'ем производственных и прочих хозяйственных процессов и выходим ко второму полугодию с организационно более крепким и более широко развертывающимся охватом народного хозяйства обобществленным плановым сектором.

Автору необходимо было доказать непосильность для народного хозяйства произведенных капитальных работ, и вот с места в карьер, в начале статьи он оглушает читателя сравнением годовых темпов роста капитальных затрат в промышленности и роста ее валовой продукции. В первом случае он демонстрирует превышение данных 1926/27 г. над 1925/26 г. на 22,4% и во втором — на 16,7%, отсюда констатация автора,

что темп роста капитальных работ „превышает и притом значительно" темп роста продукции. Если мы вычислим прямое отношение капитальных затрат к той же валовой продукции промышленности, то получим для 1925/26 г. коэфициент в 11,3%, а для 1926/27 г. — в 11,9%, или же разницу всего только около полупроцента, т.-е. при существующей степени точности учета совершенно несущественную и, во всяком случае, не дающую права говорить об этом явлении как о чем-то „значительном". То же и относительно других аналогичных сопоставлений А. Вайнштейна, которому, конечно, известно, что при значительном расхождении базисных величин одно сопоставление рядов их относительной динамики далеко не всегда характеризует действительное изменение непосредственного соотношения их абсолютных величин. Так, А. Вайнштейн указывает в таблице (стр. 1) темп роста общей суммы капитальных вложений в обобществленном секторе (+ 33%) и темп роста народного дохода (10,3%), т.-е. демонстрирует превышение первым второго в три с лишним раза. Если же взять непосредственное соотношение этих величин, то в 1925/26 г. оно будет равно 11%, а в 1926/27 г.—13%; иначе говоря, мы отнюдь не имеем еще в этих цифрах какого-либо доказательства непосильности для народного хозяйства произведенных в 1926/27 г. капитальных затрат (что косвенно подтверждается также ростом потребления и отложением в крестьянском хозяйстве крупных натуральных запасов). А ведь А. Вайнштейн и редакция „Бюллетеня" претендует на „научный анализ"!..

Другое его доказательство в пользу того же положения сводится к констатации „значительного расхождения между уровнем реальной заработной платы и производительностью труда промышленных рабочих в истекшем году" (стр. 5). Помесячная динамика доли реальной заработной платы в продукции (в %% за 1926/27 г.) такова: X—14,5, XI—14,0, XII—13,5, I—13,8, II—14,1, III—14,3, IV—14,6, V—14,9, VI—16,4, VII—18,8, VIII—16,1, IX—14,5. В 1927/28 году она продолжается — постепенное дальнейшее снижение до 13,8% в феврале. Увеличение ее в июне—августе, помимо обычного сезонного под'ема в связи с сокращением промышленной выработки (отпуска, ремонты), было, как известно, усилено в 1926/27 году случайным фактором — недостатком некоторых видов сырья (вследствие неурожая подсолнуха, льна и др. причин). Если это чисто кон'юнктурное повышение сезонной волны откинуть, то ясно, что под доводами А. Вайнштейна нет никакой реальной почвы. Средне-месячный об'ем промышленной продукции, приходящейся на одного рабочего, дал прирост за 1926/27 год на 12,5%, а по стоимости — на 10% и т. д.

Вообще, пессимистический уклон А. Вайнштейна не дает ему возможности отметить хотя какое-нибудь светлое пятно на фоне кон'юнктуры прошлого года, какое-нибудь достижение, которое он безоговорочно мог бы принять за положительное. Если он иногда относит то или другое явление к положительным моментам (рост промышленной продукции, снижение промцен, рост экспорта, развитие обобществленной торговли и т. д.), то он делает это только формально, так как тут же сопровождает их аргументацией, придающей им противоположный, отрицательный характер. Возьмем конкретный пример. На стр. 10 говорится, что „снижение промцен было действительно осуществлено..., что нельзя не оценить, как весьма крупный успех" и т. д. Но тут же он оговаривается, что такое снижение цен должно являться результатом рационализации производственного и распределительного аппарата, у нас же „экономический расчет был заменен твердыми директивами о снижении промцен во что бы то ни стало" и дальше приводит целый ряд таких аргументов, которые уничтожают вообще, по его мнению, какую бы то ни

было полезность этого мероприятия (снижение качества товаров, товарный голод, зажим частного капитала и т. д.). Достаточно сказать, в приведенной уже нами цитате он договаривается до того, что денежную эмиссию серьезно рассматривает, как источник, использованный для осуществления снижения промцен. Или вот еще другой пример. Не отметить огромного роста промышленного производства нельзя, но ослабить впечатление можно. Отсюда предпосылка: „Общий количественный рост народного хозяйства сопровождался некоторыми отрицательными моментами, ослабляющими положительную оценку достигнутых количественных результатов“... „Результатом этого напряженного развертывания (промышленности) явилось увеличение аварий, несчастных случаев и травматизма... Стабильность себестоимости промизделий или, в лучшем случае, ее понижение на 1—2%, является главнейшей отрицательной характеристикой истекшего года“ и т. д. (стр. 8). В повседневной жизни этот прием часто квалифицируется, как „ложка дегтя в бочку меда“.

Все описанные методологические и логические пороки разбираемой статьи придают всему анализу А. Вайнштейна отмеченную уже нами какую-то предвзятость, нарочитый подбор фактов и общую искусственность и шаткость анализа. Это и неудивительно, так как иначе на базе более об'ективного изучения реальной кон'юнктуры, конечно, нельзя было бы притти к тем выводам, которые сделал А. Вайнштейн. Вообще же надо отметить, что нарушение равновесия в нашем народном хозяйстве об'яснять коллизией между темпом капитального строительства в обобществленном секторе и темпом под'ема благосостояния трудящихся города, конечно, было бы односторонне и неубедительно. Если брать затруднения первой половины 1927/28 г., то они проистекали, прежде всего, из ряда обычных сезонных моментов, усиленных действием ряда привходящих обстоятельств, какими являются неурожай 1926 г. некоторых сырьевых культур и международная обстановка, вызвавшие, с одной стороны, снижение промышленного производства, а с другой — повышенный (страховой) спрос на рынке со стороны населения в летние месяцы. Повышение номинальной заработной платы (в связи с пересмотром колдоговоров), развертывание капитального строительства и значительное улучшение условий реализации сельскохозяйственной продукции, приведшие к значительному росту покупательной способности деревни и росту крестьянского потребления, являлись во всей их совокупности также в качестве усилителей обычного напряжения рыночной обстановки четвертого и начала первого квартала. Влияние их на народное хозяйство имело значение затруднений кон'юнктурного характера, т.-е. временных. На рост капитального строительства, требующий напряжения всех ресурсов страны, капиталистические элементы города и деревни отвечали усилением валютного и натурального товарного накопления, сокращением рыночного предложения хлебной продукции, спекуляцией на повышение цен и общей дезорганизацией рынка. В течение четвертого квартала 1926/27 г. и первого квартала 1927/28 г. мы имели организованную атаку на обобществленный сектор со стороны частного капитала, попытку срыва темпа дальнейшего социалистического строительства. Ответный наш удар по частному капиталу во втором квартале имел именно поэтому быстрое восстановление нарушенного равновесия.

Вторая статья, на которой, хотя бы вскользь, необходимо остановиться, это — статья С. Меклера, по характеру своего изложения непосредственно примыкающая к статье А. Вайнштейна. Нового ничего она не дает, развивая несколько более подробно некоторые отдельные положения первого автора и демонстрируя даже чисто внешне свое отрицательное отношение к нашему капитальному строительству и денежному

обращению тем, что о капитальном строительстве и твердом обеспечении денежного обращения в ней говорится не иначе, как в кавычках (стр. 32—33).

Третья статья В. Утца ничем не отличается по содержанию от обычных кон'юнктурных обзоров на ту же тему, хотя ряд выдвигаемых им положений по вопросам себестоимости, капитальных работ и финансового положения промышленности является не всегда достаточно обоснованными и соответствующими действительности. Но если даже часть его выводов следует признать недоказанными, то совершенно неожиданными являются для читателя заключительные фразы, мало вытекающие из самого содержания статьи и к тому же неудачно отредактированные. Утц приходит к выводу, что „из водящего фактора оздоровления народного хозяйства она (промышленность) в возросшей степени стала водящим фактором новых осложнений и затруднений“! Этот заключительный аккорд в статье В. Утца, повидимому, скорее имеет своей целью установление того „согласования“ с выводами на ту же тему в руководящей статье А. Вайнштейна, о котором говорит редакция сборника в примечании, указанном уже выше.

С. Киселев

Проф. А. А. Соколов. Основные принципы денежно-кредитной политики. Финанс. Изд. НКФ СССР, стр. 144, М., 1927 г.

„В публикуемой работе автор сделал попытку более точно формулировать и проанализировать важнейшие принципы денежно-кредитной политики, как они вытекают из различных, иногда прямо противоположных, теоретических концепций“ (из предисловия автора).

Разбирая существующие взгляды на кредитно-денежную политику, проф. Соколов считает наиболее правильным решением вопроса политику постоянства общего уровня цен, примыкая, таким образом, к теории Викселя.

Автор устанавливает новое понятие — антидефляция.

Нужно заметить, что целесообразность введения этого нового понятия проф. Соколовым не доказана. Поскольку его интересует постоянство уровня цен, то не понятно зачем нужно выделять в какое-то особое понятие параллельный рост и товарной и денежной масс, поддерживающий это постоянство. Почему тогда не ввести и второго подобного термина — антиинфляция, если имеется параллельное падение этих масс, не отражающееся на уровне цен. Здесь обнаруживается непоследовательность автора. Но главная беда, разумеется в том, что оба эти понятия являются одинаково излишними, они не расширяют нашего знания, ибо параллельные изменения денежной и товарной масс в ту или иную сторону суть conditio sine qua non самого понятия постоянства общего уровня цен. Получается игра словами — совершенно бессодержательная.

По мнению проф. Соколова, дефляция всегда заключает в себе большие опасности, она может быть оправдана, как временный процесс, лишь для достижения определенных целей, важных по ряду экономических или политических соображений, как, напр., последняя денежная реформа в Англии. У нас дефляция могла бы иметь целью сближение уровня внутренних цен с мировым уровнем.

Проф. Соколов разбирает интересную проблему — о влиянии денежного фактора на относительные цены товаров. Анализ автора касается изменений относительных цен потребительных благ и капитальных благ, под влиянием расширения или сжатия кредита. Все рассуждения автора, однако, ведутся применительно к изменениям учетного процента. Правда,

автор оговаривается, что выводы его должны сохранять свою силу и в тех случаях, когда расширение или сжатие кредита достигается и плановым руководством кредитными ресурсами.

Но это нисколько не освобождает читателя от вполне законного недоумения, к чему этот окольный путь? Неужели нельзя обойтись без посредства концепций частно-капиталистического хозяйства, утерявших свое значение в наших условиях, по признанию самого автора? Каковы же эти выводы, которые сохраняют свое значение и в наших условиях?

В специальной главе дается краткое изложение теории классической эмиссии Бендиксена, которую проф. Соколов считает примером весьма стройного сочетания чисто номиналистической концепции с теорией так называемого „банковского принципа".

„Формулированные Бендиксеном условия классической эмиссии,—говорит проф. Соколов,—представляют собой нечто фундаментальное. Они должны лежать в основе всякой разумной кредитной политики". После столь глубокого реверанса, автор сразу же ставит вопрос, выполнимы ли в полной мере те требования, которые выставлены Бендиксеном?

И в результате своего анализа проф. Соколов приходит к выводу, что принципы классической эмиссии, сформулированные Бендиксеном, частью не осуществимы, частью не достаточны.

Недостаточными эти принципы являются потому, что критерии, которые они в себе заключают, носят характер частного, а не народнохозяйственного порядка. Поэтому, заключает автор, они должны дополняться и корректироваться какими-то другими критериями народнохозяйственного значения. И далее следуют эти дополнения и коррективы проф. Соколова к теории Бендиксена.

Первое недоумение читателя выражается вопросом: в чем же заключается „фундаментальность" принципов Бендиксена, если они 1) частью неосуществимы и 2) недостаточны без дополнений проф. Соколова.

Во-вторых, не понятно, как можно говорить о недостаточности этих принципов, если автор доказал их неосуществимость. К чему все коррективы автора, в чем ценность его дополнений, если сами принципы практически негодны? Автор выявил так много условий неосуществимости принципов Бендиксена, что его вышеприведенное выражение о „частичной" неосуществимости их кажется уже ничего незначащей оговоркой. К тому же, что означает частичная неосуществимость какого-либо принципа, как не его практическую негодность вообще.

На ряду с указанными противоречиями в выводах проф. Соколова, мы должны отметить также и некоторые неточности и противоречия в самом его анализе.

Мы считаем неудачным первое же его возражение против первого принципа Бендиксена. Сущность этого возражения заключается в следующем. Первое требование Бендиксена говорит: новые деньги должны выпускаться только против вновь созданных товаров и услуг. Между тем, производство какого-нибудь нового товара еще не служит доказательством увеличения всей товарной массы, если, напр., одновременно произошло резкое, еще большее уменьшение какого-нибудь другого товара. Это может заставить сокращать кредит даже тогда, когда он должен расшириться против новых товаров, согласно первого правила Бендиксена.

Тут автором допущена явная натяжка, и он сам себя достаточно опровергает, когда говорит на стр. 77—78: „Бендиксен совершенно правильно считает необходимым условием классической эмиссии не только исправное погашение ссуд, но и прямое из'ятие денег из обращения

в случае уменьшения товарооборота". Вот именно кредиты, под новые товары будут предоставлены, но денежная масса в целом может в то же время уменьшиться. [1]

Неверно поставленным является и второе возражение против первого принципа. Автор исходит из факта, что существует эмиссия твердая (разменные деньги) и эластичная (банкноты и жиральные деньги). А поскольку твердая эмиссия находится в руках казначейства и контроль банков над денежным обращением не является полным, постольку принципы классической эмиссии являются недостаточными.

О недостаточности принципов Бендиксена здесь не следовало бы говорить потому, что Бендиксен также выдвигает требование—подчинить выпуск разменных денег таким же нормам, что и эмиссию банкнот, и как банковское покрытие им рекомендуются государственные займы.

Следовательно, здесь уместнее было бы говорить о практической осуществимости этого последнего требования Бендиксена, а не о недостаточности его общих принципов.

Не останавливаясь на спорности некоторых других положений в анализе проф. Соколова (напр., вопрос о кредитовании капитальных благ), мы хотели бы лишь сделать общее замечание по поводу большинства его соображений о неосуществимости принципов Бендиксена.

На наш взгляд, проф. Соколов недостаточно учел замечания самого Фр. Бендиксена по поводу практического применения его теории.

„В результате анализа,—пишет Соколов,—автор пришел к следующим двум основным выводам: во-первых, никаких абсолютных принципов и критериев денежно-кредитной политики не существует; все эти критерии условны и относительны; во-вторых несмотря на условность и относительность критериев денежно-кредитной политики, они при достаточно умелом пользовании ими и при восполнении их наблюдением над хозяйственной кон'юнктурой дают все же достаточно твердую основу для регулирования эмиссии и кредита" (из предисловия автора).

Нам, следовательно, остается разобрать те коррективы и дополнения проф. Соколова к теории Бендиксена, благодаря которым она становится твердой основой для регулирования эмиссии и кредита.

Дополнительными критериями, по мнению автора, являются: во-первых, движение валютного курса и, во-вторых, движение товарного индекса. Однако, первый критерий, по признанию автора, может быть действителен при следующих предпосылках: а) при свободе внешней торговли, б) если все товары являются об'ектом международного торга и в) при регулировании денежного обращения по курсу на золото. Последнее условие несовместимо с регулированием по товарному индексу.

Товарный индекс должен иметь особенно важное значение в странах с бумажной валютой, которые в то же время находятся в положении изолированных или полуизолированных стран (блокада или монополия внешней торговли). Однако, и значение товарного индекса оказывается условным: 1) невозможно построить абсолютно правильных и точных индексов, 2) если цены подвергаются регулированию со стороны государства, то движение цен уже перестает быть достаточно надежным критерием, 3) товарный индекс сигнализирует опасность только после того, как она уже наступила. Следовательно, заключает проф. Соколов,

---

[1] Мы считаем неудачным и пример, приводимый автором на стр. 65 — увеличение производства ситца и резкое уменьшение с.-х. продукции под влиянием неурожая. В своих поисках „абсолютных" принципов денежно-кредитной политики проф. Соколов, очевидно, считал, что и стихийные народные бедствия, как неурожай, также должны укладываться в рамки этих принципов.

показания товарного индекса нужно дополнять и корректировать наблюдением за состоянием народного хозяйства и кон'юнктурой рынка.

Это наблюдение должно касаться: а) динамики продукции, б) оборотов торговли, бирж, грузооборота ж. д., высоты заработной платы и т. д., в) роста и быстроты оборачиваемости банковских депозитов и г) состояния товарных запасов.

Таким образом, проф. Соколов в своих поправках дошел до арифметического определения чуть ли не всех факторов уравнения обмена. Иначе говоря, он предлагает подправить теорию Бендиксена данными формулы Ирв. Фишера, невозможность определения которых в наших условиях он пытается доказать в другой его работе „Скорость обращения денег". [1]

Поправка же на динамику продукции не понятна сама по себе, поскольку динамика продукции достаточно учитывается и теорией Бендиксена.

Последний, напр., прямо говорит: „Государство должно выступать, как создатель новых денег, когда вместе с прогрессом хозяйственной жизни увеличивается производство, и должно озаботиться из'ятием денежных знаков при сокращения производства. Эту задачу оно фактически и выполняет". [2]

Подправленные таким образом принципы Бендиксена проф. Соколов считает применимыми для регулирования денежной массы и в условиях советской действительности. Что касается распределения кредитных ресурсов, то здесь критерии частно-капиталистического хозяйства („вольная" цена, „вольный" учетный процент, рентабельность, кредитоспособность) у нас не применимы, хотя они и не могут быть совершенно отброшены. Эти критерии у нас заменяются планированием кредита.

Нужно заметить, прежде всего, что по столь важному и интересному вопросу, как кредитное планирование, проф. Соколов ограничился повторением избитых в литературе общих мест. Между тем, от теоретика денежного обращения мы вправе были бы ожидать более глубокого подхода к этому вопросу. В частности, мы хотели бы обратить внимание проф. Соколова на то, что наши кредитные планы имеют отношение к денежно-кредитной политике только в той их части, которая имеет связь с эмиссией.

Кстати, мы не можем принять оговорку автора в предисловии, где он говорит, что недостаток места вынуждал его стремиться к максимальной краткости изложения, в результате чего некоторые его положения не нашли в книжке достаточно полного обоснования и развития.

Печать недоработанности и спешности лежит на всей его книжке. Использованные им 140 страниц распределены по его материалу слишком неравномерно. А максимальную краткость изложения мы считаем мало свойственной для автора. Скучные длинноты чаще наблюдаются в его более простых положениях.

Не выполнил также автор своего обещания о практическом оправдании теории денег, в частности принципов Бендиксена. Теория Маркса проф. Соколовым игнорируется, советский же момент им недостаточно учитывается.

Что же касается многоэтажных надстроек над Бендиксеном, то они привели проф. Соколова к безнадежному эклектизму, не способному быть „твердой основой" для регулирования эмиссии и кредита ни в буржуазном государстве, ни, тем более, в СССР.

[1] Проф. А. А. Соколов, „Скорость обращения денег и товарные цены". М., 1925 г., стр. 184—185.

[2] Фр. Бендиксен, „Деньги", стр. 32.

Специфичность условий советской действительности требует более прямого подхода к ним, а не кривого преломления категорий частно-капиталистического хозяйства. Окольные пути истолкования советской экономики имеют более узкие пределы.

Последняя глава его книги посвящена критике золотой валюты и вопросу о внутренней и внешней покупательной силе денег.

Мы не касаемся содержания последней главы, считая, что вопросы золотой валюты у нас сейчас не имеют актуального значения.

Дм. Данюков

Проблема мирового денежного обращения. Сборник статей под ред. Г. Я. Сокольникова. Финансовое издательство. М. 1927 г.

Сборник вводит русского читателя в круг актуальных проблем мирового денежного обращения.

Некоторые послевоенные экономисты и преобладающая часть финансовых кругов усматривали в возвращении к довоенной золотой валюте единственно возможный путь денежной реформы. „Существующее положение было, по сравнению с довоенным, так плохо,— говорит по этому поводу Р. А. Леффельдт,—что все стремления средних людей сводились лишь к тому, чтобы вновь обрести под ногами ту твердую почву, которая была раньше". [1]

Противоположная точка зрения талантливо защищалась виднейшим экономистом Кейнсом. [2] Последний не скупился на едкие слова и патетические восклицания, чтобы рассеять фимиам, воскуряемый веками вокруг золотого тельца, в изображении последнего, как наисовершеннейшего орудия для выполнения роли денег.

В своем „трактате" Кейнс писал: „В действительности, золото является в настоящее время пережитком варварства... Защитники старой валюты не замечают, как она далека от духа и потребностей нового времени" (стр. 94). Кейнс выдвигал проект создания так называемой „регулируемой бумажной валюты", не имеющей своим основанием золота. При этом он довольно резко разоблачал недомыслие всех тех, кто связывал с наличием золотой валюты представление об устойчивости покупательной силы денег.

Английская валютная реформа, осуществленная законом от 28 апреля 1925 г., лишила практической актуальности спор о путях денежной реформы.

Переход Англии к золотой валюте, на ряду с давнишним существованием золотой валюты в Соединенных Штатах, не мог не оказать решающего влияния на путь денежной реформы в других странах капиталистической Европы.

Альтернатива выбора между „бумажной регулируемой валютой" и возвращением к золотому стандарту отпала. „Поскольку Соединенные Штаты и Англия, — заявил недавно президент Германского рейсхбанка, Шахт, — имеют золотую валюту, то международный характер ее гарантирован". [3]

После проведения денежной реформы в решающих странах Запада внимание финансовых теоретиков и практиков сосредоточивается, главным образом, вокруг вопроса об устранении колебаний ценности золота. „Дефекты" золота, как денег, указанные Кейнсом и другими, хотя и не послужили основанием к отклонению введения золотой валюты, однако,

[1] Статья „Регулирование добычи золота" в рецензируемом сборнике.

[2] Кейнс, Трактат о денежной реформе.

[3] Стр. 46 рецензируемого сборника, ст. Якушкина.

эти „дефекты“ столь очевидны и чувствительны для мирового хозяйства, что обойти их молчанием не представляется возможным.

Четыре статьи видных экономистов Запада, помещенные в рецензируемом сборнике, и посвящены вопросу об установлении тенденций колебания ценности золота в связи с причинами, обусловливающими их (статьи: Кассель—„Недостаток золота“, Леффельдт — „Регулирование добычи золота“, Бекхауз—„Недостаток золота“ (комментарий к ст. Касселя), И. Китчин—„Золото и экономическое развитие“).

Как можно уже судить по заголовкам этих статей, проблема устойчивой ценности золота поставлена перечисленными авторами в связи с вопросом о достаточности или недостаточности последнего.

Кассель в своей статье выставляет тезис об опасности со стороны растущего недостатка золота, что должно повлечь за собой длительное падение товарных цен и депрессивное состояние мирового хозяйства. Обоснование этого тезиса у Касселя довольно примитивное. Он вычислил что в период с 1850 г. до 1910 г. мировая золотая масса должна была увеличиваться в среднем за год на 2,8%, чтобы соответствовать темпу развития мирового хозяйства. Следовательно, с увеличением золотых запасов должна увеличиваться из года в год и добыча золота. Предполагая, что, примерно, через 15 лет общая золотая масса достигнет 100 мрд. золотых марок (1925 г.— 75,5 мрд. марок), Кассель устанавливает потребную сумму годовой золотой добычи к тому времени в 3 мрд., для обеспечения нормального развития мирового хозяйства. Однако, утверждает он „известные в настоящее время россыпи не могут дать больше половины этой суммы“ (стр. 15). Этим и исчерпывается вся аргументация Касселя.

Подобного рода метод доказательства был охарактеризован даже одним из соратников Касселя, как „поражающий пример недостаточной глубины анализа“.

В самом деле, если даже не касаться порочности теоретических посылок количественной теории, разделяемой автором, согласно которой по выражению Маркса, „пускаются в процесс обращения товары без цены, а золото и серебро без стоимости“, даже в рамках вульгарной экономии, аргументация Касселя поражает своим убожеством. Автор, обосновывая свой прогноз, не утруждает себя ни доказательством предположенного им стабильного уровня цен, ни анализом перспективного соотношения количества золота, идущего для монетарных целей с количеством тезаврируемого в азиатских странах, ни учетом роли возможного изменения скорости обращения денег. Он также не принимает во внимание возрастающей роли кредита и колебания издержек по добыче золота.

Такое же обоснование опасности недостатка золота „по методу Касселя“ мы находим в статье Китчина—„Золото и экономическое развитие“.

Если Кассель предвидит опасность золотого голода в относительно далекой перспективе, то по вычислениям Китчина мировое хозяйство уже вступило в полосу дефицита золота для монетарных целей.

Статья Китчина изобилует последними статистическими данными по вопросу о добыче золота, его запасах, распределении по отдельным странам и между различными функциями. С этой стороны статья представляет известную ценность.

Автор третьей статьи рецензируемого сборника—Джон Бекхауз—критикует как метод доказательства Касселя, так и его выводы. „Проблема золотого запаса,— пишет он,— является исключительно проблемой потери $33^1/_4\%$ меновой ценности золота по сравнению с 1913 г. (стр. 36). Причину падения покупательной силы золота автор усматривает не в избытке золотых запасов, а в войне и в том громадном увеличении налогов и национальных долгов которые повлекла за собой последняя.

Автор наивно верит в спасительный принцип „laissez faire“, благодаря которому покупательная сила золота подымется до уровня 1913 г. Дайте миру мир, и потерянный довоенный рай будет вновь обретен. Таков его символ веры.

Кассель рекомендует: 1) ограничение мирового спроса на золото путем отказа от фактического золотого обращения и путем понижения золотого покрытия центральных банков; 2) осуществление постановления Генуэзской финансовой конференции, рекомендовавшей „в целях сокращения спроса на золото со стороны центральных банков, международную централизацию золотых резервов“ (стр. 16).

Что касается фактического золотого обращения, то, как известно, последнее имеет место помимо Соед. Штатов лишь в двух незначительных странах Зап. Европы — „Голландии и Швейцарии. В остальных же странах,— как правильно формулирует Сокольников,— система золотого обращения уступила место системе золотого обеспечения“.

Гораздо сложнее обстоит с вопросом о необходимости понижения золотого покрытия центральных банков. Это пожелание так же, как и идея международной централизации золотых резервов, основано на полном игнорировании противоположности интересов различных стран в этой области. Идея международной централизации золотых резервов в Нью-Йорке и Лондоне, прежде всего, является плохо замаскированным выявлением империалистических тенденций в финансовой сфере со стороны этих государств. Осуществление этого проекта поставило бы в полную зависимость денежную систему всех прочих государств от „хозяев мировых денег и золота“— Англии и Соединенных Штатов. Осуществлению централизации золотых запасов противодействует также то неравномерное распределение золотого фонда, которое установилось к настоящему времени. На ряду со странами, обладающими избыточным покрытием банковской эмиссии, другие страны обладают покрытием в размере между тремя — десятью процентами.

Кроме того, необходимо принять во внимание, что стремление различных государств к накоплению золотых запасов отнюдь не связано только с нуждами покрытия эмиссии, а в значительной мере обусловлено проблемой трансферта (репарационные платежи, межсоюзнические долги).

Этой жажде накоплять золото способствует также наличие напряженной политической атмосферы, царящей в Европе, чреватой всякого рода осложнениями.

Перечисленные факторы достаточны по нашему мнению для об'яснения факта наличия острой борьбы между эмиссионными центральными банками различных государств, в частности, резкую стычку между английскими и французскими банками, имевшей место в мае истекшего года на почве выкачки в больших дозах Францией золота из Лондона.[1] Попытку же Касселя обосновать наличие этой борьбы недостатком золота следует признать неудавшейся.

В иную плоскость ставит проблему стабильности мерила ценности Леффельдт, автор, статьи „Регулирование добычи золота“. В противоположность Касселю, Леффельдт усматривает угрозу этой стабильности со стороны перепроизводства золота.

Автор, открыто защищающий интересы золотопромышленников, утверждает, что „усовершенствованный метод пользования золотом в сфере денежного обращения несколько уменьшит расходы, но он не только пагубно отразится на золотопромышленности, но и нарушит устойчивость

---

[1] См. по этому вопросу ст. Варги в „Экон. Обозр.,“ № 12 за 1927 г., „Реставрация золота“.

мерила ценности, что отразится на всей системе кредитных отношений" (стр. 20). Предотвращение этой угрозы автор считает возможным путем создания при Лиге Наций „Комиссии по урегулированию добычи золота", целью которой была бы скупка главнейших предприятий золотопромышленности и золотоносных недр во всем мире, при чем сотрудничество России, по его мнению, весьма желательно.

Леффельдт предвидит, что этой комиссии придется заняться в первую очередь концентрацией добычи золота и сокращением ее размеров. Детально разработанный им проект создания этой комиссии исходит из предпосылки отсутствия противоречий в этой области между интересами больших и малых государств. „Последние,— пишет он,— не будут иметь основания настаивать на специальном представительстве, что сделало бы комиссию неработоспособным и громоздким органом" (стр. 26). Империалистическая подоплека этого проекта, таким образом, очевидна.

Необходимо отметить, что Леффельдт, в противоположность Касселю, не связывает с достижением стабильности ценности золота возможность разрешения проблемы колебания уровня цен.

В вводной статье рецензируемого сборника „Метаморфозы денежного обращения" тов. Сокольников делает попытку обобщить изложенные контроверзы. Он полагает, что перспективы, выдвинутые Леффельдтом в отношении перепроизводства золота „содержат больше элементов реальности, чем противоположные прогнозы Касселя. Это вытекает, по мнению тов. Сокольникова, из факта изменения систем денежных обращений большинства стран по сравнению с довоенным временем. „Сфера денежного обращения,— пишет он,— заполнена „бумагой". Свободная чеканка золотых монет, которая раньше была правилом, является теперь исключением... Сокращение или прекращение новых покупок золота со стороны центральных банков могло бы повести при жестком регулировании бумажно-денежных эмиссий и неурегулированной добыче золота к повышению бумажных денег над их металлическим номиналом". (стр. 9). По мнению тов. Сокольникова, банки заинтересованы в урегулировании добычи золота, ибо неограниченная добыча золота становится в противоречие с политикой ограничения об'ема денежного обращения, которую на основе единообразных принципов проводят центральные банки (стр. 9).

К сожалению тов. Сокольников не дает в своей статье марксистского анализа проблемы влияния издержек добычи золота на колебания цен товаров. Он ограничивается лишь чисто количественными сопоставлениями добычи золота, с одной стороны, и потребностей денежного обращения—с другой. Указанной проблемы необходимо было коснуться тем более, что по ней существуют разногласия и в марксистском лагере.[1] Придавая большое значение регулирующей роли эмиссионных банков в восстановлении ценности золота, тов. Сокольникову следовало бы, по нашему мнению, отмежеваться в этом вопросе от концепции Гильфердинга, утверждающего, что благодаря регулирующей деятельности эмиссионных банков последними фиксируется меновое отношение между золотой монетой и товарной массой вне зависимости от изменений в издержках производства золота.

Тов. Сокольников, к сожалению, также не показал, что все эти поиски стабильного мерила ценности буржуазными экономистами в целях устранения колебания уровня цен выражают собой не что иное, как

[1] Дискуссия на страницах Neue Zeit за 1912—13 гг. между Гильфердингом и Варгой, с одной стороны, и Каутским-Бауэром, с другой; см. сборник „Деньги и денежное обращение в освещении марксизма", изд. Наркомфина.

бессилие капитализма преодолеть раз'едающие его внутренние противоречия и попытку какими-либо техническими усовершенствованиями ослабить их отрицательное влияние.

В общем статья тов. Сокольникова, хотя и подлежит оспариванию в некоторых выводах, однако, весьма ценна, как попытка обосновать закономерность изменений в мировом денежном обращении за послевоенный период.

В связи с трактуемыми в сборнике проблемами тов. Сокольников совершенно правильно констатирует резкое отставание темпа восстановления советской золотопромышленности, достигшее всего лишь 50% довоенных как от темпа других отраслей нашей промышленности, так и от темпа возрастания добычи золота за границей, „между тем как неблагоприятное строение торгового баланса, медленный рост экспорта, громадные требования по импорту со всей силой ставят вопрос об увеличении валютных ресурсов союза более быстрым темпом".

И. Соф—вич

Л. А. Лунц. Деньги и денежные обязательства. Финансовое издательство, стр. 131.

„Предметом исследования являются деньги, как об'ект имущественных правоотношений. Закон, связывая с денежным свойством вещи известные юридические последствия, нигде, однако, не дает определения общего понятия денег.

Конструируя юридическое понятие денег, мы принуждены исходить из экономического понятия о деньгах, как об'екте гражданского права. Экономическое понятие денег всегда остается источником восполнения пробелов юридического определения", — таковы в сжатой формулировке вводные замечания автора о цели и сущности своей работы.

Работа Л. А. Лунца включает три взаимно-связанных части, правовой анализ денег, денежного обязательства и денежной системы. Автор останавливается на истории нашего денежного обращения со времени Октябрьской революции, уделяя внимание, главным образом, денежной реформе 1924 г. и последующей практике. На ряду с теоретическим исследованием в книге Л. А. Лунца представлена критическая оценка нашей современной денежной системы; это обстоятельство придает рецензируемой работе также и практический интерес.

В теоретическом анализе правовой проблемы денег автор стремится элиминировать экономическое содержание частнохозяйственных отношений. Идя по этому пути, автор приходит к выводу, что в специально юридическом смысле денежная единица определяет платежную силу (в пределах определенной денежной системы) и служит основанием исчисления отсроченных платежей (стр. 19); при этом автор отмечает, что в специально юридическом смысле денежная единица лишена не только физических, но и ценностных свойств, поддаваясь определению только юридическо-исторически, путем установления связи с предшествовавшей денежной единицей. Освобождая понятие денег от проблемы ценности, юридическая конструкция дает, в сущности, перечень правовых и фактических признаков законного платежного средства (стр. 27—28).

Основная ошибка, допущенная автором, проникающая всю его работу, в особенности, первые ее части, состоит, нам думается, в том, что задачу отыскания правового содержания денег он обособил от вопроса об экономической их природе. Автор — не марксист, и в вопросах ценности склоняется, повидимому, к психологической концепции. Абстрактно-

правовой конструкции ближе материалистическое понимание ценности, нежели идеалистическая концепция.

Положительное значение рецензируемой работы ограничивается, таким образом, конкретизацией некоторых юридических понятий и определений в проблеме денег; ясно, однако, что строго формальный анализ, обособленный от экономического исследования в самом своем существе таит теоретическую бесплодность.

Более удачно изложение конкретного материала. Исторической характеристике нашего денежного обращения предшествует описание правового содержания денежной системы. Но и здесь автор не удерживается от признания примата правовой формы в денежной системе над ее экономической сущностью. Ошибочность рассуждений автора ярко обнаруживается в критической оценке нашей современной денежной системы. Основными пороками нашего денежного законодательства, искажающими экономическую природу денежной системы, являются отсутствие формальной связи покупательной способности государственных казначейских билетов, выраженной в золотом рубле, с паритетом, установленным законом 5/II 1924 г., и придание законодателем червонцу свойства монеты, а не главного денежного знака (стр. 78—79). В виду этих обстоятельств и вытекающих из них юридических последствий автор не может согласиться с тем, что с правовой точки зрения наша денежная система формально основана на золотом довоенном рубле. Вместе с тем, в экономическом анализе автор примыкает к тем исследователям, которые признают действующую денежную систему Goldkernwährung с тем отличием от обычных черт, что в наших условиях приобретают большое значение мероприятия государственного регулирования.

В главах, посвященных исследованию денежных обязательств, автор сосредоточивает внимание на конкретно-правовом вопросе — влиянии на денежные обязательства изменений в покупательной силе денежных знаков — вопросе, в котором выделяется частно-правовое содержание (стр. 89—90). К исследованию этого вопроса автор привлекает удачно подобранный материал законодательной и судебной практики иностранной и нашей. Представив содержательную характеристику юридического опыта, автор обходит принципиальный анализ проблемы и ряд связанных с этим вопросов.

Преобладание формального анализа и теоретическая его немощь в разрешении принципиальных проблем сводят практическую полезность рецензируемой работы к формулировке некоторых основных юридических категорий, критике правовых и фактических особенностей нашей денежной системы и описанию законодательной и судебной практики в денежных обязательствах.

А. М. Гольденберг

Терский округ. Очерки по истории, экономике и советскому строительству округа. Часть I. Сборник под общ. ред. М. Минеева и И. Викторова, 586 стр. Часть II. Сборник под общ. ред. И. Викторова 252 + 65 стр. Изд. Терского окр. Исполкома, Пятигорск, 1927.

Как указывается в предисловии, главной целью сборника было „ответить на запросы работников государственных и общественных учреждений, выполняющих административные, хозяйственные или социально-культурные функции“. Особо настоятельная необходимость в таком сборнике для Терского округа аргументируется в предисловии тем обстоятельством, что округ составился из частей трех территориальных единиц старого деления (Ставропольской губ. и областей Терской и Кубанской) и потому старые материалы оказались недоступными для окружных учреждений,

которые „просто лишены были возможности не только искать аналогии для своей деятельности в прошлом, но и получить ту или иную необходимую в практической работе справку“. Однако, „на ряду с материалами, характеризующими округ с точки зрения его дореволюционного периода“ Плановая комиссия сочла нужным „дать основное место и сведениям, относящимся к революционному периоду, к периоду советского строительства“.

В качестве побочной задачи сборник мог бы, по мнению его составителей, „оказать посильную помощь нашим школьным работникам“ и „до некоторой степени выполнить роль экономической географии Терского округа“.

Сборник содержит в себе следующие разделы: I. Естественно-исторический очерк со включением административного деления и населения — 79 стр. II. Сельское хозяйство по отдельным отраслям (174 стр.). III. Соц.-культурное строительство (народное просвещение, здравоохранение, курорты, соц. обеспечение, труд и соц. страхование, нар. связь (170 стр.). IV. Промышленность (152 стр.). V. Финансы (кредит, налоги, местный бюджет) 120 стр. VI. Торговля (113 стр.). VII. Коммунальное хозяйство (11 стр.). VIII. Дорожное дело (6 стр.). Кроме того, в приложении дана статья Мартынова „К характеристике социальной диференциации деревни на Тереке“ (65 стр.).

Уже из этого перечня видна явная неравномерность структуры сборника; на последние разделы „коммунальное хозяйство“ и „дорожное дело“, очевидно, уже нехватило места, зато все остальные имеющиеся в сборнике разделы страдают ярко выраженной „водянкой“.

Одной из причин этой „водянки“ является уже отмеченное в вышеприведенных цитатах выделение в „самостоятельную единицу“ довоенных сведений. Вместо того, чтобы ограничиться попутными сопоставлениямн или кратким генезисом соответствующих сторон хозяйства и управления, что было бы, конечно, существенно, в сборнике довоенное состояние часто выделяется особо во всех подробностях, сплошь и рядом никому и ни для чего уже не нужных. Так, например, в разделе о кредите дается два особых параграфа, размером в печатный лист, посвященных состоянию кредитных учреждений накануне и в начале империалистической войны, при чем в этих параграфах имеется не только полный перечень единиц банковской сети и сети учреждений мелкого кредита, но и балансы каждого из них порознь и всех вместе.[1]

Следующей причиной разбухания книги послужило включение в сборник всякого рода „общих мест“, относящихся не к Терскому округу специально, а или ко всему краю, или даже вообще ко „всей вселенной“ в рамках определенной общественной структуры. Для примера можно указать рассуждения о значении кредита (ч. II, стр. 3 и 4).

Самой же главной причиной излишней об'емистости сборника является отсутствие сколько-нибудь достаточной обработки материала. Сюда относится, прежде всего, масса громоздких таблиц,[2] из которых часть можно было бы просто выбросить, часть (с пространственным делением) можно было бы положить на карту, еще часть (с повременным делением) сократить и упростить. В результате такой обработки можно было бы без особо большого труда сократить об'ем сборника вдвое, одновременно вдвое же повысив его „читабельность“.

---

[1] Аналогичные излишества имеются и в отделе по народному просвещению (стр. 259—270) и в разделе по торговле.

[2] Например, таблица издержек производства по отдельным предприятиям за 1923—1927 гг. (ч. I, 514—523 стр.), сводный баланс промышленности (ч. I, стр. 538—551).

Составители же предпочли переложить этот труд на читателя, ограничивая свою функцию в большинстве случаев перепечаткой „ведомости“ в том виде, в каком они имелись в разного рода „делах“. В этом сырьевом характере большей части статей и заключается основной порок сборника. С успехом могли бы быть опубликованы также и вставки типа „политической декламации“, которые к тому же в ряде случаев и почему-то именно по разделу народного просвещения представляют собою такие сгустки всяческой безграмотности, которых и нарочно нельзя было бы придумать.[1]

Отметив, что есть — по нашему мнению — лишнего в рецензируемом сборнике, посмотрим теперь, чего в нем нехватает.

Нехватает, прежде всего, самих оснований районирования, т.-е. обоснования границ округа. Наши округа, как и целые экономические области, не падают с неба в готовом виде и не создаются „исторически“ стихийным путем, а являются продуктом сознательной, плановой работы. От издания Окружной плановой комиссии читатель имеет полное право ожидать изложения всех тех оснований, которые привели к выделению описываемого округа в данных его границах.

В связи с обоснованием границ необходимо было бы дать и общую экономико-географическую характеристику округа на фоне его природных условий, географического окружения и исторического прошлого. Эта характеристика обязательно должна была бы выявить лицо округа по отношению к общему фону всего Северо-Кавказского края в целом и сравнительно с другими особенно соседними округами.

Попутно было бы чрезвычайно интересно узнать о результатах районирования как для общего состояния хозяйства и управления в округе, так, в частности, и для окружной промышленности, окружных финансов и т. д. В виду приближающихся работ по районированию этот вопрос имеет актуальное значение в общесоюзном масштабе.

Следующим пробелом в сборнике является отсутствие в нем раздела о его внутреннем экономическом районировании[2]. Работникам плановых органов на местах, как и в центре, должна быть совершенно ясна та мысль, что „районирование есть особый метод познания территории“, между тем в сборнике Терской плановой комиссии этим принципом и не пахнет; к новым территориальным единицам — самому округу и его районам — у них подход совершенно тот же, какой мог бы быть и к единицам старого административного деления. Отсутствие районной точки зрения сказывается и на слабости естественно-исторического очерка, ограничивающегося справками по отдельным физико-географическим элементам и не дающего синтетических ландштафтов.

[1] Вот, например, надпись на таблице по политпросвещению: „Эта отрасль народного просвещения вовсе не имеет аналогии в дореволюционном прошлом, но сказать, чтобы царско-буржуазное правительство вовсе не заботилось о политическом воспитании масс в духе „любви к богу, царю и отечеству“, конечно, нельзя. Заботилось оно об этом, и очень, но средствами к тому служили ему: весь аппарат госвласти, вся буржуазно-монархическая пресса, церковь и т. д., разумеется, наше политпросвещение ничего общего со всем этим не имеет ни по форме, ни по существу“ (стр. 284—285, часть I). А вот и еще любопытнее: „Отмечаемое явление (неравномерность развития школ, а следовательно, и неравные возможности развития подрастающего поколения) об'ясняется в значительной мере логикой пережитого восстановительного периода, когда развитие учебных заведений шло на старой, унаследованной от дореволюционного прошлого материальной базе — при новом, конечно, содержании учебы; неравномерность же развития в царско-буржуазном прошлом, как мы знаем по Ленину, безусловный закон капитализма“ (стр. 277).

[2] В отделе о сельском хозяйстве есть, правда, один параграф (стр. 109—110, ч. I), посвященный с.-х. районам, но за исключением пары табличек (стр. 109 и 111), остальное изложение сельского хозяйства проходит мимо этих районов. Имеется еще схема торговых районов (стр. 224—233, ч. II) в разделе торговли, но эти торговые районы совсем отличны от районов сельскохозяйственных и никак с ними не увязаны.

Принципиальным пробелом в структуре сборника является также отсутствие особого раздела, посвященного хозяйственным перспективам округа.

Приложенные к сборнику карты: климатическая, почвенная и административная, явно недостаточны. Совершенно необходимо было бы дать карту с рельефом, который в Терском округе достаточно сильно выражен и оказывает сильнейшее влияние на внутренние различия и в природе и в хозяйстве; затем очень желательно было бы иметь и общеэкономическую карту или хотя бы отдельно сельскохозяйственную и промышленную. Для познания округа это дало бы опять-таки гораздо больше голых таблиц.

При всех этих недостатках, в сильнейшей степени понижающих его значение, сборник все же дает ряд весьма ценных материалов для познания экономики округа. Сюда надо отнести, прежде всего, почвенную карту с соответствующей частью текста (А. Н. Багдасарова и Н. С. Шелухина), затем очерк о заселении территории округа с рядом очень интересных таблиц (М. Д. Сивоконя), затем весь раздел о торговле, дающий и исчерпывающие таблицы по характеристике грузопотоков и упомянутую уже выше схему торговых районов (М. Д. Сивоконя) и наконец, статью о социальной диференциации (М. Мартынова). Поокружные сборники, подобные настоящему, издаются сейчас в связи с районированием во многих местах плановыми или статистическими органами. Следует зорко следить за качеством той продукции, от которой зависит уровень нашего экономического самопознания.

Н. Баранский

Северо-Кавказский край, ежемесячный журнал Сев-Кавк. краевой плановой комиссии, 1927 г., №№ 7—12.

Содержание статей рецензируемых номеров можно разделить на две части: первую, подводящую итоги к десятилетию Октября, и вторую, рисующую ближайшие хозяйственные перспективы края.

Состояние экономики Северо-Кавказского края к десятилетию Октябрьской революции не может, однако, отождествляться с итогами десятилетней советской экономической работы, так как Северо-Кавказский край принадлежит к числу тех районов СССР, в которых советская власть упрочилась года на три позднее, чем в центральной части РСФСР. И, тем не менее, результаты советско-экономического строительства ко дню десятилетия Октябрьской революции оказались значительными, если еще принять во внимание, что Северо-Кавказский край подвергся глубокому потрясению и разорению, как одна из арен ожесточеннейших боев гражданской войны.

Помещенная в № 10 журнала статья П. Журида „Северо-Кавказский край к десятой годовщине Октября“ дает обзор экономики края ко дню юбилея.

Посевная площадь 1926/27 г., выразившаяся в 10,4 млн. *га* достигла 90% площади 1913 г., тогда как еще в 1922 году она составляла лишь 54,5% довоенной площади. Восстановление животноводства достигло меньших результатов, выразившись лишь в 73,4% стада 1913 г. Это об'ясняется большим падением, которое испытало животноводство края по сравнению с полеводством.

Реконструктивные моменты в сельском хозяйстве сказались в повышении по сравнению с довоенным удельного веса рыночных культур (цифр, к сожалению, автор не приводит), удельного веса озимого клина

с 31,4% до 41,4% и максимально засухоустойчивых пропашных культур в яровом клину с 7,8% в 1913 г. до 16,9% в 1927 г. Обогнали довоенную площадь и технические культуры — табак, лен, конопля, кенаф, лекарственные травы и т. п. В более детальном виде те же реконструктивные моменты в сельском хозяйстве отмечает и статья П. „Реконструктивные изменения в системе сельского хозяйства края“ в № 11—12.

Валовая продукция цензовой промышленности еще в 1925/26 г. превысила довоенный уровень на 33,6%, выразившись в 415,7 млн. руб., а в 1926/27 г. превысила довоенную выработку на 61,8%, достигнув суммы в 503,4 млн. руб. Производство средств производства по сравнению с производством средств потребления поднялось в своем удельном весе за последние два года с 35,6% до 42,7%. Рабочая сила, занятая в промышленности, с 72,3 тыс. в 1913 г. выросла до 80,1 тыс. в 1927 г.

Несмотря на свое исключительное сельскохозяйственное значение, край развивается под знаком индустриализации. С 1924/25 по 1926/27 гг. удельный вес промышленной продукции в общей массе продукции промышленности и сельского хозяйства поднялся с 41,6% до 48,3%, тогда как по сельскому хозяйству мы имеем снижение с 58,4% до 51,7%. Грузооборот краевого железнодорожного транспорта достиг в 1926/27 г. 19,6 млн. тонн, обогнав довоенный, что, однако, достигнуто было сильнейшим перенапряжением транспорта, вызывающим необходимость серьезного внимания к дальнейшим в него капитальным вложениям.

Доходная часть госбюджета повысилась с 91 млн. руб. в 1924/25 г. до 188,9 млн. руб. в 1926/27 г., а местного бюджета — с 66,7 млн. руб. до 110,9 млн. руб., при чем следует отметить тот отрицательный факт, что удельный вес налоговых доходов все время повышался за счет неналоговых. Расходная часть госбюджета за то же время выросла с 54 млн. руб. до 111,6 млн. руб., а местного — с 65,7 млн. руб. до 106,6 млн. руб., при чем удельный вес финансирования народного хозяйства за те же годы повысился с 22,6% до 32,4%.

Реконструкция народного хозяйства края выражается, в частности, в капитальных вложениях за истекшие годы, размер которых достиг 407 млн. руб. Из них 43 млн. руб. были затрачены на рационализацию сельского хозяйства, а именно на землеустройство, реорганизацию крестьянского хозяйства в засушливых районах края, мелиорацию и т. д. При этом проведены Аргун-Гойтинский канал в 14 *км*, Акбашский и Малокабардинский в 60 *км*, Сухопадинский в 15 *км*. Восстановлен Эристовский канал и переустроен Куро-Марьинский. Осушено 16,6 тыс. *га* кубанских, адыгейских и тапсугских плавней. Таких затрат и такого их направления дореволюционный Северный Кавказ со стороны государства не знал и знать, конечно, не мог.

Капитальные вложения в промышленность, достигшие 214,5 млн. руб. за последние три года, характеризуются началом сооружения колоссального нефтепровода Грозный — Туапсе с двумя нефтеперегонными заводами, начатой постройкой крупнейшего завода сельскохозяйственного машиностроения в Ростове, восстановлением металлургического Сулинского завода, постройкой Таганрогской фабрики технических ремней, маслоэкстракционного завода и бэконной фабрики в Армавире, целой сети сыроваренных и маслодельных заводов, механической фабрики обуви, крупного хлебного завода в Ростове и галетной фабрики в совхозе „Хуторок“ и проч. Приступлено к постройке тепловой электростанции на руднике „Артем“ в Новороссийске, в Краснодаре и гидростанции на Гизел-Доне вблизи Владикавказа. Построены новые железнодорожные линии Дарг-Кох-Алагир, Невинномысская-Баталпашинск, Туапсе-Адлер, Петровское-Благодарное, переустроены порты Новороссийский, Туапсинский, Ростовский и Темрюкский. Закончены все изыскательные и проектные работы по соединению Волги с Доном.

Процессы обобществления характеризуются повышением удельного веса социалистического сектора в продукции цензовой промышленности с 93,6% в 1924/25 г. до 98,4% в 1926/27 г. Еще больше упала роль частника в оптовом посредническом обороте, снизившись с 13,4% до 2,3%. Значительно высок еще процент частной торговли в рознице, выражаясь в 1927 г. в 39,6%, хотя и он упал с 48,6% в 1924/25 г.

Интересная статья П. Журида страдает, однако, некоторыми недостатками. Юбилейные итоги в любой отрасли нашего социалистического строительства должны привлекать общественное внимание не только своими достижениями, но обнаружившимися дефектами, — ошибками, неразрешенными проблемами, предстоящими трудностями и методами их преодоления и т. д. Этому автор, к сожалению, уделил небольшое место. Между тем, другие статьи рецензируемых номеров журнала свидетельствуют о серьезных теневых сторонах состояния краевой экономики.

С другой стороны, автор мало внимания уделял моментам обобществления, как, например, состоянию социалистических элементов в сельском хозяйстве, роли обобществленного сектора в мелкой промышленности края, продукция которой составляет 35% всей промышленной продукции (см. „Контрольные цифры народного хозяйства Северо-Кавказского края на 1926/27 г.“, стр. 5 Приложений).

Не отвечает на этот последний вопрос и статья Г. Демченко „Мелкая и кустарная промышленность Северного Кавказа“ (№ 10), отмечающая лишь один, да и то не главный, признак в виде числа занятых лиц в различных социальных секторах мелкой промышленности.

Некоторым дополнением к статье П. Журида в отношении сельского хозяйства служат статьи И. Михайлова „Итоги колхозного строительства“ и Клювина „Совхозы Северо-Кавказского края“ в том же номере журнала.

Численный рост колхозов весьма внушителен. Уже на 1 октября 1926 г. он выражался в 2.651 хозяйствах, что составляло более 11% всех колхозов по СССР, а на 1 октября 1927 г. имеется уже более 3.000 колхозов, не считая машинных товариществ. В колхозы организована преимущественно деревенская беднота. До 40% членов колхозов составляют красные партизаны и красноармейцы.

Основным типом колхозов являются товарищества по общественной обработке земли. На ряду с несомненными достоинствами колхозов в виде интенсивности труда, в два раза превышающей среднюю по краю интенсивность, большей урожайности, высокой степени их машинизации (на 5.000 тракторов в крае — 2.000 приходится на колхозы), нельзя не отметить существенных недостатков состояния колхозов, заключающихся в их мельчании, недостаточном землеустройстве, эксплоатации лишь тех индустриальных предприятий, которые были переданы им государством, в слабом развитии переработки транспортабельной продукции и почти полном отсутствии в них агропомощи.

Что касается совхозов, то в положении их хотя и отмечаются известные достижения, но пока еще незначительные, что об'ясняется, с одной стороны, неумелым ведением дела в совхозах до 1924 г., когда они были об'единены в Севкавкрайсельтрест, а с другой — недостатком средств. В настоящее время 13 совхозов обрабатывают площадь в 141 тыс. *га*, повышая с каждым годом свою урожайность, уже превосходящую среднюю по краю, механизируя свое производство (сейчас уже на 48%) и развивая снабжение населения высокосортными семенами и племенным скотом. В 1926 г. трест после ряда дефицитных лет дал чистой прибыли 30 тыс. руб.

Статья Авакимова „Развитие внешней торговли Северо-Кавказского края“ (№ 9) дает некоторые интересные сведения о внешней торговле как с количественной, так и с качественной стороны. Удельный вес края в экспорте Союза поднялся с 14,2% до 15,1%, а в импорте с 1,9% до 3,3%. Хлебофураж и нефтепродукты составляют 90% всех экспортных товаров. Автор совершенно правильно предлагает обратить усиленное внимание на развитие тех видов экспорта, которые не будут ставить его в зависимость от урожая, а именно — животноводства, звероловства, лесоводства, некоторых технических культур и лекарственного сырья.

Из прочих статей, освещающих отдельные экономические вопросы, заслуживают внимания статьи Н. Солодковского „Снабжение краевой промышленности сельскохозяйственным сырьем“ и А. Ф. „К вопросу о текучести рабочего состава в северо-кавказской промышленности“ (№ 7—8). Первая из них останавливается на совершенно неблагополучном состоянии сырьевой базы краевой промышленности, несмотря на неисчерпаемые запасы края.

Вторая статья исследует отзывающуюся на производительности труда текучесть рабочего состава промышленных предприятий, четверть которого ежегодно сменяется.

Из второй группы статей рецензируемых номеров журнала, освещающих ближайшие перспективы экономики края, следует указать, прежде всего, статью П. Анисимова и А. Фомина в № 7—8 „Предварительные контрольные цифры промышленности Северо-Кавказского края“.

Контрольные цифры на 1927/28 г. намечают рост валовой продукции на 30,4% по сравнению с 1926/27 г., что выразится в 277,9 млн. руб., при чем наибольшее место занимает пищевкусовая, кожевенная и металлообрабатывающая отрасли промышленности. Снабжение сырьем маслобойной, кожевенной и металлообрабатывающей промышленности вызывает опасения и заставляет прибегнуть к частичному импорту как сырья, так и вспомогательных материалов. Число рабочих вырастет на 8%, выразившись в 38 тыс. чел., что, однако, не разрешит острой в крае проблемы безработицы. Наоборот, ожидается в ближайшие 3—4 года увеличение безработицы, питающейся сокращенными (74%), подрастающими рабочими (10%), выбрасываемыми в город аграрным перенаселением (9%) и демобилизованными (5%).

Остро и неутешительно стоит вопрос с рабочим жилстроительством, план которого предусматривает удовлетворение жилплощадью лишь 25% вновь поступающих рабочих.

В соответствии с задачами индустриализации капитальное строительство намечено преимущественно в отраслях, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье — крахмало-паточной, поташно-мыловаренной, сахарной, а также в деревообделочной и лесохимической. Сбыт продукции должен превысить прошлогодний на 25,4%, составив сумму в 242,9 млн. руб. Рост цен на сырье и топливо, увеличение жел.-дор. тарифов и акциза, вызвавшие повышение себестоимости в 1925/26 г., сказываются еще и сейчас. И в 1927/28 г. снижение намечено лишь в некоторых отраслях и не выше 3%.

Авторы назвали свою работу „предварительными“ контрольными цифрами. Хотелось бы думать, что только этим об'ясняется ряд серьезных пробелов в статье, прошедшей мимо таких моментов, как методология составления контрольных цифр, рост обобществленного сектора, разделение на цензовую и мелкую промышленность, соотношение между производством средств производства и средств потребления, моменты реконструкции и т. д.

Интересна статья Еремина „Основные пути плановой работы по сельскому хозяйству края на 1927/28 г.“ (№ 10). План 1927/28 г. ставит себе три конкретных задачи: 1) увеличение производительности и товарности сельского хозяйства, 2) реконструкция и рационализация сельского хозяйства, 3) развитие начал обобществления.

Довольно грустную картину состояния финансов края, требующих самого серьезного внимания и энергичных мероприятий, рисует статья проф. Алексеева в № 10 „Перспективы развития финансов края в 1927/28 г.“.

Доходы на 1927/28 г. превышают доходы 1926/27 г. лишь на 6,1%, тогда как расходы превышают прошлогодние на 21%. Рост государственных доходов идет почти исключительно за счет займов. Понижается удельный вес средств населения в строительстве края — школьном, больничном, дорожном.

Единственным отрадным фактом является увеличение доли расходной части бюджета, идущей на финансирование народного хозяйства, за счет расходов административных.

Вдумчиво изучающий свою экономику, „Сев.-Кав. край“, являющийся, несомненно, одним из лучших местных экономических органов, должен, однако, устранив излишний оптимизм некоторых своих статей, уделить максимум внимания моментам не только констатирования, но и преодоления возникающих хозяйственных трудностей, вдохновляя и направляя творческую мысль и энергию своих сотрудников. С другой стороны, необходимо усилить изучение социальных процессов, происходящих в хозяйстве края, нашедших, несмотря на свою первостепенную важность, пока еще малое отражение в журнале.

И. Лерман

Перспективы развития сельского хозяйства Иваново-Вознесенской губернии и план мероприятий по сельскому хозяйству на пятилетие 1926—1930 гг. Вып. 2, ч. III, под ред. А. Ф. Киселева, изд. Иваново-Вознесенского Губземуправления, 1927 г., стр. 211 Приложения: 1) таблицы; 2) статья С. С. Герхен „Примерные севообороты для разных направлений сельского хозяйства Иваново-Вознесенской губ.“. I—XXV. Цена 2 руб.

В свое время (см. „План. Хоз.“ за 1927 г., № 3, стр. 318) мы отмечали изданный Иваново-Вознесенским Губземуправлением „Перспективный план развития сельского хозяйства Иваново-Вознесенской губ. на пятилетие 1926—1930 гг.“ — первый его выпуск, появившийся в 1926 г. В конце 1927 г. вышел второй выпуск этого плана, в котором с достаточной подробностью рассмотрены мероприятия по отделу сельского хозяйства на планируемое пятилетие. В этом, вероятно, не последнем выпуске материалов по пятилетке (см. предисловие к книге), кроме общей главы, включающей характеристику экономических мероприятий, имеется ряд глав, организационно между собой неувязанных. Сюда следует отнести: главу вторую — о сельскохозяйственной кооперации (ее состоянии и ближайших перспективах), следующую за ней главу третью, в которой рассказано о принципах построения, перспективах развития агрономической сети в Иваново-Вознесенской губ. Затем идет ряд глав, об'единенных общим заглавием: мероприятия по отдельным отраслям сельского хозяйства. В этом разделе мы встречаемся и с главой о земледелии, полеводстве губернии и с частью, посвященной работе по борьбе с вредителями поля, сада и огорода, вопросу организации естественной кормовой площади. Последние страницы этой части плана рассказывают о животноводстве в целом (коневодство, крупный рогатый скот). В самом конце книги приложены таблицы, характеризирующие состояние и перспективы развертывания сельскохозяйственного кредита, агрономической сети

(с построением штатных контингентов и примерным оборудованием агрономического кабинета). Тут же — в табличной форме — дан расчет нормального развертывания семеноводства в Иваново-Вознесенской губ. и общая „перспективная“ смета на пятилетие 1926 — 31 гг. Для большей углубленности в вопросе о реорганизации полеводства дана статья С. С. Герхен о примерных (но необразцовых, т.-е. не служащих образцами для губернии) севооборотах.

Слабые места этого нового выпуска Иваново-Вознесенского Губземуправления очевидны — их не скрывают и сами составители плана. Прежде всего, они в том, что в этой основной (по значению своему) части плана отсутствуют: план организации земельной территории (он еще не готов), план снабжения (насыщения) губернии мертвым с.-х. инвентарем. Отсутствует анализ сельскохозяйственного опытного дела и его перспектив.

В существенной части этого выпуска, т.-е. в разделе о мероприятиях по отдельным отраслям сельского хозяйства (стр. 68 — 211), заметен специализированный подход: мы имеем пред собой как бы серию развернутых специалистами планов с.-х. отраслей, без общей концепции. Эти части построены по определенному шаблону. Сначала дается статика, т.-е. дается представление о состоянии данной отрасли сельского хозяйства в духе агрономического отчета и анализа, затем приводятся сами мероприятия с финансовым обоснованием плана их реализации, т.-е. так, как это обычно делается при агрономическом проектировании. Нельзя при этом не отметить и того, что почти все специалисты мотивируют, и довольно веско, необходимость проведения мероприятий, целесоответственность которых не играет сколько-нибудь существенной роли. Так, на стр. 186 доказывается полезность устройства конских выставок и испытаний (184), далее (стр. 204) говорится о полезности лекций показательного кормления и т. д. Нужно ли это в перспективном плане?

Тут же приходится отметить и перегруженность деталями, которые стесняют как-будто и авторов (стр. 178, 98—112, где приводится длинный, в 12 номерах, перечень технических мероприятий по полеводству со скрупулезными подсчетами обеспечения агрономического персонала раз'ездными средствами и т. п.).

На стр. 21 автор уверяет читателя (см. подстрочное примечание к странице), что конкретизации в перспективном плане не требуется. Однако, как раз на протяжении всего текста книги мы имеем обратное: правильно взятый курс на конкретное, строго локализированное, правда, с некоторой перегруженностью деталями, даже излишествами в этом направлении.

Для Иваново-Вознесенской губ., в которой, кроме молочного и картофельного уклона, имеется и льняной, крайне заманчивой в постановке и интересной в разрешении должна быть проблема механизации льнообработки. Трактуя этот вопрос, автор так и оставляет неразработанным вопрос о том, в какой мере намечающаяся интенсификация сельского хозяйства поглотит излишки рабочей силы, освобождающейся при введении процессов механизации обработки льна. В связи с этим следовало бы осветить и вопрос об индустриализации сельского хозяйства.

Интересно „подана“ глава о сельскохозяйственной кооперации и сельскохозяйственном кредите, но в первой нужно было несколько остановиться на темпе роста сельскохозяйственной кооперации в губернии (стр. 46), а потребность губернии в сельскохозяйственном кредите в предстоящее пятилетие (стр. 40 и табл. 1 в приложениях) необходимо было чем-нибудь обосновать.

Основной недостаток книги заключается в том, что сельское хозяйство не представлено, как часть единого народнохозяйственного комплекса хотя бы в пределах Иваново-Вознесенской губернии, а без этого материал теряет ценность для перспективного планирования.

Если же рассматривать книгу без ее основной, плановой, установки, то за ней следует признать ряд достоинств. Имеется углубленная и конкретная проработка вопросов, которую дают почти все авторы плана. В книге дан большой, хорошо подработанный цифровой материал. Для работника деревни Иваново-Вознесенской губернии и для губернских администраторов-хозяйственников эти цифры и построения могут послужить подспорьем в работе.

М. Лучебуль

Проф. М. В. Довнар-Запольский. Народное хозяйство Белоруссии (1861—1914 гг.). Изд. в гор. Минске, тираж 2.000 экз., стр. 238.

В своей книге проф. М. В. Довнар-Запольский делает „попытку впервые изучить экономику довоенной Белоруссии“ в том территориальном составе, „в каком большинство ученых рассматривали этот район в довоенное время“. В состав территории довоенной Белоруссии автор включает шесть губерний: Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую и Смоленскую. Так как этот район в довоенное время не имел земской статистики и „не имел специальных обследований“, то естественно, что поставленная автором задача изучить экономику Белоруссии наталкивалась на большие препятствия в отношении наличия необходимых статистических материалов.

Уже самая задача дать картину развития народного хозяйства Белоруссии, т.-е. сравнительно небольшого района, занимавшего незначительное место по своему экономическому значению в народном хозяйстве России, неизбежно обусловливает преобладание в книге конкретной экономики в ущерб теоретической. Во-вторых, территориальный состав Белоруссии взят несколько искусственным, так как он мало связан с современной Белоруссией, поскольку Смоленская и Брянская губ. выделены в Западный район, Виленская же и Гродненская губернии уже не входят в состав нашей страны. В-третьих, ограничение периода развития народного хозяйства края только довоенным периодом создает значительный разрыв между современным и довоенным хозяйством и мало связывает оба периода развития народного хозяйства этого края. При этих условиях трудно проследить как народное хозяйство края через кризис 1917—21 гг. вступило в восстановительный и реконструктивный период своего развития. Для этого требуется иметь особое исследование о довоенном и революционном периоде. Все эти обстоятельства в значительной степени лишают книгу того актуального интереса, какой она должна была бы вызвать по своему широкому охвату народного хозяйства края за длительный период.

Однако, книга заслуживает внимания при целевых построениях в перспективном планировании народного хозяйства Западного района.

По общему характеру охваченный автором период разбивается условно на три части: 1) эпоха 60—80-х годов. Это эпоха „полного бытования остатков крепостного права в условиях падающего помещичьего хозяйства“ и первых попыток самостоятельного ведения крестьянами своего хозяйства; 2) эпоха 80—900-х годов—переходная эпоха „первых сдвигов в недрах полуфеодального хозяйства“ и 3) эпоха с 900-х годов до начала мировой войны—это эпоха „убыстренной капитализации сельского хозяйства, борьбы с остатками средневековья“.

Первый период характеризуется в сельском хозяйстве его продовольственным направлением и натуральным характером при примитивной технике. По сравнению с помещичьим хозяйством, лишенным капиталистических форм, крестьянское хозяйство тщательнее использует основные ресурсы продукции. В промышленности господствует ремесленное производство и местная промышленность не имеет значения.

На рубеже 80—90-х годов в крае происходит сдвиг в сторону усиления в деревне роли капитала и его преобразующего действия на хозяйство. В промышленности возникает целый ряд крупных промышленных предприятий.

В третьем периоде усиливается капитализация хозяйства и интенсификация его при усиленном изживании форм мелкого производства и вырастание крупной капиталистической индустрии. На ряду с этим происходит усиленный процесс диференциации деревни, рост отхожих промыслов и процесс мобилизации земель.

Особенно интересны главы о землевладении. В них дается четкая характеристика тех глубоких экономических процессов, которые происходили в землевладении.

Неуменье дворянства перевести хозяйство на капиталистический лад, упорное стремление сохранить натуральный его характер, крепостническое отношение с крестьянством,— все это, несмотря на все благоприятствуемые меры правительства, делало помещичье хозяйство убыточным. Вместе с тем, усиливавшаяся торгово-промышленная и сельская буржуазия приобретала все большую и большую экономическую мощь. Поэтому предложение земель на рынке со стороны обедневших дворян, обремененных долгами, встретило оживленный спрос со стороны купечества и богатого крестьянства. Неудивительно, что процесс перехода земель от дворянства к другим слоям населения шел быстро и за 28 лет дал резкое снижение удельного веса дворянского землевладения.

При приближении к нашему времени земля постепенно перекупалась купечеством и зажиточным крестьянством, достаточно обеспеченным рабочим скотом и орудиями производства. Вместе с тем, в среде покупавших крестьян происходят передвижки в сторону усиления многоземельных групп.

Оскудение дворянства, натуральный характер его хозяйства, низкая техника и общее падение его экономического могущества сопровождались усиленным стремлением правительства поддержать благоприятной кредитной политикой падающее экономическое могущество дворянства и шляхты.

Автор делает, далее, попытку связать исследование о прошлом с современными интересами. В частности, им сделана попытка дать картину расслоения крестьянства. В ряде других глав автор останавливается на структуре и динамике посевов, скотоводстве, лесном хозяйстве, фабрично-заводской промышленности, рынке и дает общую характеристику положения рабочих. Вопросы кредита и бюджета в книжке совершенно не затронуты, если не считать залоговых операций Крестьянского банка в сфере землевладения.

В общем книга оставляет некоторое впечатление громоздкости. Единство написанного автором труда разбивается наличием большого числа глав, в которых дается подробное конкретное описание ряда отдельных отраслей народного хозяйства, но нет основных контуров народного хозяйства края и развития социально-экономических взаимоотношений. Правда, автор попытался восполнить этот пробел тем, что дал заключение, но оно должно быть признано не совсем удачным.

П. Горшечников

В. А. Гаврилов. География Ленинградской (Северо-Западной) области. Госиздат. М. — Л., 1928, стр. 156 + карта, ц. 1 р. 20 к.

Районирование Северо-Западной области вызвало громадный интерес к ее экономике и природе. Между тем, популярная литература на эту тему крайне скудна. Современных же учебных книг по географии области не имеется вовсе. Рецензируемая книга идет навстречу возникшей потребности и восполняет указанный пробел.

Работа В. А. Гаврилова состоит из трех частей: общего очерка (66 стр.), ландшафтов (63 стр.) и таблиц (23 стр.).

„Общий очерк“ составлен по плану, обычному для географических обзоров. В качестве недостатка здесь следует отметить некоторую непропорциональность отдельных частей. Так, выделяется более подробным изложением „устройство поверхности“. Наоборот, при обзоре отдельных отраслей хозяйства автор весьма широко применяет способ ссылки на последующие обзоры ландшафтов и на таблицы в третьем отделе книги. Так как читатель с ландшафтами еще не познакомился, то по прочтении первой части книги („общего очерка“) он не в состоянии получить вполне законченного представления об области в целом. Это тем более обидно, что отдельные вопросы (особенно сельское хозяйство) изложены очень хорошо.

Вторая часть книги содержит описание наиболее характерных ландшафтов области. Автор сначала описывает Мурманский край и Карелию. Оба этих ландшафта (особенно первый) изложены отлично. Автор очень удачно вскрывает зависимость хозяйства от местных природных условий. Он приводит ряд интересных сведений, при чем на ряду с сухим фактическим изложением им использованы отрывки беллетристического характера. Все это делает описание ландшафтов очень живым, ярким и подчеркивающим характерные моменты. Несколько слабее (но в общем вполне удовлетворительно) дано описание Ленинграда, как ландшафта большого города. По существу этим описание ландшафтов исчерпывается. Далее, правда, идут две с половиной страницы, посвященные Псковской губернии, как земледельческому ландшафту. Но половина всего изложения посвящена доказательству того, что и во Псковской губ. природа влияет на хозяйство. В результате, про Псковскую губ. почти ничего не сказано. Указание автора на то, что для ее характеристики имеется много материала в „общем очерке“ делу, конечно, не помогает. Кроме того, надо ведь войти в положение читателя: каково читать книгу, где пробелы первой части автор предлагает восполнить при чтении второй части, а пробелы второй части — воспоминанием того, что было написано в первой части? Таким образом, из всех ландшафтов, имеющихся в области, автор дал описание только трех. Между тем, следовало бы дать, по крайней мере, еще три ландшафта: льноводный (б. Псковская губерния), молочного хозяйства (напр., б. Череповецкую губ.) и, наконец, подгородный. Последнему вопросу, правда, уделены полторы страницы при описании Ленинграда, но это следует признать явно недостаточным.

В третьей части книги приведены 34 таблицы, освещающие различные стороны хозяйства области. Большинство этих таблиц используется в тексте предыдущих частей. Кое-какие из таблиц сопровождаются краткими замечаниями автора.

На ряду с текстом, легким и популярным, и таблицами мы встречаем в книге и богатый иллюстративный материал (29 рисунков и 10 карт и картограмм), который сильно оживляет изложение. Кроме того, в конце книги приложена большая разноцветная карта области. Соста-

влена она в общем удовлетворительно и выполнена достаточно четко. К сожалению, мы здесь находим существенное упущение — небрежно проставленные жел. дороги. Так, вовсе отсутствует жел. дорога Бологое—В. Луки—Полоцк, показана незаконченной Копорская линия и отсутствует ряд мелких веток. Наоборот, показаны еще недействующие и недостроенные линии, как Крестцы—Новгород и южный участок Мга, Рыбинской железной дороги.

Помимо отмеченных недостатков приходится по адресу книги сделать еще ряд дополнительных замечаний. Автор совершенно неосновательно проводит знак равенства между Ленинградской и Северо-Западной областью: Ленинградская область, как административная единица, не включает в свой состав Карелию, которая входила в Северо-Западную область, как экономическую единицу. Между тем, по В. А. Гаврилову, что Ленинградская, что Северо-Западная область — все равно. Этот недостаток тем более существен, что книжка предназначается, прежде всего, как школьный учебник. При этом автор дает следующий совет: „Сперва пройдите ландшафты в том порядке, как они расположены, хорошенько их усвойте и только после этого переходите к изучению общей части". При наличии такого совета возникает вопрос, почему же В. А. Гаврилов не написал свой учебник по тому плану, который им самим рекомендуется. Наконец, необходимо отметить излишнюю дробность заголовков. Напр., стр. 20—23 состоят сплошь из одних заголовков, что, вряд ли, может быть обосновано какими-нибудь педагогическими аргументами.

В заключение следует выразить сожаление, что в книге и текст и цифровой материал даны в разрезе прежнего губенского деления. Ныне, когда районирование области стало совершившимся фактом, это обстоятельство становится весьма существенным недостатком, в чем, однако, автор повинен лишь отчасти.

При всех отмеченных недостатках работу В. А. Гаврилова следует признать в общем удовлетворительной. Книжка в целом дает достаточное представление о Северо-Западной области, и в этом отношении она может быть рекомендована для желающих получить общее ознакомление с этой областью.

К. Ольгин

В. Р. Чернышев

Железные дороги, как рынок для промышленности

Вопрос о емкости рынка для предметов производственного и личного потребления имеет существенно важное экономическое значение, в особенности в период реконструкции, когда индустриализация страны и производство средств производства поставлены в порядок дня и предопределяют на долгие годы направление планирования.

Как распределить топливо, металл, лесной материал и проч. между различными отраслями промышленности, транспортом и личным потреблением для достижения оптимального результата — вот основной вопрос распределения, который при неизбежных лимитах со стороны производства ставится с особой остротой.

При выяснении вопроса о производственном потреблении — транспорт в качестве рынка для промышленности имеет особый вес и, в особенности, транспорт железнодорожный.

Железные дороги со своим девятимиллиардным основным капиталом, выраженном в пути, зданиях и подвижном составе, являются крупнейшим потребителем всех видов топлива, в особенности угля, лесных материалов, металла и проч. Железными дорогами потребляется приблизительно $^1/_4$ всей добычи каменного угля, $^1/_5$ добычи нефти, $^1/_5$ лесных материалов, $^1/_4$ производства металла.

При общей запущенности основного капитала железных дорог, в особенности по пути и искусственным сооружениям, и при том особом внимании, которое уделяется путям сообщения в период индустриальной реконструкции страны, представляет особый интерес учесть современную рыночную емкость железных дорог и тем наметить исходные моменты для планирования железных дорог, как рынка.

Нужно, однако, оговориться, что этот вопрос встречает значительные трудности при изучении его.

Железные дороги в качестве перевозчика исследованы у нас довольно обстоятельно, чему способствовала неплохая постановка статистики перевозок, построенная по единым для всех дорог формам.

Гораздо слабее поставлено изучение вопроса о железных дорогах, как потребителе продуктов промышленности. Это объясняется значительно меньшей разработанностью материальной статистики, далеко не однообразной по дорогам и отличающейся большой неполнотой как в ценностном, так — в особенности — в натуральном выражениях.

Ясно, что вопрос о железных дорогах, как рынке для промышленности, имеет далеко не только теоретический интерес. С одной стороны, существенно важно установить, в какой мере распределяются недостаточные продукты между железными дорогами и другими потребителями (промышленностью, сельским хозяйством, жилищным строительством). С другой стороны, интересно бы выяснить железнодорожный расходный индекс, который определяет расходный бюджет железных дорог.

В этой статье мы делаем попытку осветить значение железных дорог, как рынка для промышленности по отчетным данным 1913 г. и последних отчетных лет и подойти к вопросу о железнодорожном индексе.

Расход материалов железными дорогами в 1913 г. в ценностном выражении приведен в соответствующей таблице (см. приложение, стр. 348).

Наибольшим удельным весом в расходы по оставшейся сети входит топливо (38,5%), среди которого первое место занимает каменный уголь (18,9%), затем — нефть и нефтяные остатки (12,6%) и, наконец, дрова (5,6%). Второй существенной расходной группой на железных дорогах являются рельсы, скрепления, стрелки и крестовины, составляющие 14% общих расходов (в числе их рельсы — 7,9% и скрепления 4,5%). На третьем месте стоят металлы и металлические изделия — 9,6% общих расходов (в том числе железо — 2,6%). На четвертом месте стоят шпалы и переводные брусья — 9,1% (в том числе шпалы — 8,3%). На пятом — запасные части подвижного состава — 7% (в том числе принадлежности паровозов и вагонов — 5%). На шестом — лесной материал — 5,3% (в том числе доски и пластины — 2,9%). Далее следуют: сборная группа мануфактурных, москательных, химических, кожаных, резиновых и стеклянных изделий — 4,5%; материалов для каменных работ — 3,3%; инвентарных предметов — 2,6%; осветительных материалов — 2,4% (в том числе керосин — 1,5%); предметов обмундирования — 1,6%; канцелярских предметов — 1,1%; смазочных материалов — 1%.

Если суммировать потребление всего металла и потребление леса, т.-е. сложить группы I, IV, VI и VII, с одной стороны, V и VIII группу — с другой, то получим, что железные дороги в 1913 году потребили металла на 30,6%, леса на 20%, угля и кокса на 19,8% и нефти на 12,6% от всего своего материального расхода. Иными словами, эти четыре основных группы поглощали в 1913 году 83% всего материального расхода железных дорог. На прочие предметы осталось всего 17%.

Следует отметить, что отошедшая сеть брала всего 5,4% общего расхода, при чем выше среднего расход был по углю и коксу (б. Домбровский бассейн давал возможность большей минерализации топлива на железных дорогах Польши), по смазке (лучшее содержание подвижного состава), по освещению, по рельсам (большая смена рельс), по канцелярским предметам и обмундированию. Это об'ясняется вообще более высоким состоянием отошедшей сети, чем оставшейся (в среднем). Поэтому для сравнения с современной сетью нужно брать бывшую железнодорожную сеть в современных границах СССР.

Современные сводные отчеты НКПС по железным дорогам не дают возможности сделать сравнение потребления материалов и топлива в ценностном выражении по той развернутой номенклатуре, которая приведена в приложении. Поэтому мы приводим сравнения за 1913 г. и за три последних имеющихся отчетных года по сборным тринадцати группам (см. табл. 1).

Остановимся сначала на движении потребления железными дорогами топлива в ценностном выражении. Мы замечаем постепенное снижение удельного веса топлива в общих расходах железных дорог (с 47,4% в 1923/24 году до 30,9% в 1925/26 году против 38,5% в 1913 году). При этом замечается значительное перемещение различных видов топлива в сторону роста доли каменного угля (в 1925/26 году 17,6% против 16,8% в 1924/25 г.) с приближением к довоенной доле (19,8%) в сторону падения доли дров (с 9,4% в 1923/24 году до 5,5%) также с приближением к довоенной доле и в сторону уменьшения доли нефти (с 12,6% в 1913 и 1923/24 гг. до 7,8% в 1925/26 г.). Таким образом,

Таблица 1

Потребление материалов и топлива железными дорогами СССР

(В тыс. руб.)

Материалы	1913 г. по СССР	В %%% к итогу	1923/24 г.	В %%% к итогу	1924/25 г.	В %%% к итогу	1925/26 г.	В %%% к итогу
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Топливо	133.832,7	38,5	134.449,7	47,4	130.675,9	33,2	183.554,3	30,9
В том числе:								
а) дрова	19.519,1	5,6	26.553,8	9,4	20.729,3	5,3	32.897,1	5,5
б) камен. уголь	68.223,2	19,7	62.754,2	22,1	65.534,1	16,7	104.323,4	17,6
в) кокс	479,4	0,1	379,9	0,1	582,9	0,1		
г) нефть и нефтеост.	43.808,2	12,6	35.723,9	12,6	41.918,3	10,6	46.333,8	7,8
д) проч. виды	1.802,8	0,5	9.037,9	3,2	1.911,3	0.5	—	—
2. Смазочные материалы	3.323,0	1,0	2.795,5	1,0	4.573,8	1,2	13.363,0	2,2
3. Осветительные материалы	8.536,9	2,4	4.365,0	1,5	5.791,6	1,5		
4. Рельсы, скрепы, стрел., крест.	48.657,6	14,0	17.029,4	6,0	36.343,1	9,2	55.274,3	9,3
5. Шпалы и перевод. брусья.	31.618,8	9,1	26.163,0	9,2	27.123,9	6,9	51.319,8	8,6
6. Запасн. части подвижн. состава.	24.339,8	7,0	15.591,7	5,5	39.703,1	10,1	56.771,3	9,6
7. Металлы и металлич. изделия.	33.291,6	9,6	31.158,8	11,0	51.547,5	13,0	69.702,1	11,8
8. Лесной материал	18.320,6	5,3	20.292,8	7,1	34.141,2	8,7	59.082,6	9,9
9. Матер. для камен. работ	11.317,6	3,3	5.148,0	1,8	8.392,4	2,1	14.814,6	2,5
10. Мануф., москат., кожан. и проч.	15.536,1	4,5	12.138,3	4,3	25.338,4	6,4	41.948,4	7,1
11. Канцелярск. предметы.	3.988,6	1,1	4.097,0	1,4	5.848,7	1,5	8.176,1	1,4
12. Обмундирование	5.736,8	1,6	3.441,8	1,2	9.367,0	2,4	17.317,3	2,9
13. Инвентарные предметы	9.082,3	2,6	7.307,9	2,6	15.024.1	3,8	22.803,9	3,8
Итого.	347.582,4	100,0	283.978.9	100,0	393.870,7	100,0	594.127,7	100,0

общая минерализация топливного баланса страны отразилась и на железных дорогах ростом доли каменного угля за счет доли дров и нефти.

Смазочные материалы свою долю в общем расходе по сравнению с довоенной долей сохраняют (1 %—1,2 %), а доля осветительных материалов уменьшается с 2,4 % в 1913 г. до 1,5 % в 1924/25 г., что об'ясняется большим применением электрического освещения. Рельсы, скрепы, стрелки и крестовины дают резкое уменьшение доли в общем итоге по сравнению с 1913 г. (с 14 % в 1913 г. до 6 % в 1923/24 г. и 9,3 % в 1925/26 г.). Недостаток металла ведет к недостаточной смене рельс и их принадлежностей, и приближение к довоенной норме идет довольно медленно.

Положение со шпалами лучше, и в 1925/26 году их доля в общем расходе достигла 8,6 %, приближаясь к довоенной доле (9,1 %) что, однако, надо отнести на счет роста цен, так как индекс шпал растет быстрее среднего ж.-д. индекса (см. далее таблицу индексов). Запасные части подвижного состава составляют в 1925/26 г. даже большую долю расхода, чем в 1913 г. (9,6 % против 7,0 %), что об'ясняется значительной запущенностью ремонта подвижного состава за предыдущие годы.

По лесному материалу доля расхода почти удвоилась по сравнению с довоенной долей (9,9 % против 5,3 %), чему причиной является значительный рост цен на лес, превышающий рост среднего ж.-д. индекса (см. далее таблицу индексов).

Недостаточность ремонта зданий и новых построек сказывается в уменьшении доли расхода на материалы для каменных работ (т.-е. кирпича, цемента, извести) в общем расходе с 3,3 % в 1913 г. до 2,5 % в 1925/26 г., чему способствует весьма высокий индекс строительных материалов (см. табл. 4 на стр. 347).

Интересно сравнить удельные веса потребления железными дорогами (в 1913 г. и по трем последним отчетным годам) главнейших предметов, а именно, металла, леса, каменного угля (с коксом) и нефти. В 1913 г., как мы видели, расход на эти предметы составил 83 % от всего материального расхода железных дорог. Сравнение 1913 г. с тремя отчетными дает следующее:

Потребление железными дорогами главнейших предметов

(В %%)

Предметы	1913	1923/24	1924/25	1925/26
1. Металл и изделия из него	30,6	22,5	32,3	30,7
2. Лес, включая дрова	20,0	25,7	20,9	24,0
3. Каменный уголь (с коксом)	19,8	22,2	16,8	17,6
4. Нефть и мазут	12,6	12,6	10,6	7,8
Итого	83,0	83,0	80,6	80,1
5. Прочие	17,0	17,0	19,4	19,9
Всего	100	100	100	100

Следовательно, как ныне, так и в довоенное время, металл, лес и топливо составляют в потреблении дорог долю примерно одного порядка 80 %—83 %, при чем уменьшение удельного веса более заметно лишь для нефти, а увеличение — для леса.

Существенно важно привести данные о потреблении материалов и топлива дорогами в натуральном выражении с дальнейшим переводом на измерителя.

К сожалению, для 1913 г. материального отчета по той развернутой номенклатуре, по которой составлен денежный отчет, нет. Но для послевоенных лет такое сравнение сделать можно, пользуясь статистическими отчетами ЦСК НКПС и ЦУЖЕЛа. Приведем это сопоставление потребления железных дорог в натуральном выражении за последние годы в абсолютных и относительных цифрах (см. табл. 2 на стр. 342).

Из рассмотрения этих цифр можно заметить, что смена шпал в натуральном выражении несколько уменьшается, что об'ясняется увеличением количества пропитанных шпал (1925/26 г.—44 % пропитанных шпал от общего количества смененных шпал).

Крайняя запущенность верхнего строения пути повела к резкому повышению в последние годы потребления рельс, накладок, подкладок болтов, костылей и стрелок при снижении относительного потребления крестовин, которые, повидимому, оказываются самым „узким местом" верхнего строения пути.

Далее следует отметить значительное улучшение со снабжением железных дорог колесным материалом, быстрорежущей сталью, чугуном, железом смазочными маслами. В недостатке находятся телеграфная проволока, бандажи дымогарные трубы, олово, гвозди, сталь рессорная, баббит.

Что касается натурального выражения потребляемого железными дорогами топлива, то потребление для нужд дороги дров резко сокращается (43 % в 1925/26 г.), в то время как потребление дров служащими увеличилось за тот же период (183 % в 1925/26 г.). В то же время потребление каменного угля железными дорогами увеличилось до 213 % в 1925/26 г., а для выдачи служащим до 351 % в том же году. Медленнее идет увеличение потребления для нужд дороги кокса (137 % в 1925/26 г.) и нефти (130 % в том же году), при прекращении выдачи служащим кокса и нефти.

Для выявления действительного потребления железными дорогами тех или иных материалов следует исчислить потребление на измеритель, относя материальные расходы, независящие и малозависящие от движения на километр, а зависящие от движения на тысячу паровозо-километров, на миллион вагоно-осе-километров или миллион приведенных тонно-километров. Эти измерители по годам следующие:

Измерители	1913 [1] (в пределах СССР)	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26
1. Эксплоатационная длина железных дорог в *км* (широкая колея)	62.609	68.106	72.546	73.141	73.465
2. Общий пробег паровозов тысяч паровозо-*км* (широкая колея)	563.664	229.438	258.504	300.868	403.638
3. Работа вагонов: млн. вагоно-осе-*км* (широкая колея)	25.286	9.166	11.509	14.896	20.325
4 Млн. приведен. тонно-*км* (широкая и узкая).	77.334	38.139	49.736	67.842	93.967
5. Общее число работников	755.081	852.356	880.641	889.138	1.071.486

Для первых десяти групп (табл. 2), материалы которых не зависят или мало зависят от движения, мы берем в качестве измерителя эксплo-

[1] Со включением Уссурийской ж. д.

Таблица 2

Потребление топлива и снабжение материалами железных дорог СССР в 1922/23, 1923/24 и 1924/25 гг. (в натуральном выражении) [1]

Материалы	Единица измерения	В абсолютных цифрах				В относительных числах		
		1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	Графа 4 к графе 3	Графа 5 к графе 3	Графа 6 к графе 3
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Шпалы (смена)	1000 шт.	15.403	17.486	16.459	15.819 [2]	113,5	106,9	102,7
2. Рельсы	тонны	45.507	59.075	108.991	189.717	129,8	239,5	416,9
3. Накладки	„	4.354	4.513	9.887	сведен. нет	103,6	227,0	—
4. Подкладки	„	6.273	8.878	21.012	„ „	141,5	331,9	—
5. Болты	„	2.476	4.272	5.478	„ „	172,5	221,2	—
6. Костыли	„	3.810	8.149	11.835	„ „	213,9	310,5	—
7. Стрелки	шт.	960	1.037	1.929	„ „	108,0	200,9	—
8. Крестовины	„	1.447	2.503	1.538	„ „	173,0	106,3	—
9. Проволока телеграфн.	тонны	5.363	2.457	1.627	„ „	45,8	30,3	—
10. Телеграфн. и телеф. имущ.	„	нет свед.	37.510	нет. свед.	„ „	—	—	—
11. Бандажи	„	11.089	11.028	10.866	„ „	99,5	98,0	—
12. Трубы дымогарн. и железн.	„	5.153	6.249	4.636	5.014	12,3	90,0	97,3
13. Колесный материал	„	1.079	433	5.037	10.598	41,1	466,6	982,2
14. Запасн. части к торм. Вестинг.	шт.	21.281	тонн 195	тонн 153	тонн 205	—	—	—
15. Сталь быстрорежущ.	тонны	41	43	82	93	104,8	200,0	226,8
16. Олово	„	491	391	205	сведен. нет	79,6	41,7	—
17. Свинец	„	1.310	1.492	1.459	„ „	113,9	111,4	—
18. Чугун литейный	„	9.009	11.129	16.364	„ „	123,5	181,6	—
19. Железо кровельное	„	11.466	8.048	19.037	„ „	70,2	166,0	—
20. „ сортовое	„	11.057	10.116	17.894	„ „	91,5	161,8	—
21. Гвозди	„	4.013	2.294	2.597	„ „	57,2	64,7	—
22. Сталь рессорная	„	1.229	437	818	„ „	35,6	66,5	—
23. Баббит	„	2.506	1.001	1.601	„ „	40,0	63,9	—
24. Черная смазка	„	35.463	44.375	51.276	„ „	125,1	144,6	—
25. Масло цилиндр. 26. „ машин.	„	3.585	4.268	5.081	„ „	119,0	141,7	—
27. Керосин	„	35.432	32.428	25.147	„ „	91,5	71,0	—
28. Дрова на нужды дороги	*дес. куб. м*	1.305	801	513	556	61,4	39,3	42,6
Выдано служащим	„ „ „	279	359	424	510	128,6	151,9	182,8
Всего дров	*дес. куб. м*	1.584	1.160	937	1.066	73,2	59,2	67,3
29. Камен. уголь для нужд дороги	тыс. тонн	3.381	4.709	4.810	7.207	139,3	142,3	213,2
Выдано служащим	„ „	169	388	398	591	230,4	236,3	350,5
Итого кам. уголь	тыс. тонн	3.550	5.097	5.208	7.798	143,6	146,7	219,7
30. Кокс на нужды дороги	тыс. тонн	13	12	14	17	91,1	113,5	136,6
Выдано служащим	„ „	—	—	—	—	—	—	—
Итого кокса	тыс. тонн	13	12	14	17	91,2	113,5	136,6
31. Кузнеч. уголь для нужд дороги	тыс. тонн	10	13	14	10	136,6	141,8	106,2
Выдано служащим	„ „	—	—	—	—	—	—	—
Итого кузнечн. угля	тыс. тонн	10	13	14	10	136,6	141,8	106,2
Всего камен. угля (29—31)	тыс. тонн	3.578	5.122	5.236	7.226	143,4	146,6	219,1
32. Нефть и мазут для нужд дор.	тыс. тонн	1.339	1.231	1.612	1.740	91,9	120.4	130,0
Выдано служащим	„ „	30	3	0,2	0,08	9,9	0,8	0,3
Итого	тыс. тонн	1.369	1.294	1.612	1.740	90,1	117,8	127,1
33. Древесный уголь	тыс. тонн	7	5	6	8	75,6	90,1	107,8
34. Торф для нужд дороги	„ „	31	19	3	0,1	61,9	9,4	0,3
Выдано служащим	„ „	1	—	—	—	0,9	—	—
Итого торфа	тыс. тонн	32	19	3	0,1	59,2	9,0	0,3

[1] Все сведения взяты из ежегодных статистических отчетов НКПС за соответственные годы, кроме потребления керосина в 1924/25 г.— 25.147 тонн (взято из „Сводного годового отчета за 1924/25 г.“, табл. XX).

Сведения же за 1924/25 г. о смазочных материалах — черная смазка и масла — вычислены по измерителям на тыс. паровозо-верст.

[2] 1925/26 г. взят из корректурного оттиска изд. ЦСК „Жел.-дор. транспорт в 1924/25 опер. году“, по табл. IV „Ремонт верхнего строения пути“. Вместе с новыми работами и ликвидацией запущенности — 19.685 тыс. шпал.

Таблица 3

Потребление железными дорогами СССР материалов и топлива в 1922/23, 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг.
(В натуральном выражении)

атериалы	Единица измерения	Измеритель	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
1	2	3	4	5	6	7
1. Шпалы (смена) .	шт.	На 1 *км*	226,2	241,0	225 0	215 3
2. Рельсы	*кг*	„	668,2	814,3	1.490,1	2.582,21
3. Накладки	„	„	63.0	62 2	135 2	
4. Подкладки	„	„	92 1	122,4	287,3	
5. Болты	„	„	36 4	58,9	74,9	
6. Костыли	„	„	55,9	11 .3	161,8	
7. Стрелки	шт.	„	0 014	0,014	0,026	
8. Крестовины . . .	„	„	0,021	0,035	0,021	
9. Провол. телеграф.	*кг*	„	78,7	34 3	22,2	
10. Телеграф. и телеф. имущ.	„	„	—	512,8	—	
11. Бандажи . . .	„	Млн. ваг-осе-*км*	1.513,4	958,2	729.5	
12. Трубы дымогарн. и жел.	„	„	703,3	543,0	311 2	246,7
13. Колесн. материал.	„	„	147 3	—	338,1	521,4
14. Запасные части к тором. Вестингауза.	„	„	шт. 2,9	*кг* 16,9	*кг* 10,3	10,1
15. Сталь быстр. реж.	„	„	5,6	3,7	5,5	4,6
16. Олово	„	„	67,0	34,0	13,8	
17. Свинец	„	„	178,8	129,6	97,9	
18. Чугун литейный	„	„	1.229,6	967,0	1.098,5	
19. Железо кровельн.	„	„	1.564,9	699,3	1 278.0	
20. „ сортовое.	„	„	1.509,1	879,0	1.201,3	
21. Гвозди	„	„	547,7	199,3	174,3	
22. Сталь рессорная	„	„	167,7	38 0	54,9	
23. Баббит	„	„	337,4	87,0	107 5	
24. Черная смазка . .	„	„	4.840,0	3.855,7	3.442,3	
25. Масло цилиндр. } 26 „ машин. . }	„	„	489,3	370,8	341,1	
27. Керосин	„	„	520,2	447,0	343,8	—
28. Дрова на нужды дороги	дес. *куб. м*	Млн. ваг.-осе-*км*	178,1	69,6	34,4	27,3
Дрова, выд. служ. .	*куб. м*	На 1 раб.	—	4.1	4,8	4,8
Всего дров .	—	—	178,1	73,7	39,2	32,1
29. Камен. уголь для нужд дороги . . .	тонны	Млн. ваг.-осе *км*	461,4	409,2	322,9	354,6
Кам. уголь, выдан. служащим	*кг*	На 1 раб.	—	441,2	448,0	551,2
Итого кам. угля	—	—	461,4	850,4	770,9	905,8
30. Кокс на нужды дороги	тонны	Млн. ваг.-осе-*км*	1,742	1,010	0,972	0,858
Кокс, выдан. служ.	*кг*	На 1 раб.	—	—	—	—
Итого кокса . . .	—	—	1,742	1,010	0,972	0,858
31. Нефть и мазут для нужд дороги . . .	тонны	Млн. ваг.-осе-*км*	182,8	107.0	108.2	85.6
Нефть, выд. служ.	*кг*	На 1 раб.	—	3,4	—	—
Итого . . .	—	—	182,8	110,4	103,2	85,6

атационную длину железных дорог (широкая колея). Если бы взять фактическую длину, т.-е. с переводом двухпутных участков на однопутные, то мы получили бы большую длину и меньший расход материалов на километр (ниже процентов на 20). Но для сравнения — это безразлично. Для остальных групп табл. 2 мы берем измерителем миллион вагоно-осе-километров, а выдачу топлива берем на 1 работника.

Тогда получается следующая таблица потребления железными дорогами различных материалов на измеритель (см. табл. 3 на стр. 344).

Эта таблица еще более выявляет „диспропорцию" в снабжении железных дорог различными предметами. Наблюдается уменьшение на километр числа шпал вследствие большого процента пропитанных шпал при общей еще большей недосмене шпал. Определенно улучшается снабжение рельсами, накладками, подкладками, болтами, костылями, стрелками, при чем недостаток смены верхнего строения пути прежних лет по сравнению с 1922/23 и 1923/24 гг. показывает, что степень запущенности здесь довольно велика.

В недостатке оказываются и на километр крестовины.

Увеличивается недоснабжение телеграфной проволокой, бандажами, дымогарными трубами, запасными частями, быстрорежущей сталью, оловом, свинцом, гвоздями, рессорной сталью, баббитом.

По сравнению с планом восстановления ж. д все эти материалы поставляются со значительным недостатком, при чем поставка крестовин в 1924/25 г. составляла всего 52 % назначения, поставка стали рессорной — 64 % назначения и баббита — 76 % назначения.

Что касается черной смазки, масла цилиндрового и машинного, а также керосина, то данные о них за 1924/25г. представляют, как о том гласит примечание на XLIII странице „Материалов по статистике путей сообщения" („Железнодорожный транспорт в 1924/25 опер. году") не фактический расход, а лишь отпуск хозяйственно-материальными органами дорог отделам — потребителям. Поэтому эти данные являются, повидимому, преуменьшенными, и делать заключение о том, что здесь имеет место экономия расходов на смазку и освещение в той же мере, в какой наблюдается уменьшение расходов по смазке и освещению на измеритель, было бы неправильным: здесь, повидимому, недопоказано общее потребление смазочных и осветительных материалов.

По различным видам топлива, материальные отчеты которого полнее других разработаны, можно сделать наиболее полные сравнения за последние годы и за 1913 г.

Общий расход главнейших видов топлива (без выдачи служащим) выражается в следующей таблице:

Годы	Дрова в дес. тыс. куб. метров	Камен. уголь (тыс. тонн)	Нефтетопливо (тыс. тонн)	Всего в тыс. куб. метров	Всего на 100 паровозо-км в куб. метрах
1913 (вся сеть)	912	9.239	1.794	77.900	12,8
1922 23	1.305	3.381	1 339	39.680	17,3
1923/24	801	4.709	1.231	39.360	15,2
1924/25	513	4.810	1.612	40.560	13,4
1925/26	556	7.207	1.740	52.490	13,0

Таким образом, наблюдается постепенное снижение расхода топлива на измеритель, чему способствовал ряд мер, а именно улучшение качества угля, применение различных марок угля в наиболее выгодных комбинациях, оборудование паровозов пароперегревателями и подогревателями и пр.

В силу этих причин расход главнейших видов топлива на паровозы также все уменьшается на измеритель, приближаясь к норме 1913 г., несмотря на увеличение числа тяжелых и сильных паровозов.

Следующая таблица показывает это:

Годы	Общий пробег паровозов в млн. пар.-*км*	Общий расход всех видов топлива в дровяном эквив. в тыс. *куб. м*	То же на 100 паровозо-*км*
1913 (в предел. б. империи) .	611	6.360	10,4
1922/23	229	3.080	13,4
1923/24	259	3 000	11,9
1924/25	303	3.310	11,0
1925/26	404	4.360	10,8

Наиболее характерным моментом в развитии потребления топлива железными дорогами является минерализация топлива, выражающаяся в увеличении доли каменного угля и в падении доли дров. Доли отдельных видов топлива в общем расходе топлива (без выдачи служащим) показаны в нижеследующей таблице:

Годы	Дрова	Каменный уголь	Нефтетопливо
1913 (в пред. б. империи).	11,2	66,5	22,0
1922/23	32,8	27,2	32,0
1923/24	20,2	36,2	30,4
1924/25	12,6	51,3	35,7
1925/26	10,5	59,3	29,8

Таким образом, доля дров в 1925/26 г. понизилась даже по сравнению с 1913 г., тогда как доля каменного угля, постепенно увеличиваясь из года в год, приближается к доле 1913 г. Доля нефти остается выше, чем в 1913 г., имея тенденцию к падению.

Что касается потребления топлива рабочими и служащими, то дров на одного работника приходится в два последних отчетных года одинаково по 4,8 *куб. м*, доля каменного угля на человека в год поднимается с 0,4 тонны до 0,5 тонны, а нефть вовсе перестают выдавать служащим.

При изучении железных дорог, как рынка для промышленности, крайне существенно было бы вывести средние цены на потребляемые железными дорогами материалы в настоящее время и в 1913 г. Вопрос этот, однако, сугубо трудный и разрешимый весьма условно.

Для 1913 г. имеются ведомости средних единичных цен железнодорожного имущества, изданные по всем службам Центральной межведомственной комиссии по инвентаризации основного имущества транспорта (изд. НКПС, 1927 г.), содержащие тысячи названий. Подобных „ценников“ для послевоенных лет нет, и по такой развернутой номенклатуре можно было бы сделать сравнение только такому большому коллективу, как НКПС, в работе по инвентаризации основного капитала железных дорог.

Поэтому нужно итти другим, гораздо более приближенным методом. Сводный отчет „Железнодорожный транспорт за 1913 год“ (изд. Бюро правлений НКПС) имеет таблицу заготовительных цен по 51 наименованию по всей сети, но число дорог, заготовляющих тот или иной предмет, колеблется в пределах от 1 до 31 дороги, что дает некоторым отдельным ценам характер районных случайностей. В сводном годовом отчете НКПС за 1924/25 год имеются заготовительные цены почти по всем тем же предметам, но по другим об'емам дорог, при чем цены относятся к числу дорог от 6 до 27. Все это делает условно сравнимыми индексы цен.

Если соединить однородные материалы в те группы, которые соответствуют группам вышеприведенных таблиц 1 и 2, то получим некоторые средние индексы цен по каждой группе. Отнеся эти частные индексы на удельные веса 1913 г., получим средний взвешенный железнодорожный индекс цен для 1924/25 г. (эксплотационно-расходный, так как новые дороги здесь не учтены).

Сводный отчет за 1925/26 г., к сожалению, не содержит данных о ценах. Поэтому для этого года, равно как и для 1926/27 г. (сметные данные), мы берем готовые индексы, выведенные тем же путем по отчетам отдельных дорог А. В. Маструковым в статье „Транспортный расходный железнодорожный индекс“.[1] Для последней группы мы применяем, однако, не „общетоварный“, а общепромышленный индекс Госплана, что ближе подходит к составу группы (канцелярские принадлежности, обмундирование, инвентарь).

Тогда получаем следующие взвешенные индексы по годам:

Таблица 4

Предметы	Удельн. вес 1913 г.	Средний индекс жел.-дор. материалов			
		1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
1	2	3	4	5	6
1. Топливо	38,5	1,0	1,30	1,46	1,57
2. Смазочные матер.	1,0	1,0	1,35	1,29	1,31
3. Осветительные матер. . . .	2,4	1,0	1,30	1,24	1,20
4. Рельсы и скрепл., стрелки и крестовины	14,0	1,0	1,59	1,62	1,71
5. Шпалы и переводн. бревн. . .	9,1	1,0	1,26	1,86	2,08
6. Запасн. части подвижного состава	7,0	1,0	1,50	1,42	1,46
7. Металлы и металич. изделия .	9,6	1,0	1,55	1,48	1,56
8. Лесной материал	5,3	1,0	1,50	2,24	2,50
9. Материал для камен. работ . .	3,3	1,0	1,90	2,19	2,42
10. Мануф., москат., химич., кожан. резин. и стекл.	4,5	1,0	1,65	1,44	1,64
11. Канцел. принадл., обмундир. и инвентарь	5,3	1,0	1,92	2,01	1,97
Средний ж.-д. индекс . .	100,0	1,0	1.454	1.605	1.718

Общетоварный индекс Госплана был соответственно в 1924/25 г.— 1,79, в 1925/26 г. — 1,86 и в 1926 27 г. — 1,76, т.-е. индексы железных дорог ниже общетоварного и еще ниже общепромышленного. Нужно, однако, не упускать из виду, что мы говорим исключительно об индексе материалов и рабочую силу не учитывали.

[1] „Железнодорожное дело“, № 3 за 1927 г.

Приложение

Расход материалов железными дорогами в 1913 г. (в тыс. руб.)[1]

Наименование материалов	По СССР	Отошло	Итого на б. империи
1	2	3	4
I. Топливо	139.833	7.402	141.235
Дрова	19.519	119	19.638
Уголь камен. паровозный	65.313	7.117	72.430
„ „ кузнечн.	2.911	46	2.957
Кокс	479	56	535
Нефть и нефт. остатки	43 808	39	43.847
Прочие материалы	1.803	25	1.828
II. Смазочные материалы	3.322	352	3.674
Масло минеральное	2.398	325	2.723
„ растительное	18	—	18
Сало говяжье	525	21	546
„ минеральное	12	5	17
Прочие материалы	369	1	370
III. Осветительн. материалы	8.537	754	9.291
Свечи разные	2.390	110	2.500
Керосин	5.178	434	5.612
Прочие осветит. материалы	146	94	240
Стекла ламп. и фитили	216	26	242
Прочие материалы	607	90	697
IV. Рельсы и скрепл. к ним, стрелки и крестовины	48 658	3.734	52.392
Рельсы стальные	27.433	2.263	29.696
„ железные	28	4	32
Скрепления к стальн. рельсам	15.649	1.127	16.776
„ „ железн. „	28	—	28
Стрелки и их части	3.794	212	4 006
Крестовины	1.726	128	1.854
V. Шпалы и переводные брусья	31 618	1.423	33.041
Шпалы	28.750	1.238	29.988
Переводные брусья	2.868	185	3.058
VI. Запасн. части подвижн. состава	24.339	1.189	25.528
Бандажи паровозн. и тендерн.	1.740	79	1.819
„ вагонные	975	74	1.049
Оси и колеса паровозн. и тендерн.	529	6	535
„ „ „ вагонные	2.333	101	2.434
Прочие принадл. паровозные	8.496	206	8.702
„ „ вагонн., дрезин. и вагон.	9.178	410	9.588
Запасн. части пост. машин.	1.021	313	1.334
„ „ подв. сост. на чуж. дор.	62	—	62
„ „ к пасс. ваг. воен.-сан. поезд	5	—	5
VII. Металлы и металлич. изделия	33.291	1.782	35.073
Баббит и проч. сплавы	2.802	139	2.941
Железо	8.966	383	9.349
Медь	1.891	61	1.952
Сталь	1.288	72	1.360
Олово	2.031	167	2.198
Трубы	3.038	103	3.141

[1] Таблица составлена на основании материального отчета сборника „Железнодорожный транспорт в 1913 г.“ Изд. Бюро Правлений ж. д., 1925 г., стр. 172—211.

Наименование материалов	По СССР	Отошло	Итого по б. империи
1	2	3	4
Пломбы свинцовые	350	8	835
Заклепки, болты и гайки	2.038	93	2.131
Отливки разные	2.347	363	2.710
Проволока телеграфн.	649	57	706
Гвозди разные	708	25	733
Винты	326	21	347
Скобяной товар	532	21	553
Проч. металлы и металлич. изделия	6.325	269	6.594
VIII. Лесной материал	18 320	620	18.940
Столбы телеграфн.	322	10	332
Брусья и бревна	5.512	92	5.604
Доски и пластины	9.919	432	10.351
Прочие материалы	2.567	86	2.653
IX. Материалы для каменных работ	11.318	486	11.804
Камень (булыжн., мерн., тес и плит.)	2.882	90	2.972
Кирпич	3.036	91	3.127
Цемент	3.604	172	3.776
Известь	520	15	535
Прочие материалы	1.276	118	1.394
X. Мануфакт., москат., химич., кожан., резинов. и стекл.	15.535	817	16.352
Материи и пряжи разные	1.089	77	1.166
Концы, бумага тряпка и пакля	2 720	124	2.844
Клеенка и войлок	732	27	759
Веревка	579	41	620
Бумага обер-почн. и наждачн., проп., и проч.	248	10	258
Кожа, резина и ремни	963	108	1.071
Стекла и стекл. предметы	911	43	954
Крас. матер., краски, лак и проч.	3.518	202	3.720
Медикаменты	669	62	731
Прочие материалы	4.106	123	4.229
XI. Канцелярские предметы	3.989	490	4.479
Бланки и книги	3.864	478	4.342
Канцелярские принадлежн.	125	12	137
XII. Предметы обмундирования	5.737	475	6.212
XIII. Инвентарн. предметы	9.085	423	9 508
Машины и станки	1.612	7	1.619
Всякого рода механич., химич., врач., геодезическ., телеграфн. приборы	1.096	45	1.141
Дрезины и вагонетки	162	12	174
Весы	246	7	253
Брезенты	553	56	609
Мебель и всякого рода станц. и конторск. утварь	1.459	135	1.594
Пожарн. инвентарь и насосы	182	11	193
Осветит. и сигнальн. прибор	979	58	1.037
Приборы отопл. и вентиляц.	208	—	208
Запасн. инструменты	1.212	64	1.276
Прочие предметы	1.376	28	1.404
Всего . . .	347.582	19.947	367.529